RENÉ GUÉNON

LE

THÉOSOPHISME

HISTOIRE D'UNE PSEUDO-RELIGION

PARIS
NOUVELLE LIBRAIRIE NATIONALE
3, Place du Panthéon, 3

MCMXXI

Рене Генон

Теософизм: история одной псевдорелигии

Перевод с французского

Минский корпус Рене Генона
guenon.ru
2026

Оригинал: René Guénon. Le Théosophisme, Histoire d’une Pseudo-Religion (год издания: 1921).

На обложке — первое издание оригинала.

Редакция перевода от 06.10.2026.

Текст на сайте с параллельным французским оригиналом:
https://guenon.ru/1921_THUPR.html

Электронное издание. Минский корпус Рене Генона
Файл сформирован 13.10.2026.

Содержание

Предисловие. Теософия и теософизм. 9
Глава I. Молодые годы госпожи Блаватской 15
Глава II. Происхождение теософского общества 21
Глава III. Теософское общество и розенкрейцерство . 39
Глава IV. Вопрос о махатмах. 51
Глава V. Дело «Общества психических исследований» 71
Глава VI. Госпожа Блаватская и Соловьев. 83
Глава VII. Сила внушения госпожи Блаватской 91
Глава VIII. Последние годы жизни г-жи Блаватской . . 97
Глава IX. Источники работ госпожи Блаватской 107
Глава X. Эзотерический буддизм. 117
Глава XI. Основные черты теософистского учения . . 125
Глава XII. Теософизм и спиритизм 143
Глава XIII. Теософизм и религии. 159
Глава XIV. Обет в теософизме 169
Глава XV. Молодые годы госпожи Безант 177
Глава XVI. Начало президентства госпожи Безант. . . 183
Глава XVII. В парламенте религий 193
Глава XVIII. Эзотерическое христианство 201
Глава XIX. Герцогиня де Помар 209
Глава XX. Будущий Мессия 219
Глава XXI. Злоключения Алкиона 233
Глава XXII. Антропософия Рудольфа Штейнера 249

Глава XXIII. Орден звезды Востока и его вспомогательные организации 267

Глава XXIV. Старокатолическая церковь. 277

Глава XXV. Теософизм и франкмасонство 295

Глава XXVI. Вспомогательные организации Теософского общества 307

Глава XXVII. Теософистское морализаторство 325

Глава XXVIII. Теософизм и протестантизм. 335

Глава XXIX. Политическая роль Теософского общества 343

Глава XXX. Заключение 365

Отзывы на книги, опубликованные в 1929-1948 гг. в журнале «Вуаль Исиды» («Исследования Традиции» с 1937 г.) 375

Жан Маркес-Ривьер, «В тени тибетских монастырей». . 377

С. У. Занн, «Принципы и элементы священного языка согласно астрокаббале Аль-Шами». 379

Луиза Компен, «Разделённая риза». 381

Жозеф Эрве, «От физики к религии, при чтении книг вчерашних и сегодняшних» 383

Карло Суарес, «Кришнамурти». 385

Шарль Блех, «Вклад в историю Теософского общества во Франции» 387

Эжен Леннхофф, «История тайных политических обществ в XIX и XX веках» 389

Людовик Рео, «Наставник мира, Кришнамурти». 391

Л. де Паини, «Интегральный мистицизм» 393

Анри де Геймюллер, «Сведенборг и психические феномены» 395

Д-р Александр Кэннон, «Невидимое влияние» 397

Рудольф Штейнер, «Евангелие от Иоанна» 399

Алиса А. Бейли, «Три грядущих года» 401

Грейс Гассетт и Жорж Барбарен, «Ключ» 403

Рудольф Штейнер, «Египетские мифы и мистерии» . . . 405

Габриэль Трарьё д'Эгмон, «Прометей, или Тайна человека» 407
Роже Глардон, «Спиритизм перед лицом истории, науки, религии» 409
Эдуар Арно, «Поиск Истины: искусство, наука, оккультизм, религии» 411
Рудольф Штейнер, «Возникновение естественных наук» 413
Пётр Дынов, «Учитель говорит» 415
Поль Брантон, «В поисках сокровенного Египта» 417
Жорж Барбарен, «Тайна Великой пирамиды, или Конец адамического мира» 419
Габриэль Трарьё д'Эгмон, «Тирс и Крест» 423
Рудольф Штейнер, «Евангелие от Луки» 425
Рене Лакруа-а-л'Анри, «Теории и методы радиэстезии» 427
Д-р А. Овар, «Эзотерическая медицина» 429
Д-р А. Овар, «Эзотерическая политика» 431
Поль ле Кур, «Эра Водолея (Пришествие Ганимеда)» . . . 433
Габриэль Трарьё д'Эгмон, «Каким будет 1938 год?» 435
Владимир Познер, «Закусив удила» 437
«Протоколы сионских мудрецов. Итальянская версия с дополнением и введением» 441
Эптон Синклер, «Как я верю в Бога» 445
К. Керней, «Йога Запада» 447
Габриэль Трарьё д'Эгмон, «Жизнь за гробом» 451
Рауль Марше, «Тайна человеческой жизни» 453
Элифас Леви, «Ключ великих таинств» 455
Эммануил Сведенборг, «Новый Иерусалим и его небесное учение, предваряемая заметкой о Сведенборге» 457
Лонгфилд Битти, «Сад золотого цветка» 459
Жорж Барбарен, «Загадка Большого Сфинкса» 461
Жорж Барбарен, «Оккультные судьбы человечества» . . 463
Марсель Амон, «Пророчества о Конце Времен» 465
Аббат Э. Берто, «Исследования символизма в культе Девы Марии» 467

Рецензии на статьи, опубликованные в 1929-1948 гг. в журнале «Вуаль Исиды» («Исследования Традиции» с 1937 г.) 469
Июнь 1929 г. 471
Июль 1929 г. 473
Октябрь 1929 г. 475
Ноябрь 1929 г. 481
Декабрь 1929 г. 487
Январь 1930 г. 489
Январь 1931 г. 491
Февраль 1931 г. 493
Март 1931 г. 495
Май 1932 г. 497
Июнь 1932 г. 501
Июль 1932 г. 503
Ноябрь 1932 г. 505
Январь 1933 г. 509
Июль 1936 г. 519
Июнь 1937 г. 521
Февраль 1938 г. 523
Апрель 1938 г. 527
Январь 1948 г. 529
Сентябрь 1948 г. 531

Предисловие. Теософия и теософизм

Прежде всего, нам следует объяснить, почему в заглавие этого исследования вынесено малоупотребительное слово «теософизм», а не «теософия». Дело в том, что, по нашему мнению, эти два слова обозначают две совершенно разные вещи, и существует необходимость, даже ценою введения неологизма или того, что может показаться таковым, не допустить путаницы, являющуюся естественным следствием сходства терминов. Это необходимо ещё и потому, что, на наш взгляд, определённые люди, напротив, заинтересованы в сохранении путаницы, чтобы уверить других в своей связи с одной традицией, на которую в реальности у них нет никаких прав ссылаться, как, впрочем, и на какую-либо другую.

На самом деле задолго до создания общества, именуемого Теософским, слово «теософия» служило общим обозначением достаточно разнообразных учений, целиком принадлежавших, однако, к одному и тому же типу или, по крайней мере, берущих начало из одного и того же набора направлений; так пусть же они сохраняют то название, которое имеют исторически. Не углубляясь здесь в природу этих учений, мы можем сказать, что в качестве их общей и основополагающей черты они представляют собой более или менее строго эзотерические концепции религиозного или даже мистического толка (хотя их мистицизм, без сомнения, носит несколько особый характер), и принадлежат к единой западной традиции, чьей неизменной основой в той или иной форме является христианство. К числу таковых, например, принадлежат учения Якоба Беме, Гихтеля, Уильяма Ло, Джейн Лид, Луи-Клода де Сен-Мартена, Эккартсгаузена. Мы не претендуем на то, чтобы представить полный список,

а ограничимся упоминанием некоторых самых известных имен.

Между тем организация, именуемая в настоящее время «Теософским обществом», которой исключительно и посвящено наше исследование, не принадлежит ни к какой школе, имеющей связь, хотя бы косвенную, с каким-либо учением этого рода; её основательница, г-жа Блаватская могла быть более или менее знакома с текстами некоторых теософов, а именно Якоба Беме, и почерпнуть оттуда идеи, которые она включила в свои собственные труды вкупе с множеством других элементов разного происхождения, но это все, что можно сказать на сей счет. В общем же более или менее связные теории, которые созданы и распространяются главами Теософского общества, не имеют ни одной из тех черт, о которых мы только что упомянули, за исключением претензий на эзотеризм: они представляются (впрочем, неверно) имеющими восточное происхождение, и, если спустя определённое время за благо посчитали добавить в них псевдохристианство очень специфической природы, тем не менее верно, что первоначально они носили, напротив, откровенно антихристианскую направленность. «Наша цель, — заявляла в ту пору г-жа Блаватская, — заключается не в том, чтобы возродить индуизм, а в том, чтобы смести христианство с поверхности Земли»[1]. Разве с того времени что-либо изменилось, как нас в это хотят заставить поверить при помощи видимости? По крайней мере, в этом можно усомниться, учитывая то, что великая проповедница нового «эзотерического христианства» — г-жа Безант, та самая, которая когда-то писала, что надо «прежде всего воевать с Римом и его священниками, бороться повсюду против христианства и *низвергнуть Бога с Небес*»[2]. Без сомнения, вполне возможно, что доктрина Теософского общества и воззрения его нынешнего президента «эволюционировали», но также

[1] Заявление, сделанное г-ну Альфреду Александеру, и опубликованное в еженедельнике *The Medium and Daybreak* (Лондон). 1893, январь, стр. 23.

[2] Речь на закрытии конгресса свободомыслящих в Брюсселе в сентябре 1880 г.

возможно, что их неохристианство является только маской, так как, когда имеешь дело с определёнными кругами, следует ждать всего, что угодно; мы полагаем, что наше исследование покажет в достаточной степени, насколько было бы неверным полагаться на искренность людей, которые являются руководителями или вдохновителями движений наподобие того, о котором идёт речь.

Как бы то ни было, касательно последнего момента, сейчас мы можем прямо заявить, что между доктриной Теософского общества или, по крайней мере, тем, что занимает место этой доктрины, и теософией в подлинном значении этого слова не существует абсолютно никакого родства, даже чисто воображаемого. Итак, следует отвергнуть как химерические утверждения тех, кто хочет представить это общество как продолжающее традицию таких объединений, как «Общество филадельфов», существовавшее в Лондоне в конце XVII в.[3], к которому, как утверждают, принадлежал Исаак Ньютон, или «Братство друзей Бога», основанное, как считается, в Германии в XIV в. мистиком Иоганном Таулером, в чьем лице некоторые (совершенно непонятно, почему) видят предшественника Лютера[4]. Но, возможно, эти утверждения ещё менее обоснованы (и поэтому здесь даже не о чем говорить), чем те, согласно которым теософисты пытались связать себя с неоплатониками[5], под предлогом того, что г-жа Блаватская действительно заимствовала некоторые фрагменты из учений этих философов — впрочем, без того, чтобы усвоить их по-настоящему.

В сущности, совершенно современные по духу доктрины, которые проповедует Теософское общество, настолько отличны почти во всех отношениях от тех, которые на закон-

---

[3] «Ключ к теософии» (*La Clef de la Théosophie*) Е. П. Блаватской, стр. 25 французского перевода г-жи А. де Нёвиль. Именно на этот перевод мы будем ссылаться при цитировании данного произведения.

[4] *Modern World Movements*, д-р Дж. Д. Бак: *Life and Action*, Чикаго, май–июнь 1913.

[5] «Ключ к теософии», стр. 4-13.

ном основании уместно назвать теософскими, что те и другие можно спутать только из-за недобросовестности или невежества: первое присуще главам общества, второе — большинству их последователей, а также, надо сказать, некоторым их противникам, которые, будучи недостаточно информированы, совершают грубую ошибку, принимая их утверждения всерьёз и веря, например, что те представляют подлинную восточную традицию, в то время как ничего подобного нет и в помине. Теософское общество, как мы увидим, даже своим наименованием обязано чисто случайным обстоятельствам, без которых оно получило бы совершенно другое название; также и его члены не являются никоим образом теософами, но они, если угодно, «теософисты». Впрочем, разница между этими двумя терминами, *theosophers* и *theosophists*, почти всегда присутствует в английском, и также в этом языке в ходу слово «теософизм» для обозначения доктрины этого общества. Мы полагаем насущной необходимостью, чтобы такая разница присутствовала также и во французском, несмотря на то что она отсутствовала до сих пор, и именно поэтому мы были вынуждены прежде всего изложить причины, по которым речь идёт больше, чем просто о словах.

Мы говорили, как если бы по-настоящему существовала теософистская доктрина; но, по правде говоря, если брать термин «доктрина» в самом строгом значении слова, или даже если желать просто дать устойчивое и точное определение, то необходимо признать, что это слово здесь некстати. То, что теософисты выдают за свою собственную доктрину, при сколько-нибудь серьёзном рассмотрении оказывается просто набором противоречий; к тому же между разными теософистскими авторами, а иногда у одного и того же автора есть значительные вариации, даже насчёт положений, считающихся наиболее важными. В этом отношении можно выделить два основных периода, соответствующих времени правления г-жи Блаватской и времени руководства г-жи Безант. Правда, нынешние теософисты зачастую пыта-

ются сгладить противоречия, интерпретируя на свой манер учение основательницы их общества и утверждая, что вначале имело место его неверное понимание, но разноголосица тем не менее является реальностью. Совершенно понятно, что изучение столь подверженных изменению теорий почти невозможно отделить от истории самого Теософского общества, именно поэтому мы не стали разделять этот труд на две части, одну посвящённую истории, а другую — доктрине, как это было бы естественно сделать при любых других обстоятельствах.

Глава I. Молодые годы госпожи Блаватской

Елена Петровна Ган родилась в 1831[A] г. в Екатеринославе; она была дочерью полковника Петра Гана и внучкой генерал-лейтенанта Алексея Гана фон Роттенштерн-Гана, происходившего из мекленбургского рода, обосновавшегося в России. Её мать, Елена Фадеева, была дочерью тайного советника Андрея Фадеева и княгини Елены Долгорукой. Будущая г-жа Блаватская никогда не забывала о своем знатном происхождении, странный контраст с которым производили её неуклюжие и даже грубоватые манеры. С самого детства она отличалась невыносимым поведением, впадая в буйный гнев при малейшем раздражении, что, несмотря на весь её ум, не позволило ей получить последовательное и серьёзное образование; в пятнадцать лет, по выражению её друга Олкотта, она «ругалась, как сапожник» и сохранила эту привычку на протяжении всей своей жизни. В шестнадцать лет её выдали замуж за сорокалетнего генерала Никифора Блаватского; она отправилась со своим мужем в провинцию Эривань, вице-губернатором которой он был, но при первой возможности оставила своего супруга. Утверждали, что генерал умер вскоре после её отъезда, но, по нашему мнению, это не так, и он прожил ещё по крайней мере пятнадцать лет, так как г-жа Блаватская заявляла, что снова виделась с ним в Тифлисе в 1863 г. и провела с ним несколько дней[6]; впрочем, это не имеет большого значения.

Итак, именно в 1848 г. началась необычайная и полная приключений жизнь г-жи Блаватской: путешествуя по Ма-

---

[A] Елена Петровна Ган родилась 12 августа 1831 года, нам не удалось разыскать точную дату при написании первого издания. [Примечание ко 2-му изданию.]

[6] Письмо В. С. Соловьеву (февраль 1886 г.).

лой Азии со своей подругой графиней Киселевой, она встретила копта (другие утверждают, что он был халдеем) по имени Паулос Метамон, выдававшего себя за мага и бывшего, вероятно, в большей или меньшей степени фокусником[7]. Г-жа Блаватская продолжила своё путешествие в компании этого персонажа, вместе с которым она посетила Грецию и Египет; затем, когда её средства почти были исчерпаны, она возвратилась в Европу, и в 1851 г. мы находим её в Лондоне, зарабатывающей на жизнь уроками фортепиано. Её друзья утверждали, что она приехала в этот город вместе со своим отцом, чтобы заниматься музыкой; это явная выдумка, так как в то время она была в ссоре со всей своей семьей и именно поэтому не осмелилась возвращаться в Россию. В Лондоне г-жа Блаватская одновременно входила в круги спиритов[8] и революционеров, она была знакома с Мадзини и приблизительно в 1856 г. вступила в организацию карбонариев «Молодая Европа».

К тому же периоду относится фантастическая история, которую будет не лишним вспомнить: в Лондон в 1851 г., по одним данным, и в 1854 г. по другим, прибыло посольство Непала; г-жа Блаватская позднее утверждала, что среди членов этого посольства она встретила таинственного человека, который с самого её детства часто был рядом с ней и всегда приходил ей на помощь в трудных обстоятельствах; её покровитель, который был никем иным, как «махатмой» Морией, якобы тогда сообщил ей о предназначенной ей миссии. Следствием этой встречи якобы стало путешествие в Индию и на Тибет, где г-жа Блаватская будто бы провела три года, на протяжении которых «учителя» якобы настав-

[7] Если полагаться на некоторые полученные нами сведения, которые у нас не было возможности прямо проверить, этот Метамон якобы являлся отцом другого персонажа, который некоторое время стоял во главе «внешнего круга» Герметического братства Луксора (ГБЛ) (тайного общества, о котором у нас ещё пойдет речь) и который впоследствии основал новую организацию, весьма отличающуюся от первой.

[8] Именно там она познакомилась с Дангласом Хоумом, медиумом Наполеона III, о котором позже пойдет речь.

ляли её в оккультной науке и помогали развивать её психические способности. По крайней мере, такова версия, графини Вахтмайстер[9], по словам которой после этой поездки г-жа Блаватская направилась в Египет; речь может идти только о втором путешествии, предпринятом ею в эту последнюю страну, о чём мы поговорим немного позже. В то же время Синнетт утверждал, что «занятия оккультизмом на протяжении тридцати пяти-сорока лет увенчались для г-жи Блаватской семилетним периодом отшельничества в Гималаях»[10], и что это этот период закончился прямо перед её поездкой в Америку; между тем, даже если было так, то, поскольку г-же Блаватской было тогда сорок два года, она должна была бы начать свои «мистические исследования» с самого рождения, если не раньше! Правда в том, что путешествие на Тибет — просто выдумка г-жи Блаватской, и поэтому её рассказы о ней различным людям не совпадают друг с другом; она, однако, написала об этой поездке сообщение, рукопись которого находится у г-жи Безант, но когда было доказано, что путешествие не могло происходить в указанные сроки, г-жа Безант стала утверждать, что это сообщение в действительности не принадлежит г-же Блаватской, так как оно было написано под диктовку «махатмы» и что даже почерк там не её. Впрочем, то же говорили и о других фрагментах её текстов, и это достаточно удобная манера оправдывать все новые противоречия. Как бы там ни было, следует считать достоверно установленным, что г-жа Блаватская не посещала Индию до 1878 г., и что до этого

[9] «Голубой лотос», 27 июня 1894; см.: *Reminiscences of H. P. Blavatsky*, гл. VIII.

[10] «Оккультный мир» (*Le Monde Occulte*), стр. 45.

времени и речи не возникало о «махатмах»; достаточные доказательства этого будут представлены далее[В].

Приблизительно в 1858 г. г-жа Блаватская решила вернуться в Россию. Она помирилась со своим отцом и прожила вместе с ним до 1863 г., после чего возвратилась на Кавказ и встретилась со своим мужем. Немного позже она прибыла в Италию, куда её, должно быть, позвали карбонарии, и в 1866 г. сопровождала Гарибальди в его походах. Она сражалась в Витербе, а затем в Ментане, где была тяжело ранена и оставлена умирать на поле боя; однако она поправилась и окончательно выздоровела в Париже. Там она находилась некоторое время под влиянием некоего Виктора Мишаля, гипнотизёра и спирита[11], чьё имя иногда искажается в рассказах, относящихся к этой части её жизни: одни называют его Марциалом, другие Маршалем[12], путая его с аббатом Маршалем, который также занимался гипнотизмом и психическими исследованиями. Этот самый Мишаль, по профессии журналист, был масоном, как и его друг Ривайль, именуемый Аланом Кардеком, бывший учитель начальной школы, ставший директором театра «Фоли-Мариньи» и родоначальником спиритизма во Франции. Именно Мишаль помог развить г-же Блаватской её медиумические способно-

---

[В] Сказанное нами пытались опровергнуть, опираясь на утверждение Олкотта, будто г-жа Блаватская тщетно пыталась проникнуть в Тибет через Бутан или Непал в 1854 году; даже если бы это было так, что довольно сомнительно ввиду указанной даты (поскольку г-жа Блаватская должна была тогда находиться в Лондоне, а не в Азии), то и тогда речь шла бы всего лишь о неудавшейся попытке. Точно так же мы не можем считать намёком на «махатм» отрывок опубликованного в *Spiritual Scientist* за июль 1875 года письма, где г-жа Блаватская сообщала, не давая никаких уточнений, о существовании «согласно её личным сведениям», оккультных школ в Индии, в Малой Азии и других странах, и где замечала: «Истинная Каббала (стало быть, речь шла не об индийских и не о тибетских учениях) находится в руках нескольких восточных философов, но кто они и где живут, открыть мне не дано… Могу сказать только, что эта корпорация действительно существует и что местопребывание братств станет известным миру лишь с пробуждением человечества». [Примечание ко 2-му изданию.]

[11] Родился в Гренобле в 1824 г., умер в Париже в 1889 г.

[12] *Light*, (Лондон), 28 августа 1897, 27 мая 1899.

сти и впоследствии при упоминании о ней всегда выказывал нечто вроде страха перед «двуликим Янусом», которым она являлась с этого времени, и он достаточно хорошо отдавал себе отчет касательно особых условий, в которых она позднее составляла свои труды. Г-жа Блаватская сама в ту пору была спиритом, по крайней мере, говорила об этом, и она, как это доподлинно известно, выдавала себя за приверженца школы Алана Кардека, от которого сохранила или заимствовала некоторые идеи, в частности о том, что касается «реинкарнации». Если же мы, как может показаться, ставим под сомнение искренность веры г-жи Блаватской в спиритизм, несмотря на многочисленные утверждения, сделанные ею в период, предшествовавший основанию ею общества[13], то причина — в её более позднем заявлении, что она никогда не была «спиритуалистом»[14](как известно, в англосаксонских странах это слово часто используется в качестве синонима для слова «спирит»). Итак, позволительно задаться вопросом, в какое время она лгала.

Во всяком случае точно известно, что с 1870 по 1872 гг. г-жа Блаватская была профессиональным медиумом в Каире, где она вновь встретила Метамона и где вместе с ним и содержателями гостиницы, супругами Куломбами из Франции, о которых мы ещё поговорим, она основала свой первый «клуб чудес». Вот в каких словах один печатный орган сообщал в ту пору о создании этого клуба:

> В Каире (Египет) основано общество спиритуалистов под руководством г-жи Блаватской из России, которой помогают несколько медиумов. Сеансы проводятся два раза в неделю, по вторникам и пятницам, вечером, и допускаются на них только члены клуба. Совместно с обществом предполагается открыть лекционный зал и библиотеку книг по спиритизму и прочей тематике, а также газету под назва-

---

[13] А именно в своих письмах к А. Н. Аксакову (1874-1875), которые были опубликованы Соловьевым.

[14] *Light*, 19 февраля 1881, 11 октября и 11 ноября 1884.

нием «Каирский вестник спиритуалистов», которая будет выходить по 1 и 15 числам каждого месяца»[15].

Однако это предприятие потерпело крах, поскольку через непродолжительное время г-жу Блаватскую уличили в обмане, подобно тому, как чуть позже это произошло с ней несколько раз в Америке, где она промышляла тем же самым ремеслом[16]. Подобное вовсе не редкость среди профессиональных медиумов; мы вовсе не хотим этим сказать, что лежащие в основе спиритизма феномены являются выдумкой; сами по себе они, впрочем, весьма далеки от той нелепой интерпретации, которую им дают спириты, но в любом случае их часто имитируют мистификаторы, и всякий, кто превращает производство этих феноменов в своё ремесло, оказывается в высшей степени под подозрением, потому что, даже если бы он и обладал какими-то качествами настоящего медиума, его стремление к выгоде подталкивает его к мошенничеству, когда по той или другой причине он оказывается неспособным представить подлинные феномены. Подобное, несомненно, происходило с большинством известных и пользующихся доброй славой медиумов, как например, со знаменитой Эвзапией Паладино, это же, вероятно, случилось и с г-жой Блаватской. Будучи разоблачена, она немедля оставила Каир и вернулась в Париж, где попыталась жить вместе со своим братом, но, оказавшись не в состоянии поладить с ним, вскоре уехала в Америку, где двумя годами позже основала своё Теософское общество.

---

[15] *Spiritual Magazine*, апрель 1872.

[16] *Mind and Matter* (Филадельфия). 21 ноября 1880. Эта газета на основании доказательств разоблачила «трюки» г-жи Блаватской. Доклад, прочитанный на конгрессе в Чикаго в 1893 г. м-ром Уильямом, который также составил подробный список «заимствований», сделанных г-жой Блаватской для своей книги «Разоблаченная Исида».

Глава II. Происхождение теософского общества

В 1873 г., когда г-жа Блаватская уехала в Америку (она прибыла в Нью-Йорк 7 июля), она считала, что «находится под контролем» (или, как сказали бы французские спириты, «ведома») неким «духом» по имени Джон Кинг. Это любопытно отметить, поскольку это же имя оказывается неизменно связанным с явлениями целого перечня лжемедиумов, которые были разоблачены примерно тогда же[17A], словно все они действовали под одним и тем же влиянием. В этом отношении весьма значимо то, что г-жа Блаватская в 1875 г. написала следующее:

> Я была *послана* из Парижа в Америку с целью проверить феномены и их реальность и показать разочарование в теории спиритуалистов[18].

Послана кем? Позднее она скажет, что «махатмами», но тогда о них ещё не было речи, и к тому же именно в Париже она получила свою миссию, а не в Индии или на Тибете.

При этом, по прибытии в Америку г-жа Блаватская стала у всех, с кем завязывала отношения, наводить справки о не-

---

[17] Братья Дэвенпорты (1865), супруги Холмс (Филадельфия, начало 1875), Фирман (Париж, июнь 1875), Ф. Херн (Лондон), Ч. Э. Уильямс (Гаага, 1878), и др. Вспомним также Кэти Кинг, мисс Флоренс Кук, которая была знаменитым медиумом Уильяма Крукса (1873-1875); является ли сходство имён Джона и Кэти Кинг чистой случайностью?

[A] Напомним на этот счёт что в 1883 г. Крукс не только вступил в Теософское общество, но и был членом *London Lodge*. [Примечание ко 2-му изданию.]

[18] Письмо Стейнтону Мозесу в: *Light*, 9 июля 1892, стр. 331. Кроме того, в своем письме Соловьеву в феврале 1886 г. г-жа Блаватская повторяет: «Я послана в Америку, чтобы найти применение своим психическим способностям», впрочем, мы уже видели, как она «нашла им применение» в Каире.

коем Олкотте[19], пока не встретила этого Олкотта 14 октября 1874 г. на ферме в Читтендене (Вермонт) у супругов Эдди, где в ту пору производились «материализации духов» и другие феномены подобного рода. Генри Стил Олкотт родился в Оранже (Нью-Джерси) в 1832 г.[В]; сын зажиточного фермера, вначале он работал агрономом, а затем, во время Гражданской войны, служил в военной полиции и именно там дослужился до полковника: этот чин достаточно легко получить в Соединенных Штатах. После окончания войны он посвятил себя журналистике. Проводя досуг в масонских ложах и спиритических обществах, Олкотт сотрудничал с несколькими газетами, а именно с *New-York Sun* и *New-York Graphic*. Он писал туда различные статьи о феноменах Читтендена, и, вероятно, именно благодаря чтению этих статей г-жа Блаватская узнала, где она сможет, наконец, найти своего будущего соратника.

Но кто подсказал г-же Блаватской идею завязать отношения с Олкоттом, который явно не был в мире «спиритуалистов» фигурой номер один? Если отбросить гипотезу об общении с «махатмами», которую нельзя рассматривать всерьёз и которая является объяснением, придуманным лишь позже, ключ к разгадке этой тайны может предоставить тот факт, что Олкотт уже знал Джона Кинга, если верить тому, что он писал в 1876 г. по поводу этого мнимого «духа» Уильяму Стейнтону Мозесу, английскому спириту, больше известному под псевдонимом М. А. Оксон: «Он часто

---

[19] См. уже процитированное сообщение графини Вахтмайстер.

[В] Генри Стил Олкотт родился 2 августа 1832 года. Его статьи о читтенденских феноменах были собраны в книгу, озаглавленную *People from the other World* [«Люди из другого мира»]. Касательно роли Олкотта после Гражданской войны нас упрекают в том, что мы «постарались опустить важную подробность: ему было поручено доносить и преследовать по суду всех, кто преступно наживался на поставках армии», между тем как «такое поручение могли дать лишь человеку, чьи почтенность и честность находятся вне подозрений». Мы опустили этот факт безо всякого умысла и к тому же никоим образом не ставили под сомнение «честность» Олкотта; если же теософисты считают роль доносчика «почётной», то мы, к сожалению, не можем разделить их мнение. [Примечание ко 2-му изданию.]

бывал в Лондоне, и я его сам встретил там в 1870 году». В переписке, из которой мы приводим эту цитату и которую Стейнтон Мозес сам позднее опубликовал в своей газете[20], содержится много утверждений, которые трудно принимать всерьёз. Спрашивается, часто ли Олкотт стремился обмануть других или же он сам играл роль простофили? Со своей стороны, мы не думаем, что он всегда был таким легковерным, каким хотел казаться, и каковым его считали члены Общества психических исследований в Лондоне в 1884 г., или что он находился всецело под влиянием г-жи Блаватской, как полагали некоторые другие, например, Джадж и Синнетт. Впрочем, он и сам заявлял, что не является «ни новичком-энтузиастом, ни легковерным простаком», и что его роль состоит в том, чтобы «кричать по-ослиному, привлекая внимание людей»; итак, его искренность весьма сомнительна. Как бы там ни было, истина иногда обнаруживается вопреки всем фантасмагориям, которые её скрывают; так, в письме, датированном 1875 г., читаем следующее: «Попытайтесь удостоиться частной беседы с Джоном Кингом, он посвящённый, и легкомысленность, присущая его речи и поступкам, скрывает серьёзные вещи». Это звучит очень неопределённо, но в другом письме, в том самом, в котором Олкотт намекает на свои личные отношения с Джоном Кингом, продолжая говорить о нём в манере, которая в итоге побуждает думать, будто речь идёт только о «материализации», он утверждает, однако, что тот же самый Джон Кинг — член масонской ложи (именно в настоящем времени), к числу каковых принадлежал и сам Олкотт, как и его корреспондент Стейнтон Мозес, а также, как мы уже говорили, Виктор Мишаль, первый гипнотизёр г-жи Блаватской.

Впоследствии мы коснемся иных, многочисленных отношений между Теософским обществом и различными ветвями масонства, но сейчас следует запомнить прежде всего то, что под именем Джона Кинга вполне мог скрываться живой,

[20] *Light*, 9 и 23 июля 1892.

здравствующий человек, чья подлинная личность осталась неустановленной. Разве не он поручил г-же Блаватской её миссию и подготовил её встречу с Олкоттом? По крайней мере, это вполне вероятно, и в данном случае следует допустить, что эта таинственная личность действовала в интересах некоей не менее таинственной группы, что впоследствии подтвердят нам другие подобные случаи. Мы, однако, не претендуем на то, чтобы ответить на вопрос, кем на самом деле был Джон Кинг. Мы просто констатируем, что в одном месте в его «Листах старого дневника», где он рассказывает о «феномене», произведенном г-жой Блаватской в апреле 1875 г. (речь идёт о так называемом рисунке, нанесенном оккультным способом на страницу записной книжки, на котором якобы изображен символ масонской розы и креста), Олкотт имя Джона Кинга ставит рядом с именем некоего Генри де Моргана (эти два имени значатся в заглавии упоминаемого рисунка). Может быть, здесь содержится некое указание, но нам не хотелось бы слишком настаивать на том, был ли это профессор де Морган, который являлся президентом Лондонского математического общества и занимался психическими явлениями, но мы не думаем, что он именно тот, о ком здесь идёт речь. С другой стороны, в письме, адресованном Соловьёву в феврале 1886 г., г-жа Блаватская пишет о некоем М., который якобы «оказался предателем и разрушителем, лгал медиуму Хоуму, дискредитировавшему её на протяжении уже десяти лет». Можно предположить, что под этим инициалом скрывается тот же самый персонаж, и тогда следовало бы заключить, что по какой-то причине этот Генри де Морган[C] (если это всё-таки его настоящее имя) покинул своё бывшее орудие к 1875 или

[C] По поводу отождествления Джона Кинга с Генри де Морганом любопытно отметить, что «Кэти Кинг» Уильяма Крукса тоже говорила, что ранее жила в Индии под именем Анни Оуэн Морган; таким образом, сближение здесь, по-видимому, ещё более тесное, нежели может показаться сначала (см. прим. 17). Что касается председателя Лондонского математического общества, то его звали Огастесом де Морганом. [Примечание ко 2-му изданию.]

1876 г., т. е. ко времени, когда новый «клуб чудес», основанный на этот раз в Филадельфии, потерпел крах, сравнимый с тем, который прежде случился в Каире, и по точно такой же причине, т. е. из-за разоблачения многочисленных фаль-

сификаций г-жи Блаватской[21D]. В это время перестаёт упоминаться Джон Кинг; одновременно можно отметить значительную смену ориентации у г-жи Блаватской, и это совпадение служит подтверждением только что сказанного нами. Причиной, вызвавшей такие перемены, была встреча с неким Джорджем Х. Фельтом, которого представил г-же Блаватской журналист по фамилии Стивенс; этот Фельт, который именовал себя профессором математики и египтоло-

[21] Некоторые утверждали, что во время своего пребывания в Филадельфии г-жа Блаватская вновь вышла замуж за одного из своих соотечественников, также медиума, и намного младше её, но вскоре рассталась с ним, возвратилась в Нью-Йорк и якобы занялась бракоразводным процессом, который завершился лишь спустя три года. Мы не сумели отыскать никакого подтверждения этим фактам, и вся эта информация кажется нам маловероятной. Впрочем, жизнь г-жи Блаватской и так настолько была наполнена авантюрами, что было бы излишним вставлять более или менее романтичные эпизоды, являющиеся простыми небылицами. То же самое относится и к тому, что можно прочитать о г-же Блаватской в недавно опубликованных мемуарах графа Витте (*The Memoires*, стр. 2-7). Он, хотя и был двоюродным братом г-жи Блаватской через Долгоруких, кажется, почти ничего не знал о её юности, если не считать более или менее туманных слухов, имевших хождение в России, и в этом нет ничего удивительного, поскольку в это время г-жа Блаватская не поддерживала никаких отношений со своей семьей. Некоторые детали этого рассказа явно неточны, другие, как то, что касается отношений г-жи Блаватской с певцом Митровичем, могут быть правдой, но они имеют отношение исключительно к её частной жизни, которая нас особо не интересует. Краткое содержание этого рассказа опубликовано Лакур-Гайе в «Фигаро» от 16 сентября 1921 года под заглавием «Скитальческая жизнь г-жи Блаватской» (*La vie errante de Mme Blavatsky*, 16 сентября 1921).

гии[22], являлся членом тайного общества, обычно обозначаемого инициалами ГБЛ[23] [E]. Между тем это общество, сыгравшее важную роль в фабрикации первых «спиритуалистических» феноменов в Америке, формально выступало против теорий спиритов, так как, согласно его учению, эти феномены обязаны своим существованием не «духам мёртвых, но неким формам, управляемым живыми людьми». Известна точная дата — 7 сентября 1875 г., когда Джона Кинга как «куратора» Блаватской заменил другой «дух», именовавшийся египетским именем Серапис, и который скорее был лишь «элементалом». В тот период, когда произошла эта перемена, медиум Данглас Хоум в книге, озаглавленной «Случаи в моей жизни», публично подверг резкой критике г-жу Блаватскую, и вскоре она, занимавшаяся, кажется, до сих пор одним только спиритизмом, теперь, явно лицемеря, заявила, что она «никогда не была и никогда не будет профессиональным медиумом» и что она «посвятила всю свою жизнь изучению древней каббалы, оккультизма и оккультных наук»[24]. Дело в том, что Фельт ввел её, также как и Олкотта,

[D] К историям вокруг второго брака и развода г-жи Блаватской мы хотели отнестись как к простым сплетням. Однако сами теософисты позаботились сообщить, что Олкотт повествует об этих событиях в книге «Страницы старого дневника» и утверждает, что относящиеся к ним документы находятся у него. Что же, если они считают нужным осветить эту, не слишком привлекательную, деталь портрета их основателя, то мы, со своей стороны, не видим причин возражать. Итак, по-видимому, брак состоялся в Филадельфии 3 апреля 1875 года, когда генерал Блаватский был ещё жив и развод не был оформлен; вторым супругом г-жи Блаватской стал молодой армянин по фамилии Бетталий; кроме того, Дж. Н. Фаркуар (*Modern Religious Movements in India*, стр. 222) сообщает, что, согласно книге записей, г-жа Блаватская заявила, что ей тридцать шесть лет, тогда как в действительности ей было сорок три; наконец, именно по случаю последовавшего за этим бракоразводного процесса она познакомилась с У. К. Джаджем, который защищал её интересы. [Примечание ко 2-му изданию.]

[22] Олкотт, «Страницы старого дневника» (*Old Diary Leaves*): «Теософ», ноябрь и декабрь 1892.

[23] Это общество не следует путать с другим, носившим похожее название — *Hermetic Brotherhood of Light*, оно было основано только в 1895 г. Есть ещё и третье *Hermetic Brotherhood*, без добавлений, основанное в Чикаго в 1885 г.

[24] Письмо от 25 июня 1876 г.

в ГБЛ «Я принадлежу к мистическому обществу, — заявила она чуть раньше, — но из этого не следует, что я стала Аполлонием Тианским в юбке»[25]. К этому утверждению, которое решительным образом противоречит истории о её предыдущем «посвящении», она, однако, ещё добавляет: «Я связана с Джоном Кингом с давних времен, с тех пор как он начал материализовываться в Лондоне». Без сомнения, это и есть тот дух, который, как в ту пору предполагалось, защищал её с самого детства, т. е. играл роль, которая позднее перешла к «махатме» Мории, в то время как она стала отзываться о Джоне Кинге с самой глубокой неприязнью: «Рыбак рыбака видит издалека. Я лично знакома с мужчинами и женщинами великой чистоты и духовности, которые провели несколько лет своей жизни под руководством и даже под защитой возвышенных «духов», развоплощённых или планетарных, но эти «духовные сущности» не принадлежат к типу Джона Кинга и Эрнеста, которые появляются во время сеансов»[26]. С Эрнестом мы ещё встретимся, когда речь у нас пойдет о Ч. Ледбитере, который приписывал, заметим мимоходом, «феям» и «природным духам» оккультную защиту, которой якобы г-жа Блаватская была окружена в юности. По правде говоря, теософистам следовало бы хотя бы договориться друг с другом, чтобы согласовать свои утверждения! И что же думать после собственного признания г-жи Блаватской о её «чистоте» и «духовности» в эпоху, когда она «находилась под контролем» Джона Кинга?

Здесь нам следует сказать, чтобы более не возвращаться к этому, что г-жа Блаватская и Олкотт не задержались надолго в рядах ГБЛ, и что они были изгнаны из этой организации

[25] Письмо от 12 апреля 1875. Ср. «Страницы старого дневника», стр. 75-76.

[26] «Ключ к теософии», стр. 270.

за некоторое время до их отбытия из Америки[27]. Данное замечание весьма важно, поскольку эти факты зачастую странным образом оставались без внимания. Именно таким образом д-р Дж. Ферран в своем опубликованном несколько лет назад исследовании[28] написал следующее по поводу иерархии членов Теософского общества:

> Над руководителями, которые образуют Восточную теософскую школу (другое название «эзотерической секции»), существует ещё тайное общество, состоящее из этих руководителей, чьи члены неизвестны. Но подписывают они свои заявления инициалами ГБЛ.

Зная в точности все, что касается ГБЛ (чьи члены никогда, впрочем, и не подписывают свои тексты этими инициалами, а только «свастикой»), мы можем утверждать на основании сказанного, что ГБЛ никогда не имело никаких официальных отношений с Теософским обществом, и более того, эта организация всегда находилась в оппозиции к нему, так же как и к английским розенкрейцерским организациям, о которых речь пойдет немного позже, хотя некоторые люди и могли быть одновременно членами этих разных организаций, что может показаться странным в подобных условиях, но что, однако, не является исключительным фактом в исто-

---

[27] Труд Чарльза Джорджа Харрисона *The Transcendental World*, Лондон, 1894, кажется, содержит намёки на это событие и на антагонизм, существовавший с тех пор между ГБЛ и Теософским обществом, но имеющаяся в нём информация касательно оккультных истоков последнего настолько фантастична и лишена доказательств, что мы не можем принимать её во внимание.

[28] *La doctrine de la Théosophie, son passé, son présent, son avenir*, в *Revue de Philosophie*, август 1913, стр. 14-52. Цитируемый нами фрагмент находится на стр. 28.

рии тайных обществ[29]. Впрочем, у нас в распоряжении есть документ, представляющий неопровержимое доказательство сказанного нами, а именно письмо одного из высших руководителей ГБЛ, датированное июлем 1887 г., в котором «эзотерический буддизм», т. е. теософистская доктрина, квалифицируется как «попытка извратить западный дух», и где ещё среди прочего сказано, что «подлинные Адепты не проповедуют этих учений о «карме» и «реинкарнации», выдвигаемых на передний план авторами «эзотерического буддизма» и прочих теософских трудов» и также «ни в вышеуказанных трудах, ни на страницах «Теософиста» не отыскать верной оценки и эзотерической точки зрения на эти важные вопросы». Может быть, разделение ГБЛ на «внешний круг» и «внутренний круг» и подсказало г-же Блаватской идею создать в рамках своего общества «эзотерическую секцию» и «экзотерическую секцию», но учения этих двух организаций противоречат друг другу по многим существенным пунктам. В частности, доктрина ГБЛ является отчётливо «антиреинкарнационистской», и мы вернёмся к этому, когда коснемся одного места из «Разоблаченной Исиды», которое, кажется, было вдохновлено этим, ведь этот труд г-жа Блаватская написала как раз в течение рассматриваемого нами сейчас периода.

Теперь давайте вернёмся к ходу событий: 20 октября 1875 г., или примерно через два месяца после выхода на сцену Сераписа, в Нью-Йорке было основано общество «спиритуалистических исследований». Олкотт стал его президентом,

[29] Самое необычное, возможно, это то, что в журнале «Теософ» в 1885 г. было опубликовано объявление из *Occult Magazine* (Глазго), в котором содержался призыв к людям, которые желали бы «быть принятыми в члены Оккультного братства, которое не кичится своими знаниями, но свободно и без ограничений даёт образование всем тем, кого сочтет достойным принять его учение». Это безымянное братство было не чем иным как ГБЛ, и употреблявшаяся здесь лексика содержала косвенный, но достаточно ясный намёк на совершенно противоположные методы, применявшиеся Теософским обществом, которые несколько раз подвергались критике в *Occult Magazine* (июль, август 1885; январь 1886).

Фельт и д-р Сет Пенкоуст — вице-президентами, а г-жа Блаватская скромно довольствовалась должностью секретаря. Среди прочих членов упомянем Уильяма К. Джаджа, который впоследствии сыграет значительную роль в истории Теософского общества, и Чарльза Сотерэна, одного из высших иерархов американского масонства. Добавим на этот счет, что генерал Альберт Пайк, великий мастер шотландского обряда для южной юрисдикции Соединенных Штатов (чья резиденция в ту пору находилась в Чарльстоне), также часто навещал г-жу Блаватскую в это время, но эти отношения, кажется, не имели никакого продолжения. Надо полагать, что Пайк в этих обстоятельствах проявил большую проницательность, чем многие другие, и что он быстро понял, с кем имеет дело. В свете представившейся возможности добавим, что авторитет Альберта Пайка как масонского писателя был явно переоценен: большая часть его главного труда «Этика и учение масонства» была копией, если не сказать, плагиатом, книги «Учение и ритуал высшей магии» французского оккультиста Элифаса Леви.

17 ноября 1875 г. организация, которой тогда было всего две недели от роду, была переименована в «Теософское общество» по предложению его казначея Генри Дж. Ньютона, богатого спирита, который, конечно, ничего не знал о теософизме, но которому просто нравилось это название. Таким образом, происхождение названия этой организации является чисто случайным, поскольку принято оно было только для того, чтобы доставить удовольствие приверженцу, к которому прислушивались по причине его богатства; впрочем, существует много примеров того, как главы Теософского общества в то или другое время могли привлечь на свою сторону обеспеченных людей и, обещая им всевозможные чудеса, извлекали выгоду для себя и своей организации. Только по одной этой единственной причине было проигнорировано возражение Фельта, который предпочел бы название «Египтологическое общество». Однако, прочитав лекцию по «египетской каббале», Фельт, обещавший ещё три

лекции, внезапно исчез, оставив различные бумаги в руках г-жи Блаватской; без сомнения, его миссия была выполнена. Что касается Ньютона, он незамедлительно покинул общество после того, как ему, как и судье Р. Б. Уэстбруку, стали ясны фокусы, которые г-жа Блаватская устраивала с помощью некоей дамы Филипс и её служанки[30].

Декларация основ первого Теософского общества начиналась так:

> Название Теософского общества объясняет цели и желания его основателей: они стремятся обрести знание природы и атрибутов высшего могущества и самых высоких духов посредством физических способов (*sic!*). Другими словами, они надеются, что, обратившись к наиболее глубинным слоям философских учений древних времен, чего не сделала современная наука, они смогут обрести для себя и для других исследователей доказательство существования невидимой вселенной, узнать природу её возможных обитателей и законы, которые ею управляют, и её отношения с человеческим родом.

Это доказывает, что основатели общества знакомы лишь с несерьёзным определением теософизма, которое ей даёт американский словарь Уэбстера:

> Предполагаемая связь с Богом и высшими духами и последовательное постижение сверхчеловеческой науки посредством физических методов, теургических операций древних платоников и химических методов немецких философов огня.

Из декларации основ мы приведём ещё следующие места:

> Какими бы ни были частные мнения его членов, общество не стремится к доминированию какой-либо догмы и пропаганде какого-либо культа. […] Его основатели, питая скорее надежду, нежели уверенность в возможности достиже-

[30] Уже упомянутая речь Уильяма Эмметта Коулмена на конгрессе в Чикаго (1893).

> ния объекта их желаний, воодушевлены только лишь искренним намерением постигнуть истину, вне зависимости от её происхождения, и полагают, что ни одно препятствие, сколь бы серьёзно оно ни было, ни одно затруднение, сколь сильным бы оно ни было, не сможет оправдать их, если они откажутся от своего намерения.

Это, конечно, язык людей ищущих, а не знающих. И как же всё это можно примирить с чрезмерными притязаниями, которые в дальнейшем высказывала г-жа Блаватская? Все больше и больше видно, что посвящение, которое она якобы получила в Тибете, является чистой выдумкой. И что, несмотря на утверждения графини Вахтмайстер, она никогда не изучала в Египте мистерии «Книги мёртвых», о существовании которых ей, вероятно, первым поведал Фельт.

Однако спустя немного времени произошла новая перемена: Сераписа, который пришел до этого на смену Джону Кингу, заменил в свою очередь «брат из Кашмира». Итак, что же случилось? Олкотт и г-жа Блаватская заключили при посредничестве некоего Харричанда Чинтамона (о котором впоследствии г-жа Блаватская, по неизвестным причинам, не могла говорить без содрогания[F]) «оборонительный и наступательный союз»[31] с Арья самадж, организацией, основанной в Индии в 1870 г. Свами Даянандой Сарасвати, и отныне их Теософское общество должно было считаться секцией этого объединения. Вот что на этот счёт г-жа Блаватская, темнившая, как это обычно у неё бывало, написала во время выхода в свет своей «Разоблаченной Исиды»:

> Я удостоилась степени Архиаудитора (*Arch Auditor*) главной масонской ложи Индии, это самая древняя из масон-

---

[F] Частичное сходство имён Чинтамон и Метамон стало, вероятно, причиной путаницы: иначе трудно объяснить причудливые утверждения, содержащиеся в статье (изобилующей, к тому же, ошибочной и тенденциозной информацией), напечатанной в лондонском *Occult Review* за май 1925 года. Этот Чинтамон (имя которого искажено в совсем не индийскую форму «Кристаман»), представлен там как более или менее скрытый руководитель ГБЛ [Примечание ко 2-му изданию.]

ских лож, и говорят, что она существовала ещё до Иисуса Христа»[32].

Между тем Арья самадж появилась совсем недавно, и она не имела ничего общего с масонством; впрочем, в Индии вообще не было масонства, пока его не привезли туда англичане. Общество, о котором идёт речь, провозглашало своей целью «возвращение религии и культа к первоначальной ведийской простоте», как и несколько других организаций, образовавшихся в той же самой стране в девятнадцатом веке, а именно Брахма самадж и её различные ответвления, и все они потерпели неудачу, несмотря на ту поддержку, которую им оказывали англичане по причине антитрадиционалистских устремлений этих обществ. Это общество было пропитано «реформаторским» духом, вполне сравнимым с духом протестантизма в западном мире, и разве Даянанду Сарасвати не называли «индийским Лютером?»[33]. Конечно, нельзя считать такого человека авторитетом индусской традиции; некоторые даже утверждали, что его «философские представления недалеко ушли от идей Герберта Спенсера»[34], что, по нашему мнению, является некоторым преувеличением.

Но какие причины мог иметь Даянанда Сарасвати для сближения своего общества с г-жой Блаватской? В декларации основных принципов от 17 ноября 1875 г. после фразы «Брахма самадж серьёзно приступило к колоссальному труду по очищению индусской религии от накипи, образовавшейся на ней вековыми стараниями жрецов», добавлено следующее:

Основатели, видя, что любая попытка обрести знание желаемой науки не может быть реализована в других краях,

---

[31] Письмо г-жи Блаватской своей сестре от 15 октября 1877 г.

[32] Письмо от 2 октября 1877 г.

[33] Статья Лалчанда Гупты в *Indian Review* (Мадрас). 1913.

[34] Har Narayana, *The Vedic Philosophy* (Introduction), стр. XLI.

> обращают свой взор на Восток, откуда происходят все философские и религиозные системы.

Если общество Брахма самадж, к тому времени уже распавшееся, не смогло оправдать эти ожидания, то именно Арья самадж сделала это, и эти две организации, как мы только что сказали, берут своё начало из одних и тех же устремлений и ставят перед собой почти одну и ту же цель. Кроме того, сама г-жа Блаватская раскрыла и ещё одну причину этого союза: дело в том, что

> все брахманы, ортодоксальные или прочие, резко настроены против духов, медиумов, некромантических эвокаций или отношений с мёртвыми, неважно каким образом и неважно в какой форме[35].

Это утверждение, впрочем, является исключительно точным, и мы можем легко утверждать, что никакой союз этого рода не был бы возможен без направленной против спиритизма позиции, которую г-жа Блаватская афишировала с определённого времени, а точнее, после своего вступления в ГБЛ, но в то время как ортодоксальные брахманы увидели бы в этом согласии по чисто негативному пункту только совершенно недостаточное обязательство, то же самое нельзя сказать в отношении «остальных», или по крайней мере, одного из них, этого самого Даянанды Сарасвати, которого Олкотт в своё время назвал «одним из самых благородных ныне здравствующих братьев»[36], и письма от которого, приходившие в реальности совершенно естественным путём, вскоре превратились в «астральные послания», исходившие от тибетских «махатм». Однако Даянанда Сарасвати впоследствии разорвал союз с Теософским обществом, назвав г-жу Блаватскую, которую ему случилось увидеть почти в то же самое время, фокусницей, и заявив, что «она ничего не знает об оккультной науке древних йогов, и что её так назы-

---

[35] Уже процитированное письмо от 15 октября 1877 г.

[36] Письмо Стейнтону Мозесу (1876).

ваемые феномены своим существованием обязаны исключительно гипнозу, искусным подделкам и ловкому фокусничеству», что на самом деле было чистой правдой[37].

Итак, на основе того, что мы уже знаем, можно констатировать, что имена так называемых «духовных наставников» г-жи Блаватской, сначала Джона Кинга, затем Сераписа и, наконец, «брата из Кашмира» позволяют лишь выделить различные влияния, которым она последовательно подвергалась, и за той фантасмагорией, которой она была окружена, скрывалось нечто весьма реальное. До сих пор было очень мало сказано об этих отношениях, связывавших Теософское общество, как в самом начале его существования, так и впоследствии, с некоторыми другими организациями, имевшими более или менее тайный характер. Вся эта остававшаяся без всякого внимания сторона его истории, однако, очень поучительна. Из всего того, что мы изложили, можно сделать обоснованный вывод, что г-жа Блаватская в большинстве случаев являлась «субъектом» или инструментом в руках отдельных лиц или оккультных групп, стоявших за её спиной, также как и другие оказывались, в свою очередь, инструментами в её собственных руках. Именно это объясняет её постоянную ложь, но всё-таки не может служить её оправданием, и те, кто полагает, будто г-жа Блаватская сама все изобрела по собственной инициативе, заблуждаются почти также, как и те, которые, напротив, верят её утверждениям, касающимся её отношений с мнимыми «махатмами». Но есть и нечто другое, что позволит, быть может, внести определенность касательно этих влияний, на которые мы только что намекали: мы хотим поговорить о деятельности некоторых розенкрейцерских (или называемых таковыми) организаций, которые к тому же, в противоположность тем, о которых до сих пор шла речь, всегда продолжали поддерживать превосходные отношения с Теософским обществом.

---

[37] Даянанда Сарасвати умер 30 октября 1883 г.

Примечания к главе

[E] Некоторые теософисты утверждали (с настойчивостью, доказывающей важность для них этого обстоятельства), что ГБЛ было «имитацией», или даже «подделкой» Теософского общества, а значит было создано позже. Мы должны поэтому уточнить, что ещё в 1870 году произошла «внешняя реорганизация» ГБЛ, то есть был основан «внешний круг» этой организации, руководство которым было поручено в 1873 году (а не в 1884-м, как утверждалось в журнале «Теософ») Максу Теону; этот человек, ставший впоследствии пропагандистом учения под названием «космическая традиция» и о кончине которого мы недавно узнали, был, говорят, сыном Паулоса Метамона (см. гл. I, прим. 2). Что касается предшествующих форм ГБЛ, то их следует, по всей видимости, искать в организациях, известных под другими названиями, в частности в «Братстве Эвлиса» П. Б. Рэндольфа (см. гл III, прим. 3; Эвлис — намеренно искажённое Элевсис) и даже в загадочном *Ordre d'Ansaireh* с которым это братство было связано; по этому вопросу мы отсылаем читателя к нашей книге «Заблуждение спиритизма». Кроме того, мы можем теперь сказать, что неизданные документы, касающиеся ГБЛ, нам передал Ф.-Ш. Барле, бывший официальным представителем во Франции, а ранее — одним из основателей первого французского филиала Теософского общества; с этим обществом он, впрочем, расстался в 1888 году вследствие разногласий, отголоски которых можно найти в журнале «Лотос». Враждебность Теософского общества к ГБЛ проявилась особенно сильно в 1886 году в связи с намерением этой организации основать в Америке что-то вроде сельскохозяйственной колонии. Г-жа Блаватская усмотрела в этом удобный случай отомстить за своё исключение в 1878 году и сумела добиться того, что генеральному секретарю ордена Т. Г. Бергойну был запрещён въезд на территорию Соединенных Штатов: она передала американским властям документ, согласно которому генеральный секретарь ГБЛ был в своё время приговорен к наказанию за мошенничество. Лишь один Питер Дэвидсон, носивший титул «Великого Магистра провинций Севера», переехал с семьей в Америку и обосновался в Лудсвилле (Джорджия), где умер несколько лет назад, успев основать (когда ГБЛ уже «уснуло») новую организацию под названием «Орден Креста и Змея» (намёк на библейский символ — «медного змея»), со своим печатным органом — журналом «Утренняя звезда». Именно Питер Дэвидсон написал Ф.-Ш. Барле (в июле 1887 года) письмо, из которого мы привели несколько фраз (глава II, 6-й абзац); вот ещё один отрывок из того же письма: «Надо также заметить, что Теософское общество с тех самых пор как г-жа Блаватская и полковник Олкотт прибыли в Индию, не находится и не находилось под руководством или духовным влиянием настоящего и реально существующего Гималайского Братства; но находилось под влиянием и руководством ордена низкого порядка, принадлежащего к буд-

дийскому культу. Я говорю вам о том, что знаю и что мне известно от человека, обладающего бесспорным авторитетом; но если вы сомневаетесь в справедливости моих слов, то у г-на Александера из Корфу есть несколько писем г-жи Блаватской, и в некоторых из них она ясно признается в том, что я вам сказал». Буддийский Орден, о котором здесь идёт речь, по всей вероятности, не что иное, как *Маха-Бодхи* самадж, то есть организация, во главе которой стоял священник Г. Сумангала, директор Видьодайя Пиривена в городе Коломбо (см. гл. X, последний абзац, и гл. XVII, 4-й абзац). Год спустя в одном из писем Питера Дэвидсона встречается довольно загадочная фраза: «Истинные Адепты и настоящие Махатмы подобны двум полюсам магнита, хотя несколько Махатм, несомненно, члены нашего Ордена; однако они предстают как Махатмы только тогда, когда для этого имеются очень важные мотивы». [Примечание ко 2-му изданию.]

Глава III. Теософское общество и розенкрейцерство

В 1876 г. Олкотт написал Стейнтону Мозесу, что его «приняли в качестве новичка в Братство», с главами которого он «с давних пор состоит в личных отношениях посредством переписки, и что они сообщили ему некоторые вещи, а г-жа Блаватская даже не подозревает, что они ему известны». О каком «Братстве» идёт речь? Это определенно не ГБЛ и тем более не Арья самадж, соглашение о сотрудничестве, с которым к тому же было заключено только в следующем году. Что касается знаменитой «Великой белой ложи», или «Тибетского братства», о нём речь ещё не шла, но употребляемые названия были достаточно неопределёнными, чтобы разобраться во всей этой крайней путанице, вольной или невольной. В другом письме, адресованном немного позже тому же самому корреспонденту, и из которого, кажется, следует, что его приняли в члены общества, к которому принадлежал Олкотт, читаем следующее:

> «Желаю, чтобы вы попросили у императора, засвидетельствовав мое ему почтение, не мог бы он сделать что-нибудь, прибегнув к психологическому средству (*sic*), чтобы помешать г-же Блаватской отправиться в Индию. Меня это очень беспокоит, но я не мог ничего поделать сам. [...] Ходящие по Европе и здесь клеветнические слухи привели её в глубокое уныние. И я боюсь, как бы мы её не потеряли. Это, может, не имеет значения для спиритуалистов, но это очень важно для нас троих. [...] Попросите у императора о том, что я вам говорю. [...] Он, кажется, мудрый дух, и в силах это сделать. Спросите его, может ли он и хочет ли нам помочь. Здесь есть г-жа Томпсон, богатая вдова с капиталом в семь миллионов (долларов), которая имеет общие

> интересы с г-жой Блаватской. Эта дама предлагает ей деньги и все такое, чтобы поехать в Индию и предоставить ей, таким образом, возможность учиться и увидеть все самой. […] Не забывайте императора»[A].

Итак, г-жа Блаватская никогда не посещала Индию до своего пребывания в Америке, на сей раз мы получили категорическое доказательство этого, но она желала туда поехать, потому что у неё имелась потребность «учиться и увидеть все самой»; это подтверждает, что она ещё не была «посвящённой» и не обладала набором твердых и устоявшихся убеждений. В ту пору было только один влиятельный субъект, чьими агентами являлись Олкотт и Стейнтон Мозес; этот субъект возражал против отъезда Блаватской в Индию, но не был связан ни с Арья самадж, ни с какой-то другой восточной организацией. Далее, почему Олкотт говорит: «для нас троих»? Он и его корреспондент — их только двое, третьим должен быть некий император, обратиться за помощью к которому он так настойчиво рекомендует, но что это за таинственная личность? Это был, по-видимому, дух, который появлялся на собраниях кружка Стейнтона Мозеса и его друга, доктора Шпеера, но интересно (и это может многое объяснить), что этому «духу» приписывается имя или, скорее титул «император», который принадлежит главе тайного английского общества, *Order of the Golden Dawn in the Outer* (буквально «Орден золотой зари во внешних сумерках»).

Организация, которую мы только что упомянули, представляет себя как «общество оккультистов, изучающих самую высшую практическую магию» и возводит своё проис-

---

[A] Мы не считаем нужным в связи с письмом Олкотта к Стентону Мозесу останавливаться на возражениях теософов, которым оно кажется особенно неприятным, и которые утверждают, что «полковник Олкотт повторяет мысль г-жи Томпсон, а не г-жи Блаватской», это решительно ничего не значит и мы можем только утверждать, что письмо не имело бы смысла, если бы г-жа Блаватская уже побывала к тому времени в Индии; впрочем, в таком случае Олкотт не преминул бы указать корреспонденту, что мнение г-жи Томпсон ошибочно. [Примечание ко 2-му изданию.]

хождение к «подлинному розенкрейцерству». Женщины допускаются туда на тех же основаниях, что и мужчины, а количество членов держится в тайне. Во главе организации стоят трое: император, премонстратор и привратник. Этот же самый орден тесно связан с *Societas Rosicruciana in Anglia*, обществом, основанным в 1867 г. Робертом Уэнтвортом Литтлом, оно имеет девять степеней, разделенных на три класса. Главы этого ордена, которых также насчитывается трое, как и в *Golden Dawn*, носят титул Маги[38]. *Societas Rosicruciana* принимает в свои ряды только масонов, имеющих степень мастера, и число его членов ограничено ста сорока четырьмя, не считая почетных членов; общество располагает четырьмя коллегиями в Лондоне, Йорке, Бристоле и Манчестере. Подобная организация существует в Шотландии с 1877 г., и ещё одна ветвь образовалась в Америке в 1880 г., и они представляют собой два филиала английского общества, которые, однако, в административном отношении независимы от него.

В письме, адресованном директору теософистского журнала «Люцифер» в июле 1889 г. графом Мак-Грегором Мазерсом, который в ту пору занимал должность секретаря коллегии Метрополитен, принадлежавшей *Societas Rosicruciana*, и являлся членом Высшего совета Англии, помимо прочего сказано:

> Это общество изучает западную традицию [...] Практические знания являются привилегией посвящённых самого высокого уровня, которые сохраняют их в тайне; все братья сохраняют в тайне свою степень. Теософское общество поддерживает с ними дружеские отношения [...] Изучающие герметизм из розенкрейцерского GD [*Golden Dawn*] являются, так сказать, представителями его *внешнего круга*.

Публикация подобного манифеста имела своей главной целью осудить некий «Орден розы и света» (*Ordo Roris et*

Lucis), другое английское псевдорозенкрейцерское общество, о котором ранее шла речь в том же самом издании[39], эта последняя организация находилась в прямой конкуренции с *Golden Dawn* и *Societas Rosicruciana*, а её члены, в большинстве своем спириты, обвинялись в занятиях «чёрной магией» - в соответствии с привычкой, весьма распространенной, впрочем, в теософистских кругах, как нам ещё представится случай увидеть позже. Письмо графа Мак-Грегора несёт следующие девизы: «*Sapiens dominabitur astris. — Deo duce, comite ferro. — Non omnis moriar. — Vincit omnia veritas*», и последний из них, что любопытно, одновременно является и девизом ГБЛ, объявленного противника Теософского общества и *Societas Rosicruciana*[40]. Заканчивается письмо словами, придающими ему официальный характер: «Опубликовано по повелению Высшего *Sapere Aude*, Привратника Лондонского округа», а за ними следует достаточно загадочный постскриптум: «Семь адептов, которые обладают эликсиром долголетия, живы и по сей день, и собираются каждый день вместе в разных городах». Является ли император GD одним из этих таинственных «семи адептов»? Это вполне возможно, и налицо другие признаки, могущие это подтвердить, но, без сомнения, Высший *Sapere Aude* не имел полномочий распространяться на этот счет[41].

---

[38] В 1901 г. его главами были: У. Уинн Уэсткотт (верховный маг); Дж. Льюис Томас (старший заместитель мага); С. Л. Мак-Грегор Мазерс (младший заместитель мага). *Cosmopolitan Masonic Calendar*, стр. 59.

[39] «Люцифер», 15 июня 1889.

[40] У ГБЛ была особая интерпретация розенкрейцерства, берущая начало преимущественно из теорий П. Б. Рандольфа и «братства *d'Eules*». В Филадельфии в 1882 г. вышел труд под заглавием *The Temple of the Rosy-Cross*, чей автор, Ф. Б. Дауд, являлся членом ГБЛ

[41] В 1894 г. под именем *Sapere Aude, Fra R. R. et A. C.* был опубликован труд «Наука духовной и материальной алхимии» (*La Science de l'Alchimie spirituelle et matérielle*), содержавший достаточно большое количество исторических ошибок, и снабженный комментарием перевод каббалистического трактата «Эш мецареф». В этом труде даже не упоминался комментарий Элифаса Леви на *Æsh Mezareph* — книгу, достаточно безосновательно, впрочем, приписываемую Аврааму Еврею, предполагаемому наставнику Николя Фламеля.

Умерший несколько лет назад автор письма, которое мы только что процитировали, был старшим братом другого Мак-Грегора, представлявшего во Франции *Order of the Golden Dawn in the Outer*, и также бывшего членом Теософского общества. В Париже в 1899 и 1903 гг. много шума наделали попытки реставрации культа Исиды, предпринятые г-ном и г-жой Мак-Грегорами под патронажем писателя-оккультиста Жюля Буа[B], попытки, впрочем, достаточно фантастичные, но вызвавшие в своё время определенный интерес. Добавим, что г-жа Мак-Грегор, «великая жрица Анари», является сестрой Бергсона, впрочем, мы отмечаем этот факт только в качестве дополнительной информации, не делая из этого никаких выводов, хотя, с другой стороны, бесспорно существует немало общего между теософизмом и философией Бергсона. Некоторые заходили ещё дальше: частности, в статье, связанной с темой споров вокруг бергсонианства, Жорж Пекуль пишет:

> «учение Теософского общества настолько странным образом сходно с учением Бергсона, что возможно поставить вопрос, а не имеют ли они общий источник происхождения, и не принадлежат ли Бергсон, Олкотт, Ледбитер, г-жа Блаватская и Анни Безант к школе одного и того же махатмы, Кут Хуми или кого-либо другого»,

и добавляет:

[B] Жюль Буа сам был членом *Golden Dawn*; во время войны он навлек на себя обвинение в получении денежные средств от немецких пропагандистских служб; он остался в Америке, отправившись туда с лекционным туром в Америку (см. статью *Qu'est devenu Jules Bois?* в *Comœdia*, 14 сентября 1923) и даже основал в Нью-Йорке общество психических исследований; однако он вернулся в 1927 году во Францию, поскольку было решено предать забвению многие отнюдь не давние события. Другим видным членом *Golden Dawn* была графиня Эдита-Лолита де Ландсфельдт-Розенталь, незаконнорожденная дочь Людвига I Баварского и Лолы Монтес, крестница папы Пия IX и близкая подруга г-жи Блаватской; она довольно долго прожила в Париже, под одной крышей с г-ном и г-жой Мак-Грегор. Последняя, овдовев, переехала в Лондон; видимо, у неё неважные отношения с братом, и, как нам говорили, она отзывается о его философских работах в несколько презрительном тоне. [Примечание ко 2-му изданию.]

> «Я отмечаю проблему для исследователей, решение которой могло бы пролить дополнительный свет на весьма таинственное происхождение некоторых течений современной мысли и на природу «влияний», испытываемых теми, кто сами, часто бессознательно, являются проводниками интеллектуальных и духовных влияний»[42].

Касательно этих влияний мы вполне разделяем мнение Пекуля и полагаем даже, что их роль столь же значительна, сколь и несомненна. Впрочем, мы никогда и не ставили под сомнение сходство бергсонианства с неоспиритуалистическими движениями[43]. Нас бы нисколько не удивило, если бы Бергсон, следуя примеру Уильяма Джеймса, в конце концов увлекся спиритизмом. Мы находим особенно явный признак этого в одном месте из «Духовной энергии», последней книги Бергсона, где он, признавая, что «бессмертие само по себе не может быть доказано экспериментально», заявляет, что «это было бы уже чем-то вещественным, это было бы даже намного серьёзнее, чем установить на основании опыта возможность воскрешения умершего через некоторое время». Разве не на это в точности претендуют спириты? Несколько лет назад до нас дошли слухи, что Бергсон самым активным образом интересуется «экспериментами» этого рода в компании нескольких признанных знатоков, среди которых упомянем профессора д'Арсонваля и г-жу Кюри. Нам хотелось бы думать, что его намерение заключается в том, чтобы изучать эти явления настолько «научно», насколько это возможно, но сколько других людей науки, таких как Уильям Крукс и Ломброзо, начав подобным образом, «обратились» в учение спиритизма! Никогда не лишне повторить, что эти занятия в высшей степени опасны; и ни наука, ни философия не дают человеку достаточных гаран-

---

[42] *Les Lettres*, декабрь 1920, стр. 669-670.

[43] *Le Vahan*, печатный орган английской секции теософского общества, опубликовал (с очень хвалебными комментариями) лекции, прочитанные Бергсоном в Англии.

тий того, что он может прикасаться к этим вещам безнаказанно[C].

Возвращаясь к теме розенкрейцерства, которая появляется здесь, как мы видели, впервые, и из-за которой мы сделали это отступление, отметим, что Олкотт сообщает несколько раз в «Теософисте» и в своих книгах, что г-жа Блаватская всегда носила украшение с розой и крестом, «которое она получила от одного адепта». Однако, оказавшись под влиянием ГБЛ, Олкотт испытывал только неприязнь к современным розенкрейцерам:

> «Братство (розы и креста), — писал он Стейнтону Мозесу в 1875 г., — как живая ветвь подлинного Ордена умерла вместе с Калиостро, так же как франкмасонство (оперативное) умерло с Реном[D]; то, что осталось — это только оболочка».

В данном случае слова «живая ветвь подлинного Ордена» содержат намёк на место в учении ГБЛ, согласно которому

> «термин «роза и крест» обозначают не Орден целиком, но только тех, кто получил начальные знания в его удиви-

---

[C] В статье, опубликованной в *Bulletin Théosophique* за январь-февраль-март 1918 года, г-н Ж. Шеврие, по-видимому, особенно старался подчеркнуть близость бергсонианства и теософизма. [Примечание ко 2-му изданию.]

[D] Кристофер Рен, последний Великий Магистр древнего английского Масонства, умер в 1702 году; пятнадцать лет между этой датой и основанием Великой Ложи Англии (1717) протестанты использовали с большой выгодой, потрудившись над деформацией, итогом которой стали редакции Конституций, опубликованные в 1723 году. Их авторы, священники Андерсон и Дезагюлье, позаботились о пропаже всех старых документов (*Old Charges*), которыми смогли завладеть с тем, скрыть введенные ими новшества, а также потому, что в них содержались формулы, казавшиеся им неприемлемыми: например, обязательство хранить верность «Богу, Святой Церкви и Королю», неоспоримо свидетельствующее о католическом происхождении Масонства. Вот почему Жозеф де Местр писал в «Воспоминаниях» герцогу Брауншвейгскому (в 1782 году): «Всё говорит о том, что вульгарное Франкмасонство представляет собой отделившуюся и, возможно, испорченную ветвь древнего и почтенного ствола». Фраза Олкотта наводит на мысль, что он тоже кое-что знал об этом отклонении; оно, однако, остается неизвестным большинству «современных» масонов, даже в англосаксонских странах. [Примечание ко 2-му изданию.]

тельной системе; это название — только дань прошлому, которым братья восхищаются и в то же самое время вводят всех в заблуждение».

Мы не собираемся здесь погружаться в споры касательно происхождения и истории подлинных и ложных розенкрейцеров. Здесь заключены настоящие тайны, которые никогда не были раскрыты удовлетворительным способом, и о которых писатели, в большей или меньшей степени именующие себя розенкрейцерами, кажется, ненамного больше знают, чем остальные.

При этих последних словах на ум сразу приходит д-р Франц Гартман, который играл важную роль в деятельности Теософского общества, когда его штаб-квартира была перенесена в Индию, и с которым, впрочем, г-жа Блаватская всегда находилась в самых тесных отношениях, как мы это увидим, когда коснемся дела Общества психических исследований. Этот персонаж, родившийся в 1839 г. в Донауверте (Бавария), претендовал на то, чтобы именоваться розенкрейцером, но другой ветви, чем английские общества, о которых у нас шла речь прежде; если ему верить, он «обнаружил» подлинное Братство розы и креста в Кемптене, местности, знаменитой своими домами с привидениями, где он сам и скончался в 1912 г. По правде говоря, мы думаем, что это легенда, которая понадобилась ему для того, чтобы придать видимость серьёзной организации некоему «Эзотерическому ордену розы и креста», одним из инициаторов основания которого он сам и был. Этот д-р Гартман был автором достаточно многочисленных работ[44], которые были неблагосклонно восприняты главами *Societas Rosicruciana in Anglia*, такими же теософистами, как и он. Особо строго они отне-

[44] Вот заглавия нескольких из числа главных, помимо тех, которые упомянуты в тексте: «Тайные символы розенкрейцеров, переиздание старинного труда, сопровождаемое комментариями» (вышло в Бостоне), «Жизнь Иешуа, пророка из Назарета», «Оккультное исследование и ключ к Библии, содержащее историю Посвященного», «Чёрная и белая магия», «Оккультная наука в медицине», «Основы геомантии, согласно Корнелию Агриппе».

слись к его книге под заглавием «В преддверии храма мудрости», содержащей историю подлинных и псевдорозенкрейцеров, с введением в тайну философии герметизма, и посвящённой герцогине де Помар. В 1887 г. в Бостоне, городе, который является центром американской ветви *Order of the Golden Dawn in the Outer*, д-р Гартман издал нечто вроде романа под заглавием «Приключение у розенкрейцеров». Это произведение содержит описание воображаемого теософского монастыря, якобы расположенного в Альпах, и автор сообщает, что этот монастырь принадлежит Ордену «братьев золотого креста и розы», и его глава носит титул императора. Это заставляет вспомнить о старом немецком обществе «Роза и золотой крест», организации, основанной в 1714 г. священником из Саксонии Самуэлем Рихтером, более известным под псевдонимом Синсерус Ренатус. Глава этой организации, как позже и глава *Golden Dawn*, носил этот титул по традиции, унаследованной от предшествовавших розенкрейцерских организаций. Если верить некоторым легендарным рассказам, эта традиция восходит ко временам сотворения мира, так как в *Clypeus Veritatis*, датируемом 1618 г., содержится хронологический список императоров, начиная с Адама! Такие преувеличения и сказочные генеалогии, впрочем, присущи большинству тайных организаций, включая масонские, и таким же образом Мицраимский обряд возводит своё происхождение к Адаму. Большего интереса заслуживает то, что один оккультный писатель, говоря об основанной в 1714 г. розенкрейцерской организации, заявляет следующее: «Предание гласит, что этот император существует вечно; его деятельность носит якобы политический характер»[45]. Не идёт ли ещё и здесь речь о главе *Golden Dawn*? На самом деле организация «Роза и золотой крест», политический характер которой некоторые признавали, давно уже не существует, на её место в 1780 г. пришли «Посвященные братья Азии», чей центр был учрежден

[45] *Sedir P. Histoire des Rose-Croix*, стр. 103, примечание.

в Вене и чьи высшие иерархи носили титулы с намёком на начальные строки «апокалипсиса» — «Отцы и братья семи неизвестных церквей Азии»[46]. Может быть, не помешало бы знать, не являлись ли «семь адептов» графа Мак-Грегора их преемниками. Как бы там ни было, точно известно, что большинство обществ, которые претендуют на связь с розенкрейцерством, побуждают своих последователей принести клятву на верность императору.

Роман д-ра Гартмана имел последствие, которое показало, что цель автора не была чисто бескорыстной: в сентябре 1889 г. в Швейцарии было создано акционерное общество под названием *Fraternitas*, целью учреждения некоего теософского монастыря, как он себе его представлял. В этом деле д-ру Гартману помогали д-р Турман, д-р А. Пиода и графиня Вахтмайстер. Эта последняя, которую мы уже имели случай упомянуть, шведка по национальности, была близкой подругой г-жи Блаватской. Что касается «Эзотерического ордена розы и креста», другого детища д-р Гартмана, он оказался в постоянных связях с «Возрожденным орденом немецких иллюминатов», основанным или реорганизованным Леопольдом Энгелем из Дрездена, и орден этот играл крайне подозрительную политическую роль. Как указывает его название, он возводил своё происхождение к иллюминатству Вейсгаупта, с которым, однако, у него не было никакого родства. Определенные связи существовали между этим «Эзотерическим орденом розы и креста» и неким «Орденом восточных тамплиеров», основанным в 1895 г. д-ром Карлом Кельнером. После его смерти в 1905 г. распространению последней организации способствовал Теодор Ройс, теософист, которого мы встретим позднее. Кажется, что

[46] Укажем в этой связи на странную ошибку Папюса, который, отыскав текст Вронского, где упоминаются «Посвященные братья Азии», посчитал, что это название означает настоящую восточную организацию, и что речь идёт о «махатмах», которым он приписал, к тому же, «высшую степень брахманической церкви» (*Traité méthodique de Science Occulte. Glossaire des principaux termes de la Science Occulte* (статья *Mahâtmâ*), стр. 1052).

даже «Эзотерический орден розы и креста» стал в конце концов «внутренним кругом» «Восточных тамплиеров».

Эти различные объединения не следует путать с другой розенкрейцерской австро-германской организацией более позднего происхождения, чьей главой является д-р Рудольф Штейнер; о нём мы ещё в свою очередь поговорим. Впрочем, по правде говоря, розенкрейцерство в нашу эпоху уже не имеет строгого определения: множество людей, именующих себя последователями «Розы и креста», или «розенкрейцерами», не имеют никакой связи ни между собой, ни тем более со старинными организациями с тем же названием. Точно также дело обстоит и с теми, кто именует себя «тамплиерами». Даже без учёта масонских степеней, которые в различных обрядах носят название «Роза и крест» и какое-либо производное из него, мы могли бы представить, если бы это не выходило за рамки нашего исследования, длинный перечень более или менее тайных обществ, не имеющих ничего общего кроме наименования, к которому чаще всего добавляются один или несколько дополнительных эпитетов[47E]. Также всегда надо остерегаться, когда речь заходит о розенкрейцерстве, как, впрочем, и о масонстве, того,

---

[47] Упомянем, всё же, одно из этих обществ, именуемое *A.M.O.R.C.* (*Ancient Mystic Order of the Rosy-Cross*) и основанное в 1916 г. «с целью спасения цивилизации» (*sic*). Мы располагаем циркуляром, в котором сообщается, что французское отделение общества находится в процессе формирования и что «специальный посланник прибудет из Соединенных Штатов в мае (1921 г.), чтобы дать инициацию и провести официальное открытие» (позже нам сообщили, что эта поездка не смогла состояться). Во главе этой организации стоит император, но, естественно, не тот же, что возглавляет *Golden Dawn*: это общество не связано с теософизмом, но нам известно, что уже много теософистов стали его членами.

[E] Судя по всему, общество *A. M. O. R. C.*, не имело большого успеха во Франции; и всё же, его глава прибыл в 1927 году в Париж, и даже был торжественно принят «Великой коллегией уставов», то есть Верховным советом великого востока Франции 12 июля, что тем более необычно, что последний не имеет отношения к американским масонским организациям, которые считают его «нерегулярным»; возможно, и вышеупомянутый розенкрейцерский орден не более «регулярен». [Примечание ко 2-му изданию.]

чтобы приписывать одной группе то, что относится к другой, а первой может быть совершенно чуждо.

Глава IV. Вопрос о махатмах

Мы оставили г-жу Блаватскую в тот момент, когда она (в 1876 г.) помышляла отправиться в Индию; её отъезд, случившийся только 18 ноября 1878 г., кажется, вызван был прежде всего, если не исключительно, той справедливой критикой, объектом которой она стала.

> В этом и заключается причина того, — писала она сама, делая намёк на публикацию «Происшествий в моей жизни» Дангласа Хоума, — что я уезжаю в Индию навсегда; от стыда и горя мне нужно удалиться туда, где никому не известно мое имя. Коварство Хоума навсегда погубило мою репутацию в Европе[48].

Наверное, она на всю жизнь затаила злобу на медиума, который по наущению таинственного М… разоблачил её обман, и которого она называла «Кальвином спиритизма». Много позже она напишет по поводу опасности медиумизма:

> Взгляните на жизнь Дугласа Хоума, человека, разум которого погряз в желчности, который ни одного доброго слова не сказал ни о ком, кого он подозревал в обладании психическими силами, и порочил всех прочих медиумов вплоть до своего плачевного конца[49].

Одно время г-жа Блаватская подумывала по тем же самым причинам и о том, «чтобы уехать в Австралию и навсегда поменять своё имя»[50]; затем, отказавшись от этой идеи, она приняла в 1878 г. американское гражданство; наконец,

---

[48] Письмо от 6 ноября 1877 г.

[49] «Ключ к теософии», стр. 272.

[50] Письмо от 25 июня 1876 г.

решилась отправиться в Индию, как она и хотела с самого начала. Итак, не в интересах своего общества, а лишь в своих личных интересах она хотела предпринять это путешествие, несмотря на возражения Олкотта, которого она, однако, в конце концов увлекла за собой и который бросил свою семью на произвол судьбы. Три года спустя г-жа Блаватская напишет об Олкотте: «Он совсем небогатый человек, и ему нечего было оставлять, кроме своих литературных трудов, и, кроме того, ему приходилось содержать свою жену и целую кучу детей»[51]. С тех пор больше никто не слышал разговоров на эту тему, и сам Олкотт, кажется, меньше других беспокоился, что же с ними сталось.

Прибыв в Индию, г-жа Блаватская и её спутник обосновались сначала в Бомбее, а затем, в 1882 г., в Адьяре, возле Мадраса, где была основана и до сих пор находится главная штаб-квартира Теософского общества. Там была учреждена «эзотерическая секция», и сверхъестественные феномены стали множиться невероятным образом: стуки, раздававшиеся по желанию, звон невидимых колокольчиков, «явления» и «материализации» самых разных предметов и прежде всего «осаждение» писем, переданных «астральным» путём. О многих примерах сообщает в «Оккультном мире» А. П. Синнетт, автор, который, может быть, как никто другой способствовал знакомству Европы с теософизмом на заре его существования, кажется, на самом деле был введён в заблуждение всеми фокусами г-жи Блаватской. Это были не только «осажденные» письма, но также рисунки и даже картины; без сомнения, они были созданы при помощи тех же самых уловок, что и так называемые медиумические картины, когда-то изготовлявшиеся г-жой Блаватской в Филадельфии и которые она сбывала по весьма высокой цене одураченным ею людям. Среди них был и генерал Липпит, которого, впрочем, в конце концов постигло разочарование. Тем не менее все эти феномены не были чем-то совершенно но-

[51] Письмо от 25 марта 1875 г.

вым, и звук «астральных колокольчиков» уже раздавался в Америке до Олкотта и барона де Пальма; весьма любопытно, в Англии этот же звук раздавался у д-ра Шпеера и Стейнтона Мозеса; возможно, это и стало одним из тех обстоятельств, которые позднее позволили Олкотту утверждать, что «Стейнтон Мозес и г-жа Блаватская вдохновлялись одним и тем же разумом»[52], без сомнения, загадочным императором, о котором уже шла речь. Впрочем, это не помешало Стейнтону Мозесу к концу своей жизни написать своему другу Уильяму Оксли, что «теософия представляет собой галлюцинации»[53].

Именно в то время, о котором мы говорим, на сцене и появляются тибетские «махатмы» (которым отныне и будут приписываться все эти феномены), и, прежде всего, знаменитый Кут Хуми Лал Сингх, новый «учитель» г-жи Блаватской. Имя, под которым этот персонаж известен, как утверждалось, является «его мистическим именем, имеющим тибетское происхождение»[54], но если Кут Хуми и может быть тибетским или монгольским именем, то Лал Сингх — определенно имя индусское («кшатрийское») или сикхское, что не совсем одно и то же. Тем не менее смена имени — реальная практика, существующая во многих тайных обществах, как на Западе, так и на Востоке; так, в уставе «Розы и золотого креста» от 1714 г. можно прочесть, что «каждый брат поменяет свои имя и фамилию перед принятием в члены, и он будет делать это всякий раз при переезде в другую страну»; это всего лишь один пример среди многих других, так что г-жа Блаватская не могла не знать об этом факте. Вот что Синнетт пишет о Кут Хуми, рассказывая о начале своей переписки с ним:

> Это был уроженец Пенджаба; судя по тому, что я узнал позже, изыскания в области оккультного привлекали его с са-

---

[52] «Теософ», 1893, декабрь.

[53] *Light*, 6 октября 1892.

[54] «Оккультный мир», стр. 121 французского перевода.

> мого раннего детства. Благодаря одному из своих родственников, который сам занимался оккультизмом, он был направлен в Европу, чтобы преуспеть здесь в западных науках, и затем получил полное посвящение в высшую науку Востока[55].

Затем, однако, будет утверждаться, что Кут Хуми удалось получить это полное посвящение в ходе своих прошлых воплощений, так как «учителя», в противоположность тому, что имеет место у обычных людей, якобы могут сохранять воспоминания обо всех своих прошлых существованиях (и некоторые утверждают, что у Кут Хуми их было приблизительно восемьсот). Эти противоречивые утверждения, кажется, весьма трудно примирить.

«Махатмы», или «учителя мудрости», обладают самой высокой степенью посвящения в «Великой белой ложе», т. е. в оккультной иерархии, которая, согласно теософистам, тайно управляет миром. Вначале допускалось, что они сами подчинены единственному высшему главе[56], сейчас же оказывается, что число этих глав равно семи, также как есть «семь адептов» у розенкрейцеров, которые обладают «эликсиром долголетия» (и чрезвычайно высокая продолжительность жизни является одним из качеств, приписываемых «махатмам»). Эти семь глав представляют «семь центров небесного человека», чей «мозг и сердце образуют соответственно Ману и бодхисаттва, которые являются проводниками каждой человеческой расы»[57]. Это соединение двух представлений, о «Ману» и «бодхисаттве», принадлежащих к разным традициям, первое — к брахманской, а второе — к буддийской, представляет вполне наглядный пример той «эклектической» манеры, в которой теософия творит свою претенциозную доктрину. Сначала «махатмы» также именова-

---

[55] Там же, стр. 120-121.

[56] «Эзотерический буддизм», стр. 26 французского перевода м-м *Camille Lemaitre*.

[57] *L'Occultisme dans la Nature* (интервью в Адьяре, 2-е издание), Ледбитер, стр. 276 французского перевода.

лись иногда простым именем «братья», нынче предпочитают обозначение «адепты»: этот термин заимствован теософами из языка розенкрейцеров, в котором он обозначает собственно посвящённых, достигших самых высоких степеней иерархии. Д-р Ферран в статье, которую мы уже упоминали, высказывал мнение, что следует проводить различие между «махатмами» и «учителями, или адептами», и он считал, что только последние являются реальными лидерами Теософского общества[58]; это ошибка, так как эти лидеры, напротив, всегда скромно именовали себя «учениками». «Махатмы» и «адепты» для теософистов — это одно и то же, и сторонником подобного отождествления был уже д-р Франц Гартман[59]; также они именуются «учителями», поначалу все[60], а затем выборочно; для Ледбитера «не все Адепты являются учителями, так как не все принимают учеников», и, если подходить строго, следует называть учителями только тех, которые, подобно Кут Хуми и некоторым другим, «соглашаются на определённых условиях принимать в ученики тех, кто оказывается достойными этой чести»[61].

Вопрос о «махатмах», который занимает немаловажное место как в истории Теософского общества, так и в его учении, может быть в значительной степени прояснен при помощи всего того, что мы уже изложили. На деле данный вопрос оказывается более сложным, чем обычно думают, и недостаточно просто сказать, что эти «махатмы» всегда существовали только в воображении г-жи Блаватской и её сподвижников; без сомнения, имя Кут Хуми, например, является чистой выдумкой, но, как и те «духовные руководители», к которым применялось наименование «махатма», оно вполне может послужить маской для реально существовавшего влиятельного лица. Только ясно, что подлинные вдох-

---

[58] *Revue de philosophie*, август 1913, стр. 15-16.

[59] *Pronaos of the Temple of Wisdom*, стр. 102.

[60] «Ключ к теософии», стр. 338.

[61] *L'Occultisme dans la Nature*, стр. 377-378.

новители г-жи Блаватской, кем бы они ни были, совершенно не соответствовали тому описанию, которое она им даёт и, с другой стороны, само слово «махатма» никогда не имело на санскрите того значения, которое она ему приписывает, так как это слово обозначает в реальности метафизический принцип и не может прилагаться к человеческим существам; может быть, именно из-за того, что эту ошибку в конце концов заметили, постепенно почти полностью отказались от использования данного термина. Что же до так называемых феноменов, произведенных вмешательством «учителей», то они имели точно такую же природу, что и происходившие в «клубах чудес» в Каире, Филадельфии и Нью-Йорке; это было в подробностях установлено в 1884 г. исследованиями д-ра Ричарда Ходжсона, как мы увидим это позже. «Осажденные послания» изготовлялись г-жой Блаватской в сотрудничестве с неким Дамодаром К. Маваланкаром (брахманом, публично отрекшимся от своей касты) и некоторыми другими, как об этом заявит в 1883 г. м-р Аллен О. Хьюм, который, начав сотрудничать с Синнеттом над редактированием «Эзотерического буддизма», впоследствии отошел от этой работы, указав на многочисленные противоречия, содержащиеся в мнимой корреспонденции Кут Хуми, которая должна была послужить основой этой книги; и даже сам Синнетт признался, с другой стороны, что

> чем больше читатели узнают Индию, тем меньше они захотят верить, что письма Кут Хуми написаны уроженцем Индии[62].

Уже во время разрыва с Арья самадж было обнаружено, что одно из этих писем, перепечатанное в «Оккультном мире», который вышел в июне 1881 г.[63], большей частью является простой копией речи, произнесенной в августе 1880 г. в Лейк-Плезанте профессором Генри Киддлом из Нью-Йорка

---

[62] «Оккультный мир», стр. 128-129.

[63] «Оккультный мир», стр. 102 (в английском издании). стр. 196-197 (во французском).

и опубликованной в том же месяце в газете спиритов «Знамя света». Киддл написал Синнетту и потребовал от него объяснений; тот не соблаговолил даже ответить, а между тем отделения Теософского общества были основаны в Лондоне и Париже. Но скандал не замедлил разразиться: в 1883 г. Киддл, потеряв терпение, решился публично заявить свой протест[64], что тотчас же вызвало, прежде всего в лондонском отделении, многочисленные громкие уходы, а именно Ч. К. Мэсси, который тогда был президентом (и которого заменил Синнетт), Стейнтона Мозеса, Ф. У. Персиваля и мисс Мейбл Коллинз, автора «Света на пути»[A] и «Книги золотых правил». Д-р Джордж Уайлд, который был первым председателем этого самого лондонского отделения, ушел уже в мае 1882 г., потому что г-жа Блаватская заявила в одной статье, опубликованной в «Теософисте»: «Не существует личного или безличного Бога», на что он возразил с позиции строгой логики: «Если Бога нет, то не может быть и теософского учения». Впрочем, всегда и везде хватало людей, которые, неблагоразумно вступив в Теософское общество, также уходили из него, когда они узнавали достаточно о том, что представляют собой его лидеры и какова ценность проповедуемого ими учения.

Эти факты предопределили, по крайней мере на короткое время, замену Кут Хуми другим «махатмой», по имени Мория, тем самым, с которым г-жа Блаватская якобы встречалась в Лондоне в 1851 г., а г-жа Безант вступила в контакт несколькими годами позже. Впрочем, между Морией, г-жой Блаватской и полковником Олкоттом давно существовали очень прочные связи, если верить м-ру Ледбитеру, который рассказывает историю, которая произошла несколькими ты-

---

[64] *Light*, 01 сентября 1883, 05 июля 1884.

[A] Вопрос о происхождении книги «Свет на пути» до сих пор не раскрыт: мисс Мейбл Коллинз утверждала, будто прочла этот трактат «на стенах того места, которое посещает духовно» (*sic*), а г-жа Блаватская заверила, что подлинный автор этого труда — «адепт» по имени Илларион («Лотос», март 1889). [Примечание ко 2-му изданию.]

сячами лет ранее в Атлантиде, где эта троица уже оказалась вместе[65]. Мория, которого Синнетт называет «сиятельством», а г-жа Блаватская более фамильярно — «генералом», всегда обозначался только заглавной буквой своего имени в приложении к переизданиям «Оккультного мира» (чего не было ещё в первом издании); причина же этого представлялась такой:

> Иногда трудно решить, как называть «братьев», даже когда известны их подлинные имена; в меньшей степени используются наиболее подходящие, по нескольким причинам, среди которых можно назвать глубокое недовольство, испытываемое их настоящими учениками, когда эти самые имена часто и без уважения используются насмешниками[66].

Г-жа Блаватская также утверждала: «Наши лучшие теософы предпочли бы в значительной степени, чтобы имена учителей никогда не появлялись ни в одной из наших книг»[67]. Именно поэтому «учителей» стали именовать только так: К. Х. (Кут Хуми), М. (Мория) и Д. К. (Джвал Кул). Этот последний, которого выдают за перевоплощение Арьясанги, ученика Будды, новичок среди «махатм»: он достиг статуса «адепта» только совсем недавно, потому что м-р Ледбитер утверждает, что он ещё не стал адептом во время их первой встречи[68].

Кут Хуми и Мория всегда считались двумя главными руководителями Теософского общества, и как оказалось, им суждено занять ещё более высокое положение, чем то, которое они занимают сейчас: м-р Ледбитер сообщает нам об этом так:

> Многим из наших учеников известно, что учитель М., с которым имели особо тесную связь два наших основополож-

---

[65] *L'Occultisme dans la Nature*, стр. 408-409.

[66] «Оккультный мир», стр. 248-249.

[67] «Ключ к теософии», стр. 400.

[68] *L'Occultisme dans la Nature*, стр. 403-404.

> ника, будет избран Ману шестой корневой расы (которая следует за нашей), и что его неразлучный друг, учитель К. Х., должен стать её религиозным наставником[69]

т. е. бодхисаттвой. В «Жизнях Алкиона, о которых у нас ещё пойдет речь, Мория вводится под именем Меркурий; Джвал Кул здесь называется Ураном, а нынешний бодхисаттва — Сурьей (имя бога Солнца на санскрите). Согласно теософистскому учению, Марс и Меркурий являются физическими планетами Солнечной системы, принадлежащими к той же «цепи», что и Земля: земное человечество якобы прежде воплощалась на Марсе, а в дальнейшем оно должно воплотиться на Меркурии. Выбор названий этих двух планет для определения, соответственно, будущего Ману и будущего бодхисаттвы, кажется, обусловлен следующим местом из «Голоса безмолвия»:

> Взирай на Мигмар (Марс), как сквозь его багровые покровы его «Око» проносится над дремлющей Землей. Взирай на огненную ауру «Руки» Лхагпы (Меркурий), с любовью, простертой над головами своих аскетов для их защиты[70].

Здесь глаз соответствует мозгу, а рука — сердцу; эти два главных центра «небесного человека» представляют, с другой стороны, в плане способностей память и интуицию, из которых первая указывает на прошлое человечества, а вторая — на его будущее; эти соответствия, по крайней мере, любопытно описать на документальном основании, и здесь следует добавить, что на санскрите планета Меркурий называется Будха. По поводу Меркурия уместно ещё заметить, что в серии «Жизни Алкиона» есть история, когда он появлялся в образе греческого рыбака, в чьем теле он родился

---

[69] Там же, стр. 381.

[70] *Voix du Silence*, стр. 54 во французском переводе Амаравеллы (Е.-Дж. Куломб). Переводчик этой книги (который, впрочем, как и многие другие, покинул ряды Теософского общества) не имел ничего общего, не считая имени, с супругами Куломбами, с которыми г-жа Блаватская познакомилась в Каире, и которых она вновь встретила в Индии, как это мы позже увидим.

после того, как был убит варварами. Воспользуемся этим случаем, чтобы процитировать место из Фенелона[71], где утверждается, что философ Пифагор прежде был рыбаком Пирром, и что он стал сыном Меркурия, при этом добавляется, что «сходство представляет интерес»[72]; и оно и должно быть таким для теософистов, которые твердо верят, что их «учитель» Кут Хуми является перевоплощением Пифагора.

Теософисты видят в «адептах» живых людей, но при этом людей, развивших в себе силы и способности, которые могут казаться сверхчеловеческими: к числу таковых принадлежит, например, способность знать мысли других людей и прямо и мгновенно общаться по «психическому телеграфу» с прочими «адептами» и их учениками, в каком бы месте они ни находились, и способность переноситься в «астральном» теле не только в любую точку Земли, но даже на другие планеты. Но недостаточно знать, какими теософисты представляют себе своих «махатм», и даже это не самое важное; следовало бы прежде всего знать, чему всё это соответствует в действительности. На деле, когда рассказы о махатмах в значительной степени считали ложью и обманом, такое мнение было, как мы показали, справедливым, но это не значило сказать все об этих фантастических персонажах, так как редкая ложь не основывается на имитации или, если выразиться точнее, на искажении реальности, и именно искусно приготовленную смесь правды и лжи труднее и опаснее всего разоблачить. Знаменитая мистификация Лео Таксиля могла бы продемонстрировать в этом отношении целую серию весьма поучительных примеров, и сопоставить эти два случая кажется весьма уместным[73], потому что, как Лео Таксиль в конце концов заявил, что он все придумал, так и г-жа Блаватская делала то же самое, только несколько менее публично, в определённые момен-

[71] *Abrégé de la vie des plus illustres philosophes de l'antiquité*. Париж, 1823.

[72] *De l'an 25000 avant Jésus-Christ à nos jours*, стр. 234.

[73] Эта идея, впрочем, приходила в голову не только нам (см. статью Эжена Тавернье в *Nouvelliste du Nord et du Pas-de-Calais*, 29 июня 1921).

ты гнева и отчаяния. Она не только утверждала в одной из своих последних работ, что обвинение в том, что она выдумала «махатм» и их учение, вместо того, чтобы наносить ей вред, напротив, делает чрезвычайную честь её уму (что, впрочем, спорно), и что «она почти предпочитает, чтобы люди не верили в учителей»[74], но ещё, что касается «феноменов», мы находим такое весьма недвусмысленное заявление, вышедшее из-под пера Олкотта:

> Иногда она оказывалась в таком расположении духа, что принималась отрицать сами силы, в подтверждение существования которых она предоставила нам больше всего доказательств, тщательно проверенными нами; в эти минуты она утверждала, что вводила честную публику в заблуждение![75].

И Олкотт задавался по этому поводу вопросом, «не хотела ли она посмеяться над своими собственными друзьями», что вполне возможно, но смеялась ли она над ними, когда показывала им эти «феномены», или когда называла их поддельными? Как бы то ни было, саморазоблачения г-жи Блаватской чуть не вышли за пределы круга близких к ней людей, так как она однажды написала своему соотечественнику Соловьеву следующее:

> Я заявлю и опубликую в «Таймс» и во всех газетах, что «учитель» (Мория) и «махатма Кут Хуми» — это исключительно продукты моего собственного воображения, что я их придумала, что феномены в большей или меньшей степени являются спиритуалистическими видениями, и за мной будет двадцать миллионов спиритов[76].

Если бы этой угрозы не оказалось достаточно, чтобы произвести желанный эффект на определённые круги, на кото-

---

[74] «Ключ к теософии», стр. 395-397.

[75] Выдержка из книги «Страницы старого дневника», воспроизведённая в «Голубой лотос», 27 ноября 1895, стр. 418.

[76] Письмо за февраль 1886 г.

рые она, помимо адресата этого письма, и была нацелена, г-жа Блаватская без сомнения не отказалась бы от реализации этого замысла, и тогда её авантюра закончилась бы точно также, как и авантюра Таксиля, но тот, когда обманывал, утверждая правдивость всего рассказанного им, вполне мог ещё и обманывать, заявляя, что всё это было ложью, либо чтобы избежать нескромных вопросов, либо по любой другой причине. Во всяком случае, совершенно очевидно, что можно имитировать лишь то, что существует: именно это следует отметить по поводу так называемых «психических» феноменов, сама симуляция которых предполагает, что существуют какие-то реальные феномены этого же порядка. Точно также, если так называемые «махатмы» являются выдумкой (в чём мы нисколько не сомневаемся), они нужны были не только в качестве масок для влиятельных персон, которые эффективно действовали, стоя за спиной г-жи Блаватской, но сами их вымышленные образы воспроизводили предшествующую модель. Теософисты охотно представляют «махатм» как наследников риши ведийской Индии и архатов первоначального буддизма[77]; и о тех и о других им известно, впрочем, не слишком много; но сформированные весьма ложные представления о них позволили теософистам приписывать своим «учителям» некоторые их черты. Только самое главное в их характеристиках имеет другой источник происхождения, и не надо ехать так далеко: почти все инициатические организации, в том числе и западные, всегда ссылались на неких «учителей», которые назывались по-разному; именно такими были «адепты» розенкрейцеров; и точно такими — «Высшие Неизвестные» масонства высших ступеней XVIII столетия. Там также идёт речь о живых людях, обладающих определёнными трансцендентальными и сверхъестественными способностями; и г-жа Блаватская, хотя она, конечно, не имела никаких отношений с «учителями» этого рода, могла, однако, собрать о них боль-

[77] «Эзотерический буддизм», стр. 18-24.

ше информации, чем о риши и архатах, которые к тому же никогда не рассматривались никоим образом как главы какой-либо организации и поэтому не могли послужить прототипом для «махатм».

Мы видели, что г-жа Блаватская поддерживала контакты с розенкрейцерскими организациями, которые, будучи крайне далёкими во всех отношениях от первоначальных розенкрейцеров, тем не менее сохранили определённые представления об «адептах». С одной стороны, она была знакома с различными трудами, содержавшими некоторые данные по этому вопросу; так, среди книг, которые она изучала в Америке в компании Олкотта и о которых мы ещё поговорим, упоминаются «Пылающая звезда» барона Чуди и *Magia Adamica* Евгения Филалета[78]. Первая из этих книг (чей автор был учредителем нескольких высоких степеней масонства), опубликованная в 1766 г., содержит «Катехизис неизвестных философов»[79], большая часть которого взята из работ розенкрейцера Сендивогиуса, называемого также космополитом; под этими псевдонимами, как полагают некоторые, скрывался Михаэль Майер[B]. Что касается автора второй книги, которая датируется 1650 г., то им являлся ещё один розенкрейцер, чьё подлинное имя, как говорят, было Томас Воган, хотя в разных странах он был известен под разными именами: Чайльд в Англии, Цайл в Америке, Карнобиус в Голландии[80]; он вообще был личностью очень таинствен-

[78] Письмо Олкотта Стейнтону Мозесу от 22 июня 1875 г.

[79] Это наименование является обозначением степени, которое встречается в нескольких обрядах, а именно в обряде Филалета. Известно, что оно служило псевдонимом Луи Клода де Сен-Мартена.

[B] Освальд Вирт (*Le Symbolisme hermétique dans ses rapports avec l'Alchimie et la Franc-Maçonnerie*, стр. 83) безо всяких подтверждений отождествляет Сендивогиуса с Михаэлем Майером, что кажется нам довольно сомнительным. [Примечание ко 2-му изданию.]

[80] Его иногда путают с другим розенкрейцером, чьи псевдонимом был Эриней Филалет; согласно некоторым источникам, под этим именем скрывался живший в Америке Джордж Старки; согласно другим, его настоящим именем было якобы Чайльд, а Старки был его учеником, а не как думают первые, учеником Томаса Вогана.

ной и, может быть, самой любопытной, дело в том, что «согласно преданию, он до сих пор ещё не покинул эту землю»[81]. Истории такого рода не столь редки, как может показаться, и есть свидетельства об адептах, которые прожили несколько столетий и которые, являясь в различные времена, внешне совершенно не менялись; упомянем в качестве примера историю графа Сен-Жермена, которая, без сомнения, наиболее известна, и историю Гуальди, алхимика из Венеции; между тем теософы рассказывают точно такое же о «махатмах»[82]. Нет оснований искать происхождение их образов в древних местах, и даже сама идея помещать их обитель в Индии или в Центральной Азии берёт своё начало из тех же самых источников. Так, в работе, опубликованной в 1714 г. Синсерусом Ренатусом, основателем «Розы и золотого креста», утверждается, что учителя «Розы и креста» некоторое время назад удалились в Индию, и что ни одного из них не осталось в Европе; то же самое рассказывал прежде Генрих Нойхаус, добавлявший, что их отъезд произошел после начала Тридцатилетней войны. Что бы мы ни думали об этих утверждениях (уместно также добавить к ним мнение Сведенборга, что отныне только среди мудрецов Тибета и Тартарии следует искать «потерянный ключ», т. е. тайны посвящения), ясно, что розенкрейцеры были связаны с восточными, в особенности мусульманскими организациями; помимо их собственных слов есть ещё такое примечательное свидетельство: путешественник Поль Люка, странствовавший в эпоху Людовика XIV по Греции и Малой Азии, сообщает, что у Бурсы он встретил четырёх дервишей, один из которых говорил чуть ли не на всех языках мира (эту же особенность приписывают розенкрейцерам). Он рассказал ему, что принадлежит к группе из семи человек, которые раз в двадцать лет собираются в каком-то назначенном городе; он утверждал, что философский камень позволяет прожить

[81] Лео Таксиль выдавал свою знаменитую Диану Воган за потомка этого персонажа (см.: «Голубой лотос», 27 декабря 1895).

[82] «Оккультный мир», стр. 269-270.

тысячу лет, и поведал ему историю Николя Фламеля, которого считали мёртвым и который жил, оказывается, в Индии вместе со своей женой[83] [C].

Мы не претендуем на то, чтобы сформулировать здесь мнение о существовании «махатм» и реальности их необычных способностей: пришлось бы вдаваться в излишние подробности, как этого требует тема, которая имеет принципиальную важность для всех тех, кого интересует изучение вопросов, связанных с масонством, и в особенности столь спорного вопроса об «оккультных силах»; может быть, впоследствии нам представится возможность вернуться к ней. Мы показали, что г-жа Блаватская просто приписывала «махатмам» то, что она знала (или полагала, будто знает) на тему «учителей»; она сделала при этом определённые ошибки и воспринимала буквально рассказы, которые были прежде всего символическими; но ей не стоило больших усилий воображения составить портрет этих персонажей, которых она поместила в конце концов в недоступную область Тибета, чтобы сделать невозможной какую-либо проверку сообщаемых ею сведений. Она утратила чувство меры, когда написала Соловьеву фразу, которую мы приводили выше, так как образец, по которому она представляла «махатм», никоим образом не являлся её изобретением; она только оказалась во власти неверного понимания, и поскольку её внимание было всецело поглощено «феноменами», она всегда смотрела на серьёзные инициатические общества как на нечто, не заслуживающее внимания; кроме того, она создала, более или менее намеренно, путаницу между «махатмами» и своими подлинными скрытыми вдохновителями, разумеется, не обладавшими ни одной из черт, которые она им без всякого основания приписывала. Впоследствии повсюду, где теософисты встречали какой-либо намёк на «учителей», у розенкрейцеров или где-либо

---

[83] *Voyage du sieur Paul Lucas*, гл. XII.

[C] Полное наименование цитируемой книги: *Voyage dans la Grèce, l'Asie Mineure, la Macédoine et l'Afrique* (1712). [Примечание ко 2-му изданию.]

ещё, и повсюду, где они обнаруживали что-либо аналогичное в том немногом, что они знали о восточных традициях, они заявляли, что речь идёт о «махатмах» и их «Великой белой ложе», что, собственно, представляет собой переворачивание с ног на голову естественного порядка вещей, так как очевидно, что копия не может предшествовать оригиналу. Те же самые теософисты, впрочем, стремились подобным образом использовать вещи, имеющие самое различное происхождение, иногда весьма неожиданное; именно так они хотели извлечь пользу из видений Анны-Катарины Эммерих, отождествляя с таинственной обителью их «учителей мудрости» место, возможно символическое, которое набожная уроженка Вестфалии описала под названием «Гора Пророков»[84] [D].

Предполагается, что большинство «учителей», как мы говорили, живет на Тибете, таковы те, которых у нас был повод здесь упомянуть, и именно эти тибетские «учителя» являются собственно «махатмами», хотя этот термин, как мы уже заметили, почти вышел из употребления. Однако есть несколько других, чья резиденция находится не столь далеко, как утверждают теософисты: по крайней мере, с тех пор как «махатмы» стали решительно отождествляться с «адептами» в значении этого слова, принятом у розенкрейцеров, один из них[E] якобы постоянно обитает на Балканах; правда, роль, которая ему приписывается, относится скорее к розен-

---

[84] См.: *Le Théosophe*, 16 февраля и 1 марта 1912; 16 августа 1913.

[D] Рассказы о видениях, связанных с «Горой Пророков», разбросаны по трём томам «Жизни Анны-Катерины Эммерих», написанной отцом К. Э. Шмегером и переведенной на французский язык аббатом Э. де Казалесом. [Примечание ко 2-му изданию.]

[E] «Учитель», о котором здесь говорится, — тот, кого теософисты обозначают обычно заглавной буквой *R*., то есть граф Ракоци (Франц II, князь Трансильвании), отождествляемый ими со знаменитым графом де Сен-Жерменом, а также с графом Фердинандом фон Гомпешем, последним великим магистром рыцарей Мальты, имевшим резиденцию на этом острове (см. статью Веджвуда с портретами в «Голубом Лотосе» за ноябрь 1926 года и книгу E. F. Undy, *Le Christianisme primitif dans l'Evangile des Douze Saints*, к которой мы ещё вернёмся). [Примечание ко 2-му изданию.]

крейцерству, нежели к обычному теософизму. А с этим «учителем», по-видимому одним из «семи адептов», о которых рассказывает граф Мак-Грегор, у нас связаны личные воспоминания: несколько лет назад, если не изменяет память, в 1913 г., нам было предложено встретиться с ним (речь, впрочем, шла о деле, с которым теософизм, в принципе, не имел ничего общего); так как это нас ни к чему не обязывало, мы охотно согласились, не питая, однако, особенных иллюзий насчёт плодов этой встречи. В назначенный для встречи (которая должна была состояться совсем не в «астрале») появился только влиятельный член Теософского общества, который, прибыв из Лондона, где тогда находился «учитель», заявил, что тот не смог сопровождать его в путешествии и нашёл какой-то предлог для извинений. С тех пор больше ни о чём не шло и речи, и мы только узнали, что корреспонденция, адресованная «учителю», прочитывалась г-жой Безант. Без сомнения, это не говорит о том, что «учителя», о котором здесь говорится, не существует на самом деле; также мы остережемся от того, чтобы сделать какой-либо вывод на основании этой истории, в которую, с другой стороны, оказалась ещё впутанным, как бы случайно, имя мистического императора.

Вера в «учителей», и именно в таких «учителей», как их понимали г-жа Блаватская и её последователи, является тем самым основой всего теософистского учения, которое имеет одно только это обоснование; либо оно выражает знание, приобретенное через «учителей» и сообщенное ими, либо оно есть нагромождение лишённых всякой ценности фантазий; также и графиня Вахтмайстер сказала, что «если бы не существовало махатм или адептов, «теософское» учение было бы ложным»[85], в то время как г-жа Безант, со своей стороны, заявила категорически: «Без махатм общество является нелепостью»[86]. Напротив, с «махатмами» общество обла-

[85] *Reminiscences of H. P. Blavatsky*, гл. IV.

[86] «Люцифер», 11 ноября 1890.

дает уникальной природой и исключительной важностью: «В современной жизни оно занимает совершенно особое место, так как его происхождение принципиально отличается от происхождения всех нынешних учреждений»[87], «оно относится к достоянию всего человечества»[88], и «вступить в Теософское общество означает оказаться под прямой защитой высших руководителей человечества»[89]. Итак, если «учителя», как могло показаться, в определённые моменты, немного отходили в тень, тем не менее они никогда не исчезали и не могли исчезнуть из теософизма; возможно, они не проявляли себя через такие вызывающие большой резонанс феномены, как в начале, но среди членов общества о них говорят столь же много, как и во времена Блаватской.

Несмотря на это, младшие члены Теософского общества относятся с таким почтением к своим видимым лидерам, с каким относились вначале только к «учителям», и почтение это доходит до настоящего обожествления. Возможно, это из-за того, что они находят «учителей» слишком далёкими и слишком недоступными, или потому что авторитет этих необычных существ отразился на тех, которые, как верят, находятся с ними в постоянном контакте? Может быть, имеют место и та и другая причина; новичку, который желает вступить в общение с «учителями», советуют сначала пройти через посредничество их учеников и прежде всего президента Теософского общества.

> Он сможет, — утверждает м-р Уэджвуд — заставить своё сердце биться в унисон с её сердцем, изучая её труды, статьи и лекции. И он воспользуется её изображением, чтобы представить себе её образ в медитации. Каждый день в одно и то же время он будет созерцать этот образ и ис-

---

[87] *L'Occultisme dans la Nature*, стр. 311.

[88] Там же, стр. 380.

[89] *De l'an 25000 avant Jésus-Christ à nos jours*, стр. 66-67.

полняться к нему любовью, преданностью и благодарностью[90].

Когда мы говорим об обожествлении, не надо думать, что мы хоть в малейшей степени допускаем преувеличение; кроме вышеупомянутого текста, в котором употребление слова «почтение» является уже достаточно знаковым, можно прийти к такому заключению на основании следующих двух примеров: несколько лет назад в конфиденциальном письме, адресованном его коллегам в чрезвычайных обстоятельствах, м-р Джордж С. Арундейл, глава Центрального индусского колледжа (*Central Hindu College*) в Бенаресе, назвал г-жу Безант «будущей водительницей богов и людей», и совсем недавно в городе Миди во Франции на празднике «Белого лотоса» (в память о смерти г-жи Блаватской) представитель «апостольского центра» написала перед портретом основательницы: «Почитайте её, как я сама её почитаю». Всякий комментарий будет излишним, и нам остается добавить ещё пару слов на эту тему: как бы ни были нелепыми подобные вещи, нет повода особенно этому удивляться, так как, зная, что представляют собой «махатмы», и, основываясь на личном заявлении г-жи Безант, вполне допустимо прийти к выводу, что в теософизме нет ничего, кроме «нелепости».

[90] *Revue Théosophique française*. 27 января 1914.

Глава V. Дело «Общества психических исследований»

Случай с профессором Киддлом стал первым публично нанесенным ударом по репутации Теософского общества[A]. Синнетт, первоначально хранивший молчание касательно этого дела, решился в четвёртом издании «Оккультного мира» представить достаточно невразумительное объяснение, данное самим Кут Хуми: плагиат имел место, — утверждал тот, — из-за оплошности и небрежности одного «чела» (монашествующего ученика), который был обязан «осадить» и передать его послание и который пропустил как раз ту часть, где указывалось, что злополучный отрывок является только цитатой. «Учитель» вынужден был признать, что он имел «неосторожность» позволить отправить своё письмо, не просмотрев его, чтобы внести правку. Кажется, что он очень устал, и в это следует поверить, так как ему в этом случае особенно не хватило «ясновидения»[91]. Установив полный состав текста послания и представив мистеру

[A] Касательно письма Кута Хуми, имеющего отношение к делу Киддла, следует отметить, что г-н А. Т. Баркер в 1923 году опубликовал письма «Махатм М. и К.Х.» к А.П. Синнету, а в 1925 году — письма г-жи Блаватской тому же А.П. Синнету; последняя публикация совпала (по всей видимости намеренно) с пятидесятилетней годовщиной основания Теософского общества. Первая из этих двух книг вызвала протест, особенно (как мы увидим далее) у французской ветви Либеральной Католической церкви; кроме того, после перевода этой книги на французский произошла довольно странная вещь: г-н Баркер выступил против его публикации, и весь тираж пришлось уничтожить; видимо, там были изменены или удалены все фрагменты, которые можно истолковать как преждевременное осуждение «церковных начинаний» нынешнего теософизма. [Примечание ко 2-му изданию.]

[91] «Оккультный мир», стр. 279-284. См. об этом хронику Анатоля Франса в *Le Temps* от 24 апреля 1887 г. и другую — Жоржа Монторгёя в *Paris* от 29 апреля 1887 г.

Киддлу свои весьма запоздалые извинения, неунывающий Синнетт закончил следующими словами:

> Нам не следует слишком жалеть об этом происшествии, так как оно стало поводом получить полезные объяснения и позволило нам ближе познакомиться с некоторыми весьма интересными деталями, касающимися способов, которыми иногда пользуются адепты для передачи своей корреспонденции[92].

Синнетт имел в виду объяснения так называемого Кут Хуми касательно способов «осаждения», но подлинные методы, в действительности использовавшиеся для передачи этой корреспонденции, начали к тому времени становиться известными благодаря заявлениям Аллана О. Хьюма. Если эти феномены и производились более легко и в большем количестве в штаб-квартире общества, чем где бы то ни было, причины этого заключались вовсе не в

> высшем симпатическом магнетизме, которым владели г-жа Блаватская и ещё один или два человека, чистота жизни всех тех, кто постоянно там находился, и влияния, непрерывно распространяемые там самими братьями[93].

Правда же в том, что г-жа Блаватская в Адьяре была окружена приятелями, которых она не могла куда-либо взять с собой, не вызвав подозрений. Не говоря об Олкотте, следует прежде всего упомянуть супругов Куломб, её бывших компаньонов по каирскому «клубу чудес», которых она вновь встретила в Индии вскоре после своего прибытия; также там был некий Бабула, который прежде был ассистентом французского иллюзиониста и сам похвалялся, что он «создавал и показывал махатм на кисейной ткани», точно также как псевдомедиумы производят «материализации»; и ещё несколько мнимых «чела», вроде Дамодара К. Мавеланкара, Субба Рао и Мохини Мохандаса Чаттерджи, помо-

---

[92] «Оккультный мир», стр. 295.

[93] Там же, стр. 245.

гавших г-же Блаватской в написании «осажденных» писем, как она позже сама призналась в этом Соловьеву[94]. Наконец, когда всех этих сознательных помощников ей стало не хватать, нашлись ещё сообщники, действовавшие неосознанно и вынужденно, такие как Дхабагири Натх Баваджи, который, согласно письменному заявлению, сделанному им 30 сентября 1892 года, целиком находился под гипнотическим влиянием г-жи Блаватской и Дамодара К. Маваланкара, и верил во все, что они ему говорили, и делал все, что они ему внушали. С подобным окружением многое становилось возможным, и г-жа Блаватская умела его великолепно использовать, когда речь шла о том, чтобы обращать людей в своё учение или даже извлекать из этого более осязаемую выгоду. Так она писала г-же Куломб по поводу некоего г-на Джейкоба Сассуна:

> Нынче, моя дорогая, мы поменяем программу, он собирается дать десять тысяч рупий, если только увидит маленький феномен[95].

Однако наличие большого количества сообщников не обошлось без некоторых неудобств, так как было трудно быть уверенным в их умении держать язык за зубами, и как оказалось, супруги Куломб были небезупречны в этом отношении. Вот почему, видя, что дело принимает дурной оборот, г-жа Блаватская отправилась в Европу вместе с Олкоттом и Мохини Мохандасом Чаттерджи, до этого сформировав административный совет, куда вошли Сент-Джордж Лэйн Фокс, д-р Франц Гартман, Деван Бахадур Рагунатх Рао, Шринивас Рао и Т. Субба Рао, потребовав от Лэйна избавить её от Куломбов. Это и было сделано под каким-то предлогом в мае 1884 года, в то самое время, когда г-жа Блаватская только что провозгласила в Лондоне: «Моя миссия заключается в том, чтобы ниспровергнуть спиритуализм, обратить материалистов и доказать существование тибетских бра-

[94] «Современная жрица Изиды», стр. 157.

[95] М-м *Coulomb*, *Some account of my intercourse with Mme Blavatsky*.

тьев»[96]. Куломбы не замедлили отомстить. Как говорят, они продали миссионерам письма г-жи Блаватской, которые были в их распоряжении. Во всяком случае, эти письма были опубликованы вскоре в одной мадрасской газете[97]. Надо полагать, этот быстрый ответ был особенно чувствителен для г-жи Блаватской, так как после первых же полученных новостей она спешно приказала Олкотту, находившемуся в Адьяре, «уладить дела» и написала Соловьеву:

> Все потеряно, даже честь. Я выслала заявление об уходе и покину сцену действия. Я уеду в Китай, Тибет, к черту на кулички, если надо, где никто меня не найдет, не увидит и не узнает, где я. Для всех я буду мертва, за исключением двух или трёх преданных друзей вроде вас, и я желаю, чтобы думали, что я умерла. Тогда, через пару лет, если смерть пощадит меня, я вернусь с новыми силами. Это уже решено и утверждено самим «генералом» (Морией)… Эффект от моего ухода, о котором я публично объявлю, будет огромным[98].

Несколькими днями спустя, она ещё написала:

> Я подала в отставку, и в настоящее время царит самая необычная неразбериха. «Генерал» приказал совершить этот стратегический ход, и ему виднее. Конечно, я остаюсь членом общества, но рядовым членом и на один или пару лет я покину поле битвы… Я бы хотела уехать в Китай, если махатма разрешит, но у меня нет денег. Если узнают, где я, то все потеряно… Моя программа такова: пусть о нас говорят так загадочно, насколько это возможно, и в неопределённой манере. Пусть теософы будут окружены такой пеленой тайны, чтобы сам дьявол был бы не способен разглядеть что бы там ни было, даже надев очки»[99].

Но внезапно она переменила мнение: из Парижа, где она тогда находилась, г-жа Блаватская на пятнадцать дней уеха-

---

[96] *Pall Mall Gazette*, 26 апреля 1884.

[97] Christian College Magazine, сентябрь-декабрь 1884.

[98] «Современная жрица Изиды», стр. 94-95.

ла в Лондон, а затем отправилась в Адьяр, куда она прибыла в начале 1884 года.

Между тем, в это время Лондонское Общество психических исследований, внимание членов которого привлекла теософистская пропаганда, ведшаяся почти по всей Европе, назначило комиссию для изучения природы «феноменов» г-жи Блаватской. Направленный этой комиссией, д-р Ричард Ходжсон выехал в Адьяр. Он прибыл туда в ноябре 1884 года и принялся за кропотливое исследование, продолжавшееся до апреля 1885 года. Результатом его стал длинный доклад, в котором в деталях были показаны все «трюки», использовавшиеся г-жи Блаватской, и который заканчивался выводом, «что её нельзя назвать ни глашатаем неизвестных общественности ясновидцев, ни обычной авантюристкой; представляется, но что она заняла своё место в истории как одна из самых совершенных, искусных и интересных обманщиц, чьё имя заслуживает быть увековеченным для потомков»[100]. Этот доклад был опубликован только в декабре 1885 г. после тщательного изучения представителями Общества психических исследований, объявившими, как следствие, г-жу Блаватскую «виновной в том, что, сотрудничая на протяжении длительного времени с другими лицами, при помощи вполне обычных средств произвела серию мнимых чудес с целью пропаганды теософского движения». Это новое дело стало, гораздо большим ударом, чем предыдущие: оно не только подтолкнуло многих людей к тому, чтобы покинуть лондонское отделение, но и скоро стало известным за пределами Англии[101] и, наряду с другими происшествиями, о которых у нас пойдет дальше речь, привело почти к полному распаду парижского филиала.

Доклад д-ра Ходжсона опирался на многочисленные убедительные документы, а именно на переписку г-жи Блават-

---

[99] Там же, стр. 99.

[100] *Proceedings of the Society for Psychical Research*, декабрь 1885, стр. 503.

[101] См. *Revue Scientifique*, 16 апреля 1887, стр. 503; *Revue Philosophique*, апрель 1887, стр. 402; *Revue de l'Hipnotisme*, февраль 1887, стр. 251, и пр.

ской с Куломбами, переписку, чью подлинность невозможно оспорить: Альфред Александр[B], который и издал эти письма, не побоялся, что Блаватская подаст на него в суд. Некоторое время спустя, после того как Куломбы вызвали её в качестве свидетеля на процесс, который они затеяли против одного члена Теософского общества, генерала Моргана, подав против него иск, она поспешила, хоть и будучи больна, уехать в Европу, оставив на этот раз Олкотта в Адьяре, это произошло в начале апреля 1885 г. С другой стороны, эта переписка, подвергнутая экспертизе двух самых опытных экспертов Англии, была признана ими подлинной, также её признал таковой Мэсси, бывший президент лондонского отделения, который во время дела Киддла обнаружил, что прибытие «осажденных писем» в его дом было обязано только ловкости наемной домработницы г-жи Блаватской[102]. Добавим, что английские эксперты также изучили различные письма «махатм», которые удалось заполучить д-ру Ходжсону, и они подтвердили, что эти письма являются продуктом творчества г-жи Блаватской и Дамодара К. Маваланкара. Это полностью соответствует различным заявлениям, которые мы уже приводили[C]; впрочем, Маваланкар покинул Адьяр в то же время, что и г-жа Блаватская, и утверждали, что он удалился в Тибет.

[B] Г-н Альфред Александр, опубликовавший переписку г-жи Блаватской с четой Куломбов, — тот же г-н Александр из Корфу, о котором говорится в письме Питера Дэвидсона Ф.-Ш. Барле в 1887 году (см. гл II, доп. прим. E). [Примечание ко 2-му изданию.]

[102] *Daily Chronicle* (Лондон), 17 и 18 сентября 1893 г.; *Religio-Philosophical Journal* (Чикаго), июнь 1885 г., статья Уильяма Эммета Коулмана.

[C] Видимо, один почерковед действительно имел мнение, противоположное суждению коллег и утверждал, что почерк г-жи Блаватской не имеет ничего общего с почерком «учителей». Этот факт не был известен нам при подготовке первого издания, иначе мы не «умолчали» бы о нём, как нас упрекают; впрочем, он едва ли что-нибудь доказывает, ведь подобные расхождения во мнениях отнюдь не редкость. Что касается инцидента, с Масси, о нём сообщил сам Синнет в *The Early Days of Theosophy in Europe*, стр. 69-71 (см. также статью о. Герберта Терстона: *Mrs Blavatsky and the Jubilee of Theosophy* в *The Month* за январь 1926 г.). [Примечание ко 2-му изданию.]

Мы только что упомянули, что г-жа Блаватская была больна во время своего отъезда. Она воспользовалась этим обстоятельством, чтобы забрать с собой д-ра Гартмана, ибо она очень хотела удалить его из Адьяра, потому что его роль была весьма двусмысленной, она даже откровенно обвиняла его в том, что он вёл двойную игру и лил воду на мельницу её недругов:

> Этот ужасный человек, — писала она о нём, причинил мне больше зла своей защитой и часто своим двуличием, чем Куломбы своей откровенной ложью… Когда-то он защищал меня в своих письмах к Хьюму и другим теософам, и он возвел тогда на меня такую клевету, что все его корреспонденты настроились против меня. Именно он превратил из друга во врага Ходжсона, представителя Лондонского общества психических исследований, направленного для изучения феноменов в Индию. Он циник, обманщик, хитрый и мстительный, его зависть к учителю (*sic*) и зависть ко всякому, кто удостаивался малейшего внимания учителя, просто отвратительны… Сейчас я смогла избавить от него общество, согласившись взять его с собой под предлогом, что он врач. Общество и его глава Олкотт так боялись его, что не осмелились его изгнать. И он сделал всё это, желая управлять мною и вытянуть из меня все, что я знаю, чтобы только я не поручила Субба Рао написание «Тайной доктрины», а писать самому под моим руководством. Но он серьёзно ошибся. Я привезла его сюда и сказала ему, что не буду сейчас писать «Тайную доктрину», но я буду писать для русских журналов, и я отказалась вообще от разговоров с ним на тему оккультизма. Видя, что я сохраняю молчание и ничему не собираюсь его учить, он, в конце концов, уехал. Вне всякого сомнения, он примется распространять про меня небылицы среди членов немецкого общества, но мне сейчас все равно, пусть лжет[103].

Поистине, приходится признать, что у этих апостолов «всеобщего братства» совершенно милая манера обращать-

[103] Письмо из Неаполя от 23 мая 1885 г.

ся друг с другом. Впрочем, факты, легшие в основу этих обвинений со стороны г-жи Блаватской, являются нечто туманным: Гартман по приказу «махатм» подготовил ответ на доклад Ходжсона, но после того как генерал Морган стал угрожать устроить скандал, потому что его имя оказалось упомянуто в нём, Олкотт заставил уничтожить этот труд[104]; роль этого Моргана, бывшего генералом индийской армии, это ещё одна загадка. Гартман отомстил несколькими годами позже, в 1889 году, опубликовав (спрашивается, как ему это удалось) в теософском журнале «Люцифер», личном печатном органе г-жи Блаватской, повесть под заглавием «Говорящая статуя Урура», представляющую собой под покровом прозрачной аллегории (Урур — это название местности, располагающейся рядом с Адьяром) лишь нечто вроде сатиры на общество и его основателей.

Если послушать г-жу Блаватскую, так оказывается, что недостатком общества, является то, что она его основала и его члены не переставали требовать от неё чудес:

> «Такова «карма» Теософского общества, — сказала она графине Вахтмайстер, — и она лежит на мне. Я козел отпущения; я обречена на то, чтобы нести на себе все грехи общества […] О проклятые феномены, которые я производила только для того, чтобы доставить удовольствие отдельным друзьям и дать наставления тем, кто меня окружал![105] Люди мне постоянно досаждали. Только и слышишь: «материализуйте это!» Или: «Дайте послушать звон астрального колокольчика» и так далее… В ту пору, так как мне не хотелось их разочаровывать, я отвечала на их просьбы, сейчас же я должна страдать от этого»[106].

Чуть позже она написала графине:

> Эти злосчастные феномены, — погубили мою репутацию, это все ерунда и я с юмором относилась к этому, но они

[104] *Lotus*, март 1889, стр. 708.

[105] *Reminiscences of H. P. Blavatsky*, гл. IV.

[106] Там же, гл. VIII.

также погубили Теософию в Европе… Феномены — это проклятие и мина под общество[107].

Что бы там ни было, и какой несчастной не была в ту пору г-жа Блаватская на самом деле, уместно предположить, что если бы эти феномены на самом деле внушали бы доверие, она бы по возвращении в Европу не упустила бы возможности продемонстрировать их перед членами Общества психических исследований, чьё окончательное заключение ещё не было вынесено к тому времени, и многие из которых, к тому же, являлись членами теософского филиала в Лондоне[108], но она воздержалась от того, чтобы вновь прибегнуть к этому опыту, который был бы, однако, единственным достойным ответом, который она могла дать своим обвинителям. Вместо этого, Блаватская ограничилась заявлением, что «если бы её не сдерживали», и «если бы не было вопросов, на которые она торжественно поклялась никогда не отвечать», она бы подала на них в суд, и также ограничилась тем, что называла «ложью» теперь, когда она была так далеко, откровения Куломбов[109], сами же феномены практически полностью прекратились, в то время как они производились в обилии во время её пребывания в Европе на протяжении предшествующего года[110]. На этот счёт нам следует сказать, что по мнению некоторых нынче в теософистском движении нет и речи об этих оккультных феноменах, которые занимали столь большое место в начале его истории, либо, возможно, потому, что к их изучению в конце концов потеряли интерес, либо потому, что они служили в сущности лишь для того, чтобы привлечь сторонников (г-жа Бла-

---

[107] Там же, гл. IX.

[108] Сам Майерс, бывший основателем и президентом этого общества, на протяжении трёх лет был членом Теософского общества.

[109] См. заявление протеста от 14 января 1886 года, которое она включила в брошюру Синнетта *The Occult World Phenomena and the S.F.P.R.* См. также статью «Судьи или клеветники», которую она опубликовала чуть позже в *Lotus*, июнь 1887.

[110] См. *Monde Occulte*, стр. 327-349 (послесловие переводчика).

ватская сама приписывала им эту роль, по словам графини Вахтмайстер)[111], и с тех пор, якобы научились обходиться без того, чтобы прибегать к ним для этой цели. В действительности, хотя злоключения г-жи Блаватской и положили конец шумным демонстрациям, поскольку они только слишком наглядно показали, насколько определённые промахи опасны для репутации их авторов, теософисты, тем не менее, продолжили заниматься «развитием скрытых возможностей человеческого организма», а именно таковой была основополагающая цель «эзотерической секции», носившей также название «Восточной теософской школы». Вот выдержка из декларации принципов Теософского общества (достаточно отличающейся от первой декларации, вышедшей в Нью-Йорке), которая представляет доказательства этого:

> Теософское общество имеет следующие цели: 1. Основать ядро всеобщего братства без различия пола, цвета кожи, расы, социального положения, религиозной и партийной принадлежности и т. п. 2. Поощрять изучение арийских и восточных литератур, религий и наук. 3. Исследовать необъясненные законы природы и скрытые силы человека. Первые две цели являются экзотерическими и основываются на единстве жизни и истины при всех различиях формы проявления и эпохи. Третья является эзотерической и основывается на возможности осознания этого единства и постижения этой истины.

Впрочем, чтобы убедиться, что всё остается по-прежнему, достаточно лишь бегло просмотреть труды Ледбитера, где только и говорится об «ясновидении», проявлениях «адептов», «элементалах» и других сущностей из «астрального мира», и это можно встретить даже в самых последних работах. Конечно, подобные вещи сами по себе представляют строго ограниченный интерес, но теософисты так не считают, они в большинстве своем испытывают к ним самую жи-

[111] *Reminiscences of H. P. Blavatsky*, гл. VIII.

вую тягу, и среди них есть даже такие, кто не интересуется ничем другим. В любом случае, эти вещи имеют большее преимущество над теориями даже более чуть высокого плана своей общедоступностью и способностью доставить некоторую видимость удовлетворения самым примитивным и самым ограниченным умам[112].

Некоторые думают, что в составе «Теософского общества» не существует более «эзотерической секции», но ничего подобного. Правда в том, что ради обмана её преобразовали в организацию, номинально отдельную от общества, но тем не менее по-прежнему подчинённую тому же самому руководству. С другой стороны, посчитали за благо отменить знаки отличия, которые прежде имели хождение среди членов Теософского общества в подражание масонству и множеству других тайных обществ. Знаки эти обычно относят, хоть и неверно, к сущностно важным характерным чертам любого тайного общества. Мы сказали: «неверно», так как нам известно, что прежде всего на Востоке существуют некоторые организации, как раз относящиеся к числу самых закрытых, которые не используют никаких внешних знаков отличия, об этом теософисты, может быть, не знают, и их организацию ни в каком отношении нельзя сравнить с этими. Мы хотим этим просто показать, что отмена знаков абсолютно ни о чём не свидетельствует, и ей не следует придавать никакого значения, тем более, что эти знаки в противоположность тому, что имеет место в других организациях, например, в масонстве, не могли обладать в этом столь недавно созданном обществе ни малейшим традиционным символическим значением.

[112] Один индус сказал нам однажды, говоря о Ледбитере: «Он один из самых грубо мыслящих людей, которых я когда-либо знал».

Глава VI. Госпожа Блаватская и Соловьев

Возвратившись в Европу, г-жа Блаватская поселилась сначала в Германии, в Вюрцбурге; там опять произошли события, заслуживающие нашего внимания. Г-жа Блаватская пригласила Соловьева провести у неё некоторое время, обещая научить его всему и показать ему столько феноменов, сколько он захотел бы[113], но Соловьев не испытывал к ней доверия, и всякий раз, когда Блаватская пыталась сделать что-нибудь, её уличали в явном обмане, и это было тем более легко, что она в это время пользовалась помощью одного только Баваджи, сопровождавшего её в путешествии вместе с д-ром Гартманом и некой мисс Флайнс. В сентябре 1885 года Баваджи, будучи проездом в Париже, заявил г-же Эмили де Морсье, бывшей тогда секретарем парижского отделения и вскоре после этого ушедшей из общества, что «г-жа Блаватская, зная, что она сможет завоевать на свою сторону г-на Соловьева, только прибегнув к оккультизму, постоянно обещает ему посвятить его в новые тайны», и также что она иногда просит: «Но что мне вам ещё сказать? Баваджи, спасите меня, найдите какой-нибудь выход, я не могу больше ничего придумать». Г-жа де Морсье записала эти признания и чуть позже переслала их под своей подписью Соловьеву, сам же он, в свою очередь, в 1892 году опубликовал рассказ обо всем увиденном, также как и письма г-жи Блаватской и устные откровения, которые она ему сделала, в статьях, которые затем были собраны в один том и переведены на английский д-ром Лифом под заглавием «Совре-

[113] «Современная жрица Изиды», стр. 138.

менная жрица Исиды»; этот перевод был опубликован под эгидой Общества психических исследований[A].

Однажды Соловьев застал Баваджи погруженным в гипнотическое состояние и с трудом пишущим что-то на русском языке, который он совершенно не знал; это было якобы послание, продиктованное «махатмой», но, к несчастью, в него вкралась грубая ошибка: из-за пропуска нескольких букв фраза «блаженны те, кто верует» превратилась в «блаженны те, кто врёт»[114]. Видя это, г-жа Блаватская пришла в настоящую ярость и заявила, что Баваджи стал игрушкой «элементала»[115]. В другой раз нечаянный промах г-жи Блаватской открыл Соловьеву секрет «астрального колокольчика»:

> Однажды, когда послышался звон её знаменитого серебряного колокольчика, внезапно на паркет возле неё упал некий предмет. Я поспешил его подобрать. Оказалось, что это была маленькая серебряная монета искусной чеканки. Елена Петровна тотчас же поменяла выражение лица и выхватила предмет из рук. Я многозначительно кашлянул и перевел разговор на другую тему[116].

Также однажды Соловьев обнаружил в выдвижном столе пачку китайских конвертов, точно таких же, в каких были обычно запечатаны мнимые письма «учителей»[117].

В конце концов, Соловьев заявил г-же Блаватской, что ей пора заканчивать всю эту комедию, и что он уже давным-

---

[A] Нас упрекают в широком использовании «памфлета Соловьева „Современная жрица Изиды“, сочинении человека, недостойно злоупотребившего доверием г-жи Блаватской». Ответим на это, что Соловьев был, во всяком случае, стоящим философом (возможно, единственным в России), и что люди, хорошо знавшие его, уверяли, что интеллектуальная честность этого человека вне подозрений; его иногда критиковали за чисто славянскую склонность к определённому мистицизму; но, разумеется, со стороны теософистов такой упрёк не может звучать обоснованно. [Примечание ко 2-му изданию.]

[114] На английском *Blessed are they that lie* вместо *Blessed are they that believe*. Похоже, подобная игра слов может также иметь место и в русском языке.

[115] «Современная жрица Изиды», стр. 147.

[116] Там же, стр. 149.

[117] Там же, стр. 152.

давно убедился в поддельном характере её феноменов; но, чтобы спровоцировать её на откровенность, он добавил:

> Та роль, которую вы играете, позволяет вам увлекать за собой толпы, заинтересовывать ученых, основывать общества в отдалённых землях, создать движение, такое как это! Почему меня влечёт к вам помимо моего желания? За всю мою жизнь я не встречал такой необычной женщины, как вы, и я уверен, что никогда не встречу другую такую же. Да, Елена Петровна, я восхищаюсь вами как по-настоящему сильной личностью.

Г-жа Блаватская, купившись на эту лесть, ответила:

> Мы встретились совершенно не напрасно … Олкотт полезен на своем месте, но вообще он похож на осла (*sic*). Сколько раз он меня там бросал, сколько забот он причинил мне своей неисправимой тупостью! Если только вы захотите мне помочь, мы оба удивим мир, и все будет в наших руках[118].

Именно тогда Соловьеву были названы подлинные авторы писем Кут Хуми, ему также был показан волшебный колокольчик, который г-жа Блаватская прятала под своей шалью, но она не захотела позволить ему испробовать механизм для развлечения. В завершение этой беседы, г-жа Блаватская сказала ему:

> Подготовьте почву для моей работы в России, я думала, что у меня никогда не будет возможности туда вернуться, но сейчас это возможно. Несколько человек делают там все, что в их силах, но вы можете больше, чем любой из них сейчас. Пишите больше, хвалите Теософское общество, пробуждайте интерес и создавайте письма от имени Кут Хуми на русском языке, я дам вам все материалы для этого[119].

Соловьев, конечно, мог оказать Блаватской те услуги, о которых она его просила, так как, будучи сыном знаменитого

---

[118] Там же, стр. 153-154.

историка и сам писателем, он, кроме того, занимал придворную должность, но, вместо того, чтобы согласиться, он попрощался с ней двумя или тремя днями позже и уехал в Париж, дав себе слово ничего не пытаться делать ради неё, будь ли то в литературных кругах и русских газетах или же касательно Общества психических исследований, чей доклад тогда находился в печати.

Спустя некоторое время, Блаватская написала Соловьеву письмо, отрывки из которого мы уже приводили, и в котором, полагая, что адресат сообщит о его содержимом некоторым членам общества, она угрожала публично заявить о том, что «махатм» не существует, продолжая много распространяться касательно никому не известных тайн своей частной жизни. Несколькими днями позже она написала другое письмо, в котором умоляла своего соотечественника не «предавать» её. Вместо ответа Соловьев 16 февраля 1886 г. написал о своем уходе г-ну Оукли, секретарю общества в Адьяре, в качестве основного выдвигая следующий мотив: «Г-жа Блаватская хотела использовать мое имя и побудить меня подписать и опубликовать рассказ о феномене, произведенном поддельным путём в апреле 1884 года». Впрочем, г-жа Блаватская вообще любила действовать таким образом, и она намеревалась управлять одураченными ею, имея их подпись. Она сказала Соловьеву:

> Вы не поверите, но и до, и после основания Теософского общества я не встречала более двух или трёх людей, способных наблюдать, видеть и замечать то, что происходит вокруг них! Это просто поразительно. По крайней мере, девять человек из десяти полностью лишены способности к наблюдению и не могут в точности вспомнить то, что случилось несколькими часами ранее. Сколько раз под моим руководством и с моей правкой составлялись протоколы, относящиеся к феноменам! Самые невинные и самые добросовестные люди, даже скептики, даже те, кто сейчас относится ко мне с подозрением, подписывались

[119] Там же, стр. 158.

прописью под протоколами как свидетели, и всегда я знала, что произошедшее не имеет ничего общего с тем, о чём сообщалось в этих протоколах[120].

Если Соловьев подписывал, как и многие другие, однако всё же нашлось несколько исключений, вот, например, то, что д-р Шарль Рише написал Соловьеву 12 марта 1893 г.:

Я познакомился с г-жой Блаватской в Париже в 1884 г. через г-жу де Барро[B]… Когда я вас увидел, вы мне сказали: «Думайте, что хотите, но она показала мне вещи, которые мне показались весьма удивительными, мое мнение ещё не сформировалось, но я глубоко убеждён, что это необычная женщина, наделенная исключительными способностями. Подождите, и я представлю вам более развернутые объяснения». Я подождал, и ваши объяснения оказались соответствующими тому, что я предполагал с самого начала, а именно, что она, вне всякого сомнения, мистификатор, очень умная, конечно, но чья добросовестность находится под сомнением. Тогда произошла дискуссия, материалы которой были опубликованы английским Обществом психических исследований, и сомнений больше не было. Эта история мне показалась очень простой. Она была умелой и ловкой, изобретательно демонстрировала фокусы, и всех нас она поначалу сбила с толку. Но я утверждаю, что у меня нет ни строчки, напечатанной или рукописной, которая бы свидетельствовала о чём-либо другом, чем глубокое сомнение и благоразумная сдержанность. По правде говоря, я никогда всерьёз не верил в её возможности, так как, что касается опытов, единственный подлинный вывод, который я могу допустить, это то, что она ни-

---

[120] Там же, стр. 157.

[B] О г-же де Барро см. книгу доктора *Le Spiritisme* Поля Жибье, стр. 110; кроме того, на с. 328-329 той же книги эта дама обозначена буквой «Б» в качестве лица, присутствовавшего на нескольких «сеансах» медиума Слейда. См. «Заблуждение спиритизма» — о мистификации, жертвой которой стал доктор Рише на вилле Кармен в Алжире. [Примечание ко 2-му изданию.]

когда ничего не демонстрировала убедительным образом[121].

Было бы желательно, чтобы д-р Рише и впредь всегда проявлял столь же благоразумия и проницательности, как в ту пору. Однако ему случилось позже подписывать протоколы о медиумических феноменах, которые имели такую же ценность, что и протоколы г-жи Блаватской, и протоколы о «материализациях», вполне сравнимых с «материализациями» Джона Кинга или «махатм на кисейной ткани» Бабулы.

Сообщения Соловьева, служившие подтверждением доклада Ходжсона, вызвали уход г-жи де Морсье, г-на Жюля Бессака и других, наиболее серьёзных членов парижского отделения «Исиды»[C], которое было организовано в 1884 году, имея своим президентом бывшего члена Коммуны Луи Драмара, близкого друга Бенуа Малона, сотрудничавшего в издаваемом последним *Revue Socialiste*[122]. Поэтому это отделение вскоре пришлось распустить, и Драмар приписал этот итог происка «клерикалов»[123]. Чуть позже на смену «Исиде» Артюр Арнуль, также бывший «комму-

[121] Однако, похоже из слов г-жи Блаватской явствует, что Соловьев и г-жа де Барро убедили д-ра Рише, в ту пору редактора *Revue Scientifique*, вступить в Теософское общество (*Lotus*, июнь 1887, стр. 194), когда же он впоследствии выступил против г-жи Блаватской, она назвала его «бессознательным колдуном», (там же, октябрь-ноябрь 1888: стр. 389).

[C] Здесь мы должны исправить небольшую допущенную неточность: первое французское отделение Теософского общества, основанное в 1884 году, не носило с самого начала название «Исида»; лишь в 1887 году, после отставки г-жи Морсье и прочих, французский филиал был реорганизован и получил это название. Впрочем, эта организация столько раз за несколько лет распускалась и создавалась вновь, что разобраться во всём этом нелегко; мы только в самых общих чертах обрисовали тогдашние прения среди французских теософистов; об этом можно найти весьма показательные подробности в журнале «Лотос». [Примечание ко 2-му изданию.]

[122] Чтение *La Revue Socialiste* особо рекомендовано теософистам в журнале «Люцифер», 05.1888. стр. 229.

[123] Письмо от 8 марта 1886 г., опубликованное в журнале «Голубой лотос», 1890, 7 сентября. Именно этот самый Драмар написал в другом письме: «Христианство не может дать нам ничего хорошего, в какие бы одежды оно не рядилось» (*Lotus*, 1889, январь. стр. 633).

нар» (как и Эдмон Бейи, издатель теософской литературы) учредил другое отделение[124], получившее отличительное название «Гермес». Вначале к членам отделения принадлежали д-р Жерар Анкосс (Папюс), который был его секретарем, и ряд оккультистов его школы[125]. Но в 1890 г. вследствие разногласий, чьи причины так никогда и не прояснились до конца, Папюс и его сторонники ушли или были исключены; впоследствии сам Папюс заявил, что уже тогда, когда он подал заявление об уходе, ему стали известны особо тяжкие обстоятельства, которые непременно потребовали бы его исключения[126]. Как бы там ни было, это дело вызвало к тому же и распад «Гермеса», случившийся 8 сентября 1890 года, и почти сразу же на его месте возникла ещё одна организация. Новое отделение, «Лотос», опять возглавил Артюр Арнуль «под высоким руководством г-жи Блаватской», и, в свою очередь, в 1892 г. оно было преобразовано в «Ложу Ананта». Впоследствии теософисты неоднократно обвиняли французских оккультистов в «занятиях чёрной магией». Их противники сразу же отвечали, упрекая их в «гордыне» и в «умственном опьянении». Впрочем, раздоры подобного рода совсем не редкость среди различных школ, которые можно назвать «неоспиритуалистическими», и эти раздоры почти всегда отмечены жестокостью и неслыханной яростью. Как мы уже отмечали прежде, всем людям, проповедовавшим «всеобщее братство», было бы достаточно начать проявлять чуть более «братские» чувства в отношениях между собой[127].

Что касается обвинения в «чёрной магии», то оно является самым обычным для теософистов, и они без разбора обви-

---

[124] Артюр Арнуль по неизвестным для нас причинам взял псевдоним Жана Матто, это было имя коммерсанта из Руана, который в 1786 г. был назначен провинциальным великим магистром «Королевского Ордена Шотландии» во Франции.

[125] Папюс и некоторые другие уже прежде покидали «Исиду», но не Теософское общество (*Lotus*, июль 1888).

[126] «Вуаль Исиды», 11 и 18 февраля 1891.

няют в ней всех тех, кого рассматривают в качестве своих врагов или конкурентов. Мы уже видели, как подобное обвинение выдвигалось против членов «Ордена Розы и Света», и дальше мы обнаружили ещё один случай, на этот раз в спорах между самими теософистами. К тому же, г-жа Блаватская сама первая явила пример подобного подхода, так как в своих трудах она часто упоминает «чёрных магов», которых она называет также Дугпа или «братьями Тьмы» и противопоставляет «Адептам» «Великой Белой Ложи». В реальности Дугпа на Тибете являются красными ламами, то есть ламами, сохранившими обрядность, предшествовавшую реформе Цзонхавы, желтые ламы, следующие реформированной обрядности, именуются Голукпа, и между одними и другими нет никакого антагонизма. Можно задаться вопросом, почему г-жа Блаватская питала к Дугпа такую ненависть, может быть просто потому, что она потерпела неудачу в попытке вступить с ними в контакт и затаила из-за этого глубокую обиду. По крайней мере, именно это объяснение, хоть мы и не можем ничего утверждать категорическим образом, кажется нам наиболее правдоподобным, и к тому же оно лучше всего соответствует злобному и мстительному характеру основательницы Теософского общества, который отмечали даже её самые лучшие друзья.

[127] См. Папюс, *Traité méthodique de Science Occulte*, стр. 997-998, 1021-1022 и 1061.

Глава VII. Сила внушения госпожи Блаватской

Несмотря на всё то, что можно сказать против г-жи Блаватской, стоит, однако, признать, что она обладала определённым талантом и даже некоторым интеллектуальным уровнем, хотя и весьма относительным, без сомнения, но именно этого, кажется, совершенно не хватает её преемникам, при которых доктринальная сторона теософизма все более и более стала отходить на второй план, уступая место сентиментальным речам самого жалкого и банального содержания. Также у неё нельзя отнять удивительную силу внушения, очарования своего рода, которую она испытывала на своем окружении и которую она иногда находила удовольствие подчеркнуть касательно своих учеников в самых нелюбезных выражениях: «Вы видите, насколько они глупы, — говорила она по поводу Джаджа, который постился и имел видения, — и каким образом я вожу их за нос»[128]. Мы уже видели, как позже она оценивала Олкотта, чья глупость, однако, не была такой же «неизлечимой», по её словам, как у некоторых других, но который иногда вёл себя неумело, занимая должность президента, которую она ему доверила, чтобы иметь возможность прятаться за его спиной, и кото-

[128] Письмо из Нью-Йорка от 15 июня 1877 г.

рый дрожал перед всеми теми, которые, как Франц Гартман, знали слишком много о подноготной общества[A].

В ходе своих излияний Соловьеву г-жа Блаватская также сказала:

> Что же делать, — говорила она, — когда для того, чтобы управлять людьми, необходимо их обманывать, когда для того, чтобы убедить следовать туда, куда вы хотите, нужно им обещать и показывать игрушки [...] Ведь будь мои книги и «Теософист» в тысячу раз интереснее и серьёзнее, разве я имела бы где бы то ни было и какой бы то ни было успех, если бы за всем этим не стояли феномены? [...] знаете ли, что почти всегда, чем проще и грубее феномен, тем он вернее удается. [...] Громадное большинство людей, считающих себя и считающихся умными, немыслимо глупы. Если бы знали вы, какие львы и орлы во всех странах света под мой свисток превращались в ослов и послушно хлопали мне огромными ушами, стоило мне засвистеть! [...][129]

Эти места весьма показательны для ментальности г-жи Блаватской, и они восхитительным образом очерчивают подлинную роль «феноменов», всегда составлявших основу успеха теософизма в определённых кругах и в значительной степени придававших жизнь обществу... и его лидерам.

Таким образом, как признал Соловьев, «г-жа Блаватская обладала неким магнетизмом, который притягивал к ней людей с неудержимой силой»[130].Сам он если и сумел, в конце концов, выйти из-под её влияния, но так всё же и не смог

[A] В конце статьи, напечатанной в номере *Lotus* за февраль 1889 года (см. гл. VIII, примечание 3), Ф.-К. Габорио обращается к Олкотту следующим образом: «Поверьте, сударь, не стоит вынуждать меня напоминать вам небольшую семейную сцену, произошедшую 2 и 8 октября 1888 года между вами, г-жой Блаватской и мной. В тот день вы сконфуженно прикусили язык под язвительным натиском амазонки, которая укрощает людей так же легко, как животных. Вы, кажется, забываете, что адепты поместили вас у дверей балагана, чтобы вы били в большой барабан, и показывали два-три трюка; так не замахивайтесь слишком сильно и не устраивайте парад». [Примечание ко 2-му изданию.]

[129] «Современная жрица Изиды», стр. 154-157.

[130] Там же, стр. 220.

избавиться от него полностью, поскольку подписал, по крайней мере, один из знаменитых протоколов, которые г-жа Морсье совершенно добросовестно составила «под руководством и с правкой» г-жи Блаватской. Артюр Арнуль также заявлял, что «сила её внушения была огромной». На этот счёт он рассказывал, что зачастую в Лондоне ей случалось говорить кому-нибудь: «Посмотрите на ваши колени», и посмотрев, тот с ужасом замечал огромного паука. Тогда она, улыбаясь, говорила: «Этот паук не существует, это я заставляю вас его видеть». Олкотт, со своей стороны, написал следующее в своей книге «Страницы старого дневника»:

> Никто не мог производить большего очарования, чем г-жа Блаватская, когда она этого хотела, и она хотела этого, когда желала вовлечь людей в свою общественную деятельность. Тогда её тон становился ласковым, а манеры обходительными, и она давала почувствовать человеку, что смотрит на него как на своего лучшего, если не единственного друга [...] Я бы не сказал, что г-жа Блаватская была прямодушна [...] Мы были для неё, я полагаю, не больше чем пешками на шахматной доске, так как чувство искренней дружбы было ей чуждо[B].

Выше мы уже упоминали случай Баваджи, вынужденного под гипнотическим влиянием сделаться сообщником мошеннических трюков г-жи Блаватской, и причем он сам не осознавал этого, по крайней мере, пока находился в Адьяре. Чаще всего, однако, г-жа Блаватская использовала внушение в состоянии бодрствования, как это видно из рассказа Артюра Арнуля. Этот вид гипноза обычно более труден, чем первый, и требует намного больших силы воли и тренировки, но г-же Блаватской было легко прибегать к нему благодаря весьма строгому режиму питания, который она навязала своим ученикам под предлогом «содействия их духовному развитию». Именно так дела обстояли уже в Нью-Йорке.

> Наши теософы, писала она, — в общем не только обязаны воздерживаться от капли напитка, но и непрерывно по-

> ститься. Я учу их не есть что бы то ни было, и если они не умрут, то научатся, но они не могут противиться, и это тем лучше для них[131].

При этом г-жа Блаватская не упоминает, что сама она была далека от того, чтобы следовать подобному режиму: продолжая энергично рекомендовать вегетарианство и даже заявляя, что оно необходимо для «духовного развития», она никогда не принимала это на свой собственный счет, впрочем, это же можно сказать и об Олкотте. Кроме того, она имела привычку курить почти беспрерывно с утра до вечера. Но не все в равной мере поддаются внушению, вероятно, именно когда она оказывалась неспособной вызвать зрительные и слуховые галлюцинации, г-жа Блаватская прибегала к «махатмам на кисее» и к своему серебряному колокольчику.

Умение привлекать к себе людей, которым пользовалась г-жа Блаватская, тем более удивительно, что её внешность трудно было назвать приятной. В. Т. Стед даже утверждал, что она «отвратительно безобразна, чудовищно полная, манеры её грубые и резкие, характер ужасен, а язык напоминает язык простолюдинов», и ещё она была «циничной, насмешливой, бесчувственной и порывистой», одним словом, она представляла собой «всё то, чем иерофант, посвящённый в божественные тайны, не должен быть»[132]. Однако, у неё не отнять магнетизма, и ещё одним удивительным примером этого является то, какое впечатление она впоследствии произвела на Анни Безант, когда та была представлена ей в 1889 году социалистом Гербертом Берроузом. Будущий президент Теософского общества была покорена во время их первой встречи, и её «обращение» было столько внезапным, что в него было бы трудно поверить, если бы она сама не описала его обстоятельства с поистине безгра-

---

[131] Письмо от 15 июня 1877 г.

[132] *Borderland*, июль 1895, стр. 208-209.

ничным простодушием[133]. Правда, г-жа Безант, в то время, по крайней мере, производила впечатление чрезвычайно переменчивой и впечатлительной особы, и один из её бывших друзей сказал: «Она неспособна быть оригинальной, она вся во власти своих эмоций и своих новых друзей»[134]. Вот почему, очень вероятно, что в начале она была искренней, пока была жива г-жа Блаватская, сделавшая её своим секретарем и устроившая в ходе поездки в Фонтенбло появление перед ней «махатмы» Мории. Однако, крайне сомнительно, если не сказать больше, что она продолжила оставаться таковой впоследствии, хотя, как сама г-жа Блаватская, как Олкотт и другие, она могла зачастую поддаваться внушению, прежде чем воздействовать на других. Однако, кажется, все они по-настоящему не осознавали роль, которую играли и одновременно совершенно не могли избавиться от неё по собственному желанию, и это побуждает воздержаться от того, чтобы сделать окончательный вывод.

Примечания к главе

[B] В 1922 году теософисты опубликовали брошюру *Theosophie et Théosophisme*, подписанную Полем Бертраном (псевдоним г-на Жоржа Меотиса, профессора Невшательского университета и председателя «Швейцарского общества теософии»), в качестве ответа на нашу книгу; автор отметил в ней несколько предполагаемых им неточностей, но почему-то только на первых ста страницах и без объяснения такого своего произвольного ограничения. Мы уже ответили в этих примечаниях на большинство этих замечаний этого текста, который видится самой жалкой попыткой защиты, которую только можно вообразить, и которой теософистам нет причин гордиться; там содержатся максимально неуклюжие «исправления», что особенно относится к замечаниям о приведённом нами отрывке из книги «Страницы старого дневника» Олкотта. В брошюре утверждается, что мы «полностью исказили» его смысл, и вот как восстановлен этот смысл согласно трехтомному французскому переводу, опубликованному под заглавием *Histoire authentique de la Société Théosophique*: «Е.П.Б. приобретала многочислен-

[133] *Weekly Sun*, 1 октября 1893. Позднее этот отчет был воспроизведён г-жой Безант в её книге «Автобиография», опубликованной в 1895 году.

[134] *Mrs. Besant's Theosophy*. Автор этой книги *Foote G. W* был редактором журнала *Freethinker*.

ных друзей, но часто теряла их и видела, как они превращались в заклятых врагов. Никто не был более привлекательным, чем она, когда хотела того, а она хотела того всегда, когда старалась привлечь кого-то к теософской деятельности; её тон и ласковое обхождение убеждали кого угодно, что она видит в нём своего лучшего, если не единственного, друга. В том же стиле она и писала, и, думаю, я мог бы назвать многих женщин, у которых имеются её письма, где говорится, что они станут её преемницами в Теософском обществе, и ещё гораздо более многочисленных мужчин, которых она именует “мой единственный истинный друг и признанный ученик”. Лично у меня хранится несколько подобных заверений, которые были в моих глазах сокровищами до тех пор, пока я не заметил, сравнив их с текстом писем другим адресатам, что эти комплименты не стоят ровно ничего. Не могу сказать, чтобы она проявляла когда-либо преданную дружбу или прочную привязанность к обыкновенным людям вроде меня и других близких к ней лиц. Думаю, что мы были для неё всего лишь пешками и она не питала к нам настоящей симпатии. Она передавала мне секреты (даже самые компрометирующие), доверенные ей другими, и в том числе женщинами, и я убеждён, что так же она поступила бы и с моими, если бы они у меня были. Однако она испытывала безграничную преданность к своей тётке, своим родителям и своим Учителям. Ради них она пожертвовала бы не одной, а двадцатью жизнями и если понадобится, смотреть, как горит весь род человеческий». Этот текст, действительно более полный, содержит ещё более суровые фразы в адрес г-жи Блаватской, отсутствующие в том, который мы цитировали по частичному переводу, напечатанному когда-то в журнале «Голубой лотос»! [Примечание ко 2-му изданию.]

Глава VIII. Последние годы жизни г-жи Блаватской

После своего пребывания в Вюрцбурге, которое она прерывала несколькими поездками в Эльберфельд, где у неё были друзья, бывшие ученики Элифаса Леви супруги Гебхард, г-жа Блаватская направилась в Остенд и прожила там некоторое время с графиней Вахтмайстер, возвратившись к написанию «Тайной доктрины». По словам свидетелей, казалось, что она работала с настоящей одержимостью, проводя за письменным столом с шести часов утра до шести часов вечера и делая перерывы только на прием пищи. В начале 1887 г. г-жа Блаватская вновь поселилась в Англии, сначала в Норвуде, а затем в сентябре того же года в Лондоне. В это время в работе ей стали помогать братья Бертрам и Арчибальд Китли, которые правили её плохой английский, и Д. Е. Фосетт, сотрудничавший при написании той части работы, в которой речь шла об эволюции. Также именно в 1887 г. был основан журнал «Люцифер», выходивший под непосредственным руководством г-жи Блаватской. До тех пор общество имело только один официальный печатный

орган, «Теософист», выходивший в Адьяре, к которому следует добавить «путь», особый орган американской секции[A].

В 1887 г. также появилось первое теософистское издание во Франции, носившее название «Лотос», которое, не имея, впрочем, официального характера, демонстрировало некоторую независимость. Этот журнал прекратил свой выход спустя два года, в марте 1889 г.[135], и его редактор, Ф-К. Габорио, высказался тогда очень жестко касательно того, что он назвал «патологическим случаем» г-жи Блаватской, и признался, что он целиком заблуждался на её счет, когда видел её в Остенде в ноябре 1886 г.,

> отражавшей с удивительным мастерством, которое мы тогда приняли за искренность, все атаки против себя, искажая факты, побуждая людей произносить слова, которые мы спустя долгое время признали ошибочными, короче, она представлялась нам на протяжении восьми дней, которые мы провели наедине с ней, как сама невинность, как высшее и доброе существо, обреченное, несчастное и оклеветанное [...] Так как я более склонен защищать, чем обви-

---

[A] Г-н Гебхард был германским консулом в Персии. Его жена, ирландка по происхождению, впервые встретила Элифаса Леви в 1865 году; с 1868-го по 1874-й она ежегодно проводила неделю в Париже, чтобы общаться с ним. Элифас Леви написал для неё две серии лекции под общим названием *Le Voile du Temple déchiré* [«Разорванная завеса Храма»], публиковавшихся в журнале «Теософ» с февраля 1884 по апрель 1887 года и в *Aurore*, журнале герцогини де Помар, с декабря 1886 по апрель 1887 года. Г-жа Мэри Гебхард получила от Элифаса Леви рукопись работы *Les Paradoxes de la Haute Science* [«Парадоксы Высокой Науки»], изданной в Мадрасе в 1883 году; она опубликовала в январском номере «Теософ» за 1886 год заметку «Мои личные воспоминания об Элифасе Леви». Умерла в Берлине в 1892 году (см.: П. Шакорнак *Eliphas Lévi*б стр. 264-265). Говорилось, что название журнала «Люцифер», означало, что «его цель — освещать то, что таится в тени, как в физическом, так и в психическом планах жизни» («Лотос», сентябрь 1887). Соруководителем этого журнала была мисс Мейбл Коллинз, отозвавшая поданное ею ранее заявление об уходе (см. гл. 5 абзац 5); но вскоре между ней и г-жой Блаватской вновь возникли разногласия. [Примечание ко 2-му изданию.]

[135] *Revue Théosophique*, появившийся чуть позже под руководством графини Адемар, выходил только год. В 1890 г. началось издание журнала «Голубой лотос», который, будучи переименован в 1898 г. в *Revue Théosophique française*, существует до сих пор.

нять, мне нужны были неопровержимые доказательства мошенничества со стороны этой необычной личности, чтобы я мог утверждать это здесь.

Затем следовал едва хвалебный отзыв о «Тайной доктрине», которая только что увидела свет:

Это обширная, но беспорядочная энциклопедия, с неполным и неточным набором тем, занимавших г-жу Блаватскую на протяжении десятка лет [...] Субба Рао, который должен был править «Тайную доктрину», отказался, заявив, что в ней «сам черт ногу сломит»[136]. Конечно, эта книга не может подтвердить существование махатм, она, скорее, побуждает сомневаться в этом... Я склонен полагать, что Адепты Тибета не существуют нигде, кроме «Философских диалогов» г-на Ренана, который до г-жи Блаватской и г-на Олкотта придумал сказку о махатмах, пребывающих в стране под названием Асгард в центре Азии, и сочинил беседы в духе Кут Хуми ещё до появления этого персонажа[B].

А вот оценка, данная личности Олкотта:

Однажды, когда он прибыл лично в Париж, чтобы включиться в нашу работу, произошло полное разочарование со стороны всех теософов, которые тогда ушли, освобождая место новичкам. Невозмутимое американское нахальство, железное здоровье, без малейшего красноречия, без малейшего образования, но с особым талантом компилятора (ещё одна американская черта), без благовоспитанности, легковерие, граничащее с соучастием, и оправдывающее,

---

[136] Субба Рао, однако, не оставил теософизм. Он умер в 1890 г. в возрасте тридцать четырёх лет от очень таинственной болезни, по поводу которой некоторые не колеблясь утверждают, что это было отравление.

[B] На семнадцатом съезде Теософского общества, состоявшемся в декабре 1891 года в Адьяре, полковник Олкотт лично сказал следующее: «Я помогал Е. П. Б. в составлении её «Разоблаченной Исиды», а Кейтли и несколькими другими делали то же для написания «Тайной Доктрины». Каждый из нас знает, далеки от непогрешимости части её книг, появившиеся в результате нашего сотрудничества, не говоря уже о написанных Е. П. Б.». [Примечание ко 2-му изданию.]

> в крайнем случае, его неуклюжесть, и ещё я должен добавить, так как это контрастирует с характером его соратницы и хозяйки, определённая доброта или, скорее, добродушие: таков человек, который в наше время выступает коммивояжёром буддизма[137].

Передав административные функции Олкотту, навсегда обосновавшемуся в главной штаб-квартире в Адьяре, г-жа Блаватская оставила себе то, что касалось «эзотерической секции», куда никто не мог быть допущен без её одобрения. Однако 25 декабря 1889 г. она назначила Олкотта «доверенным агентом и единственным официальным представителем эзотерической секции для стран Азии». И одновременно Олкотт, находившийся тогда в Лондоне, назначил её, в свою очередь, директором бюро, куда входили Анни Безант, Уильям Кингсленд и Герберт Берроуз, имевшие должности «личных представителей и официальных доверенных лиц президента в Великобритании и Ирландии». Таким образом, г-жа Блаватская взяла в свои руки все управление этими двумя секциями общества в Соединенном Королевстве, и то же самое Олкотт сделал в Индии. Мы говорим, что только в Индии, так как мы не думаем, что в ту пору имелись ещё теософистские отделения в других странах Азии[C]. Напротив, в Европе существовали уже отделения в нескольких странах, и шестью месяцами позже, 9 июля 1890 г., Олкотт наделил г-жу Блаватскую всеми полномочиями для ведения дел с этими различными отделениями и их объединения в одну европейскую секцию. Эта секция должна была пользоваться полной автономией на тех же условиях, что и аме-

---

[137] О поездке Олкотта в Париж и о «чисто американской манере, в которой он привлекал людей в общество», см. также в: *Lotus*, октябрь-ноябрь 1888, стр. 510 и февраль 1889. стр. 703-704. Добавим также, что Ф.-К. Габорио 12 декабря 1888 г. заявил Олкотту о своем уходе из Теософского общества (там же, декабрь 1888, стр. 575).

[C] Мы не предполагали, что в 1889 году теософистские филиалы существовали в каких-то азиатских странах помимо Индии; согласно сведениям, полученным нами уже после выхода книги, такой филиал был основан в Японии, в Киото, г-ном Кидзо Хираи. [Примечание ко 2-му изданию.]

риканская секция, уже образованная под руководством Уильяма К. Джаджа, вице-президента общества. Таким образом, в Теософском обществе было три автономные секции. В наши дни существует столько «национальных Теософских обществ», то есть автономных секций, сколько есть стран, где есть достаточно теософистов для формирования одной такой секции, но, конечно, все они, за исключением раскольнических группировок, поддерживают постоянную связь с главной штаб-квартирой в Адьяре и получают оттуда указания, которые принимаются без малейших разговоров. Итак, автономия носит чисто административный характер.

В рассматриваемое нами время в американской секции произошли неприятные инциденты: д-р Элиот Е. Коуэс[D], известный ученый, который пошел по ложному пути, но которому вскоре открылись глаза на многие вещи, основал независимое общество, к которому присоединились несколько существовавших в Соединенных Штатах отделений. Конечно, тотчас же было заявлено об его исключении. Д-р Коуэс ответил публикацией статьи, в которой показал, что мни-

[D] О докторе Эллиотте Коузе (его фамилия была ошибочно передана как *Cowes* вместо *Coues*), которого г-н Поль Бертран пренебрежительно упоминает как «некий Коуз», мы считаем полезным привести два следующих отрывка: «Наш брат по теософии др. Эл. Коуз произнес речь о теософии и улучшения положения женщин на ежегодном собрании Вашингтонского медицинского колледжа 16 марта 1887 г. Устав колледжа запрещает всякую религиозную дискуссию, но, поскольку все заседания начинались молитвами христианским богам (*sic*), доктор Коуз воспользовался этим фактом, чтобы сказать несколько слов. Факультет решил не публиковать выступления, и когда отважный доктор опубликовал своё, его коллеги были чрезвычайно возмущены» («Лотос», июль-август 1887). «В номере журнала *Light* от 1 июня 1889 г. содержится краткая и очень поучительная переписка между очаровательным и дружелюбным редактором книги «Свет на пути» Мейбл Коллинз и г-ном Элиотом Коузом из Вашингтона, человеком больших научных и литературных достоинств, который некогда был, как и мы, защитником двух лиц, приписавших себе заслугу создания теософского движения (г-жи Блаватской и полковника Олкотта). Г-н Коуз не слишком любезно отзывается о г-же Блаватской, которая, как говорят, попыталась в своё время заставить его поверить в одно из тех привлекательных заблуждений, свойственных большинству медиумов» (последний номер *Lotus*, датированный мартом 1889 года, однако в фактически вышедший несколькими месяцами позже). [Примечание ко 2-му изданию.]

мые откровения «махатм», выдававшиеся теперь за источник вдохновения для создания как «Разоблаченной Исиды», так и «Тайной доктрины», были заимствованы большей частью (это касается, по крайней мере, прежде всего, первого из этих двух трудов) из книг и рукописей, доставшихся г-же Блаватская по наследству от барона де Пальма. По замечанию д-ра Коуэса, подтверждением этой истины мог бы послужить тот факт, что одним из наиболее часто упоминаемых авторов в этих сообщениях, якобы произошедших с Тибета, является французский оккультист Элифас Леви[138]. Барон де Пальм умер в Нью-Йорке в 1876 г., завещав Теософскому обществу все своё имущество. Синнетт утверждал, что помимо библиотеки он совершенно ничего после себя не оставил[139]. Однако г-жа Блаватская писала в июле 1876 г.: «Он оставил все своё имущество нашему обществу», и ещё 5 октября того же года: «Он владел большим количеством богатых серебряных приисков и семнадцатью тысячами акров земли». Без сомнения, этим не следовало пренебрегать, но в любом случае, кажется, что лучше всего установлен факт, что содержимое его библиотеки широко использовалось для написания «Разоблаченной Исиды», увидевшей свет в следующем году[E]. Разоблачения д-ра Коуэса имели некоторый от-

---

[138] *New-York Sun*, 20 июля 1890.

[139] *Incidents in the life of M-e Blavatsky*, стр. 204.

[E] Барон де Пальм, которого некоторые называли также Пальма, на самом деле носил фамилию фон Пальм был бывшим баварским офицером, уволенным из армии за долги; после пребывания и совершения нескольких мошенничеств в Швейцарии барон укрылся в Америке. Видимо, упомянутой в его завещании собственности в итоге не существовало, но, что бы ни говорили по этому поводу теософисты, этот факт не помешал г-же Блаватской использовать книги из библиотеки барона, и только это, как и утверждал доктор Коуз, имеет здесь значение. Г-н Поль Бертран заявляет: «Маловероятно, чтобы этот немецкий офицер… был способен написать такое сбивчивое, но, всё же, сильное и оригинальное произведение, как “Разоблачённая Исида”». Но мы никогда не высказывали подобного взгляда, а напротив, всегда говорили, что этот труд написан именно г-жой Блаватской, Олкоттом и, вероятно, некоторыми другими лицами; и вопрос только в источниках, к которым она обращалась для написания. Наш оппонент невнимательно нас читал, либо мы должны заподозрить его в недобросовестности? [Примечание ко 2-му изданию.]

звук в Америке, прежде всего, благодаря личности их автора. Вот почему Джадж посчитал необходимым начать против него и против опубликовавшей его статью газеты процесс о возмещении убытков за «клевету в адрес основателей общества»[140]. Впрочем, этот процесс не имел никакого продолжения, так как он был прекращен после смерти г-жи Блаватской, от имени которой он и был затеян. Эта последняя использовала это дело в качестве предлога, чтобы 23 сентября 1890 г. направить членам французского отделения длинное письмо, в котором, жалуясь, что «клевета» аналогичного характера получила распространение в Лондоне, она заявила, что её «личным врагам» оказывает помощь «один из самых активных членов общества во Франции», кто был никто иной, как Папюс, который «пересекал один или два раза Ла-Манш с этой почетной целью». Блаватская добавила, что её терпение на пределе, и угрожала отныне подавать в суд на любого, кто позволил бы возводить против неё подобные обвинения.

Г-жа Блаватская умерла в Лондоне 8 мая 1891 г. Она уже давно болела, и, кажется даже, что от неё два или три раза отказывались врачи[141], но, как утверждали, в момент смерти ей стало лучше, что приписывали вмешательству оккультного влияния. Согласно Синнетту, она якобы тотчас же перешла в другое тело, на этот раз в тело мужчины уже в самом расцвете сил. Ближе к нашим временам Ледбитер также написал на эту тему:

> Тем, кто были близко знакомы с великой основательницей нашего общества, г-жой Блаватской, известно вообще, что, когда она оставила тело, в котором мы её знали, она вошла в другое тело, только что перед этим оставленное его предыдущим владельцем. Что касается того, было ли это тело специально приготовлено для неё, у меня нет никакой ин-

---

[140] *New-York Daily Tribune*, 10 сентября 1890.

[141] Согласно Олкотту, она страдала болезнью Брайта (*Lotus*, июль 1888, стр. 225).

формации, но существуют другие известные примеры, когда происходило подобное[142].

Впоследствии мы ещё вернёмся к этой странной идее замены одной личности другой, причём первая была просто обязана подготовить для второй подходящий организм, который та занимала в желанный момент. В мае 1897 г., ровно шесть лет спустя после смерти г-жи Блаватской, г-жа Безант заявила о том, что скоро она явиться, воплотившись в теле мужчины. Это воплощение ещё состоялось, но Ледбитер при любом случае продолжает повторять, что г-жа Блаватская уже перевоплотилась, и что полковник Олкотт должен перевоплотиться очень скоро, чтобы вновь работать рядом с ней[143] [F].

Подобные немедленные перевоплощения явились важным исключением из закона, который был сформулирован самой г-жой Блаватской и Синнеттом и, согласно которому, промежуток между двумя следующими друг за другом жизнями должен обычно составлять двенадцать или пятнадцать столетий. Правда, от этого мнимого закона отказались даже для обычных случаев, и это достаточно любопытный пример того, как меняются положения теософистского учения, и одновременно того, как эти изменения стараются скрыть. Г-жа Блаватская написала в «Тайной доктрине» следующее:

> Кроме как в случае маленьких детей и людей, чья жизнь была прервана в результате какого-либо несчастного случая, никакая духовная сущность не может воплотиться, прежде чем истечет срок в несколько столетий[144].

---

[142] *Adyar Bulletin*, октябрь 1913.

[143] *L'Occultisme dans la Nature*, стр. 72 и 414.

[F] Г-жа Безант утверждала, что реинкарнация полковника Олкотта уже произошла, как и реинкарнация г-жи Блаватской: «Г. С. Олкотт… отринул смертное тело, отдохнул всего несколько лет и вернулся к нам ребёнком; теперь он — мальчик, много обещающий в будущем» (*Bulletin Théosophique*, январь-февраль 1918, текст по *Adyar Bulletin*, январь 1918). [Примечание ко 2-му изданию.]

[144] «Тайна доктрина», т. II, стр. 317.

Между тем, м-р Ледбитер сделал открытие, что, используя «выражение «духовные сущности», г-жа Блаватская имела в виду только высокоразвитых индивидов»[145]. И он приводит таблицу, в которой, в соответствии со «ступенями эволюции», достигнутыми человеческими индивидами, промежутки колеблются от двух тысячелетий и больше для «тех, кто вступил на путь», кроме исключений, и от 1200 лет для «тех, кто к нему приближается», до сорока или пятидесяти лет и даже до пяти лет в случае «отбросов человечества»[146]. Что касается места, где Синнетт ясно утверждал, что «практически невозможно говорить о возможности нового рождения, раньше, чем пройдет полтора тысячелетия»[147], вот объяснение, которое даёт тот же самый автор:

> Есть основания считать, что письма, послужившие основой «Эзотерического буддизма», были написаны различными учениками учителей под общим руководством этих последних; итак, принимая в расчёт неточности, которые могли в них вкрасться (а нам известно, что не обошлось без этого), невозможно предполагать, что авторы не были знакомы с фактами, очень легко доступными для всякого, кто может наблюдать процесс реинкарнации[148]. Нам следует помнить, что письмо, о котором идёт речь, было предназначено не для публики, но адресовано лично г-ну Синнетту, но, без сомнения, его содержание было сообщено некоторым людям, работавшим вместе с ним. Среднее количество лет, установленное для них, возможно, является точным, но мы не можем допускать этого для всей человеческой расы в нынешние времена[149].

Конечно, очень удобно выпутываться подобным образом, и точно такой же метод мог бы послужить для того, чтобы

---

[145] *L'Occultisme dans la Nature*, стр. 325.

[146] Там же, стр. 327-333.

[147] «Эзотерический буддизм», стр. 128; cf. Там же, стр. 173.

[148] Посредством «ясновидения», особый интерес к которому проявляет г-н Ледбитер.

[149] *L'Occultisme dans la Nature*, стр. 326-326.

сгладить все противоречия, которые г-н Хьюм зафиксировал с 1883 г. Что касается «неточностей», отнесенных на счёт небрежных учеников, разве не сам Кут Хуми, когда речь шла о деле Киддла, дал пример на этот счет? С другой стороны, нам известно, что Маваланкар, Субба Рао и другие выдавали себя за «чела» или прямых учеников «учителей», так что нет никаких оснований отрицать, судя по только что приведённой нами цитате, что они и являлись авторами писем, о которых речь идёт, каковыми они и были в действительности, но «под руководством» г-жи Блаватской. С тех пор, как «учителям» стала приписываться только роль «общего руководства» в деле составления этих посланий, обходя молчанием, к тому же, способы «осаждения», стало, конечно, намного более труднее раскрыть явный обман. Итак, приходится согласиться, что использующим этот прием не занимать определённой ловкости. Но чтобы попасться на это, надо находиться в неведении, как, быть может, находятся в неведении многие современные теософисты в отношении всей истории первого периода существования Теософского общества. По правде говоря, для этого общества весьма печально то, что вопреки обычаю старинных тайных обществ, наследниками которых мнят себя теософисты, оно оставило после себя такое огромное количество письменных документов.

Глава IX. Источники работ госпожи Блаватской

Теперь, когда мы достаточно узнали о жизни и личности г-жи Блаватской, следует поговорить немного о её трудах. Если они не обязаны своим происхождением откровениям какого-либо настоящего «махатмы», то каковыми были источники достаточно разнообразных познаний, об обладании ею которыми свидетельствуют эти самые труды? Эти познания она приобрела совершенно естественным образом в ходе своих многочисленных путешествий и также благодаря чтению разнообразных книг; впрочем, читала она без какого-либо плана и достаточно плохо усваивала прочитанное. «Её культурный багаж был обширен, хотя и немного беспорядочен», как признавал сам Синнетт[150]. Рассказывают, что во время её первых поездок на Ближний Восток в обществе Метамона ей удалось проникнуть в некие монастыри на горе Афон[A] и, именно занимаясь в их библиотеках, она познакомилась, среди прочего, с александрийским учением о Логосе. Во время её пребывания в Нью-Йорке, г-жа Блаватская прочитала труды Якоба Бёме, которые, без сомнения, являлись тем немногим, что она когда-либо знала относительно настоящей теософии, и труды Элифаса Леви, которые она так часто цитирует; она прочитала, вероятно, также *Kabbala Denudata* Кнорра де Розенрота и другие разнообразные трактаты по каббале и герметизму. В письмах, которые в это время Олкотт адресовал Стейнтону Мозесу, упо-

[150] «Оккультный мир», стр. 45.

[A] Женщин не допускают на Афон, но вполне вероятно, что г-жа Блаватская одела мужское платье для проникновения туда, как она делала и в некоторых других случаях, в частности, когда сражалась в рядах гарибальдийцев (см. гл. 1, абзац 4). [Примечание ко 2-му изданию.]

мянуты несколько работ достаточно разного характера; мы можем, например, прочесть такое:

> Отсылаю вас к содержащим набор сведений о магических феноменах работам (Гужено) де Муссо, который, хотя и является фанатичным католиком и, безусловно, верит в существование дьявола, собрал множество достоверных фактов, которые вы, будучи просвещенным и свободным человеком, сможете оценить по достоинству. Вам также будет полезно прочитать работы о восточных сектах и жреческих орденах; и несколько примечательных особенностей вы обнаружите в *Modern Egyptians* Лэйна[151].

В следующем письме, кроме *l'Etoile Flamboyante* и *Magia Adamica*, о которых мы уже упоминали, речь идёт об анонимном герметическом тексте под названием *The Key to the conceiled things since the beginning of the world*[152]. В другом письме Олкотт рекомендует своему корреспонденту прочитать *Spiritisme dans le Monde* Жаколио и другие книги этого же самого автора, посвящённые Индии, которые, впрочем, не содержат абсолютно ничего серьёзного[153]. Все эти книги, без сомнения, сам Олкотт читал в ту пору вместе с г-жой Блаватской, о которой он упоминает в том же самом письме, написанном в 1876 г.:

> Подождите, пока у нас будет время закончить её книгу, и тогда вы сможете познакомиться с оккультизмом на хорошем английском; многие тайны Фладда и Филалета, Парацельса и Агриппы изложены таким образом, что может прочесть всякий желающий.

Итак, из этой последней цитаты следует, что Олкотт и другие принимали участие в написании «Разоблаченной

---

[151] Письмо от 18 мая 1875.

[152] Письмо от 22 июня 1875.

Исиды», точно также как позже Субба Бао участвовали в написании «Тайной доктрины», так совершенно просто объясняются те вариации стиля, которые характерны для трудов г-жи Блаватской и которые теософисты связывают с отрывками, продиктованными различными «учителями». Также рассказывали по этому поводу, что г-жа Блаватская иногда при пробуждении обнаруживала двадцать или тридцать страниц текста, написанного почерком, отличным от его почерка, и являющегося продолжением того, над чем она работала во время бодрствования. Впрочем, мы не оспариваем сам по себе этот факт, так как вполне возможно, что она была сомнамбулой и что она на самом деле писала ночью то, что обнаруживала, таким образом, на следующий день. Случаи подобного рода весьма распространены, так что нет особых оснований этому удивляться. Впрочем, природный сомнамбулизм и медиумизм достаточно часто соседствуют, и мы уже объясняли, что если фокусы г-жи Блаватской были надлежащим образом разоблачены, то это не должно обязательно побуждать нас думать, что у неё не было никаких медиумических способностей. Следовательно, нам следует допустить, что порой она играла роль «пишущего медиума», но, как чаще всего происходит в подобных случаях, то, что она писала, было лишь отражением её собственных мыслей и мыслей её окружения.

Что касается источника происхождения книг, которыми г-жа Блаватская пользовалась в Нью-Йорке, и некоторые из которых, возможно, было достаточно трудно найти, то через г-жу Эмму Хардинг-Бриттен[B], бывшего члена первого Тео-

---

[153] В журнале «Голубой лотос» (7 ноября 1890) можно прочесть также, что «Ложа Блаватской» (Лондон) рекомендовала чтение нескольких английских переводов этого автора, правда, в следующем номере в «примечании с исправлениями» сообщается, что публикация этих переводов была просто «анонсирована» в журнале «Люцифер».

[B] О г-же Хардиндг-Бриттен и относимых к ней произведениях см.: «Заблуждение спиритизма», стр. 20-21 и 27. [Примечание ко 2-му изданию.]

софского общества и также члена ГБЛ [154] нам известно, что «г-жа Блаватская приобрела на деньги общества и хранила, будучи библиотекарем, много редких книг, чьё содержание всплыло в „Разоблаченной Исиде“»[155]. С другой стороны, мы видели, что она унаследовала библиотеку барона де Пальма[156], и что эта библиотека содержала, что самое важное, рукописи, использовавшиеся г-жой Блаватской таким образом, как об этом сообщал д-р Коуэс, и вместе с письмами Свами Даянанды Сарасвати разделяющие честь превратиться в дальнейшем в послания «махатм». Наконец, г-жа Блаватская могла подчерпнуть различные сведения в бумагах Фельта и в книгах, которыми он пользовался для того, чтобы подготовить свои лекции по магии и «египетской каббале», и которые он оставил ей, когда исчез. Именно Фельт, кажется, первым придумал теорию «элементалов», которую он достаточно безосновательно приписывал древним египтянам.

Что касается собственно восточных учений, г-жа Блаватская знала о брахманизме и буддизме только то, что может быть известно всем, и к тому же она мало что в этом понимала, о чём свидетельствуют теории, которые она им приписывала, а также искажения, которые она допускала всякий раз при употреблении терминов на санскрите. Впрочем, м-р Ледбитер бесспорно признал, что «она была невеждой в санскрите», и что «арабский, кажется, был единственным восточным языком, которым она владела» (его, без сомнения, она могла изучить во время своего пребывания в Египте)[157], и он объясняет её незнанием санскрита большинство сложностей теософской терминологии, именно тех сложностей, которые вынудили г-жу Безант заменить английскими эквивалентами большинство терминов вос-

---

[154] Некоторые считают её автором анонимных трудов, носящих названия *Art Magic* и *Ghostland*, и связанных с учением этой школы.

[155] Письмо в газету *Light* (Лондон) от 9 декабря 1893 г.

[156] См. гл. VIII. «Последние годы жизни г-жи Блаватской».

[157] *L'Occultisme dans la Nature*, стр. 404.

точного происхождения[158]. У г-жи Блаватской эти термины очень часто использовались в значении, которое они никогда не имели в реальности; мы уже видели это на примере слова «махатма», которое заменено на слово «адепт», и мы увидим это на примере слова «карма», которое, однако, было сохранено. В некоторых случаях г-жа Блаватская выдумывала слова, которые не могут существовать в санскрите в той форме, которую она им придавала, как, например, «фохат», что, кажется, является только искажённым «махат»; в других случаях, она создавала слова, заимствуя их элементы из различных восточных языков: таким образом, у неё встречаются сложные слова, наполовину санскритские и наполовину тибетские или монгольские, как, например, «девачан», вместо санскритского «дева-лока» или «дхьянчохан» вместо «дхьяни-буддха». Впрочем, эти восточные термины, применяемые вкривь и вкось, служат почти всегда только для того, чтобы перерядить чисто западные концепции; в сущности, они нужны, чтобы играть ту же самую роль, что и «феномены», то есть, для привлечения приверженцев, которые легко поддаются внушению при помощи видимости, и именно поэтому теософисты никогда не смогут отказаться от этих терминов полностью. Ведь есть много людей, для которых притягателен экзотизм, даже самого посредственного качества, и которые, впрочем, совершенно неспособны удостовериться в его ценности; «снобизму» этого рода теософизм и обязан своим успехом.

Мы скажем ещё пару слов о том, что касается происхождения так называемых очень тайных тибетских текстов, которые г-жа Блаватская цитирует в своих трудах, а именно знаменитых «Станцов Дзиан»[159], включённых в состав «Тайной доктрины» и «пути безмолвия». Эти тексты содержат не-

---

[158] Там же, стр. 222 и 263.

[159] Дзиан это должно быть искажённое санскритское слово, либо «джняна», знание, либо «дхьяна», созерцание; г-жа Блаватская сама указывает на две эти варианта (на первую в *Lotus* (декабрь 1887), на вторую в «Введении в тайную доктрину»), явно не отдавая себе отчета в их несовместимости.

мало мест, явно являющихся «подвергнутыми интерполяции» или даже придуманными целиком, а с другой стороны, они, по крайней мере, «упорядочены», чтобы соответствовать теософистским идеям. Что касается их аутентичных частей, то они просто заимствованы из переводов фрагментов Канджура и Танджура, опубликованных в 1836 г. в XX-ом томе *Asiatic Researches* (Калькутта) Александром Чома де Кёрёшем[C]. Этот венгр, придумавший себе псевдоним Скандербег, был чудаком, путешествовавшим долгое время по Центральной Азии с целью отыскать на её территории через сравнение языков племя, от которого произошел его народ[160].

Именно из этой искусственной смеси только что указанных нами гетеродоксальных элементов происходят крупные работы г-жи Блаватской, «Разоблаченная Исида» и «Тайная доктрина»; и эти труды явились тем, чем они естественно должны быть в подобных условиях: неудобоваримыми

[C] «Александр Чома де Кёрёш опубликовал анализ и свой перевод отрывков из Канджура и Танджура в двадцатом томе *Asiatic Researches*, Калькутта, 1836, 4-й номер, и именно оттуда знаменитая г-жа Блаватская не глядя списала большую часть знаменитой теософии, которую, по её словам, она получила телепатически от столпников, укрытых в центре Тибета, — вероятно, неподалеку от Асгаарда г-на Ренана (см. *Dialogues et Fragments*, Париж, 1876)» (Огюстен Шебозо, *Essai sur la Philosophie bouddhique*, стр. 97). Приведём ещё один отрывок отсюда, прекрасную характеризующий теософистский «синкретизм»: «Они (основатели Теософского общества), вспоминая прочитанное (а читали они много, но торопливо и без должного понимания), присваивали идеи из многих забытых или малоизвестных книг, выхватывая наугад что-то из религиозных систем, философских учений, научных теорий; они создали компилятивные труды, в которых мы находим обрывки веданты, фрагменты даосизма, части египетских учений, образы маздеизма, осколки христианства, черты брахманизма, крохи гностицизма, остатки еврейской Каббалы, понемногу из Парацельса, Дарвина и Платона, вперемешку с Сведенборгом и Гегелем, Шопенгауэром и Спинозой, — и распространили это по всем континентам, уверяя, что это и есть буддийский эзотеризм… Не смотря на постоянные противоречия, явные ошибки, позорные провалы, теософская школа какое-то время казалась людям привлекательной, так как объявляла себя открывающей все сокровенные тайны, источник “скрытых способностей”, проводящий окончательный синтез» (Предисловие, с 9-10). [Примечание ко 2-му изданию.]

[160] *Correspondance de Victor Jacquemont*, т.1. стр. 226-227, 255 и 357.

и лишёнными порядка компиляциями, подлинным хаосом, в котором некоторые интересные материалы тонут в море лишённых всякой ценности утверждений. Конечно, искать в нём то, что гораздо легче можно найти в других местах, было бы только напрасной потерей времени. К тому же, эти её работы изобилуют ошибками, также как и противоречиями, принимающими такую форму, что могли бы удовлетворить самые противоположные мнения: например, одно за другим сменяют утверждения, что Бог существует, затем, что его не существует, что «Нирвана» это уничтожение, а затем, что она является нечто полностью противоположным, что метемпсихоз это реальность, а потом, что это выдумка, что вегетарианство неотделимо от «психического развития», а затем что оно просто полезно[161]. Впрочем, всё это понятно без особого труда, поскольку, помимо того, как сами взгляды самой г-жи Блаватской, без сомнения, претерпели значительные изменения, она писала с огромной скоростью, не ссылаясь никогда ни на источники, ни на то, что она сама ранее написала. Однако именно эти столь страдающие недостатками труды всегда лежали в основе теософистского учения; несмотря на все, что в них могло быть добавлено или наложиться друг на друга впоследствии и даже на исправления, которые могли быть сделаны под видом «интерпретаций», авторитет этих трудов среди членов общества всегда был бесспорен, и, даже если они и не содержат исчерпывающее изложение доктрины, в них, по крайней мере, содержатся основополагающие принципы, если только можно говорить о доктрине и принципах, когда сталкиваешься с таким бессвязным набором.

Когда мы говорим здесь о бесспорном авторитете, им пользуется прежде всего «Тайная доктрина», так как этого, кажется, совсем не скажешь о «Разоблаченной Исиде». Так и м-р Ледбитер, составивший нечто вроде «учебного плана» для изучения теософизма, настойчиво рекомендует первую,

[161] Большое количество этих противоречий выявлено м-ром Артуром Лили в книге: *Madame Blavatsky and Her Theosophy*.

которую он называл «самой лучшей из всех книг», но даже не упоминает вторую[162]. Мы сейчас покажем, на чем основывается такое сдержанное отношение, которое легко объяснить, так как прежде всего именно сравнение этих двух работ извлекает на свет божий те только что указанные нами вариации и противоречия. Среди прочего, г-жа Блаватская написала следующее в «Разоблаченной Исиде»:

> Реинкарнация, то есть появление той же личности или, вернее, её астральной монады дважды на той же планете — не является законом природы; это — исключение, подобное тератологическому феномену рождения ребенка с двумя головами. Реинкарнации предшествует нарушение законов гармонии природы, и она случается только тогда, когда последняя, стремясь восстановить своё нарушенное равновесие, насильно бросает обратно в земную жизнь астральную монаду, вышвырнутую из круга необходимости преступлением или несчастным случаем[163].

В этом отрывке легко увидеть влияние ГБЛ; на деле её учение, хотя и совершенно в своей основе «антиреинкарнационистское», допускает, однако, совершенно неверно, несколько исключений, а именно три: дети, умерщвленные или умершие в младенчестве, слабоумные от рождения и, наконец, совершаемые по собственной воле «мессианские» воплощения, которые якобы происходят приблизительно каждые шестьсот лет (в конце каждого из циклов, именуемого халдеями «нарос»), но без того чтобы одна и та же душа когда-либо перевоплощалась таким образом более одного раза и имела последовательно двух схожих воплощений в одной и той же расе; именно два первых случая из трёх г-жа Блаватская могла сравнить с «тератологическими феноменами»[164]. Впоследствии, когда теософизм стал «реинкарнационистским», эти два случая оставались ещё исключи-

---

[162] *L 'Occultisme dans la Nature*, стр. 415-419.

[163] *Isis Unveiled*, 1.1. стр. 351 в английском издании.

[164] Там же, стр. 352.

тельными, но в том смысле, что при них допускалась возможность немедленного перевоплощения[165], в то время как для нормальных случаев тогда предполагалась, как мы уже говорили, промежуток в полутора тысяч лет. С другой стороны, г-жа Блаватская утверждала, что

> лишь те, кто не понял сказанного автором «Разоблаченной Исиды», обвиняли её в том, что она выступала против идеи реинкарнации. Ведь когда был написан этот труд, в среде английских и американских спиритуалистов в перевоплощение никто не верил; и то, что говорится там на эту тему, было адресовано французским спиритам, чья теория абсурдна и далека от философии [...] и которые верят в произвольное и немедленное перевоплощение[166].

Однако, именно у этих спиритов из школы Алана Кардека, к которой она прежде принадлежала, г-жа Блаватская заимствовала саму идею реинкарнации с некоторыми модификациями, или, если угодно, усовершенствованиями, которые она могла в неё ввести, чтобы сделать её более «философской», когда она вновь обратилась к этой идее, прежде временно оставив её под влиянием другой школы. Что касается отрывка из «Разоблаченной Исиды», который мы процитировали, то его смысл совершенно ясен и не содержит ничего туманного и трудного для понимания: здесь нет и речи о том, чтобы обсуждать разновидности реинкарнации или то, происходит ли она немедленно после смерти или через какой-либо промежуток времени: именно сам феномен реинкарнации для большинства случаев здесь отвергается безусловно и ясно. Также здесь бросается в глаза неискренность г-жи Блаватской; и видно, что она первая стала утверждать, что те, которые обнаруживают в её работах какое-либо нелепое утверждение, даже формально-логическое

---

[165] «Эзотерический буддизм», стр. 173-174.

[166] «Ключ к теософии», стр. 267. См. журнал «Теософ», август 1882; *Lotus*, март 1887. В последней статье (стр. 16) г-жа Блаватская признает, однако, «нехватку точности» и извиняется за «серьезные недостатки», присущие изданию «Разоблаченной Исиды».

противоречие, просто плохо поняли её учение. Её последователи будут следовать с готовностью этому примеру всякий раз, когда им захочется ввести в теософистское учение какое-либо более или менее важное новшество.

Глава X. Эзотерический буддизм

С самого начала мы утверждали, что в сущности нельзя говорить о теософистской доктрине, и это можно уже понять на основании нескольких приведённых нами примеров изменений и противоречий, будь ли то у самой г-жи Блаватской, будь ли то между её взглядами и взглядами её последователей; слово «доктрина», по сути дела, не может в подобном случае употребляться. Однако Теософское общество претендует на то, что оно обладает доктриной или, вернее, утверждает одновременно, что у него её нет, и, однако, у него она есть. Вот что заявила сама г-жа Блаватская:

> Когда мы говорим, что у общества нет никакой собственной доктрины, это означает, что никакое особое вероисповедание не является обязательным; но это относится, естественно, лишь к большинству членов. Все известно, что общество разделено на два круга: внешний и внутренний. У членов внутреннего круга есть, на самом деле, философия, или, если вам угодно, своя собственная религиозная система[167].

Таким образом, вера в эту доктрину является «обязательной», по крайней мере, для членов общества, которые желают продвинуться дальше, чем «внешний круг». Без сомнения, в этом круге обнаруживается в принципе намного больше терпимости, и туда допускаются люди, исповедующие любые взгляды, но даже там эта терпимость сразу же испарялась, если эти люди позволяли себе обсуждать некоторые «учения», и хорошо известно то, что когда подобное случается, им дают понять, что им не место среди членов общества.

---

[167] «Ключ к теософии», стр. 86.

Что же касается «эзотерической секции», то те, кто обнаруживает хоть сколько-нибудь критического духа, могут быть уверены, что их туда никогда не пустят; впрочем, заявление о принятии в члены, которое заставляют подписать желающих вступить, содержит формулу, согласно которой они должны категорически подтвердить аутентичность учений, о которых, как предполагается, они ещё ничего не знают[A]!

Эта так называемая «собственная религиозная система», составляющая официальную доктрину теософизма и совершенно запросто представляющаяся как «суть всех религий и суть абсолютной истины»[168], несёт на себе весьма заметный отпечаток многочисленных разноголосых источников, на основе которых она строилась: вместо того, чтобы быть «общим источником» всех учений, как хотели бы в это заставить поверить, теософизм является только плодом заимствований без тщательного разбора, которым искусственно старались придать видимость единства, что не выдерживает

[A] У нас в руках был экземпляр заявления, требуемого от кандидатов в «эзотерическую секцию», ныне именуемую «Восточной теософской школой», оно начинается со следующей преамбулы за подписью г-жи Безант: «Неизбежное разочарование ожидает ученика, поступающего в школу без признания фундаментальных фактов природы, на которых основано даваемое школой знание, без веры в учителей и горячего желания учиться, чтобы стать более полезным своим товарищам. По этой причине перед кандидатами ставятся следующие условия, и ни один из них не может быть принят, если не соответствует им. Итак, нужно поставить свою подпись под нижеследующим текстом и вернуть его секретарю-корреспонденту отдела». Далее идёт само заявление следующего содержания: «1) Я согласен с тремя целям Т. О. 2) Я убеждён в истинности главных идей эзотерической философии, а именно: всеединое бытие, от которого происходит всё; закон периодичности; тождество духа, обитающего в человеке, с Универсальным Духом; реинкарнация; карма; существование великого братства. 3) Я хочу быть членом Т. Э. Ш. [Теософской эзотерической школы], с целью очистить и одухотворить мою жизнь чтобы стать более полезным слугой человечества. 4) Я уверен, что Е. П. Б. обладала знанием, свидетельствующим о её миссии посланника великого братства, и что эта основанная ею школа находится, таким образом, под покровительством великого братства. 5) Я признаю Анни Безант её преемницей, главой этой школы под руководством учителей и их посланником, назначенным для руководства этой задачей». [Примечание ко 2-му изданию.]

[168] Там же, стр. 83-84.

никакой критики. В итоге теософизм представляет собой дикую смесь неоплатонизма, гностицизма, иудейской каббалы, герметизма и оккультизма, и всё это с грехом пополам сгруппировано вокруг двух или трёх идей, которые, хотелось бы того или нет, имеют сугубо современное и чисто западное происхождение. Именно эта пестрая мешанина вначале представлялась как «эзотерический буддизм», но так как было совершенно легко понять, что к настоящему буддизму она имеет весьма отдалённое отношение, то надо было попытаться объяснить, как она может быть буддизмом, не будучи им:

> Ошибка (которая состоит в убеждении, что мы всецело являемся учениками Гаутамы Будды) возникла из-за неверного понимания подлинного смысла названия превосходного труда А.П. Синнетта: *Esoteric Buddhism*, последнее слово здесь следовало бы писать с одной *d*, получается *Budhism*, и тогда заглавие имело бы то подлинное значение, которое оно и должно было иметь, то есть Религия мудрости (*bodha*, *bodhi*, разум, мудрость), вместо буддизма, религиозной философии Гаутамы»[169].

Чтобы показать всю незначительность этого тонкого различия, достаточно сказать, что в санскрите для обозначения понятия «ум» также используется слово *buddhi*, которое пишется (или, скорее, транскрибируется) с двойной *d*, укажем заодно по поводу этого последнего термина, что Безант решила перевести его как «чистый разум», в то время как он имеет точное значение «интеллектуальная интуиция»; замены термина оказалось недостаточно, чтобы избавиться от путаницы! Строго говоря, буддизм (*Boudhisme*, с одной *d*) мог бы означать только «доктрину Меркурия» то есть выступать санскритизированным эквивалентом греко-египетского «герметизма», если можно так выразиться. Но мысль о подобной интерпретации, кажется, так и не пришла в голову теософистам, так как мы не считаем, что здесь содержится

[169] «Ключ к теософии», стр. 20; «Лотос», сентября 1887, стр. 325.

сознательный и прямой намёк на учение ещё одного «Меркурия», который тогда был только ещё известен под именем Кут Хуми, и искренне жаль, так как подобный намёк не был бы лишён определённой изобретательности.

Только что приведённое нами утверждение не помешало г-же Блаватской самой способствовать сохранению этой неясности, ибо она тотчас же после этого начинает объяснять, что буддизм (с двумя *d*) содержит одновременно экзотерическое и эзотерическое учения, и таким образом совершенно естественно возникает вопрос, а чем же «эзотерический» буддизм и «экзотерический» в действительности отличаются друг от друга. Впрочем, Синнетт представлял мнимую «эзотерическую доктрину», которую необходимо было выдать за происходящую от собственно говоря буддизма или от одной из его ветвей, и одновременно за связующее звено между ним и брахманизмом. Он установил эту связь самым необыкновенным образом, сделав из Шанкарачарьи, бывшего одним из самых непримиримых противников буддизма в Индии, «второе воплощение Будды»[170], и это согласно утверждениям одного «посвящённого» брахмана с юга Индии, «одного из самых выдающихся санскритологов и самых серьёзных оккультистов»[171], который был никто иной, как Субба Рао, Вопреки всему, это не помешало Синнетту признать, что «индусские авторитеты, не имеющие посвящения, никоим образом не принимают эти воззрения», то есть, в реальности индусские авторитеты, не являющиеся теософистами; между тем, любой индус, имеющий какой-либо авторитет, всегда испытывал самое глубокое неприятие к теософистам и, тем более, конечно, не в Мадрас необходимо ехать, если хочешь отыскать «выдающихся санскритологов». По правде легко, чтобы предупредить возражения противников, объявить их «непосвящёнными», но труднее было бы предъявить посвящённых такого типа, о котором

[170] «Эзотерический буддизм», стр. 215-216.

[171] Там же, стр. 221.

идёт речь, которые не имели никакой связи с теософистскими кругами.

Правда в том, что никогда не существовало настоящего «эзотерического буддизма», и если хотите отыскать эзотеризм, то вовсе не к буддистам следует обращаться, ибо буддизм по своей сути в своей начальной форме являлся общедоступным учением, выступавшим в роли теоретической базы для общественного движения с уравнительными устремлениями. В Индии он был лишь простой ересью, никогда не имевшей никакой реальной связи с брахманской традицией, с которой он, напротив, открыто порвал, не только в социальном отношении, отвергнув институт каст, но ещё и в чисто доктринальном отношении, отрицая авторитет «Вед». Впрочем, буддизм настолько чужд индусскому духу, что уже давным-давно полностью исчез из страны, где некогда возник. Только на Цейлоне и в Бирме он существует ещё почти в чистом состоянии, в отличие от других стран, где эта религия получила распространение, она изменился до неузнаваемости. Вообще в Европе есть тенденция преувеличивать значение буддизма, который, несомненно, гораздо менее интересен, чем прочие восточные учения, но который, именно, потому что он представляет для Востока отклонение и аномалию, может показаться более доступным западной ментальности и менее чуждым формам мышления, к которым она привычна. Вероятно, в этом и заключается основная причина предпочтения, которое отдавало изучению буддизма великое большинство востоковедов, кроме того, для некоторых из них это было связано с намерениями совершенно иного рода, которые состояли в попытке превратить буддизм в орудие против христианства, что ему, разумеется, само по себе это совершенно чуждо. В особенности Эмиль Бюрнуф не был лишён подобных устремлений, и именно это подтолкнуло его к сотрудничеству с теософистами, воодушевляемыми тем же духом религиозного соперничества. И также во Франции несколько лет назад была предпринята попытка, впрочем, без особого успеха, пропо-

веди некоего «эклектического буддизма», достаточно несерьёзного самого по себе, изобретенного Леоном де Рони[B], которому, хоть он и не был теософистом[172], Олкотт расточал хвалу в введении, специально написанном им для французского перевода своего *Catéchisme Bouddhique*.

С другой стороны, нельзя отрицать того, что Теософское общество попыталось «приватизировать» буддизм, даже просто «экзотерический». Первым свидетельством такой попытки стала публикация в 1881 г. только что упомянутого нами «Катехизиса буддизма» Олкотта. Эта брошюрка вышла с одобрения почтенного Х. Сумангалы, главы «Видьодая Паривена» (колледжа) Коломбо, который титулуется по случаю «Предстоятелем буддийской церкви юга», о существовании подобной должности никто до сих пор не подозревал. Несколькими годами позже тот же самый Олкотт после путешествия в Японию[C] и турне по Бирме хвастался, что он содействовал примирению буддистских церквей севера и юга[173]. Сумангала тогда писал:

> Мы обязаны полковнику Олкотту катехизисом, благодаря которому наши дети знакомятся с основами нашей религии, и также обязаны нашими теперешними братскими отношениями с нашими единоверцами из Японии и других буддийских стран[174].

Стоит добавить, что школы, в которых преподавался катехизис Олкотта, являлись исключительно теософистскими

[B] В настоящее время в Лондоне существует *Buddhist Lodge*, органом которой является журнал *Buddhism in England*; её буддизм «принадлежащий не к какой-то одной школе, а ко всем сразу» (*sic*) очень заметно «адаптирован» к европейской ментальности, чем-то напоминает «эклектический буддизм» Леона де Рони. [Примечание ко 2-му изданию.]

[172] Напротив, он принадлежал к масонству (*Lanterne*, 18 апреля 1894).

[C] «Буддийский катехизис» Олкотта был переведен на японский язык г-ном Мидзутани Риоценом; *Lotus* сообщив эту новость в номере за октябрь 1887 года добавляет: «Надеемся, Япония не обратится в христианство». [Примечание ко 2-му изданию.]

[173] См. разнообразную информацию, опубликованную на эту тему в журнале «Голубой лотос», 27 декабря 1891; 27 апреля, 27 сентября и 27 декабря 1892.

учреждениями. По этому поводу мы имеем свидетельство г-жи Блаватской, писавшей в 1890 г.:

> На Цейлоне мы вернули к жизни и начали очищать буддизм, мы основали высшие учебные заведения и стали присматривать почти за пятьюдесятью школами, имевшими хоть малейшую значимость[175].

С другой стороны, к этому же времени сэр Эдвин Арнольд, автор «Света Азии», отправился в Индию для работы, также сблизился с буддийскими церквями, разве эти инициативы в подобной области со стороны западных людей не могут не вызывать подозрения? Возможно, это понадобилось, чтобы своего рода легитимизировать роль Олкотта, о котором Ледбитер насочинял, что в одном из своих предыдущих воплощений он был царем Ашокой, великим покровителем буддизма, после того как в другой жизни он побывал Гуштаспой, царем Персии и покровителем зороастризма[176]. Итак, не одни лишь спириты охвачены манией считать себя перевоплощениями знаменитых людей! Когда Олкотт скончался, на его тело вместе с американским флагом был помещен «буддийский флаг, который он сам и придумал, и на котором располагались в соответствующем порядке цвета ауры Господа Будды»[177] — выдумка «ясновидящего», которой настоящие буддисты никогда не придавали ни малейшего значения. В сущности, вся эта история связана прежде всего с политической ролью Теософского общества, о которой далее нам ещё представится случай поговорить, кажется, впрочем, она не привела к союзу различных ветвей буддизма, но надо полагать, теософисты не отказались от идеи использовать южный буддизм, так как один из них, Ч. Джина-

---

[174] Из послания, адресованного «парламенту религий» в Чикаго в 1893 г.

[175] «Голубой лотос», 7 октября 1890.

[176] *L'Occultisme dans la Nature*, стр. 409.

[177] Там же, стр. 413.

раджадаса[D], заявил недавно, что он получил от «Предстоятеля Коломбо» право принимать в ряды буддистов европейцев, которые этого пожелают[178]. Это низводит упомянутую церковь, также как и одну христианскую церковь, о которой мы поговорим, на уровень многочисленных организаций, которые Теософское общество использует в качестве вспомогательных для пропаганды своих идей и для достижения своих собственных целей.

[D] Г-н Джинараджадас сейчас является вице-председателем Теософского общества. [Примечание ко 2-му изданию.]

[178] *Revue Théosophique française*, сентябрь 1920.

Глава XI. Основные черты теософистского учения

Если рассматривать так называемое теософистское учение целостно, то сразу можно заметить то, что занимает в нём центральное место, а именно идею «эволюции»[179]. Между тем, эта идея полностью чужда Востоку, и на Западе она также появилась совсем недавно. На деле, сама идея «прогресса», являющаяся только её формой, более или менее усложнённой при помощи псевдонаучных рассуждений, возникла не раньше второй половины XVIII в.[A], и её подлинными основоположниками были Тюрго и Кондорсе. Итак, нет необходимости углубляться в более отдалённые времена, чтобы отыскать исторический источник происхождения этой идеи, на которую клюнуло столько людей, следуя умственной привычке считать главным человеческий разум, в то время как подавляющее большинство человечества продолжает, однако, оставаться в неведении касательно этой идеи и не имеет о ней никакого представления. Из этого непосредственно вытекает весьма недвусмысленное заключение: с тех пор, как теософисты являются «эволюционистами» (а они являются таковыми до той степени, что признают трансформизм, представляющий собой самый грубый аспект эволюционизма, расходясь, впрочем, с некоторыми

---

[179] Один теософист решительным образом заявил, что «„Тайная доктрина“ не была бы опубликована, если бы теория эволюции не появилась бы однажды в человеческом мозгу» (*Amaravella*, *Les Cycles*: «Голубой лотос», 27 апреля 1894, стр. 78); мы бы скорее сказали, что, если бы теория эволюции не появилась, «Тайную доктрину» просто не придумали бы.

[A] До XVIII века едва ли можно найти идею «прогресса» у кого-то, кроме Бэкона и Паскаля; далее мы увидим, что теософисты считают Бэкона «инкарнацией» одного из своих «учителей». [Примечание ко 2-му изданию.]

положениями дарвиновской теории)[180], они не являются теми, кем претендуют быть, и их система не может «иметь своей основой самую древнюю философию в мире»[181]. Без сомнения, теософисты не одиноки в том, чтобы принимать как «закон» то, что является лишь простой гипотезой и даже, по нашему мнению, гипотезой, лишённой под собой оснований; вся их оригинальность заключается здесь в том, что они представляют этот мнимый закон относящимся к сфере традиции, в то время как он является скорее чем-то совершенно противоположным. Впрочем, совершенно непонятно, как вера в прогресс может совмещаться с приверженностью «архаичной доктрине» (выражение г-жи Блаватской): для всякого, кто признает эволюцию, самая современная доктрина логично должна быть самой совершенной, но теософисты, для которых это не является противоречием, кажется, даже не задаются подобным вопросом.

Мы не будем долго останавливаться на фантастической истории эволюции человечества, какой её описывают теософисты: семь «корневых рас» сменяют друг друга на протяжении «мирового периода», то есть за то время, за которое «волна жизни» охватывает одну и ту же планету; каждая «раса» содержит в себе семь «подрас», каждая из которых, в свою очередь делится на семь «ветвей». С другой стороны, «волна жизни» последовательно проходит по семи планетам в «круге», и этот «круг» повторяется семь раз в одной и той же «планетной цепи», после чего «волна жизни» переходит на другую «цепь», также состоящую из семи планет, и которую она обойдет, в свою очередь, семь раз. Таким образом, имеется семь «цепей» в «планетной системе», называемой также «антрепризой эволюции», и наконец, нашу солнечную систему образуют десять «планетных систем», впрочем, касаемо этого последнего пункта имеется некоторая неопределенность. В настоящее время мы находимся

---

[180] См. *La Généalogie de l'Homme*, авторства м-м Безант.

[181] «Ключ к теософии», стр. 86.

в эпоху пятой «расы» нашего «мирового периода» и в четвёртом «круге» «цепи», к которой принадлежит Земля и в которой она занимает четвёртое место. Эта «цепь» также является четвёртой «цепью» нашей «планетной системы», и она включает, как мы уже указали, две других планеты, существующие на физическом плане, Марс и Меркурий, кроме четырёх планет, которые являются невидимыми и принадлежат к «высшим планам». Предшествующая «цепь» именуется «лунной», потому что «на физическом плане» она представлена только Луной. Некоторые теософисты, толкуют, впрочем, эти положения достаточно отличным образом и утверждают, что, касательно всего этого речь идёт только о различных состояниях и последовательных «воплощениях» самой Земли, при этом названия других планет являются здесь только чисто символическими обозначениями. По правде говоря, это очень туманная теория, и нам бы пришлось долго говорить на эту тему, если бы хотели отметить все противоречивые утверждения, которые имеют место в ней быть. Ещё необходимо добавить, что имеется семь царств, из них три царства «элементалов», а затем царства минералов, растений, животных и людей, и при переходе из одной «цепи» в следующую существа, принадлежащие к любому из этих царств, попадают в непосредственно вышестоящее царство. На деле, всегда именно одни и те же самые существа, как подразумевается, совершают свою эволюцию в многочисленных воплощениях в ходе различных периодов, которые мы только что перечислили.

Числа, которые отражают продолжительность этих периодов, являются ещё только менее правдоподобными, чем все остальное. Так, согласно «Тайной доктрине», появление человека на Земле в четвёртом «круге» произошло восемнадцать миллионов лет назад, и триста миллионов лет назад «волна жизни» достигла нашей планеты в первом «круге». Правда, в наши дни это утверждают гораздо менее категорично, чем было в начале. Даже м-р Ледбитер заявил, что

«мы не знаем, имеют ли одинаковую продолжительность все эти «круги» и все эти эпохи жизнедеятельности «рас», и что, к тому же, «бесполезно пытаться измерять в годах эти огромные периоды времени»[182]. Что же касается более коротких периодов, Синнетт утверждал, что «нынешняя человеческая «раса» пятая «раса» четвёртого «круга», начала эволюционировать один миллион лет назад», и что это «подлинная цифра, которую можно воспринимать буквально» (и он сам это подчеркнул)[183], с другой стороны, согласно авторам «Жизней Алкиона», на которых мы уже ссылались, «начало истории пятой расы относится к 79997 г. до н.э.»[184]. Это последнее утверждение, которое поражает своей точностью, кажется, почти невозможно совместить с предыдущим. Правда, не составляет труда посмеяться над учёными, которые аналогичным образом не приходят к общему мнению касательно продолжительности геологических периодов, но которые, впрочем, представляют свои вычисления как чисто гипотетические. Здесь же, напротив, мы имеем дело с людьми, утверждающими, что они в состоянии прямо подтвердить свои заявления и имеют в своем распоряжении «архивы акаши», позволяющие реконструировать историю исчезнувших «рас»[185], то есть сами образы прошедших событий, точно запечатлевшихся нестираемым образом в «невидимой атмосфере» Земли.

Только что вкратце изложенные нами представления являются, в сущности, только нелепой карикатурой на индусскую теорию космических циклов. В реальности, последняя представляет собой совершенно иное и, конечно, не содержит ничего эволюционистского, тем более, встречающиеся в ней числа являются, в сущности, символическими, и воспринимать их буквально как количество лет было бы только

---

182 *L'Occultisme dans la Nature*, стр. 235.

183 «Эзотерический буддизм», стр. 172.

184 *De l'an 25000 avant Jésus-Christ à nos jours*, стр. 65.

185 См., например, «Историю Атлантиды» У. Скотта-Эллиота.

проявлением грубого невежества, которое, впрочем, обнаруживают не одни лишь теософисты. Мы можем даже сказать, чтобы более не останавливаться на этом, что эта теория принадлежит к числу тех, чьё подлинное значение в наименьшей степени доступно для западных людей вообще. Возвращаясь к теософистским представлениям, если бы мы стали вдаваться в детали, то обнаружили бы ещё немало других странностей: описание первых человеческих «рас» и их прогрессирующее «отвердение» служат тому примером; с другой стороны, в нынешнем «круге» разделение полов якобы произошло только к середине эпохи третьей «расы». Также оказывается, что каждый «круг» особо посвящён развитию одного из составляющих принципов человека. Некоторые даже добавляют, что с появлением новой «расы» развивается новый орган чувств. Спрашивается, как же случилось, что народы, которые нам представляют как остатки прежних «рас», а именно третьей и четвёртой, пользуются, однако, пятью органами чувств, точно также как и мы? Подобное затруднение не мешает уточнять, что «ясновидение», которое можно приобрести исключительно в «эзотерической секции», является зародышевой формой шестого чувства, которое станет нормой в эпоху «шестой корневой расы», то есть той, которая непосредственно следует за нашей. К тому же, конечно, прозрениям «ясновидящих» приписываются все эти сказки о доисторических временах, содержащиеся в которых сведения о древних цивилизациях, по правде говоря, слишком напоминают изобретения и открытия современной науки. Здесь можно обнаружить все, вплоть до авиации и радиоактивности[186], что наглядно демонстрирует, какие тревоги по-настоящему владеют авторами, и соответствующие размышления на тему социальной организации не менее показательны в этом отношении[187]. К тому же типу весьма современных модных тем следует также отнести ту роль,

[186] *De l'an 25000 avant Jésus-Christ à nos jours*, стр. 222-232.

[187] См. прим. в *Le Pérou Antique* Ледбитера, в *Revue Théosophique française*, 1901.

которую в теософистских теориях, как и в представлениях спиритов, играет «четвёртое измерение» пространства. Теософисты идут даже дальше в отношении «высших измерений», категорически заявляя, что пространство имеет семь измерений[188]. Математики же, которые создают геометрии с любым количеством измерений, найдут это сугубо произвольным, смотря, впрочем, на эти измерения только как на простые алгебраические конструкции, переведенные в пространственные термины по аналогии с обычной аналитической геометрией. Можно также отнести к разряду псевдонаучных фантазий детальное описание различных видов атомов[189]. Эти атомы якобы наблюдались именно благодаря «ясновидению» и таким же образом, именно благодаря этой способности можно узнать цвета невидимых элементов человека[190]. Надо полагать, что эти «гиперфизические» организмы наделены физическими свойствами! К тому же, мы добавим, что «ясновидящие» есть не только у теософистов, но их также хватает среди оккультистов и спиритов. Беда в том, что и те и другие не могут сговориться, и что видения каждого всегда соответствуют теориям, проповедуемым школой, к которой он принадлежит. В этих условиях надо, конечно, очень сильно захотеть, чтобы признать хоть какую-либо значимость за всеми этими фантазиями.

Мы только что сделали намёк на элементы или составные принципы человеческого существа. Эта тема строения человека занимает большое место в «учении» теософистов, посвятивших ей некоторое количество специальных работ[191]. Впрочем, она далека от того, чтобы быть такой простой, какой её часто себе представляют. В двух словах, конечно, не опишешь, в каком отношении теософисты исказили, как впрочем, и повсюду, восточные учения. Мы собираемся

---

188 *L 'Occultisme dans la Nature*, стр. 82-85.

189 *La Chimie occulte*, авторства Безант и Ледбитера.

190 *L'Homme visible et invisible*, Ледбитер.

191 См., кроме упомянутой работы м-ра Ледбитера, различные пособия г-жи Безант: *L'Homme et ses corps, les sept principles de L'Homme*, и пр.

опубликовать, когда позволят обстоятельства, работу, в которой изложим подлинные индусские представления по этой теме[B], и тогда станет понятно, что теософисты заимствовали из них почти исключительно терминологию, которую они присвоили без понимания. Итак, мы ограничимся здесь только тем, что, по мнению теософистов, в человеке существует семь различных принципов. Впрочем, имеется несколько расхождений, и не только в том, что касается их названий (мы уже отмечали, что Безант, в конце концов, стала избегать терминов на санскрите), но даже, что более серьёзно, в том, что касается порядка, в котором их следует перечислять. Как бы там ни было, эти семь принципов рассматриваются как такое же количество тел, которые якобы неким образом вставлены друг в друга или которые, по крайней мере, проникают друг в друга, отличаясь, в итоге, только степенью возрастающей или уменьшающейся степенью плотности. Перед нами концепция, которая объявляет все материей, и естественно, в индусских доктринах не существует ничего подобного. Впрочем, теософисты охотно называют своё учение «трансцендентальным материализмом», для них «все является материей» в различных состояниях, и «материя, пространство, движение и время образуют одну и ту же вечную основу вселенной»[192]. Возможно, подобные утверждения могли бы иметь значение для некоторых современных западных людей, но ясно, что для жителей Востока они полностью лишены смысла. Последние даже не имеют представления, собственно говоря, о материи (в санскрите нет слова, которое бы означало это понятие, даже весьма приблизительным образом). Для нас подобные высказывания только демонстрируют очень узкие ограничения, в которых заключено теософистское мышление. Необходимо помнить, что все теософисты согласны в том, что че-

[B] Объявленная нами работа об индусских концепциях о составе человеческого существа уже опубликована под заглавием «Человек и его осуществление согласно Веданте». [Примечание ко 2-му изданию.]

[192] «Эзотерический буддизм», стр. 274.

ловек имеет семеричное строение (чего не признает, впрочем, ни одна индусская школа). Это только потом некоторые оккультисты попытались отыскать соответствие между этой концепцией и их собственным учением о троичном строении человека, объединяя в группы элементы, которые разделены у теософистов, но им всё-таки не удалось сделать это удачным образом. Это полезно иметь в виду, чтобы избежать путаницы между теориями, которые, хоть и обнаруживают точки соприкосновения, но тем не менее, имеют между собой важные расхождения. Впрочем, теософисты настолько склонны повсюду отыскивать семеричность (что можно было уже заметить, когда речь шла о периодах эволюции), что там, где они сталкиваются с классификациями, включающими только пять принципов или пять элементов, как имеет место быть в Индии или в Китае, они утверждают, что существуют ещё два других элемента, остающихся скрытыми. Естественно, никто не может объяснить причину такой странной скромности.

Другой вопрос, который связан с предыдущим, это вопрос о состояниях, которые человеку суждено пройти после смерти[193]. Чтобы понять утверждающееся на эту тему, необходимо знать, что семеричный человек рассматривается как включающий, с одной стороны, четыре низших и подверженных гибели, элемента, а с другой стороны, три высших, бессмертных элемента. Добавим по этому поводу, что высшие элементы полностью развиты только у людей, достигших самых высоких ступеней эволюции, а у всех остальных они станут таковыми только к концу седьмого «круга». Человек должен последовательно освободиться от каждой из его «низших» оболочек после более или менее длительного пребывания на соответствующем «плане». Затем наступает период покоя, называемый «девачаническим состоянием», в котором он наслаждается тем, что приобрел за время своего последнего земного существования. Это состояние завер-

[193] Безант, *La Mort et l'au-delà*; Ледбитер, *L'autre côté de la mort*.

шается, когда ему наступает черёд облечься в новые «средства передвижения» низшего характера, чтобы «снова воплотиться». Именно продолжительность этого девачанического состояния вначале намеревались определять как одинаковую для всех. Мы видели, как впоследствии от этого первого мнения отказались, и примечательно здесь то, что длительность подобного состояния, определяемого, в то же время, как субъективное, измеряется в единицах земного времени! Здесь мы наблюдаем ту же самую манеру низводить все до уровня материи, и не стоило бы в этих условиях высмеивать «Страну вечного лета» англосаксонских спиритов[194], которая является только ещё более грубо материальной. Между этими двумя концепциями существует, прежде всего, только разница в степени, и здесь и там можно было бы обнаружить множество примеров нелепых представлений, которые воображение только можно произвести на эту тему, перенося на другие состояния то, что по сути своей присуще земной жизни. Более того, было бы бессмысленно углубляться в обсуждение теории, которую мы только что очень кратко изложили, максимально упростив её и пренебрегая исключительными случаями; чтобы показать, что она совершенно лишена оснований, достаточно сказать, что она предполагает прежде всего реальность чего-то, что по праву является абсурдом: речь идёт о реинкарнации.

Нам уже не раз представлялся случай упомянуть эту концепцию реинкарнации, рассматривающейся в качестве средства, благодаря которому происходит эволюция, сначала для каждого человека в отдельности, затем, как следствие, для всего человечества и даже для всей вселенной. Некоторые доходят даже до утверждения, что «реинкарнация является неминуемым следствием закона эволюции»[195]. Это должно быть явным преувеличением, поскольку есть много

---

[194] «Ключ к теософии», стр. 209-210; *La Mort et au-dela*, стр. 85 во французском переводе.

[195] Т. Паскаль, *Essai sur l'évolution* и *La Théosophie en quelques chapitres*. стр. 28 и 35.

эволюционистов, которые совершенно не признают реинкарнацию. Было бы достаточно любопытно увидеть, как этот вопрос обсуждают между собой эволюционисты различных школ, хотя мы сильно сомневаемся, что подобная дискуссия могла бы хоть что-нибудь прояснить. Как бы там ни было, эта идея реинкарнации является, как и идея эволюции, весьма современной. Кажется, она получила распространение к 1830 или 1848 гг. среди некоторых кругов французских социалистов: большинство революционеров этого периода были «мистиками» в худшем значении этого слова, и известно, каким сумасбродствам давали повод среди них учения фурьеристов, сенсимонистов и другие из этого рода. У этих социалистов учение, о котором идёт речь, первыми изобретателями которого были, возможно, Фурье и Пьер Леру[196], единственным оправданием своего существования имело объяснение неравенства социальных условий и, по крайней мере, сглаживание того, что они находили в них шокирующим, относя это на счёт последствий поступков в каком-либо предыдущем существовании. Также и теософисты иногда выдвигают это оправдание на передний план[197], хотя они в меньшей степени настаивают на этом, чем спириты. В сущности, учение, подобное этому, ничего не объясняет и только отодвигает затруднение, если это затруднение имеет место, так как, если бы вначале и имелось равенство, это равенство никогда бы не было нарушено, по крайней мере, если мы только категорически не оспариваем значимость принципа достаточного основания, но в этом последнем случае вопрос более не ставится, и сама идея естествен-

[196] Кажется, что они были первыми, кто заговорил о ней во Франции, однако, нам следует добавить, что та же самая идея была высказана до этого в Германии Лессингом во второй половине XVIII в. Мы не смогли обнаружить никакой более древний источник, и нам неизвестно, было ли влияние Лессинга на французских социалистов прямым или же нет, или же они, напротив, сами «заново изобрели» реинкарнационистскую теорию, которой они, в любом случае, придали такое распространение, какое она не смогла получить до них.

[197] «Эзотерический буддизм», стр. 125; *La Théosophie en quelques chapitres*, стр. 40.

ного закона, которую хотят вставить в его решение, ничего более не выражает. Впрочем, против реинкарнации можно было бы выдвинуть ещё немало хороших возражений, так как, встав на точку зрения чистой метафизики, можно доказать её полную невозможность, и без каких-либо исключений, которые допускали приверженцы ГБЛ К тому же, под невозможностью реинкарнации мы подразумеваем здесь не только её невозможность на Земле, но и также на каком-либо другом небесном теле[198], и равным образом мы отвергаем некоторые причудливые концепции, как, например, учение о множественности одновременных воплощений на разных планетах[199], теософисты же верят, как мы видели, в очень длинные серии воплощений на каждой из планет, являющихся частью одной и той же системы. Такое же метафизическое доказательство равным образом пригодно против теорий вроде учения о «вечном возвращении» Ницше. Но, хотя изложение этого доказательства само по себе представляется весьма простым, оно увело бы нас очень далеко по причине всего того, что оно подразумевает, чтобы быть хорошо понятым[A]. Мы скажем лишь, чтобы показать истинную ценность предубеждений теософистов, что ни одна традиционная доктрина никогда не допускала реинкарнации, и что эта идея была совершенно чужда всему древнему миру, хотя на него хотели опереться посредством тенденциозной интерпретации некоторых имевших более или менее символическое значение текстов. Даже в буддизме речь идёт только об «изменениях состояния», что, очевидно, не имеет ничего общего с множественностью последователь-

---

198 Figuier Louis, *Le Lendemain de la Mort ou la Vie future selon la Science*.

199 Луи Огюст Бланки, *L'éternité par les astres*.

A Мы изложили метафизические доказательства невозможности реинкарнации приведено в книге «Заблуждение спиритизма»(стр. 197-225 [французского издания — прим. пер.]); там мы указали там также фундаментальные отличия этой концепции от концепций «метемпсихоза» и «трансмиграции». Обзор теософских идей по этому вопросу можно найти в небольшой книге Ирвинга С. Купера *La Réincarnation, une espérance pour le monde*. [Примечание ко 2-му изданию.]

ных жизней на земле, и это, мы повторяем, носит только символическое значение, когда различные состояния могли иногда описываться как «жизни» по аналогии с нынешним состоянием человеческого существа и с условиями его земного существования[200]. Итак, правда просто заключается в том, что именно к социалистическим кругам, о которых мы говорили, принадлежали первые спириты из школы Алана Кардека, и именно там они проповедовали, как и некоторые писатели той же самой эпохи[201], идею реинкарнации, и как раз у французской спиритической школы г-жа Блаватская, в свою очередь, как и чуть позднее оккультисты школы Папюса, отыскала эту идею. То, что нам известно о первом периоде её жизни, не оставляет на этот счёт никакого сомнения. Мы видели, однако, что основательница Теософского общества порой имела некоторые колебания, и что в течение некоторого времени она даже отвергала реинкарнационистскую теорию, которую её последователи, напротив, превратили в настоящий предмет веры, который следовало принимать, даже не пытаясь отыскать ему подтверждений. Но в общем, за исключением того периода, когда она находилась под влиянием ГБЛ, г-жа Блаватская могла бы сохранить и сделать своим девиз Алана Кардека: «Рождаться, умирать, вновь рождаться и развиваться беспрерывно, таков закон». Если и имелось расхождение во взглядах между г-жой Блаватской и французскими спиритами, это относится не к самой идее, а только к разновидностям реинкарнации, и этот последний пункт имеет весьма второстепенное значение по отношению к первому. Впрочем, мы видели, что нынешние теософисты ввели ещё несколько изменений. Достаточно любопытно заметить, с другой стороны, что английские и американские спириты, в противоположность фран-

[200] Уточним также, что, несмотря на ложные интерпретации, которые в ходу ныне, реинкарнация не имеет ничего общего с «метемпсихозом» орфиков и пифагорейцев, и также с теориями некоторых еврейских каббалистов об эмбрионате и «вращениях души».

[201] Жан Рейно, *Terre et Ciel*; Андре Пеццани, *Pluralité des existences de l'âme*.

цузским, безоговорочно отвергали реинкарнацию. По крайней мере, они придерживались подобной точки зрения во времена г-жи Блаватской, но нынче некоторые из них её допускают, вероятно, хотя они и не отдают себе в этом отчет, под влиянием теософистских идей, завоевавших столь много сторонников в англосаксонских странах. Конечно, здесь дело обстоит точно таким же образом, как и в случае с опытом «ясновидящих»: «сообщения», получаемые и теми и другими спиритами, содержат в обоих случаях подтверждение их теории, как будто они были бы только простым отражением их собственных идей. Мы не хотим, впрочем, сказать, что только подобное и содержится во всех «сообщениях» этого рода, но обычно там присутствует, несомненно, многое из этого.

С мнимым законом реинкарнации связан закон, именуемый «кармой»[D], согласно которому условия жизни любого существа якобы предопределены действиями, совершенными на протяжении предыдущих существований: «это тот незримый и неведомый[202] закон, который *мудро*, *разумно* и *справедливо* согласует всякое следствие с его причиной, прослеживая её к тому, кто её породил»[203]. Г-жа Блаватская называет этот закон «законом возмездия», а Синнетт «законом этической причинности». На деле это оказывается причинностью особого рода, представления о которой подчинены озабоченности морального порядка, это, если угодно, разновидность «неотвратимой справедливости». Подобные представления обнаруживаются, только без использования обозначающего их здесь слова, также у оккультистов и спиритов, многие из которых доходят даже до того, что претендуют на способность определять с чрезвычайной точностью и в малейших деталях связь между тем, что случается с индивидуумом в его настоящей жизни, и тем, что он делал

[D] Об идее «кармы» и домыслах на её основании см. «Заблуждение спиритизма». [Примечание ко 2-му изданию.]

[202] Тогда как же можно о ней говорить?

[203] «Ключ к теософии», стр. 282.

в своих прежних жизнях. Особенно подобными измышлениями, достигающими зачастую высшей степени нелепости, изобилуют труды спиритов. Надо признать, что теософистам, в общем, далеко до подобного, но, тем не менее, они пересказывают теорию «кармы» весьма детально, моральный характер которой объясняет то, что в их учении она занимает все большее место, так как теософизм, оказавшись в руках наследников г-жи Блаватской, имеет тенденцию становиться все более «моралистическим» и сентиментальным. С другой стороны, некоторые из них стали персонифицировать «карму», и эта более или менее таинственная и безликая сила превратилась у них в подлинную сущность, нечто вроде агента, обязанного давать санкцию на каждое действие. Г-жа Блаватская довольствовалась тем, что приписывала эту роль особым существам, которых она называла «владыками кармы», окрестив их также «липиками», то есть «теми, кто пишут» или регистрируют действия человека[204]. В этой теософистской концепции «кармы» мы обнаруживаем великолепный пример злоупотребления неверно понятыми санскритскими терминами, на что мы уже указывали: слово «карма» в реальности обозначает просто «действие» и ничто другое, оно никогда не обозначало «причинность» («причина» называется на санскрите «карана») и ещё в меньшей степени эту причинность особого рода, природу которой мы только что показали. Итак, г-жа Блаватская совершенно произвольно использовала это восточное слово «карма».

Мы не будем останавливаться на других положениях «учения», имеющих меньшую значимость, и только укажем на некоторые их пункты, когда нам впоследствии представится возможность, среди них есть, к тому же, такие, которые не следует приписывать самой г-же Блаватской, ибо они принадлежат её наследникам. В любом случае, только что представленное нами изложение, каким бы кратким оно не

[204] Истинная санскритская форма этого слова *lipikāra*, и оно в реальности всегда обозначало только «писатель» или «писец» в сугубо обычном значении.

было, кажется нам достаточным, чтобы показать несерьёзность так называемой теософистской доктрины, и прежде всего, чтобы установить, что она, несмотря на заявления её приверженцев, не покоится ни на какой подлинной традиционной основе. Её следует просто отнести вместе со спиритизмом и различными школами оккультизма, с которыми она имеет явное родство во всех отношениях, к тому набору причудливых порождений современной ментальности, которому можно дать общее обозначение «неоспиритуализм». Большинству оккультистов также нравится ссылаться на «западную традицию», которая является столь же совершенно выдуманной, как и «восточная традиция» теософистов, и, подобно ей, сформирована из смеси разнородных элементов. Одно дело — искать общую основу, которая, вполне вероятно, во многих случаях, может скрываться под разнообразием форм традиций разных народов, и совсем другое — фабриковать псевдотрадицию, заимствуя здесь и там большие или меньшие отрывки знаний и сгребая их с грехом пополам, скорее, неудачно, чем успешно, в одну кучу, особенно когда, по правде говоря, не понимаешь их смысла и значения, что присуще всем этим школам. Помимо возражений теоретического характера, которые можно им адресовать, все они обладают неприятной стороной, чью опасность невозможно скрыть. Эти течения выводят из равновесия и приводят в непоправимое расстройство слабые умы, привлеченные в эти круги. Количество несчастных, которых подобные вещи довели до разорения, сумасшествия и даже до могилы, гораздо значительнее, чем могут себе представлять недостаточно информированные люди, и нам известны самые печальные примеры этого. Без всяких преувеличений можно сказать, что распространение «неоспиритуализма» во всех его формах представляет подлинную общественную опасность, которую нельзя отрицать: вред, причиняемый, прежде всего, спиритизмом, представляющим собой его самую распространенную и самую популярную форму, уже

слишком велик, и настоящее беспокойство вызывает то, что, кажется, он в настоящее время возрастает день ото дня.

Недостаток другого порядка, являющееся особенностью теософизма из-за тех особенных претензий, которые он высказывает в этом отношении, состоит в том, что путаница, которую он порождает и поддерживает, дискредитирует изучение восточных учений и сбивает с пути немало серьёзных умов, а, с другой стороны, из-за теософистов у восточных людей складывается самое неприятное представление о западном интеллектуализме, чьими жалкими представителями теософисты им кажутся, не только потому, что они обнаруживают полное непонимание некоторых вещей, но и сама маска «посвящённых», которую они хотят на себя напялить, делает это непонимание ещё более шокирующим и непростительным. Мы не будем слишком акцентировать внимание на том, что теософизм не представляет абсолютно ничего из того, что касается подлинно восточной мысли, так как совершенно печально видеть, с какой легкостью западные люди вследствие своего полного невежества позволяют себя дурить наглым проходимцам. Это случается даже с профессиональными востоковедами, чья компетенция, по правде говоря, ограничивается почти исключительно областями лингвистики и археологии. Что же касается нас, если мы так категоричны на этот счет, то нам даёт на это право прямое изучение подлинных восточных учений, которым мы занимались. Тем более, нам хорошо известно, что думают о теософизме в Индии, где вне английских или англофильских кругов он никогда не имел ни малейшего успеха[E]. Только нынешняя западная ментальность способна благосклонно воспринимать продукцию этого рода. Мы уже гово-

[E] О том, насколько теософизм был одобрен в Индии, ярко говорит следующее замечание: «Теософисты Америки недавно только что отправили коллективное письмо г-же Блаватской с просьбой опубликовать её “Тайную доктрину”. Похоже, этому труду угрожала опасность не увидеть свет, так как брахманы решительно возражали против его публикации» («Лотос», апрель 1888). [Примечание ко 2-му изданию.]

рили, что настоящие индусы питают к теософизму, когда они знакомы с ним, глубокое неприятие, и главы Теософского общества так хорошо отдают себе в этом отчет, что в представительствах этой организации, расположенных в Индии, невозможно достать ни один из их текстов псевдовосточного содержания, и, тем более, подготовленных ими нелепых переводов некоторых текстов, но только работы, связанные с христианством[205]. Также Теософское общество обычно рассматривается в Индии как протестантская секта несколько особенного типа, и, надо признать, что сейчас, по крайней мере, налицо все признаки этого: все более и более усиливающиеся и выходящие на первый план «морализаторские» тенденции, стойкая враждебность по отношению ко всем традиционным индусским институтам, пробританская пропаганда, осуществляемая под прикрытием благотворительной и образовательной деятельности, но дальнейшее изложение сделает это гораздо более понятным.

[205] Статья, опубликованная г-ном Зеаэдиддином Акмалом, из Лахора в журнале *Zeit* (Вена) в 1897 г. Эти сведения нам позднее лично подтвердило несколько индусов.

Глава XII. Теософизм и спиритизм

Мы только что сказали, что теософизм следовало отнести к разряду того, что мы обозначаем общим термином «неоспиритуализм», как для того, чтобы показать его сущностно современный характер, так и для того, чтобы отличать его от «спиритуализма» в обычном и собственно философском смысле этого термина, классическом, если хотите. Нам следует сейчас уточнить, что все течения, объединяемые нами под этим названием, потому что они обладают достаточным количеством общих черт, чтобы рассматриваться в качестве видов одного и того же рода, и, прежде всего, потому что они имеют своим источником общую ментальность, тем не менее, несмотря на всё это, различны между собой. Нас вынуждает остановиться на этом тот факт, что для непривычных к этому людей все эти чудачества из закулисья современного мира, только лишь незначительную часть которых мы здесь собираемся представить, производят впечатление подлинной фантасмагории. Этот хаос, в котором, несомненно, вначале очень трудно ориентироваться, проистекает часто из путаницы, без сомнения, простительной, но которую, насколько это возможно, лучше избегать. Различные школы оккультизма[A], теософизм, спиритизм — все эти течения до некоторой степени роднят определённые черты, но также они различаются между собою в других отношениях, и их следует тщательно отделять друг от друга, даже занимаясь установлением связи между ними. Впрочем, нам уже представлялся случай увидеть, что главы этих школ часто ведут междоусобную войну, и им иногда случа-

[A] О сходствах между оккультизмом и спиритизмом см. «Заблуждение спиритизма». [Примечание ко 2-му изданию.]

ется ругаться публично. Однако следует добавить, что это не мешает им при случае сотрудничать и объединяться в рамках некоторых группировок, масонских или иных. В этих условиях есть искушение задаться вопросом, в действительности ли эти ссоры очень серьёзны и не призваны ли они скрывать согласие, как того требует благоразумие, чтобы оставить в неведении посторонних. Мы не претендуем здесь на то, чтобы дать ответ на этот вопрос, тем более что было бы, вероятно, неверно делать общим правилом то, что касательно этой темы может быть правдой только в некоторых отдельных случаях. Может случаться, что люди, не прекращая быть соперниками или противниками, соглашаются, тем не менее, выполнять вместе то или иное определённое дело, и именно подобное можно увидеть ежедневно, в политике, например. Что до нас, мы, скорее, склонны видеть в ссорах, о которых идёт речь, битву самолюбий глав этих школ, или тех, кто хочет быть таковыми, и то, что произошло у теософистов после смерти г-жи Блаватской, представит нам типичный пример этого. В общем, именно для этого соперничества пытаются создать благовидный предлог, выдвигая на первый план теоретические расхождения, которые, вероятно, хоть они и остаются весьма реальными, всё же имеют только достаточно второстепенное значение для людей, которые кажутся полностью лишёнными устойчивых принципов и чётко определённой доктрины и чьи главные интересы далеки, конечно, от чисто интеллектуальной жизни.

Как бы там ни было, что особо касается отношений теософизма и спиритизма, мы показали, что г-жа Блаватская, по крайней мере, после основания её общества (так как трудно установить, что прежде лежало в основе её взглядов) выступала в явной оппозиции по отношении к теориям спиритов, или «спиритуалистов», как говорят в англосаксонских странах. Было бы легко сослаться на множество текстов, где эта точка зрения находит своё выражение, мы же ограничимся тем, что процитируем несколько фрагментов:

> Если под «спиритизмом» вы имеете в виду объяснение, которое спириты дают некоторым сверхъестественным явлениям, то мы, конечно, в это не верим. Так как, по их мнению, все эти проявления вызываются «духами» людей (чаще всего их родственников), оставивших этот мир и вернувшихся в него, чтобы вступить в общение с теми, кого они любили и к кому сохранили привязанность. Вот это мы категорически отрицаем. Мы утверждаем, что духи умерших, за редким исключением, не могут возвращаться на землю [...] и что они общаются с людьми благодаря *целиком субъективным средствам*[206].

И г-жа Блаватская поясняет затем, что спиритические феномены возникают благодаря либо «астральному телу» или «двойнику» медиума или одного из присутствующих людей, либо «элементалам», либо, наконец, «скорлупам», то есть «астральным оболочкам», оставленным покойниками при покидании соответствующего «плана» и до момента своего распада якобы продолжающим существовать, будучи наделены определённым автоматизмом, который позволяет им давать вразумительные ответы. И чуть далее она утверждает:

> Конечно, мы отвергаем целиком философию спиритов, если под философией вы понимаете их грубые теории. Но, откровенно говоря, у них нет философии, и среди их защитников именно самые ревностные, серьёзные и умные говорят об этом.

И она приводит по этому поводу то, «что «м-р А. Оксон (Стейнтон Мозес), один из редких философов-спиритов, пишет о ханжестве (*sic*) и нехватке организованности в их движении»[207]. В другом месте «учение «о возвращении духов» она называет «эгоистическим и жестоким», потому что, согласно ему

---

[206] «Ключ к теософии», стр. 40-41.

[207] Там же, стр. 45-46.

> даже смерть не освобождает несчастного человека от горестей этой жизни. И поскольку теперь он видит всё, ни одна капля из чаши страдания и горя не минует его губ, и *nolens volens* он будет пить её до самого дна. […] Возможно ли блаженство для того, кто обладает этим знанием (страданий тех, кто остался на земле)? В таком случае, по правде говоря, «блаженство» оказывается величайшим проклятием, которое только можно вообразить, и вечные муки, обещаемые ортодоксами, кажутся по сравнению с ним настоящим облегчением[208].

Этой доктрине спиритов она противопоставляет учение о «девачане», согласно которому человек

> наслаждается совершенным блаженством в полном забвении всего того, что причиняло боль и страдание в прошлом воплощении, и даже того, что такие вещи, как боль и страдание вообще существуют[209].

Г-жа Блаватская допускает только «возможность общения и развоплощёнными духами» в случаях, которые она рассматривает как совершенно исключительные, а к таковым относятся:

> Первое такое исключение относится к нескольким дням, сразу после смерти человека, прежде чем его *Ego* перейдёт в девачаническое состояние. Другой вопрос, получал ли кто-либо из живущих ощутимую пользу от возвращения духа на объективный план […] Второе исключение связано с *нирманакайями*»,

то есть с

> «теми, кто, заслужив право войти в нирвану и получить циклический отдых […] отказались от этого состояния из сострадания к человечеству и к тем, кто остался на этой земле[210].

---

[208] Там же, стр. 206-207.

[209] Там же, стр. 208.

[210] Там же, стр. 211-212.

Первый из этих двух случаев, хотя и предполагается таким редким, тем не менее, представляет серьёзную уступку, открывающую дверь любым компромиссам: после того как допускается малейшая возможность общения с мёртвыми благодаря материальным средствам, трудно знать, где остановиться[211] [В]. На деле есть теософисты, занимающие гораздо менее непримиримую позицию, чем г-жа Блаватская, и, подобно некоторым оккультистам, допускающие, что «духи» в реальности появляются и, достаточно часто, на спиритических сеансах. Правда, они добавляют, что эти «духи» являются «элементариями», то есть человеческими существами самого низкого уровня, с которыми, скорее, опасно вступать в контакт: мы сильно сомневаемся, чтобы уступки такого рода помогли их авторам завоевать благосклонность со стороны чистых спиритов, которые никогда не согласятся увидеть в их лице «правоверных».

Впрочем, на практике главы теософистского движения никогда не прекращали отговаривать от спиритических опытов, и они зачастую стараются делать это, расписывая опасности. Г-жа Блаватская, забыв, или притворяясь, что забыла, кем она была вначале, писала в конце своей жизни:

> Именно из-за того, что я верю в реальное существование этих феноменов [...] как раз поэтому всем своим существом испытываю глубокое отвращение к ним [...] Так можно лишь открыть двери целому рою призраков, добрых, злых или же нейтральных, рабом которых медиум становится на всю жизнь. Итак, я возражаю не против духовного мистицизма, но против этой медиумичности, побуждающей вас общаться со всеми домовыми, которые могу вас ожидать. Первый свят, он возвышает и облагораживает, второй имеет ту же природу, что и феномены

---

[211] В реальности здесь ещё идёт речь, как и в случае реинкарнации, о метафизической невозможности, которая не допускает ни малейшего исключения.

[В] Невозможность общения с умершими материальными средствами была показана нами в работе «Заблуждение спиритизма», стр. 183-196. [Примечание ко 2-му изданию.]

> двухсотлетней давности, вызвавшие гибель стольких ведьм и колдунов [...] Я лишь хочу сказать, что, сознательное оно или бессознательное, это общение с мёртвыми — некромантия, чрезвычайно опасное занятие [...] Совокупная мудрость всех прошлых веков во всеуслышание осудила практики этого рода. В заключение я скажу то, что неустанно повторяла и устно, и в печати в течение пятнадцати лет: в то время как одни из так называемых «духов» сами не знают, о чём говорят, повторяя, как попугаи, то, что они отыскали в умах медиумов и прочих людей, другие бывают весьма опасны и могут лишь привести человека ко злу.

Как доказательство первого случая она упоминает факт подтверждающих существование реинкарнации «сообщений» во Франции и отрицающих её реальность в Англии и Америке, что касается второго, она утверждает, что «все ваши лучшие и наиболее сильные медиумы страдали болезнями телесными и душевными», и она приводит примеры: одни были эпилептиками, другие умерли от буйного помешательства, и

> вот, наконец, сестры Фокс, самые старые медиумы, основательницы современного спиритизма. После более чем сорока лет общения с «ангелами» они стали благодаря этим последним неисцелимыми сумасшедшими, в публичных лекциях заявляющими сейчас, что философия и деятельность всей их жизни была только обманом! Что же это за духи побудили их к подобному поведению, спрашиваю я вас?[212]

Вывод, который напрашивается из этой последней фразы, однако, отсутствует, потому что г-жа Блаватская открыто заявляет, что она не верит в демона. Тем не менее, правда, что здесь есть очень верные утверждения, некоторые из которых могли бы обратиться против той, которая их написала: настолько ли её собственные «феномены», если допустить

[212] «Ключ к теософии», стр. 270-273.

их реальность, отличаются от тех, которые она просто-напросто приравнивает к колдовству? Кажется также, что она сама ставит себя перед дилеммой: либо она была только псевдомедиумом в эпоху своих «клубов чудес», или она была больной; разве она не дошла до того, что сказала, что эпилепсия является «первым и самым явным симптомом подлинной медиумичности»? В любом случае, мы также полагаем, что медиум всегда является существом более или менее ненормальным и неуравновешенным (это и объясняет некоторые факты бессознательного обмана). Именно это в итоге Синнетт, со своей стороны, выразил в следующих словах:

> Медиум может оказаться больным, если между его принципами нет тесного единства; как следствие, эти принципы могут поддаться влечению существ, плавающих в атмосфере и постоянно стремящихся жить паразитическим образом за счёт человека, который достаточно плохо организован, чтобы быть в силах им сопротивляться[213],

отсюда многочисленные случаи одержимости. Эти «существа, плавающие в атмосфере», являются, прежде всего, согласно автору, «астральными скорлупами», но они могли бы быть в реальности чем-то совершенно иным: следует знать, какова истинная природа этих «сил, пребывающих в воздухе». Посмотрим сейчас, что утверждает м-р Ледбитер, принадлежащий к числу тех, кто дальше всех зашел на пути уступок спиритизму:

> Физическая медиумичность (связанная с сеансами материализации) является самой грубой и самой опасной для здоровья. По моему мнению, разговоры и передача сообщений в состоянии транса не причиняют вреда физическому телу, хотя, если принимать во внимание незначительную ценность большинства этих сообщений, можно полагать, что они снижают уровень интеллекта! […] Если взять медиумов, с которыми у меня были сеансы тридцать лет

[213] «Эзотерический буддизм», стр. 136.

> назад, один из них сегодня слеп, другой — беспробудный пьяница, третий, которому угрожали инсульт и паралич, спас себе жизнь, только полностью оставив занятие спиритизмом[214].

Конечно, у глав теософистского движения есть достаточные основания расписывать, таким образом, опасности медиумичности, и мы можем только похвалить их за это. К несчастью, они очень мало подготовлены на такую роль, так как те опасности, на которые они указывают своим ученикам, не более значительны, чем исходящие со стороны «психических тренировок», которым они сами их подвергают: в обоих случаях наиболее очевидным результатом является то, что большое количество слабых духом людей сходит с ума.

Необходимо также сказать, что к предупреждениям из разряда тех, которые мы только что воспроизвели, всё же не прислушиваются, несмотря на всю власть, которой те, кто формулирует их, обычно пользуются над своими приверженцами. Среди массы теософистов, также как и оккультистов, встречается немало людей, занимающихся в то же самое время спиритизмом, не слишком заботясь о том, как можно совмещать эти вещи и, вероятно, даже не задаваясь вопросом, а возможно ли это. Не стоит чересчур удивляться, что дела обстоят таким образом, если вспомнить все противоречия, содержащиеся в самом теософизме и не останавливающие тех же самых людей, которых, как кажется, эти противоречия совершенно не смущают и не озадачивают: будучи по природе своей в гораздо большей степени сентиментальными натурами, чем интеллектуалами, они несутся без разбора ко всему, что, как им кажется, способно удовлетворить их неопределённые псевдомистические устремления. Именно эта беспокойная и путаная религиозность является одной из самых поразительных черт в характере многих наших современников. Особенно в Америке можно увидеть са-

---

[214] *L'Occultisme dans la Nature*, стр. 121-123.

мые разнообразные и самые необычайные её проявления, но и Европу она не обошел стороной. Эта же самая тенденция в значительной степени способствовала успеху некоторых философских учений, таких как бергсонианство, на сходство которого с «неоспиритуализмом» мы прежде указывали. Прагматизм Уильяма Джеймса с его теорией «религиозного опыта» и его обращением к «подсознанию» как к средству общения человеческого существа с божественным (то, что нам кажется настоящим случаем бессознательного сатанизма), происходит из того же источника. По этому поводу полезно напомнить, с какой готовностью подобные теории принимают и используют большинство приверженцев модерна, состояние духа которых полностью соответствует состоянию духа людей, о которых у нас сейчас идёт речь. Впрочем, модернистская ментальность и ментальность протестантская в общем различаются только нюансами, если даже они не тождественны в сущности, и «неоспиритуализм» в общем, достаточно близок к протестантизму. Что касается особенно теософизма, то знакомство со второй частью его истории позволит убедиться в этом.

Несмотря на все точки соприкосновения, которые есть основания отметить, можно признать, что в общем теософисты отзываются о спиритах с определённой долей презрения: такое отношение вызвано их претензиями на эзотеризм. Ничего похожего нет у спиритов, которые не признают, напротив, ни инициации, ни иерархии никакого рода, и именно это давало основание говорить, что теософисты и оккультисты занимают такое же место по отношению к спиритам, как аристократы по отношению к демократам. Только эзотеризм, который в нормальных условиях следовало бы рассматривать как достояние элиты, трудно совместить с пропагандой и вульгаризацией, однако, что необычно, теософисты являются почти такими же пропагандистами, как и спириты, хотя они действуют в меньшей степени прямым путём и в большей — внушением. Это ещё одно из изобилующих у них противоречий, тогда как спириты со-

вершенно последовательны в этом отношении. Впрочем, презрительное отношение теософистов к спиритам достаточно мало оправдано, и не только потому, что их так называемый эзотеризм самого низкого пошиба, но и потому, что многие их идеи, хотят ли они этого или нет, были просто-напросто заимствованы у спиритов. И все изменения, которым можно было подвергнуть эти идеи, не в состоянии целиком скрыть источник их происхождения. Кроме того, не следует забывать, что основатели Теософского общества начали с открытого исповедания спиритизма (у нас достаточно доказательств этого, чтобы не принимать в расчёт позднейшие запирательства), и что из рядов спиритов вышли другие известные теософисты: таков как раз случай м-ра Ледбитера[A]. Ранее он был англиканским священником и, по его собственному свидетельству, к теософизму его привлекло чтение «Оккультного мира» Синнетта, что весьма показательно для его ментальности, так как в этом труде речь идёт исключительно о «феноменах». В этот период времени он сам регулярно посещал сеансы медиума Эглинтона. Необходимо сказать, что Эглинтон, после своего пребывания в Индии в 1882 г., во время которого он часто навещал различных теософистов, был вознагражден, когда на судне, на котором он возвращался в Европу, ему явился Кут Хуми, который ему представился, показав ему «знаки учителя Масона». Правда, после того как он удостоверился в реальности этого проявления, впоследствии он спохватился и заявил, что он был лишь очевидцем простой спиритической «материализации»[215]. Чтобы ни представляла собой эта история, где самую большую роль, вероятно, сыграло самовнушение, Эглинтон, после своего общения с Ледбитером, находился «под контролем духа» по имени Эрнест, которого, как мы видели, г-жа Блаватская относила к тому же самому разряду, что и своего бывшего «руководителя» Джона Кинга. Ко-

[A] С занятий спиритизмом начинали свою деятельность и Рерихи — прим. пер.

[215] *L'Occultisme dans la Nature*, стр. 254-264; там же, послесловие переводчика, стр. 319-326; письмо Эглинтона в *Light*, январь 1886.

гда однажды этот Эрнест похвастался, что он знаком с «учителями мудрости», у Ледбитера появилась мысль использовать его в качестве посредника, чтобы передать письмо Кут Хуми. Но лишь спустя несколько месяцев и «не благодаря посредничеству Эрнеста» он получил ответ, в котором «учитель» сообщил ему, что он «не получал его письма и не мог получить, принимая во внимание характер посланца», и пригласил его провести некоторое время в Адьяре. Помимо этого, Ледбитер отыскал г-жу Блаватскую, которая была тогда в Лондоне, но должна была возвращаться прямо на следующий день в Индию (это было в конце 1884 г.). Во время вечерних посиделок у г-жи Оукли г-жа Блаватская «материализовала» новое письмо от «учителя» и, следуя содержавшимся в нём советам, м-р Ледбитер, тотчас же оставив свой приход, несколькими днями позже сел на корабль, присоединился к г-же Блаватской в Египте и сопровождал её в Адьяр. Именно с тех пор он стал одним из самых ревностных членов Теософского общества[216].

Заканчивая эту главу, нам ещё следует указать, что теософисты предприняли, по крайней мере, ещё одну попытку сотрудничества со спиритами, или, быть может следует скорее сказать, попытку поставить движение спиритов себе на службу. Мы имеем в виду речь, которую г-жа Безант произнесла 7 апреля 1898 г. на собрании «Спиритуалистического Альянса» Лондона, чьим президентом было когда-то Стейнтон Мозес. Здесь мы немного забегаем вперед, чтобы не иметь необходимости возвращаться к этой теме. Эта речь, которая странным образом контрастирует со всем тем, что мы до сих пор видели, кажется нам подлинным шедевром лицемерия: г-жа Безант, признавая, что были «недоразумения» и что «необдуманные слова произносились с обеих сторон», заявила, что «в многочисленных номерах журнала, который она издает вместе с м-ром Мидом, не найти ни одного резкого слова против спиритуалистического движения».

---

[216] *L'Occultisme dans la Nature*, стр. 396-403.

Это вполне возможно, но то, что она не писала в этом журнале, она говорила в других местах. Так, 20 апреля 1890 г. в «Зале науки» в Лондоне она заявила буквально, что «медиумичность опасна и ведёт к безнравственности, сумасшествию и пороку», что совершенно совпадало с мнением всех прочих лидеров теософистского движения. Мы приведём некоторые из самых интересных отрывков из речи 1898 г.

> Я начну с вопроса о силах, руководящих обоими нашими движениями: спиритуалистическим и теософским. Я считаю два наших движения частью одной и той же попытки, предпринятой, чтобы подтолкнуть мир к борьбе против материализма и вести человеческую мысль в направлении духовности. Вот почему я рассматриваю и одно и другое как берущие начало от тех, кто работает ради нравственного развития и прогресса человечества. В итоге мы полагаем, что оба этих движения имеют своим источником развитых людей, живущих на физическом плане, но обладающих способностью добровольно переходить в невидимый мир и благодаря ей поддерживающих общение с развоплощёнными. Как и вы, мы не придаем чрезмерного значения тому факту, что те, кто действует в рамках этого движения, не живут более в физических телах, этот вопрос нам безразличен. Мы не стараемся узнать, каким образом мы получаем сообщения, если они приходят от душ, в настоящее время воплощенных или развоплощённых [...] По нашему мнению, спиритуалистическое движение было инициировано Ложей Адептов или, если использовать привычные термины, оккультистами высокого уровня, людьми, живущими в этом мире, чьё духовное развитие, однако, опередило нынешнюю стадию эволюции человечества [...] Они восприняли систему исключительных манифестаций, пользуясь душами умерших и задействуя их в своих усилиях, чтобы дать миру полную уверенность, что смерть не означает прекращения жизни человека и что человек нисколько не меняется при переходе от жизни к смерти, если не считать гибели его физического тела.

Любопытно видеть, что г-жа Безант воспроизводит здесь (в том, что она примешивает сюда «души умерших») тезис ГБЛ о происхождении спиритизма, и ещё более любопытно, что она хочет, чтобы этот тезис приняли и спириты, но продолжим.

> С нашей стороны, мы полагаем, что нынешнее теософское движение было также инициировано Ложей великих оккультистов [...] и этот второй толчок необходимо было сделать, потому что внимание участников первого движения было полностью поглощено огромным количеством феноменов самого тривиального характера. И мы добавим, что, когда проектировалось основание Теософского общества, было задумано, что оно будет работать в сотрудничестве с обществом спиритов[217]. Спириты начали отдаляться от г-жи Блаватской, когда она возвысила свой голос против злоупотребления феноменами. Она утверждала, что нет никаких оснований полагать, что души умерших являются единственной действующей силой при любом спиритическом явлении, и что много других действующих сил могло вызывать эти феномены, что самые бессодержательные среди них производились элементалами или духами природы, сущностями, принадлежащими к астральному миру, что только некоторые из этих сообщений могут быть творчеством развоплощённых и что львиная доля этих феноменов могла быть вызвана по желанию психически тренированного человека, с помощью душ умерших или элементалов или без таковой. Но когда, кроме того, она стала утверждать, что человеческая душа, пребывая в теле, также как и находясь вне тела, наделена способностью вызывать многие из этих явлений, что эта сила присуща ей и что ей необходимости обретать её благодаря смерти, будучи в состоянии использовать её в своем физическом теле, также и когда она от него отделена, большое количество спиритов стало возражать и отказалось отныне с ней поддерживать какие-либо отношения.

---

[217] Необходимо заметить, что спириты никогда не образовывали «общества», но они всегда представляли собой множество независимых групп.

Вот странная манера написания истории, чтобы судить о ней, достаточно вспомнить, с одной стороны, направленные против спиритов заявления г-жи Блаватской, а с другой, ту исключительную важность, которая придавалась «феноменам» в начале существования Теософского общества. Г-жа Безант хотела прежде всего убедить спиритов, что «силы, руководящие обоими движениями», являются, в сущности, теми же самыми, но этого не было достаточно, и ей пришлось с небольшими оговорками признать истинность той самой их основополагающей гипотезы:

> Необходимо разубедить спиритов в том, что мы якобы отвергаем реальность их феноменов. В прошлом преувеличенная важность придавалась теории оболочек или астральных мертвецов. Вы найдете, это правда, что некоторые авторы утверждали, что почти все спиритические феномены обязаны действию этих оболочек, но позвольте мне сказать, что совершенно незначительное меньшинство теософистов придерживается этой точки зрения. М-р Джадж сделал заявление, которое невозможно принять любому образованному теософу, так как он утверждает, что все спиритические сообщения являются продуктом этих действующих сил. Но это не мнение большинства теософов, и, конечно, не мнение образованных теософов, ни всех тех, кто со времен г-жи Блаватской претендует на знание оккультизма. Мы всегда утверждали, что в то время, как некоторые из этих сообщений могли иметь эту природу, основная их часть происходила от развоплощённых.

Здесь ложь бросается в глаза: нужно только сравнить последнюю фразу с приведёнными нами выше отрывками из текстов г-жи Блаватской, но, без сомнения, г-жа Безант демонстрирует определённую ловкость, сваливая на Джаджа, в ту пору теософиста-раскольника, ответственность за некоторые неудобные высказывания, которые, однако, не он один делал. И вот теперь вывод:

> Уже несколько лет мы проводим политику полного отказа от враждебных или пренебрежительных заявлений в адрес

> наших братьев спиритов. Почему бы вам не принять аналогичный образ действия, так, чтобы мы могли навести между собой мосты? Почему в ваших газетах вы не могли бы относиться к нам так же, как мы сами относимся к вам? Почему вы превратили в привычку произносить резкие, обидные и ранящие слова при упоминании наших книг и изданий? Я призываю вас принять нашу политику, так как, полагаю, имею на это право, вменяя это себе в обязанность на протяжении стольких лет [...] Я прошу вас не рассматривать нас отныне как соперников и врагов, но относиться к нам, как к братьям, чьи методы хоть и отличны от ваших методов, но чья цель идентична вашей [...] Я пришла к вам в этот вечер с целью сделать наш союз возможным завтра, и если он не возможен, то избавиться, по крайней мере, от каких-либо враждебных чувств, и я надеюсь, что наша встреча никоим образом не окажется совершенно бесполезной.

По-настоящему примечательно использование слова «политика» самой г-жой Безант для обозначения собственной позиции, это слово на самом деле вполне подходит, и эта политика имела одновременно две цели: непосредственную, состоявшую в том, чтобы заставить спиритов прекратить атаки на теософизм, и более отдалённую, заключавшуюся в подготовке под предлогом союза подлинного захвата спиритуалистического движения. То, что произошло в отношении других кругов, как мы увидим это позже, не оставляет никаких сомнений на этот счет. Впрочем, мы не думаем, что спириты дали себя обмануть. Заискивания г-жи Безант не могли заставить их забыть столько заявлений противоположного характера, и обе стороны остались на своих позициях. Если мы и остановились на этой теме, то лишь потому, что это великолепный образчик свойственного теософистам лицемерия[C].

Примечания к главе

[C] Небезынтересно сопоставить с заявлениями г-жи Безант следующий отрывок из речи, произнесённой полковником Олкоттом на двенадца-

той ежегодной Конвенции Теософского общества, проходившей в Адьяре с 27 по 29 декабря 1887 года: «Из того факта, что несколько видных членов нашего Общества, включая меня самого, являются бывшими спиритами, многие делают вывод, что Общество есть не что иное, как ответвление спиритизма. Это не так. Если бы Теософия была современной школой, а не архаической, то её, может быть, и можно было бы рассматривать как эволюцию феноменального спиритизма на высший план чистой философии. Тем не менее не может быть двух мнений о вероятности того благотворного воздействия, которое окажет наше движение на спиритизм. Древняя философия (*sic*) не отрицает ни одного факта медиумизма, напротив, но, по-видимому, она предлагает поистине научное и разумное их объяснение и в то же время даёт гораздо более возвышенное представление о человеческой эволюции на восходящих планах. Было бы ошибкой предвидеть будущее Теософии, не учитывая того факта, что она неизбежно будет привлекать сторонников из рядов спиритизма. Этими новобранцами станут наиболее выдающиеся умы этой системы, насчитывающей столько приверженцев. Но прежде всего нам следует трудиться, являя себя истинными теософистами в словах и делах.» — Добавим к этому ещё следующий отрывок из статьи, извлечённой из одного теософистского органа: «Было бы несправедливо… отрицать всякую ценность и всякую серьёзность спиритизма вообще. Многие теософы, в самом деле, прошли через спиритизм: изучаемый *с величайшей осторожностью* и в условиях строжайшего контроля, он даёт *абсолютно неопровержимые* доказательства существования потустороннего мира и, следовательно, истинности части теософических учений. Необходимо признать одну вещь: шарлатанство во всех его формах имеет здесь прекрасные возможности, а вероятность обмана огромна. И если возможность мошенничества или просто *добросовестного заблуждения* велика со стороны медиумов и присутствующих, то она ещё гораздо больше со стороны сущностей астрального мира, ибо те обладают «иллюзионистской» силой бесконечно более могущественной, чем обычно полагают. С учётом этих оговорок, несомненно, повторяю, что посредством спиритизма можно получить те знаменитые, так часто требуемые доказательства существования сверхфизического мира, и что именно неоспоримая реальность этих доказательств привела многих теософов — и не из последних — туда, где они находятся сегодня. Значит ли это, что спиритизм, как его обычно практикуют, рекомендуется для нас? Я не думаю. Если верить словам наших наставников, скорее наоборот… Итак, воздержимся от критики иногда весьма полезной работы наших братьев спиритов, но предпочтительно воздержимся от участия в ней, дабы не рисковать затруднить или замедлить посмертную (*post mortem*) эволюцию наших усопших друзей» (A. Janvier, *Le Théosophe*, 16 мая 1914). [Примечание ко 2-му изданию.]

Глава XIII. Теософизм и религии

Перед тем, как вновь обратиться к истории теософизма, остается ещё два вопроса, которые нам хотелось бы вкратце рассмотреть: первый это отношение теософизма к религиям, а второй касается существования присяги в Теософском обществе. Что касается первой темы, то мы видели, что г-жа Блаватская представляла своё учение в качестве «сущности и общего источника всех религий», без сомнения, на том основании, что она заимствовала что-либо из каждой из них. Мы также упоминали, что в «экзотерическую секцию» допускаются без разбора люди любых убеждений. Это хвастливо выставляется в качестве доказательства безграничной терпимости, и г-жа Блаватская, чтобы наглядно показать, что «ни один член общества не имеет права принуждать другого члена к принятию его собственных воззрений», цитирует следующее место из устава:

> Официальным лицам центральной организации общества не допускается выражать публично, словесно или действиями, какую бы то ни было предпочтение или враждебность к какому-либо направлению в религии и философии. У всех равные права на выражение сущности своих взглядов по религиозным верованиям, предоставляемых на беспристрастный суд всего человечества. И ни одно из официальных лиц общества, будучи при исполнении обязанностей, не имеет права проповедовать на собрании членов свои собственные сектантские взгляды и верования, за исключением случаев, когда собрание состоит из его единоверцев. Любой, кто после серьёзного предупреждения про-

> должит нарушать это правило, будет наказан временной приостановкой членства или исключением[218].

Именно в нарушении этого пункта некоторые теософы позднее обвинили г-жу Безант, утверждая, что она проповедует особую религию собственного изобретения, на что м-р Ледбитер заметил достаточно язвительно, что

> подобная политика — это дело президента, а не их, что она, будучи президентом, со всех точек зрения знает гораздо больше, чем они, и что она действовала так с полным основанием, о чём эти члены и не подозревали[219].

Итак, руководители общества находятся выше законов, которые, как получается, установлены лишь для рядовых членов и должностных лиц низшего звена; в этих условиях очень сомнительно, что в его среде всегда строго следуют принципу терпимости, который так превозносится на словах.

Впрочем, даже если ограничиться тем, что можно отыскать в работах, являющихся авторитетными для членов Теософского общества, есть весомые основания констатировать, что принцип беспристрастности здесь часто отсутствует. Мы уже указывали на яркое антихристианство г-жи Блаватской, которое, без сомнения, было превзойдено только её антииудаизмом. Впрочем, происхождение всего того, что ей не нравилось в христианстве, она приписывала именно иудаизму. Именно так она писала:

> Всё бескорыстие альтруистического учения Иисуса стало просто теоретическим предметом для упражнений в церковном красноречии, тогда как принципы практического эгоизма, которым учит Моисеева Библия и против которых Христос столь тщетно проповедовал, прочно укоренились в самой жизни западных народов [...] библейские христиане предпочитают Моисеев закон Христову Закону лю-

---

[218] «Ключ к теософии», стр. 72.

[219] *L'Occultisme dans la Nature*, стр. 384.

> бви. Ветхий Завет, потворствующий всем их страстям, служит основой для их законов порабощения, захвата и тирании[220].

И ещё:

> Необходимо убедить мыслящих людей, что если у человечества общий источник происхождения, то должна иметься единая истина, обнаруживающаяся во всех разнообразных религиях, за исключением, впрочем, еврейской религии, так как эта идея не находит выражения даже в Каббале[221].

Именно эта ненависть ко всему, что можно назвать «иудеохристианским», привела к сходству во взглядах, на которое мы уже указывали, между г-жой Блаватской и востоковедом Бюрнуфом: для них обоих христианство лишено всякой ценности, потому что оно было «иудаизировано» апостолом Павлом; и им обоим нравилось противопоставлять этому мнимому искажению учение Христа, которое представлялось ими как выражение «арийской философии», якобы перешедшей через буддистов к ессеям. Именно эта общность взглядов позволила теософистам сказать, что «ясный ум г-на Эмиля Бюрнуфа[222] достиг в своем полете высот, простирающихся до гордых вершин, на которых блистает учение гималайских учителей»[223].

Но это ещё не все, и мы теперь обратим внимание на Синнетта, которого г-жа Блаватская всегда прямо подстрекала (прячась под маской «учителей») к нападкам не только на

---

[220] «Ключ к теософии», стр. 60 и 62.

[221] Там же, стр. 66.

[222] См. по этому вопросу статью Бюрнуфа *Le Bouddisme en Occident*, в *Revue des Deux Mondes*, 15 июля 1888 г., и статью мадам Блаватской, озаглавленную *Théosophie et Bouddhisme*, в *Lotus*, сентябрь 1888 г.

[223] «Голубой лотос», 27 мая 1895.

одну еврейскую религию, но и на все религии в целом[A], не исключая даже «эзотерический» буддизм:

> Религиозные идеи, проповедуемые теологами, и духовные способности, основывающиеся на эзотерической науке, полностью противоположны друг другу [...] Ничто не оказывает более пагубного влияния на человеческое развитие в плане индивидуальной судьбы, чем ещё столь распространенное мнение, что религия, какой бы она не была, если только следовать ей искренне и в духе благочестия, полезная для нравственности, и что, даже если то или иное положение учения кажется вам нелепым, тем не менее полезно сохранять для подавляющего большинства людей религиозные практики, которые, если прибегать к ним с преданностью, могут приносить лишь хорошие плоды. Конечно, все религии равноценны, все они одинаково опасны для *Ego*, чья потеря является следствием исповедания любой их них. И здесь не делается никакого исключения, даже для религий, имеющих в своем активе только доброту, мягкость, снисходительность и чистоту нравов, и чей дух широкой терпимости никогда не допускал, чтобы вкус человеческой крови распространялся даже для проповеди учений, открывающихся миру единственно благодаря своей притягательности и силе убеждения[224].

Далее мы читаем:

> Больше всего поражает то, насколько эта доктрина (эзотерическая) противоположна идее держать людей под игом не важно какой клерикальной системы, чьи догмы и учения разработаны, чтобы насаждать безликость и ужасать воображение. Если что-нибудь более отупляющее, чем

[A] Интересно, как можно согласовать нападки на все религии, рассматриваемые как одинаково вредные для человечества с теорией, согласно которой рождение этих религий было обусловлено непосредственным влиянием «Великой белой ложи» (см. гл. XIII, последний абзац), а также с утверждением, одного из посланий «учителя» («Лотос», сентябрь 1888) и воспроизведённым позже г-жой Безант (см. гл. XX, прим. 14), что «Теософское общество есть краеугольный камень будущих религий человечества»? [Примечание ко 2-му изданию.]

[224] «Эзотерический буддизм», стр. 243 и 246.

> представление о личном Боге, всемогущем и исполненном доброй воли, от которого люди всецело зависимы, о Боге, ожидающим часа их смерти, подстерегающим их, чтобы ввергнуть их после стольких лет часто очень несчастливой жизни в бездну вечных страданий или наслаждений, которым не будет конца![225]

Идея личного Бога, выставленная в этом последнем отрывке в столь карикатурном виде, является, впрочем, лишь одной из тех идей, которые чаще всего и наиболее яростно отвергали теософисты, по крайней мере, во время первого периода. «Мы совершенно не верим, — утверждает г-жа Блаватская,

> в Бога, напоминающего Бога христиан, Библии и Моисея. Мы отвергаем идею Бога-личности или внекосмического и антропоморфного Бога, представляющего собой лишь гигантскую тень человека, даже не воспроизводя того, что есть лучшего в человеке. Мы говорим и доказываем, что Бог теологов представляет собой лишь набор противоречий, и его существование невозможно с точки зрения логики»[226].

Здесь сказано достаточно, чтобы поставить под сомнение ценность утверждения, которое так часто повторяют лидеры Теософского общества и согласно которому приверженцы всех религий не найдут в учении этого общества ничего, что бы могло оскорбить их религиозные чувства. Г-жа Безант утверждает:

> Оно не стремится побудить людей отказаться от их собственной религии, но оно скорее подталкивает их к поискам духовной пищи, в которой они нуждаются в глубинах своей веры… Общество не только атакует двух главных врагов человечества, суеверие и материализм, но повсюду, где оно распространяет свою деятельность, оно проповедует мир и делание добра, выступая миротворческой силой

---

[225] Там же, стр. 272.

[226] «Ключ к теософии», стр. 88.

в конфликтах, раздирающих современную цивилизацию[227].

Позднее мы увидим то, что представляет собой «эзотерическое христианство» нынешних теософистов; но неплохо было, сразу после только что приведённых нами цитат, ознакомиться со следующим отрывком, взятым из одной работы мра Ледбитера:

> Чтобы облегчить надзор и управление миром, Адепты разделили его на районы, примерно так же, как Церковь делит свою территорию на приходы, с той разницей, что иногда эти районы размером с целый континент. У каждого района есть свой начальник-Адепт, так же как священник управляет своим приходом. Время от времени Церковь предпринимает особые усилия, направленные на благо ни одного только прихода, но общее благо всех: она направляет то, что называется «внутренней миссией», с целью оживить веру и религиозный пыл по всей стране. Достигнутые результаты не приносят никакой выгоды миссионерам, но способствуют повышению эффективности работы в каждом приходе. С определённой точки зрения, Теософское общество напоминает подобную миссию, и естественные разделения, образуемые на земле областями распространения различных религий, соответствуют отдельным приходам. Наше общество появилось в каждой из этих областей, вовсе не стремясь к тому, чтобы отвратить людей от религии, которую они исповедуют, а напротив, пытаясь побудить их к лучшему её пониманию и, прежде всего, к лучшему следованию ей, часто даже возвращая в лоно религии тех, кто прежде оставил её, представляя им более возвышенную концепцию. С другой стороны, люди, которые, хоть и обладая религиозным темпераментом, не принадлежали ни к какой религии, потому что они не смогли удовлетвориться смутным изложением ортодоксальной доктрины, обнаружили в теософском учении объяснение истины, которое удовлетворило их разум

[227] *Introduction a la Théosophie*, стр. 13-14.

> и которого они смогли придерживаться благодаря его широкой терпимости[228]. Среди наших членов есть джайны, парсы, иудеи, мусульмане и христиане, и никто из них никогда не слышал из уст наших наставников ни слова осуждения в адрес своей религии. Напротив, во многих случаях деятельность нашего общества привела к подлинному оживлению религиозного чувства там, где оно пустило корни. Легко можно понять причину подобного, если вспомнить, что все религии имеют источником своего происхождения Братство Белой Ложи. В его рамках существует неведомое для масс подлинное мировое правительство, и в этом правительстве имеется отдел религиозного образования. Глава этого отдела (то есть «бодхисаттва») основал все религии, либо сам, либо посредством какого-либо ученика, адаптируя своё учение одновременно для эпохи и для народа, которому оно предназначено[229].

Новым по отношению к учению г-жи Блаватской о происхождении религий здесь является только вмешательство «Боддхисаттвы»; но можно констатировать, что экстравагантные претензии Теософского общества только возрастали. По этому поводу мы упомянем ещё в качестве курьеза, ссылаясь на того же самого автора, многочисленные инициативы любого рода, которые теософисты прямо относили на счет своих «Адептов».

> Нам было сказано, что несколько веков назад главы Белой ложи приняли решение, что один раз каждое столетие в течение его последней четверти будет предпринято особое усилие, чтобы прийти на помощь человечеству каким-либо образом. Некоторые из этих попыток легко выявить. К таковым относится, например, движение, основанное

---

[228] Конец этой фразы не совсем ясен из-за ошибок, которые она содержит, по крайней мере, в переводе.

[229] *L'Occultisme dans la Nature*, стр. 378-379.

Христианом Розенкрейцем[230B] в XIV в., одновременно с реформой северного буддизма[231], проведенной Цзонхавой; таковыми также были в Европе Ренессанс в сфере литературы и искусств и изобретение книгопечатания в XV в. В XVI в. мы видим реформы Акбара в Индии; в Англии публикацию трудов лорда Бэкона вместе с блистательным расцветом в царствование Елизаветы; в XVII в. основание Королевского научного общества в Англии и научные труды Роберта Бойля[232] и других после Реставрации. В XVIII в. попытались запустить очень важное движение (чья оккультная история, проходившая на высших планах, известна только малому числу), которое, к несчастью, вышло из-под контроля его лидеров и привело к Французской революции. Наконец, в XIX в. мы пришли к основанию Теософского общества[233].

Здесь, конечно, прекрасный образчик истории, приспособленной под особые концепции теософистов; столько лю-

---

[230] Легендарный основатель «Розы и креста», все сообщаемое о котором, даже его собственное имя, является чисто символическим. К тому же, указанная дата возникновения розенкрейцерства является крайне сомнительной.

[B] Теософисты считают Христиана Розенкрейца исторической фигурой и одной из последовательных «инкарнацией» одного из «учителей»; затем он якобы побывал трансильванским военачальником Хуньяди Яношем, Робертом Реймсским (физиком и алхимиком XVI столетия) и, наконец, философом Фрэнсисом Бэконом (см.: Анни Безант, *The Masters*). Добавляют, что портрет Иоганна Валентина Андреэ, немецкого розенкрейцера XVII века, «кажется портретом восьмидесятилетнего лорда Бэкона» (Унди Э. Ф., *Le Christianisme primitif dans l'Evangile des Douze Saints*, стр. 135-136), что позволяет им предположить, что это всё тот же персонаж, который впоследствии стал графом Ракоци (см. гл. IV, прим. E). «Одной из главных задач, решаемых этой почтеннейшей Личностью на протяжении всего цикла её деятельности, исключая, может быть, жизнь Хуньяди, было заложение фундамента современной науки. Это было выполнено в основном посредством тайных и масонских обществ… Учитель R. — истинный Глава масонства» (Дж. И. Веджвуд, *Le Comte Ferdinand de Hompesch*, в «Голубой лотос», ноябрь 1926). [Примечание ко 2-му изданию.]

[231] Теософисты повторяют здесь заблуждение непосвящённых востоковедов: ламаизм никогда не был тождественен буддизму.

[232] Здесь, без сомнения, содержится намёк на отношения этого знаменитого химика с розенкрейцером Эйренеем Филалетом.

[233] Там же, стр. 380.

дей, сами того не подозревая, должно быть, являлись агентами «Великой Белой Ложи»[C]! Если бы здесь были только фантазии наподобие этих, можно было бы просто удовлетвориться их высмеиванием, так как они слишком явно предназначены для распространения среди простодушных людей и, в конечном счёте, не обладают особо большой важностью. То, что здесь гораздо более значимо, как мы увидим это впоследствии, это манера, в которой теософисты хотят исполнять их роль «миссионеров», особенно в «районе», соответствующим области распространения христианства.

[C] В настоящее время различные люди, даже будучи вне теософизма, претендуют называться посланниками «Великой белой ложи»; упомянем только одного, ставшего известным в Германии под причудливым именем Бо-Инь-Ра и недавно основал организацию под названием «Великий восток Патмоса» — этот намёк на Апокалипсис напоминает о «Посвященных братьях Азии» (см. гл. III, прим. 9). Кажется, эта организация распространилась не только в Германии, но и в Австрии и Польше; некоторые даже утверждали, что её центр во Франции, возможно в Савойе, однако это кажется нам по меньшей мере сомнительным. К этому «Великому востоку Патмоса» примыкает «Братство древних уставов святого Грааля», Великий мастер которого (называемый Майотеф) — доктор Э. Дрейфус, стоматолог-хирург из Саргемина. [Примечание ко 2-му изданию.]

Глава XIV. Обет в теософизме

Тайные общества и, в особенности, франкмасонство чаще всего обвиняют в том, что они связывают своих членов обетом, характер которого варьируется, также как и содержание налагаемых обязательств: в большинстве случаев — это обет сохранения тайны, к которому иногда прибавляется обет послушания приказам известных и неизвестных руководителей. Сам обет молчания может касаться либо знаков отличия и особых ритуалов, используемых в обществе, либо самого его существования, либо его организационной структуры, либо имён его членов. Чаще всего, он относится вообще ко всему, что в нём делается и говорится, к его деятельности и к передаваемому в нём в той или иной форме учению. Иногда есть ещё и обязательства иного рода, как, например, обязательство соответствовать определённым правилам поведения, которые вполне могут показаться обременительными после того, как облекаются в форму торжественного обета. У нас нет намерения вступать здесь в какую-либо дискуссию о том, что может быть сказано «за» и «против» использования обета, прежде всего, что касается обета молчания. Единственное, что нас интересует сейчас, это есть ли основания выдвигать такие же обвинения против Теософского общества, как против масонства и многих других обществ, имеющих более или менее тайный характер, если не против всех обществ подобного типа. Теософское общество, по правде говоря, не является тайным обществом в полном смысле этого слова, так как оно никогда не делало тайны из своего существования, и большинство его членов не стремятся скрывать свою принадлежность к нему. Но это только одна сторона вопроса, и следовало бы, прежде всего, условиться насчёт различных подходов к интерпрета-

ции понятия «тайное общество», а это совсем нелегко, если судить по всем спорам, разворачивающимся вокруг простой задачи определения этого термина. Чаще всего, неверно ограничиваются слишком поверхностным взглядом на вещи. Смотрят исключительно на характерные черты организации и пользуются этим, чтобы вывести определение, а затем хотят приложить это определение к другим организациям, имеющим совершенно иную природу. Как бы там ни было, мы принимаем здесь, как подходящее, по крайней мере, для занимающего нас случая, мнение, согласно которому тайное общество — это не обязательно общество, которое скрывает своё существование или своих членов, но это, прежде всего, общество, владеющее тайнами какого бы то ни было характера. В таком случае, Теософское общество может рассматриваться как тайное общество, и его единственное разделение на «эзотерическую» и «экзотерическую» секции могло бы послужить достаточным подтверждением этому. Конечно, говоря здесь о тайнах, мы не хотим обозначить этим словом «знаки отличия», в настоящее время отмененные, как мы уже говорили, но учение, предназначенное строго для членов, или даже некоторых из их числа, от которых требуется соблюдать обет молчания. У теософистов это учение, кажется, относится, прежде всего, к «психическому развитию», потому что оно и является основной целью «эзотерической секции».

Вне сомнения, что в Теософском обществе существуют различные обеты упомянутых нами видов, потому что перед нами формальное категоричное свидетельство самой г-жи Блаватской, и вот что она утверждает:

> Мы, откровенно говоря, не имеем права отказывать в принятии в общество, особенно в *эзотерическую секцию*, так как сказано, что «входящий в неё рождается заново». Но если кто-либо из членов общества, несмотря на священный обет, данный с честным словом и во имя своего бессмертного «я», после такого «нового рождения» предпочтёт сохранять пороки и недостатки своей прежней жизни

> и даже будет потворствовать им в среде самого общества, тогда, конечно, его скорее всего попросят отказаться от звания члена общества и удалиться; или же, в случае его отказа, он будет исключен[234].

Здесь идёт речь об обязательстве принять определённые правила поведения, и это обязательство требуется не только в «эзотерической секции»: «Даже в некоторых экзотерических общедоступных секциях члены дают обет перед своим «высшим я» вести жизнь, предписанную теософией»[235]. В подобных условиях всегда будет возможно, когда возникнет желание избавиться от какого-либо неудобного члена, объявить, что его поведение не является «теософским». Впрочем, к грехам этого рода решительным образом причисляют любую критику, которую член позволяет себе в отношении общества и его руководителей, кроме того, оказывается, что последствия этого должны быть особенно ужасными для последующих существований. М-р Ледбитер пишет:

> Я заметил, что некоторые люди, засвидетельствовав ранее самую пылкую преданность нашему президенту (г-же Безант), нынче совершенно поменяли свою позицию и стали критиковать и клеветать на неё. Это отвратительное дело, и их карма будет ещё хуже, чем если бы речь шла о человеке, которому они ничего не обязаны. Я не хочу сказать, что не существует права менять своё мнение [...] Но если, порвав с нашим президентом, человек принимается нападать на неё и лить на неё возмутительную клевету, как это делало столько людей, он совершает в таком случае весьма серьёзный проступок, и карма его будет чрезвычайно тяжелой. Всегда нехорошо быть мстительным и лживым, но если вести себя так по отношению к тому, кто перевернул вашу жизнь (*sic*), эти проступки становятся преступлением, последствия которого ужасны[236].

---

[234] «Ключ к теософии», стр. 71-72.

[235] Там же, стр. 75-76.

[236] *L'Occultisme dans la Nature*, стр. 367-368.

Чтобы составить представление об этих последствиях, надо перенестись на две страницы выше, где читаем следующее:

> Мы могли констатировать, что невежественные люди, замучившие Ипатию в Александрии, перевоплотились большей частью в Армении, где турки истязали их, как могли[237].

Так как г-жа Безант претендует как раз на то, чтобы быть перевоплощением Ипатии, проводится соответствующая аналогия и, учитывая ментальность теософистов, понятно без труда, что подобные угрозы должны обладать некоторой действенностью. Но дойдя до такого, по правде говоря, едва ли стоило яростно обличать религии, для которых,

> с точки зрения их интересов, нет ничего важнее и практичнее, нежели рассуждать о грозном наставнике, неумолимом судии, личностном и всемогущем Иегове, пред очами которого предстаёт душа умершего, чтобы выслушать свой приговор[238].

Если это не «личный Бог», то карма берёт на себя защиту интересов Теософского общества и мщение за обиды, нанесенные его главам!

Давайте вернёмся к заявлениям г-жи Блаватской и посмотрим на то, что касается обета молчания:

> Относительно же внутренней секции общества, называемой теперь *эзотерической*, ещё в 1880 г. были введено следующее правило: «Ни один из членов не может использовать в своих корыстных целях какие-либо знания, сообщенные ему любым членом первой секции (теперь обозначаемой как более высокая «степень»); нарушение этого правила наказывается исключением». Однако теперь, прежде чем такого рода знания могут быть сообщены кому-либо, кандидат на это должен связать себя торже-

---

[237] Там же, стр. 365-366.

[238] «Эзотерический буддизм». стр. 264.

ственным обетом не использовать их в своекорыстных целях и не раскрывать что-либо ему сообщенное, кроме как с особого разрешения[239].

В другом месте также идёт речь об этих учениях, которые должны сохраняться в тайне:

Но хотя мы выдаем миру столько, сколько можно, мы тем не менее вынуждены пропускать многие важные подробности, и *лишь тем*, кто изучает эзотерическую философию и дал обет молчания, *позволяется знать эти подробности*»[240]

(именно сама г-жа Блаватская выделила последние слова) и в другом месте намекается на

тайну, прямо связанную со способностью сознательного и добровольного выделения «двойника» (или астрального тела), которая никогда никому не выдаётся, за исключением *чел* (учеников), давших неотменимый обет, или, во всяком случае, тех, кому можно полностью доверять[241].

Г-жа Блаватская настаивает, прежде всего, на обязанности всегда соблюдать этот обет молчания, обязанности, сохраняющейся даже для тех, кто, добровольно или нет, вышел из общества. Она ставит вопрос в таких словах:

«Но может ли человек, исключённый или вышедший из этой секции, раскрыть то, что ему было преподано, и нарушить то или иное условие принятого им обета?»

И она же на него отвечает:

Факт ухода или исключения освобождает его лишь от обязательства послушания своему наставнику и от необходимости принимать активное участие в работе общества, но, конечно же, не от священной клятвы сохранять доверенные ему тайны […] Всякий мужчина и всякая женщина,

---

239 «Ключ к теософии», стр. 73.

240 Там же, стр. 137.

241 Там же, стр. 169.

> у которых есть хоть малейшее чувство чести, поймут, что обет молчания, данный на честном слове и во имя своего «высшего я», Бога, сокрытого в нас, должен соблюдаться до смерти, и что, покинув секцию и общество, ни один честный мужчина или честная женщина даже и подумать не посмеют о том, чтобы обрушиться на организацию, с которой он или она связаны таким образом[242].

Она заканчивает цитатой из теософистского издания, где содержится угроза возмездия со стороны кармы:

> Ни с точки зрения нравственности, ни с точки зрения оккультизма произнесенную клятву нельзя отменить. Однажды нарушив и понеся наказание, мы, однако не вправе нарушать вновь: и как долго мы будем нарушать его, закон (кармы) своей тяжестью будет обрушиваться на нас[243].

Из этих текстов видно, что обет молчания, который дают в «эзотерической секции», дублируется обетом послушания теософистским «наставникам»: надо полагать, что это послушание может заходить очень далеко, так как были случаи, когда члены общества, вынуждаемые жертвовать ему добрую часть своего имущества, делали это без колебаний. Обязательства, о которых мы только что вели речь, все ещё

---

[242] «Ключ к теософии», стр. 73-74.

[243] *The Path* (Нью-Йорк), июль 1889.

существует, также как и сама «эзотерическая секция»[A], которая, как мы уже говорили, получила название «Восточной теософской школы», и которая в других условиях не смогла бы существовать. Говорят даже, что членов, желающих перейти на более высокие степени, обязуют на нечто вроде общей исповеди, когда они в письменном виде описывают состояние своей «кармы», то есть подводят итог их жизни касательно того, что в ней было плохого и хорошего. Посредством этого их хотят удержать под контролем, также как г-жа Блаватская думала удержать их благодаря подписям, которые побуждала ставить под протоколами своих «феноменов». Впрочем, привычка неизменно принимать приказы руководства без какого-либо обсуждения приводит иногда к поистине экстраординарным результатам. Вот типичный случай этого: в 1911 г. в Женеве должен был состояться конгресс, на который съехалось великое множество теософистов, некоторые из которых прибыли из самых отдалённых стран. Между тем, накануне установленной даты открытия по необъяснимым причинам все было отменено, и каждый возвратился также, как и приехал, не протестуя и не требуя

[A] В последней статье Ф.-К. Габорио, написанной после его выхода из общества (см. гл. VIII, 2-й абзац), об «эзотерической секции» написано: «Прежде чем покинуть Теософское общество, которому я желаю фундаментальной реорганизации либо роспуска, я обязан предупредить жаждущих “Вселенского братства”, что они встретят в нём только вражду, амбиции, клевету, женские сплетни (ох, эти сплетни! женщины там преобладают), национальную ревность (в частности англичане считают себя выше остальных) и т. д. и т. п. Все эти мелкие удовольствия имеют место из-за существования “эзотерических секций”, куда призывают простодушных, полагающих, будто узнают там что-то помимо написанного в общедоступных книгах и в книге, называемой “Природа” и находимой везде; эти “эзотерические секции”, члены которых клянутся в пассивном послушании основательнице, разжигают недоразумения и неприятности, позволяя успешно играть в оккультизм, но, что ещё печальнее, подрывая репутацию человека, страдающего от преследования невидимого врага, и не способного больше защитить себя, особенно если любит открытое пространство. Я достаточно сказал и надеюсь, что серьёзные члены Теософского общества наведут в нём порядок» («Лотос», март 1889, стр. 711). [Примечание ко 2-му изданию.]

объяснений, поскольку верно, что в подобных кругах нет и намёка на какую-либо свободу.

Глава XV. Молодые годы госпожи Безант

Анни Вуд родилась в 1847 г. в семье ирландских протестантов. Девушка выросла на мистической литературе. К пятнадцати годам она проживала в Париже, и, некоторые утверждали, что в это время она обратилась в католичество, что весьма малоправдоподобно. Возвратившись в Англию в возрасте семнадцати лет, через четыре года она вышла замуж за преподобного Фрэнка Безанта, англиканского священника, от которого имела сына и дочь. Однако, её пылкий темперамент вскоре сделала их совместную жизнь невыносимой: её муж, который, наверное, был очень хорошим человеком, обнаружил большое терпение, и именно она стала, в конце концов, инициатором разрыва, забрав с собой двоих детей. Это произошло в 1872 г. и, возможно, что с того времени Безант тотчас же стала жить со свободомыслящим Чарльзом Брэдлоу, который вёл яростную антирелигиозную кампанию в *National Reformer* и который ей, бывшей до тех пор мистиком, сумел привить свои взгляды. Однако, если верить тому, что она сама рассказывает, она познакомится с этим человеком лишь некоторое время спустя, когда делала копии в библиотеках, чтобы заработать себе на жизнь. В любом случае, её муж никогда не смог добиться для неё осуждения за супружескую измену. В это время г-жа Безант работала также с д-ром Эвелингом, зятем Карла Маркса; она изучала анатомию и химию и после трёх неудач получила диплом бакалавра наук. Наконец, она стала редактором *National Reformer*, где подписывала свои статьи псевдонимом *Ajax*. Именно тогда, к 1874 г., г-жа Безант повсюду начала читать лекции, проповедуя атеизм и мальтузианство и связывая со своими альтруистическими теориями имена

трёх великих благодетелей человечества, которыми для неё являлись Иисус, Будда и Мальтус.

В 1876 г. мальтузианская брошюра Нолтона под заглавием «Плоды философии» была запрещена как безнравственное[A] издание. Книготорговец из Бристоля был осужден на два года тюремного заключения за её продажу, в то время как издатель отделался крупным штрафом. Тотчас же Брэдлоу и г-жа Безант сняли место, где стали продавать запрещенную книгу и даже имели смелость выслать её экземпляры властям. В июне 1877 г. они, в свою очередь, были привлечены к ответственности. Суд присяжных констатировал, что «данная книга имела своей целью нанести вред общественной нравственности», и, так как обвиняемые проявляли намерение продолжить её распространение несмотря ни на что, они были приговорены к суровому наказанию в виде тюрьмы и штрафа. Однако, этот приговор был обжалован из-за недочета в форме, и вскоре после этого они были выпущены на свободу. Тогда Брэдлоу и г-жа Безант основали общество, называемое «Мальтузианской лигой» и ставившее своей задачей «организовать активное и пассивное сопротивление любой попытке остановить дискуссию по демографической проблеме». 6 июня 1878 г. после того, как ещё один книготорговец был осужден за ту же самую деятельность, эта Лига провела в Сент-Джеймс холле митинг протеста, на котором Брэдлоу и г-жа Безант произнесли пылкие речи[244]. И именно на факт наличия судимости этой последней Папюс будет впоследствии намекать, когда он напишет Олкот-

---

[A] В книге *Vers l'Initiation* [«Навстречу инициации»] (стр. 22-23 французского перевода) г-жа Безант представляет Чарлза Брэдлафе как человека, который, даже будучи воинствующим атеистом, «делает первые шаги к Пути». На стр. 29-30 той же книги она пишет: «Дело о брошюре Ноултона привело меня, в нынешнем существовании, к порогу инициации», поскольку «моим мотивом было облегчение страданий бедного класса». [Примечание ко 2-му изданию.]

[244] Мы взяли эти подробности из статьи, опубликованной в *Journal des Economistes*, август 1880. Роль г-жи Безант в пропаганде неомальтузианства также нашла своё отражение, но в краткой форме, в книге: Пьера Поля Леруа-Больё, *La Question de la Population*, стр. 299.

ту 23 августа 1890 г., что он «только что получил доказательства, что некоторые высшие должности в Теософском обществе доверены членам, которые избежали тюремного заключения, после того как были осуждены на несколько лет за оскорбление общественной нравственности», к несчастью, обвинение содержало неточности, позволившие объявить его «лживым и клеветническим».

Кажется, что касается детей г-жи Безант, между ней и её мужем вначале действовало соглашение, но он после только что описанных событий затеял процесс, чтобы забрать право опеки у своей жены. Дело было рассмотрено и перенесено в Апелляционный суд, который 9 апреля 1879 г. подтвердил решение суды первой инстанции, и у г-жи Безант забрали её дочь. Приговор основывался на том, что г-жа Безант выставляла напоказ свои подрывные взгляды и на факте, что она пропагандировала «книгу, признанную безнравственной судом присяжных». В сентябре 1894 г., в ходе своего лекционного тура по Австралии, г-жа Безант найдет в Мельбурне свою дочь Мэйбл, к тому времени ставшую г-жой Скотт[245], которую она сумела увлечь в теософизм, но которая в 1910 г. порвала с ней и обратилась в католичество.

В сентябре 1880 г. в Брюсселе состоялся конгресс свободомыслящих, на котором г-жа Безант заявила, что её организация в Англии имеет своей цель пропаганду атеизма, республиканизма, гражданского погребения, ликвидацию Палаты лордов и до сих пор действующей системы собственности»[246]. И именно ей выпала честь произнести заключительную речь, в которой она яростно обрушилась на религию, и эти её слова мы привели в начале. В течение того же самого периода она публикует достаточно многочисленные работы, среди которых «Руководство свободомыслящего» в двух томах, и различные «очерки», чьи заглавия явственно характеризуют устремления и мнения, которые она тогда

[245] «Голубой лотос», 27 декабря 1894.

[246] *Le Français*, 14 сентября 1880.

разделяла[247]. В ноябре 1884 г. она приветствовала прием Брэдлоу в «Великий Восток Франции[248]; но вскоре дела приняли другой оборот: Брэдлоу, став членом парламента, думал теперь лишь о том, чтобы избавиться от г-жи Безант. Между ними пробежала чёрная кошка, и он забрал у неё руководство своей газетой. Столько неблагодарности к той, которая была «подругой суровых дней», как она сама себя называла, удивило и возмутило её. Убеждения г-жи Безант были поколеблены, что доказывает, что, в сущности, они были скорее эмоциональными, нежели чем по-настоящему осознанными. Позже она даст своеобразное объяснение своим прошлым ошибкам: г-жа Безант утверждала, что получала приказы от «махатм» с того времени (предшествовавшего основанию Теософского общества), когда она была замужем за преподобным Безантом, и они побудили её оставить его, чтобы «жить своей жизнью»; оправдание слишком легкое, и этим можно было бы оправдать худшие заблуждения.

Именно тогда, когда она растерялась, не зная, куда прислонить голову, г-жа Безант прочитала в 1886 г. «Оккультный мир» Синнетта. И тут она принялась изучать гипнотизм и спиритизм и вместе с Гербертом Берроузом знакомиться с психическими феноменами. Затем, по совету У. Т. Стеда, в ту пору бывшего редактором *Palt Mall Gazelle*, издания, с которым она сотрудничала, она принялась за чтение «Тайной доктрины», одновременно навсегда распрощавшись с ассоциациями свободомыслящих. Её первоначальная склонность к чрезмерному мистицизму вернулось к ней, и г-жа Безант начала заниматься самовнушением и испытывать видения. Именно с таким багажом она встретится с г-жой Блаватской, гипнотическая сила которой сделает все остальное, как мы уже рассказывали об этом,

---

[247] «Мир без Бога», «Евангелие атеизма», «Почему я социалистка», «Атеизм и его нравственное значение» и т.д.

[248] Брэдлоу уже ранее, 15 мая 1862 г., просил принять его в ложу *Persévérante Amitié*, но ему было отказано; его приняли в ложу *Union et Persévérance* 14 ноября 1884 г.

и вскоре, о чём также уже было упомянуто, г-жа Безант станет одним из руководителей британской секции (это произошло в конце этого же самого 1889 г., когда она действительно стала приверженцем теософизма), а затем и автономной европейской секции, которая была образована в 1890 г. под прямым руководством г-жи Блаватской с Дж. Р. С. Мидом в качестве генерального секретаря.

Глава XVI. Начало президентства госпожи Безант

Вскоре после смерти г-жи Блаватской между Олкоттом, Джаджем и г-жой Безант, которые все трое претендовали на то, чтобы быть её преемниками, разгорелся яростный спор, и каждый из них заявлял, что находится в прямой связи с «махатмами», попутно обвиняя остальных во лжи. К тому же три этих деятеля хотели воспользоваться соперничеством трёх секций — азиатской, американской и европейской, во главе которых они, соответственно, стояли. В самом начале, конечно, эти распри стремились скрыть. Г-жа Блаватская умерла 8 мая 1891 г., и уже 19 мая в Лондоне было обнародовано заявление, в котором после протеста против «клеветы», объектом которой была основательница общества, можно было прочесть следующее:

> Что касается нелепой идеи, будто бы кончина г-жи Блаватской вызвала борьбу за «освободившееся место», позвольте нам сообщить, что организационная структура Теософского общества не подвергалась и не подвергнется никаким изменениям вследствие её ухода. Вместе с полковником Олкоттом, президентом общества, и Уильямом К. Джаджем, крупным адвокатом из Нью-Йорка, вице-президентом и главой теософского движения в Америке, г-жа Блаватская являлась основательницей Теософского общества, и именно это положение не может быть вызвано «государственным переворотом» или чем-либо ещё. Более того, г-жа Блаватская занимала совершенно почетную должность секретаря-корреспондента общества, которая, согласно нашему Уставу, не является обязательной. На протяжении шести месяцев, вследствие роста нашего общества, она по поручению полковника Олкотта временно выполняла обя-

> занности президента европейской секции с целью наладить ведение дел, и после её смерти её должность стала вакантной. Своим высоким положением г-жа Блаватская обязана своим знаниям, своему влиянию, своей кристальной честности, а вовсе не официальной должности, которую она занимала. Итак, наша организация останется без каких-либо перемен. Главная роль Е. П. Блаватской состояла в просвещении, тот же мужчина или та же женщина, которая захочет стать её преемником, должен или должна обладать её знаниями.

Под этим заявлением стояли подписи руководящей европейской секции: г-жи Анни Безант, К. Картера Блейка, Герберта Берроуза, мисс Лауры М. Купер, Арчибальда Китли, Дж. Р. С. Мида, секретаря английской секции Вальтера Р. Олда, графини Вахтмайстер и д-ра У. Уинна Уэсткотта, который в следующем году сменит доктора Роберта Вудмана на посту «верховного Мага» *Societas Rosicruciana in Anglia*.

Это опровержение начавших ходить слухов не соответствовало истине. Это стало понятно, когда 1 января 1892 г. Олкотт оставил должность президента. Он заявил о своей отставке в письме, адресованном Джаджу, в котором он ссылался, прежде всего, на плохое здоровье и смиренно просил своих коллег» не смотреть на него как на человека, достойного почестей, а просто как на грешника, который часто ошибался, но стремился развиваться и помочь себе подобным». Опубликовав это письмо 1 февраля, Олкотт сопроводил его комментарием, в котором постарался ничем не обидеть двух своих конкурентов, которые не только и останутся:

> В ходе моих визитов в Европу и Америку я удостоверился, — писал он, — что нынешнее состояние движения вполне удовлетворительное. По моему возвращению в Индию я также мог констатировать, что вновь сформированная индийская секция находится в надёжных руках и твердо стоит на ногах. В Европе г-жа Анни Безант, охваченная единственным устремлением, стала фигурой первого плана. Благодаря хорошо известной целостности её характера

> и её поведения, её самоотверженности, энтузиазму и исключительным способностям она превзошла всех своих коллег и оказала глубокое влияние на состояние умов в англоязычных странах. Я знаком с ней лично и я уверен, что в Индии она будет столь же любезна и столь же полна братских чувств по отношению к азиатам, как были Е. П. Блаватская и я сам. В Америке под твердым и умелым руководством м-ра Джаджа общество росло и ширилось, и каждый час могущество и прочность организации возрастали. Итак, три секции общества находятся в весьма надёжных руках, и в моем личном руководстве более нет необходимости.

Далее он рассказал о своих намерениях:

> Я возвращусь в мой маленький домик в Утакамунд, и буду жить писательским трудом и на часть моих доходов от издания «Теософиста». У меня есть намерение завершить незаконченную, но важную часть моей задачи, а именно написание истории общества и некоторых книг по религии, оккультным наукам и психологии [...] Я всегда буду готов оказать моему преемнику помощь, в которой он будет нуждаться и предоставить в распоряжение его комитета лучшие советы, основанные на опыте сорока лет общественной деятельности и семнадцати лет президентства в нашем обществе.

Так как Олкотт не назначил себе преемника, нового президента следовало избрать путём голосования. Между тем, отставник, ещё занимавший своё кресло, принял решение, что 8 мая, годовщина смерти Блаватской, будет отныне именоваться «Днем Белого Лотоса» и отмечаться всеми филиалами общества, существующими в мире,

> простым и достойным образом, избегая любого сектантства, любой банальной лести, любых пустых комплиментов, и выражая общее чувство нежной благодарности той, которая наставила нас на трудный путь, ведущий к вершинам науки.

Прежде мы уже упоминали случай, показавший, как теософисты следуют предписанию «избегать любой банальной лести»!

24 и 25 апреля в Чикаго состоялся ежегодный съезд американской секции. Его участники не пожелали принять отставки Олкотта и просили его продолжать исполнять свои полномочия (без сомнения, опасаясь избрания г-жи Безант), и они выразили пожелание, чтобы Джадж был избран заранее как пожизненный президент ещё до того, как пост президента станет вакантным. Вскоре после этого стало известно, что

> «уступая пожеланиям своих друзей и съезда американской секции, также как необходимости закончить несколько юридических дел, полковник Олкотт отсрочил свою отставку на неопределенный срок (*sic*)»[249].

Затем, 21 августа он окончательно отозвал своё заявление об отставке, указав на Джаджа как на своего возможного преемника.

Однако, чуть позже, после различных неприятных инцидентов и особенно самоубийства администратора штабквартиры в Адьяре, С. Е. Гопалачарлу, который на протяжении нескольких лет крал значительные суммы из кассы общества, чего никто не заметил, между Олкоттом и г-жой Безант произошло сближение. В январе 1894 г. последняя вместе с графиней Вахтмайстер отправилась в турне по Индии, и Олкотт их повсюду сопровождал. В марте, когда она отправилась в Европу, Олкотт доверил ей руководство «эзотерической секцией», за исключением отделения в Америке, которое осталось за Джаджем. В ноябре того же года Джадж захотел сместить г-жу Безант, но его поддержала только часть членов американской секции. В ответ сторонники г-жи Безант, как никогда, стали обвинять его в обмане. В это время орган французской секции под инициалами майора Д. А.

[249] «Голубой лотос», 27 июня 1892.

Курме[A] опубликовал статью, где можно было прочитать следующее:

> Справедливо или нет, один из глав нынешнего теософистского движения Уильям К. Джадж обвиняется в том, что выдавал за полученные прямо от «учителя» некие послания, возможно, и имеющие это ментальное происхождение, но перенесенные на бумагу исключительно У. К. Джаджем [...] Нейтральная позиция теософского общества и оккультная природа этих сообщений, именуемых «осажденными», будто бы помешали У. К. Джаджу дать исчерпывающее объяснение фактам, которые ему ставят в упрек. Более того, неблагоразумие, происходящее из человеческого несовершенства, ещё усугубило это происшествие [...] можно сказать, что теософисты в англоязычных странах в настоящее время разделились на два лагеря: «за» и «против» У. К. Джаджа[250].

Некоторое время спустя *Path* предупреждал членов Теософского общества, что «любители глупых шуток и исполненные недобрых намерений люди отправляют мнимые оккультные послания тем, кого они считают простаками»[251]. Никогда ещё не видели столько так называемых посланий от «учителей», даже при жизни г-жи Блаватской. Наконец, 27 апреля 1895 г. сторонники Джаджа целиком отмежевались адьярской штаб-квартиры, чтобы создать независимую организацию под названием «Теософское общество Америки». Эту организацию, которая существует до сих пор, возглавляли Эрнест Т. Харгроув, а затем г-жа Кэтрин Тингли. При последней её штаб-квартира была перенесена из Нью-Йорка

[A] Командир Д. А. Курм, долгое время руководивший изданием «Голубой лотос», также был спиритом; ещё в 1878 году он опубликовал в *Revue Spirite* статью, которая стала, вероятно, первым во Франции упоминанием теософизма. [Примечание ко 2-му изданию.]

[250] «Голубой лотос», 27 декабря 1894.

[251] Цит. по «Голубой лотос», 27 марта 1895.

в Пойнт-Лома (Калифорния); у неё есть отделения в Швеции и Голландии[В].

Касательно обвинений, выдвинутых против Джаджа, вот поучительные пояснения, данные вскоре после раскола в статье, которую д-р Паскаль опубликовал в журнале «Голубой лотос»:

> Вскоре после смерти Е. П. Блаватской У. К. Джадж стал распространять многочисленные послания, будто бы происходящие от индусского «учителя». Эти послания были якобы «осаждены» при помощи оккультных методов и несли на себе отпечаток криптограммы того же учителя. Вскоре было установлено, что этот отпечаток происходил от факсимиле печати учителя, факсимиле, которое полковник Олкотт изготовил в Дели, в Пенджабе[252]. Из-за ошибки в рисунке на печати, совершенной полковником Олкоттом, это факсимиле было очень легко узнать. Сходный отпечаток он предоставил W., когда тот должен был представлять М.[253] Эта копия печати была подарена Е. П. Блаватской полковником Олкоттом, и определённое количество теософов видели её при жизни Блаватской, а после её смерти она исчезла […] Когда полковник Олкотт увидел в первый раз оттиск, скреплявший послания У. К. Джаджа, он узнал в нём печать, изготовленную им в Пенджабе, и впоследствии исчезнувшую. Полковник добавил, что очень надеется, что тот, кто украл её, не будет пользоваться ей, чтобы обманывать своих братьев, но в любом случае, он узнал бы этот оттиск среди тысяч. С этого момента на новых посланиях не было отпечатка криптограммы, и этот

[В] Название «Вселенское братство», которое поначалу должно было стать ещё одним названием Теософского общества (см. статью в журнале *Le Path*, перепечатанную в «Лотос» за март 1888 года), было сохранено организацией г-жи Тингли (полностью — *Universal Brotherhood and Theosophical Society of America*); резиденция этой организации была перенесена в 1900 году в Пойнт-Лома. [Примечание ко 2-му изданию.]

[252] С каким намерением? Было бы интересно это узнать.

[253] Инициалы Мории; но почему печать этого «индусского учителя» содержит буквы европейского алфавита?

оттиск также был убран с прежних опубликованных Джаджем посланий путём скобления[254].

Следует добавить, что некий бельгийский теософист по фамилии Опперман, ярый сторонник Джаджа, отправил свой ответ на эту статью, но редакция журнала «Голубой лотос», сначала дав анонс публикации, внезапно передумала и категорически отказалась ставить эту статью под предлогом, что «вопрос уже был разрешен» в июле на съезде в Лондоне[255]. На этом съезде Олкотт просто принял к сведению факт «сецессии» и аннулировал устав раскольнических отделений в Америке, а затем из числа тех, кто не последовал за Джаджем, учредил новую американскую секцию с Александером Фуллертоном на посту генерального секретаря (кроме того, незадолго до этого была основана австралийская секция с д-ром А. Каролом на посту генерального секретаря), после чего Синнетт был назначен вице-президентом общества вместо Джаджа. Несколько членов европейской секции после тщетных попыток заявить протест в пользу этого последнего, официально вышли из неё, чтобы в свою очередь создать отдельную организацию под названием «Теософское общество Европы», почетным президентом которого был избран Джадж. В их числе был избран Арчибальд Китли, чей брат Бертрам, напротив, остался генеральным секретарем индийской секции. Д-р Франц Гартман также примкнул к раскольникам.

Как надо полагать, все только что описанные нами события не остались без общественной огласки в то самое время, когда они происходили. Вначале, правда, в теософистских кругах делали вид, что отклики, которые они получают в лондонской прессе, представляют собой отличную рекламу для общества.

Газеты, — утверждалось в сентябре 1891 г., — создали много шумихи вокруг писем, которые Анни Безант объявила

---

254 «Голубой лотос». 1895, 27 июня.

255 Там же, 1895, 27 сентября.

> полученными от махатм после смерти Е. П. Блаватской. *Daily Chronicle* предоставила свои страницы для дискуссии, и наши братья воспользовались этой прекрасной возможностью для изложения своих взглядов: более шести колонок каждый день были заполнены письмами теософистов и их противников, не забудем также о «священниках» и членах общества психических исследований[256].

Но дело приняло другой оборот, когда в следующем месяце в только что упомянутой газете появилась такая суровая оценка:

> Теософисты обмануты и многие из них поймут это; мы опасаемся, что они обнаружили себя находящимися на настоящем карнавале глупости и лжи[257].

На этот раз те, кого это касалось, хранили благоразумное молчание насчёт «прекрасной рекламы», тем более что *Westminster Gazette*, со своей стороны, начала вскоре публиковать за подписью Ф. Эдмунда Гарретта целую серию основанных на солидном документированном материале статей, которая, как говорили, была даже инспирирована членами «эзотерической секции». Статьи из этой серии в 1895 г. были собраны в один том и были изданы под говорящим названием: *Isis very much Unveiled* [«Очень разоблачённая Изида»]. С другой стороны, знаменитый «человек, читающий мысли», Стюарт Камберленд предложил премию в тысячу фунтов всякому, кто захотел бы в его присутствии воспроизвести один из феноменов, приписываемых «махатмам». На это предложение, конечно, никто не откликнулся. В 1893 году м-р Нагаркар, член Брахма самадж, которого, следовательно, едва ли можно заподозрить во враждебности к теософистам из-за предвзятого мнения, заявил в Лондоне, что на теософизм в Индии смотрят как на «бездарную вульгарность» и ответил своим оппонентам:

---

[256] «Голубой лотос», 27 сентября 1891.

[257] *Daily Chronicle*, 1 октября 1891.

> Вы, которые едва разбираются в делах своей собственной страны, не будете пытаться, я надеюсь, поучать меня в отношении того, что относится к моей собственной стране, и того, чем я занимаюсь. Ваши махатмы никогда не существовали и являются просто шуткой г-жи Блаватской, которая хотела узнать, сколько простаков смогло бы в них поверить. Выдавать эту шутку за истину означает становиться соучастником во лжи[258].

В 1895 г. Герберт Берроуз, тот самый, который ввел г-жу Безант в Теософское общество, написал У. Т. Стеду, бывшему в ту пору редактором *Borderland*:

> Недавние разоблачения случаев мошенничества, разделившие общество, побудили меня к новым исследованиям, которые полностью убедили меня, что на протяжении ряда лет в обществе царил обман [...] Полковник Олкотт, президент общества и м-р Синнетт, вице-президент, полагают, что г-жа Блаватская иногда была недобросовестна. К обвинениям в мошенничестве, выдвинутым г-жой Безант против м-ра Джаджа, бывшего вице-президента, можно добавить обвинения против полковника Олкотта, которые были выдвинуты одновременно г-жой Безант и м-ром Джаджем [...]Я не могу более выражать мое почтение и мою поддержку организации, где происходят эти и им подобные подозрительные вещи. Не отвергая, однако, основных идей теософии, я ухожу из общества по той причине, что в том виде, в котором оно сейчас существует, оно, по моему мнению, представляет собой постоянную угрозу для честности и истины и дверь, постоянно открытую для суеверия, обмана и лжи.

В декабре 1895 г. в *English Theosophist*, органе раскольников, можно было прочесть:

> М-р Синнетт сам заявил, что м-ра Джаджа обучила всем этим трюкам г-жа Блаватская [...] Г-же Безант известно, что г-жа Блаватская была нечестной на руку, но у неё не было

---

258 *The Echo*, Лондон, 4 июля 1893.

ни нравственной смелости, ни честности, чтобы сказать об этом.

Видно, в каких условиях г-жа Безант взяла на себя руководство Теософским обществом. На деле, она бесспорно выступала в роли лидера, начиная с 1895 г., хотя лишь спустя долгое время Олкотт официально оставит свой пост в её пользу (нам не удалось отыскать точной даты его окончательной отставки). Кажется к тому же, что он достаточно неохотно смирился с уходом с поста президента, пусть и ставшим сугубо почетным. Он умер 17 февраля 1907[C] г., успев осуществить свой замысел написать в своей версии историю общества, вышедшую под названием «Страницы старого дневника». Но его дурное настроение человека, которого выжили, проявилось в этой книге столь очевидно, и некоторые места оказались столь компрометирующими, что *Theosophical Publishing Company* некоторое время не решалась издавать этот труд.

[C] В 1922 году по предложению г-жи де Манциарли был учрежден специальный «Адьярский день», который должен был отмечаться 17 февраля: это годовщина смерти Олкотта (17 февраля 1907), Джордано Бруно (17 февраля 1600), реинкарнацией которого считает себя г-жа Безант (см. главу XXI, 1-й абзац), и рождения г-на Ледбитера (17 февраля 1847). [Примечание ко 2-му изданию.]

Глава XVII. В парламенте религий

В сентябре 1893 г. по случаю Международной выставки в Чикаго в этом городе среди прочих собраний всех видов прошел знаменитый «парламент религий»: все религиозные и полурелигиозные организации мира были приглашены направить туда своих самых авторитетных представителей, чтобы те изложили на нём свои верования и воззрения. Эта сугубо американская идея появилась несколькими годами ранее. Во Франции самым ярым пропагандистом этого проекта был аббат Виктор Шарбоннель, в ту пору часто наведывавшийся в салон герцогини Помар и впоследствии оставивший Церковь ради масонства, где с ним, впрочем, приключатся неприятности. Если католики Европы благоразумно воздержались от участия в этом конгрессе, этого нельзя было сказать об их американских единоверцах, но подавляющее большинство участников составили, что и следовало ожидать, представители бесчисленных протестантских сект, к которым присоединились прочие, достаточно разнородные элементы. Именно таким образом на этом «парламенте» оказался Свами Вивекананда, который полностью исказил индусское учение веданты под предлогом адаптации его к западной ментальности. Если мы упомянули его здесь, то только потому, что теософисты всегда смотрели на него как на одного из своих союзников, называя его даже «одним из наших старших братьев» (также они называют и своих «махатм») и «принцем среди людей»[259]. Псевдорелигия, изобретенная Вивеканандой, имела определенный успех в Америке, где у неё до сих пор имеется, также как и в Австралии, определённое количество «миссий» и «хра-

[259] «Голубой лотос», 27 января 1895.

мов». Конечно, она обязана веданте только своим названием, так как не может быть ни малейшей связи между чисто метафизической доктриной и сентиментальным и «утешающим» морализмом, отличающимся от протестантских проповедей только использованием несколько специфической терминологии.

Г-жа Безант также явилась на «парламент религий», чтобы представлять на нём Теософское общество, добившиеся ранее, что из семнадцати часов, которые продлится конгресс, два часа целиком будут посвящены изложению его теорий. Надо полагать, что организаторы, выделив ему столько времени, были к нему исключительно благосклонны. Теософисты, конечно, воспользовались этим, чтобы произнести большое количество речей. Джадж и г-жа Безант действовали на нём бок о бок, так как, поскольку раскол между ними не был ещё свершившимся делом, разногласия, терзавшие общество, пытались скрыть от общественности, насколько это возможно. Ранее мы видели, что им это всё-таки не удалось. Г-жу Безант сопровождало два достаточно странных персонажа, чакраварти и Дхармапала, вместе с которыми она приехала из Англии в Америку и о которых стоит сказать несколько слов.

Гьянендра Натх Чакраварти (*Babu Chuckerbuthy* Редьярда Киплинга)[260], основатель и секретарь Йога самадж и преподаватель математики в колледже Аллахабада, произнес речь на официальной церемонии открытия «парламента». Несмотря на своё имя и то, что он выдавал себя за брахмана, он не был индусом по происхождению, но более или менее «индуизированным» монголом. В декабре 1892 г. он пытался установить контакты с английскими спиритами, ссылаясь при этом на связь, якобы существующую между индусской «йогой» и «спиритуалистическими» феноменами. У нас нет здесь желания разбираться, было ли это с его стороны невежеством или ложью, или, возможно, это было одновременно

[260] Масонская поэма *The Mother Lodge*.

и тем и другим. В любом случае, само собой разумеется, что связи, о которых шла речь, являются чисто воображаемыми. Интересно лишь отметить сходство его попытки с той, которую г-жа Безант предприняла в 1898 г. во время «Спиритуалистического Альянса» в Лондоне. И особенно примечательно в этом сближении то, что Чакраварти, который, не имея ничего общего с настоящим «йогом», был, по крайней мере, сильным гипнотизёром, нашёл превосходный «объект» в лице г-жи Безант, и, кажется, вполне установлено, что она достаточно долгое время находилась под его влиянием[261]. Именно на этот факт намекал Джадж, когда в послании, адресованном им 3 ноября 1894 г. «эзотерическим секциям» Теософского общества (по повелению «учителя», как он утверждал) с целью сместить г-жу Безант, он обвинял её в том, что она «бессознательно стала участником заговора, организованного чёрными магами, которые постоянно ведут борьбу против белых магов», попутно объявляя Чакраварти «подрывным агентом чёрных магов». Конечно, не следовало бы придавать большое значение всем этим историям о «чёрной магии», и следует здесь помнить то, что мы уже прежде говорили об этом, но, остается, тем не менее, фактом, что именно Чакраварти, персонаж очень подозрительный во многих отношениях, на протяжении определённого времени являлся прямым вдохновителем деятельности г-жи Безант.

«Ангакира» Х. Дхармапала (или Дхаммапала)[262], цейлонский буддист, был направлен на «парламент религий» как «светский миссионер» «преосвященством» Сумангалой представлять Махи-Бодхи Самидж (Общество великой муд-

[261] Письмо м-ра Томаса Грина, члена «эзотерической секции» Лондона, опубликованное в газете: *Light*, 12 октября 1895. стр. 499; *The Path* (Нью-Йорк), июнь 1895, стр. 99.

[262] Первая форма — на санскрите, вторая — на пали.

рости) Коломбо[A]. Рассказывают, что во время своего пребывания в Америке он «отправлял» богослужение в католический церкви, но, по нашему мнению, это должна быть простая легенда, тем более что сам Дхармапала представлялся как «мирянин»; может быть, он прочитал там лекцию, что не удивит особо тех, кто знаком с американскими нравами. Как бы там ни было, он провел несколько лет в поездках по Америке и Европе, читая повсюду лекции о буддизме. В 1897 г. Дхармапала был в Париже, где выступил в музее Гиме и принял участие в Конгрессе ориенталистов. В последний раз этот персонаж, с которым мы свели знакомство, заявил о себе письмом, которое он 13 октября 1910 г. написал из Калькутты главе (обозначаемому просто инициалами Т. К.) тайного американского общества, называемого «орденом света» (*Order of light*), которое также именовалось «Великой школой» (*Great School*) и которое рекрутировало своих приверженцев среди обладателей высоких масонских степеней. Одним из самых активных членов этой организации являет-

---

[A] Как видно из статьи г-жи Александры Давид *Pensée dans l'Inde et le mouvement bouddhiste contemporain* [«Свободная мысль в Индии и современное буддийское движение»], опубликованной в журнале *Les Documents du Progrès* (январь и февраль 1914 г.), у общества *Маха-Бодхи* есть странные связи. В нём мы видим следующее: «Общество *Маха-Боди* имеет две главные резиденции в Коломбо (на Цейлоне), и в Калькутте, в центральном районе около Бенареса — в месте, где, по преданию, Будда произнес первую речь, и многочисленные филиалы в разных частях Индии. В августе 1910 это общество отправило меня на конгресс свободомыслящих в Брюсселе. По этому случаю генеральный секретарь, г-н Дхармапала, прислал мне доклад, который я должен был зачитать». Вот характерная выдержка из него: «Мы глубоко убеждены, что чудесный успех западной науки позволит освободить невежественные массы всех стран от ритуализма и суеверий, созданных деспотическим духовенством… Будда был первым, кто провозгласил науку освобождения человека, и в эту 2499-ю годовщину его проповеди мы, последователи его учения, радуемся что проводники научной мысли на Западе работают по тому же принципу для освобождения и обучения всего человечества, без различия национальности или цвета кожи». Известная теософистка г-жа Александра Давид, в этой же статье заявляет, что «Будда должен считаться отцом свободомыслия»! Это та же самая г-жа Александра Давид-Неель, автор книги *Le Modernisme Bouddhiste*, опубликовавшая в 1927 г. рассказ об экспедиции в Тибет под заглавием *Voyage d'une Parisienne a Lhassa*. [Примечание ко 2-му изданию.]

ся известный теософист, д-р Дж. Д. Бак, одновременно принадлежавший к масонству шотландского обряда и также выступавший на «парламенте религий». Г-жа Блаватская засвидетельствовала своё особое почтение этому д-ру Баку, назвав его истинным филателийцем[263]. Приводя отрывок из лекции, произнесенной ею в апреле 1889 г. в Чикаго, она также адресовала ему эту похвальбу: «Не существует теософиста, который бы лучше понимал и лучше выражал сущность теософии, чем наш почтенный друг д-р Бак»[264]. Необходимо также сказать, что «Орден света» отличается ярко выраженной антикатолической направленностью. Между тем, в своем письме Дхармапала вовсю нахваливает американских масонов за их усилия «спасти народ от порабощения папским дьяволизмом» (*sic*) и желает им добиться полного успеха в их борьбе, добавляя, что «духовенство во всех странах и во все времена демонстрировало одно лишь желание, заключающееся в том, чтобы обратить людей в рабское состояние и держать их в невежестве». Спрашивается, получил ли подобный язык одобрение со стороны «Преосвященства буддистской церкви юга», который вполне претендовал на то, чтобы возглавлять «духовенство», хотя такового не существовало в идеологии и организации первоначального буддизма.

Теософисты оказались весьма довольны предоставленной им в Чикаго отличной возможностью вести свою пропаганду, и они дошли даже до того, что заявили, что «настоящий парламент религий был на самом деле теософским конгрессом»[265]. К тому же, в «неоспиритуалистических» кругах вскоре встал вопрос о подготовке второго съезда такого же рода, который должен был состояться в Париже в 1900 г. Даже более амбициозная идея была выдвинута инженером из Лиона П. Витте, который подписывался псевдонимом Амо и ко-

---

263 «Ключ к теософии», стр. 76.

264 Там же, стр. 24.

265 «Голубой лотос», 27 октября 1893 и 27 марта 1894.

торый хотел превратить «Конгресс религий» в «Конгресс человечества»,

> собравший представителей всех религий, всех спиритуалистов, гуманитариев, искателей и мыслителей всех видов, чья общая цель состоит в прогрессе человечества в направлении прекраснейшего идеала и верящих в его достижение[266].

Все религии мира и даже все учения, какой бы характер они не имели, следовало «призвать к дружескому объединению на основе общих великих принципов, могущих обеспечить благо человечества и подготовить единство и будущий мир на планете»[267]. Теософисты, также как спириты и оккультисты различных школ, присоединились к этому проекту, автор которого полагал, что он смог примирить эти враждующие, но родственные течения в качестве прелюдии к «дружескому объединению», о котором он мечтал:

> В номерах за май 1896 г. «Голубой лотос» и «Инициация», органов, соответственно, теософов и французских мартинистов, — писал он в то время, — вновь с пылом и твердостью заявлялось об их приверженности идее Конгресса человечества. Содействия представителей этих двух великих спиритуалистических движений, которые распространены по всей Земле, уже было бы достаточно, чтобы придать Конгрессу жизненную энергию[268].

Однако этого не было достаточно, и только строилось множество иллюзий: «неоспиритуалисты», раздоры между которыми продолжались, к тому же, как и в прошлом, не смогли всё-таки претендовать на то, чтобы они образовать «торжественное собрание человечества»: поскольку он почти никого не заинтересовал, конгресс так и не состоялся в 1900 г. А по поводу г-на Витте мы укажем на ещё один ку-

---

266 *La Paix Universelle*, 1894, 15 сентября.

267 Там же, 30 ноября 1894.

268 Там же, 30 июня 1896.

рьезный случай: Сен-Ив д'Альвейдр сказал ему, что «кельтский дух нынче пребывает в Индии», и тогда он пожелал отправиться туда, чтобы убедиться в этом и сел на корабль в сентябре 1895 г., но сразу по прибытии он был охвачен чем-то вроде необъяснимого страха и поспешил вернуться во Францию, куда и возвратился, по крайней мере, спустя три месяца после своего отбытия. Г-н Витте был, по крайней мере, искренним человеком, но этот простой случай показывает, насколько у него была неуравновешенная психика. Впрочем, оккультисты не были обескуражены провалом их «конгресса человечества». Дождавшись более благоприятного момента, они образовали нечто вроде постоянного бюро, изредка проводившее заседания в почти пустых залах, на которых принимались неопределённые пацифистские и гуманитарные декларации. Феминистки также занимали некоторое место в этой организации, во главе которой стояли господа Альберт Жуне и Жюльен Герсе. Последний, которого друзья прочили в президенты будущих «Соединенных Штатов мира», когда они были бы образованы, в 1913 г. для начала выставил свою кандидатуру на пост Французской республики; у этих людей, по истине, не было чувства юмора.

Чикагский «парламент религий», однако, имел продолжение в Париже, но он состоялся лишь в 1913 г. под названием «Конгресса религиозного прогресса»[B] под председательством г-на Бутру, чьи философские взгляды были в некоторой степени были родственны «неоспиритуалистическим» влиянием, хотя в намного меньшей степени, чем у г-на Бергсона. Участниками Конгресса были почти исключительно протестанты, и, прежде всего, «либеральные протестан-

[B] Следует отметить присутствие на парижском «Конгрессе религиозного прогресса» г-на Д. Б. Джайатилака, председателя «Ассоциации буддийской молодежи» в Коломбо, ранее уже принимавшего участие в берлинском «Конгрессе свободных христиан» в августе 1910, где читал доклад, в котором, в частности, сказал, что «среди всех основателей религий именно Будда первым провозгласил принцип свободы совести»; надо полагать, что эти «буддийские модернисты» прежде всего хотят чтобы в них видели «свободомыслящих». [Примечание ко 2-му изданию.]

ты», но германское влияние преобладало на нём над англосаксонским: также и теософисты, верные г-же Безант, не принимали в нём участие, в то время как на нём выступал г-н Эдуард Шюре, представитель раскольнической организации д-ра Рудольфа Штейнера, о котором мы впоследствии поговорим.

Глава XVIII. Эзотерическое христианство

Теперь настало время обратиться к тому, что составляет, возможно, самую характерную черту нового курса (нового, по крайней мере, с виду), которого Теософского общество стало придерживаться по инициативе г-жи Анни Безант и который её предшественники вряд ли могли предвидеть: мы хотим поговорить об «эзотерическом христианстве»[269]. Однако необходимо отметить, что и раньше христианское течение (называемое таковым) несмотря на то, что его присутствие казалось несовместимым со взглядами г-жи Блаватской, было уже представлено в её окружении более или менее второстепенными фигурами, которые, конечно, не выражали то, что можно было бы назвать официальной доктриной теософизма. Это был, прежде всего, д-р Франц Гартманн с его «розенкрейцерством», о котором мы уже говорили. Любое розенкрейцерство, сколь бы оно не отклонялось от первоначального розенкрейцерства, по крайней мере использует христианский символизм. Но не стоит забывать, что д-р Гартманн в одной из своих книг изображает Христа как «Посвященного», с другой стороны, это мнение также высказывал г-н Эдуард Шюре[270] [A], изобретатель так называемого «эллино-христианского эзотеризма», имеющего самый подозрительный характер, потому что, если судить даже по названиям посвящённых ему работ, он должен вести от «сфинкса к Христу», а затем [...] «от Христа к Люциферу»! За-

---

[269] Этот термин стал даже заглавием одного из трудов г-жи Безант: *Esoteric Christianity*.

[270] См. его книгу: *Les Grands Initiés*.

[A] В сфере литературы сочинения г-на Эдуара Шюре, а также г-на Метерлинка, видимо, внесли наибольший вклад в привлечении людей в теософизм. [Примечание ко 2-му изданию.]

тем, мы упомянем более или менее серьёзные работы Джорджа Р. С. Мида, генерального секретаря европейской секции, посвящённые гностицизму и «христианским мистериям». Далее мы увидим, что возрождение этих «христианских мистерий» является одной из целей, провозглашаемых нынешними теософистами. Кроме этих трудов, большей частью написанных под влиянием исследований «непосвящённых» специалистов, тот же самый автор представил весьма приблизительные, если не сказать более, переводы некоторых санскритских текстов, отрывков из упанишад. В этих переводах можно обнаружить типичные примеры той манеры, в которой данные тексты «правятся» теософистами, чтобы придавать им свою собственную особую интерпретацию[271]. Наконец, в связи с теософизмом уже имелось «эзотерическое христианство» в строгом смысле слова, а точнее, было даже два его варианта, причём не обошлось без определённой связи между ними: одно было д-ра Анны Кингсфорд и Эдварда Мэйтленда, а другое — герцогини де Помар.

Первая из двух этих теорий была изложена в книге под заглавием «Совершенный путь», вышедшей в 1882 г. Имена авторов первоначально держались в тайне, «чтобы об их труде судили по его собственным достоинствам, а не по достоинствам авторов»[272], но их имена значатся в заголовках последующих изданий[273]. Мы добавим, что затем увидел свет ещё и французский перевод, для которого г-н Эдуард Шюре написал предисловие и который был издан на средства герцо-

[271] См. заглавия главных работ Мида: «Осколки забытой веры» (о гностицизме), «Пистис София. Гностическое Евангелие» (во французском переводе Амелино), «Очерк о Симоне Маге», «Аполлоний Тианский, философ-реформатор первого века христианской эры», «Евангелие и Евангелия», «Тайна мира, четыре очерка», «Теософия греков, Плотина и Орфея», «Теософия Вед и упанишад».

[272] Предисловие к первому изданию.

[273] 1886 и 1890, цитаты из третьего издания.

гини де Помар[274]. Граф Мак-Грегор Мэтьерс, посвятивший свою «Разоблаченную Каббалу» авторам «Совершенного пути», назвал эту книгу «одним из самых глубоких оккультных трудов, которые были написаны на протяжении последних столетий». На момент публикации «Совершенного пути» Анна Кингсфорд и Эдвард Мэйтленд оба являлись членами Теософского общества. Правда, они покинули его чуть позже, ближе по времени, когда дело Киддла вызвало в английской секции многочисленные уходы, о чём мы говорили в своё время. Однако 9 мая 1884 г. в Лондоне они основали «Герметическое общество», президентом которого Анна Кингсфорд[B] была до своей смерти в 1888 г., и чей статут состоял их трёх статей, скопированных с прежде приведённой нами декларации принципов Теософского общества. Что удивительно, Олкотт поспособствовал учреждению этого общества и произнес речь, что дало, возможно, основания некоторым считать его простой «эзотерической секцией» Теософского общества. Итак, следует задаться вопросом, а был ли уход основателей искренним, и мы найдем нечто аналогичное в случае герцогини де Помар.

До какой степени учения Анны Кингсфорд и г-жи Блаватской противоречили друг другу? Первое подавалось как христианское, но, не говоря о его громко афишируемой антиклерикальной ориентации (здесь именно апостола Павла обвиняли в том, что он «ввел жреческий элемент в Церковь»)[275], присущая ему манера интерпретации догм христианства носила весьма специфический характер: здесь христианство хотели, прежде всего, освободить от какого-

---

[274] Те же самые авторы также опубликовали, по отдельности или вместе, несколько других, менее важных работ: *Vierge du Monde* и другие герметические книги; Вайгель, *Astrologie Théologisée*, и эссе о герменевтике Библии; *Vêtue du Soleil* (аллюзия на апокалипсис), *livre des Illuminations d'Anna Kingsford*, и пр.

[B] Анна Кингсфорд, прежде чем основать «Герметическое общество», была не только членом Теософского общества, но и президентом Лондонской ложи. [Примечание ко 2-му изданию.]

[275] «Совершенный путь», стр. 270.

либо исторического фона[276], так, что когда речь заходила о Христе, то именно в «мистическом» смысле, из-за чего следовало понимать, что имеется в виду всегда исключительно внутренний принцип, который каждый должен сам постараться открыть и развивать. Между тем, г-жа Блаватская иногда называла именем Христос либо один из высших принципов человека, впрочем, то один, то другой, либо «единство трёх высших принципов в Троице, которая представляет Святой дух, Отца и Сына, потому что они символизируют абстрактный дух, дифференцированный дух и воплотившийся дух»[277]. Мы оказываемся здесь в полном замешательстве, но необходимо помнить, что для г-жи Блаватской, как и для Анны Кингсфорд «христами» являются существа, которые преуспели в развитии в себе определённых высших принципов, существующих у всех прочих в латентном состоянии. И Анна Кингсфорд даже добавляет, что они отличаются от других «адептов» только тем, что их знания и способности дополняет глубокая любовь к человечеству[278]. Г-жа Блаватская утверждает почти то же самое, в общем, когда она учит, что «Христос — это состояние Будды»[279]. В этом отношении, впрочем, между теософистами нет полного согласия, и в наши дни они скорее думают, как мы увидим, что «христос» это непосредственно предшествующее состояние, состояние «бодхисаттвы». Антихристианство г-жи Блаватской, которое касалось, прежде всего, «ортодоксального» и якобы иудаизированного христианства, итак, не будет отталкивать её от концепции «эзотерического христианства» как такового, в котором, к тому же, можно обнаружить синкретизм, достаточно похожий на её собственный и почти такой же бессвязный, хотя неясности, возможно, здесь меньше. Главная разница, в общем, заключается в том, что христиан-

[276] Там же, стр. 25-26 и 223.

[277] «Ключ к теософии», стр. 96-97.

[278] «Совершенный путь», стр. 216.

[279] «Ключ к теософии», стр. 218.

ская терминология становится здесь на место терминологии восточной, и буддизм оттесняется на второй план, рассматриваясь, как дополнение или, скорее, как необходимая подготовительная ступень к христианству. На эту тему существует слишком любопытный отрывок, чтобы мы его не привели:

> Будда и Иисус необходимы друг другу, и в рамках, таким образом, полной системы Будда — это ум, Иисус — сердце, Будда — всеобщее, Иисус — особенное, Будда — брат вселенной, Иисус — брат людей, Будда — это философия, Иисус — религия, Будда — окружность, Иисус — центр, Будда — система, Иисус — источник излучения, Будда — явление, Иисус — дух, одним словом, Будда — это «Мужчина» (интеллект), Иисус — «Женщина» (интуиция) [...] Никто не может быть, собственно говоря, христианином, если он вначале также не является буддистом. Итак, эти две религии образуют, соответственно, внешнюю и внутреннюю стороны одного и того же Евангелия, при этом основой служит буддизм (этот термин объемлет и пифагорейство)[280], а озарение несёт христианство. И точно также, как буддизм неполон без христианства, христианство нельзя понять без буддизма[281].

Анна Кингсфорд уверяет также, что Евангелие утверждает эту связь в рассказе о Преображении, где Моисей и Илия якобы представляют Будду и Пифагора, являясь их «древнееврейскими соответствиями»[282]: странная интерпретация, но она вызывает удивление не большее, чем та, которую обнаруживаешь несколькими страницами далее, где автор утверждает, поверив вымышленной этимологии, что «Авраам представляет «индийские мистерии», Исаак — «египетские», а Иаков — «греческие»![283].

---

[280] Сомнительно, чтобы отождествление имело бы под собой основу.

[281] «Совершенный путь», стр. 248-249.

[282] Там же, стр. 247.

[283] Там же, стр. 251-252.

Несмотря ни на что, для Анны Кингсфорд христианство выше буддизма, также как интуиция выше интеллекта, а женщина — мужчины, так как она являлась убеждённой феминисткой и смотрела на женщину как на «самое высокое проявление человечества»[284]; добавим сюда, чтобы завершить её облик, что она была апостолом вегетарианства[285] и ярым противником теории Пастера.

По разным вопросам у Анны Кингсфорд были свои особые представления: так, например, она считает природу человека четвертичной и приписывает особое значение числу «тринадцать», в котором видит «число женщины» и «символ совершенства»[286]. Но по большинству важных пунктов, какой бы не была видимость, она соглашается, в сущности, с учением теософистов. А именно, она признает «духовную эволюцию», «карму» и «реинкарнацию», в отношении последней она доходит даже до утверждения, что «учение о развитии и переселении душ составляло основу всех древних религий» и что «одной из особых целей античных мистерий являлось наделить посвящённого способностью вспомнить свои предыдущие воплощения»[287]. Эти учения, как и многие другие, имеющие такую же ценность, своим появлением обязаны, по-видимому, тому же «источнику информации», что и вся доктрина, то есть использованию интуиции, «благодаря которой дух возвращается к своему центру» и «достигает внутренней и неизменной области нашей природы», в то время как «интеллект направлен на внешнее, чтобы обрести знание явлений»[288]. По правде говоря, кажется, что здесь говорит сам г-н Бергсон. Нам не известно, был ли он знаком с Анной Кингсфорд, но её в любом случае вполне можно причислить в некоторых отношениях к по-

[284] Там же, стр. 23.

[285] Этой теме она посвятила специальную книгу под названием *The Perfect Way in Diet* [«Безупречный путь диеты»].

[286] Там же, стр. 244.

[287] Там же, стр. 21.

[288] Там же, стр. 3.

следователям современного интуитивизма. В отношении её также любопытно указать на связь, существующую между интуитивизмом и феминизмом, впрочем, мы не думаем, что это какой-то особый случай. Между феминистским движением и другими разнообразными течениями современной ментальности существуют отношения, изучение которых не было бы лишено интереса. Впрочем, мы ещё поговорим о феминизме, когда речь зайдет об участии г-жи Безант в масонстве.

Несмотря на утверждения Анны Кингсфорд, мы не считаем, что интуиция, мы бы скорее сказали — воображение, являлась её единственным «источником информации», хотя, конечно, применению этой способности обязаны те несерьёзные утверждения, несколько примеров которых мы привели. По крайней мере, в исходной точке имеются элементы, заимствованные из различных доктрин, прежде всего, из каббалы и герметизма, и сопоставления, на которые указывают с одной и с другой стороны, свидетельствуют о наличии познаний, хотя и достаточно поверхностных, в этой сфере. Кроме того, Анна Кингсфорд изучала учения теософов в собственном значении этого слова, а именно Беме и Сведенборга. Именно это объединяло её с герцогиней де Помар, и во взглядах обеих теософизма больше, хотя и достаточно синкретического характера, чем у г-жи Блаватской и её преемников. Что касается герцогини де Помар, поскольку прежде всего именно во Франции она создала своё «эзотерическое христианство» и поскольку, к тому же, её личность заслуживает внимания, мы полагаем, что будет уместно посвятить ей особую главу.

Глава XIX. Герцогиня де Помар

Странной фигурой была эта леди Кэйтнесс, герцогиня де Помар, которая называла себя католичкой, и кажется, была вполне искренна, но у которой католичество соседствовало с «христианской теософией», вдохновлённой, главным образом, как утверждает Тавер, Бёме и Сведенборгом, и также некоторыми особыми учениями, намного более экзотическими. Для изложения своих идей она написала множество трудов[289], а кроме того, в Париже издавала журнал под названием «Заря нового дня», «орган эзотерического христианства»[A]. Этот журнал был посвящён «логософии», которую она определяла так:

> Логософия — это наука о Логосе или Христе в той форме, как она дошла до нас в эзотерических учениях мудрецов Индии и греческих и александрийских философов [...] Христос или Логос, составляющий основу наших воззрений,

---

[289] Вот заглавия некоторых из них: «Ночной визит в Холируд», «Фрагменты оккультной теософии Востока», «Христианская теософия», «Буддийская теософия», «Семитская теософия», «Спиритуализм в Библии», «Эзотерическое толкование священных писаний», «Откровения свыше о науке жизни», «Старые истины о новом дне», «Мистерия веков», «Снятие печатей», «Тайна Нового Завета».

[A] О направленности «теософско-католического» журнала герцогини де Помар в «Лотос» за июнь 1887 года сказано следующее: «Католицизм “Авроры” вполне эклектичный и толерантный, со значительной примесью спиритизма. Последнее следует из сказанного герцогиней де Помар о её общении с “духами”... Более того, можно сказать, что этот католицизм — социалистический, поскольку руководителем, а значит и вдохновителем “Авроры” был в одно время г-н Лимузен, директор *Revue du Mouvement social*, а в майском номере напечатаны письма аббата Рока, чьи яркие социалистические убеждения известны всем, ему также писались красноречивые похвалы в *Intransigeant* г-на Рошфора». Следует добавить, что г-н Лимузен, руководитель «Авроры», это никто иной, как брат Ш.-М. Лимузена, позднее основавшего бывшего редактором масонского журнал *L'Acacia*. [Примечание ко 2-му изданию.]

> это именно не Иисус как историческая личность (Сын человеческий), но, скорее, Иисус в своем божественном аспекте Сына Божия, или Христа. На эту божественность, которую мы считаем целью наших устремлений, мы имеем право претендовать, ибо мы все сыновья одного и того же Бога и, следовательно, обладаем божественной природой, и разве нам не предписано стать совершенными, как совершен наш Отец, пребывающий на Небесах? Итак, логософия — это наука о божественном начале в человеке. Она учит нас, как разжечь в себе божественную искру, которую каждый человек заключает в себе с момента своего появления на свет. Именно благодаря её развитию мы уже на этой земле сможем использовать психические силы, кажущиеся сверхчеловеческими, а после нашей физической смерти наш дух соединится с духом своего божественного Создателя и обретет бессмертие на Небесах.

К тому же, здесь господствует именно концепция «внутреннего» христианства, хотя она утверждается менее исключительным образом, чем у Анны Кингсфорд. Что касается «развития психических сил», это ничто иное, как третья из целей Теософского общества, чья реализация является прерогативой членов «эзотерической секции».

С 1882 г. г-жа де Помар носила титул «президента Теософского общества Запада и Востока». В противоположность тому, что можно было бы подумать, её общество не составляло никакой конкуренции обществу г-жи Блаватской, подлинную «эзотерическую секцию» которого оно в действительности составляло, что объясняет сближение, о котором мы только что упомянули. В мае 1884 г. г-жа Блаватская написала Соловьеву:

> На протяжении двух лет несколько человек встречаются в доме некой герцогини, которая, к тому же ещё и леди, и которой нравится называть себя Президентом Теософского общества Запада и Востока. Боже милостивый! Пусть называет себя, как хочет. Она богата и у неё есть роскош-

ный отель в Париже. Не вызывает возражений, что она может быть полезна[290].

Таким образом, г-жа Блаватская дорожила отношениями с герцогиней де Помар по причине её богатства, и когда она захотела основать филиал в Париже под названием «Исида»[В], герцогиня де Помар, со своей стороны, посчитала, что сможет воспользоваться этим отделением как местом привлечения членов в свою собственную организацию, которую она собиралась оставить намного более закрытой. Впрочем, хорошим подтверждением отсутствия между ними какого-либо соперничества служит то, что герцогиня, отвечая чаяньям г-жи Блаватской, снабдила её деньгами, позволившими ей распространять своё учение во Франции. Уверяют, что в 1884 г. на это дело она предоставила ей сумму в размере двадцать пять тысяч франков[291].

Однако г-жа де Помар покинула Теософского общество в сентябре 1881 г., жалуясь, что Олкотт «вел себя нетактично в её отношении»[292]. Впрочем, ей суждено было вернуться, так как она вновь ушла в 1886 г. в компании г-жи де Морсье и нескольких других членов парижского отделения после откровений Соловьева. Несмотря на это, во время проведения в сентябре 1889 г. «Конгресса спиритов и спиритуалистов»[293], на котором ей был предложен пост почетного председателя[294] и где Папюс во всеуслышание заявил, что у неё«имеются немалые заслуги перед делом спиритуалистов», г-жа Помар не перестала ещё быть «президентом Теософского общества Запада и Востока». Итак, она оказалась

---

[290] «Современная жрица Изиды», стр. 25.

[В] Следует исключить слова «под названием Исида», т.к. парижское отделение стало именоваться так только с 1887 года (см. гл. VI. доп. Примечание С). [Примечание ко 2-му изданию.]

[291] *Daily News*, 5 ноября 1895.

[292] Письмо Соловьева г-же Блаватской от 26 сентября 1884 г.

[293] В данном случае «спиритуалист» означает «оккультист».

[294] Председателем на этом конгрессе был Жюль Лермина; другими его почетными председателями были Шарль Фовети и Эжен Ню.

тогда в той же ситуации, что и Анна Кингсфорд с её «Герметическим обществом», но чуть позже этой даты, а именно в марте 1890 г., г-жа Блаватская основала в Париже независимую «эзотерическую секцию», устав и правила деятельности которой не были опубликованы, и члены которой обязаны были связывать себя клятвой беспрекословно исполнять приказы руководства. Тем не менее, верно, что до конца жизни герцогиня сохраняла с Теософским обществом скорее дружеские отношения. Так, в июле 1893 г. она написала секретарю парижского отделения письмо, которое было опубликовано в журнале «Голубой лотос» и в котором можно прочитать следующее:

> Какая бы разница во взглядах не отделяла меня от Теософского общества, я очень хочу видеть, что это общество развивается во Франции, зная, что оно может только способствовать успеху идей, которым я сама предана. Но миссия, доверенная мне Тем, которого я называю своим учителем, Господом Иисусом Христом, забирает все мои силы.

Однако она оформила ежегодную подписку в 200 франков и продолжила следующими словами:

> Я хочу, чтобы *M.S.T.* (члены Теософского общества) были уверены в братских чувствах, которые я испытываю по отношению к ним. Если иногда наши пути разнятся, то цель, которую мы преследуем, одна и та же, и я высказываю самые искренние пожелания тому, чтобы ваши усилия увенчались успехом.

Заметим ещё, что 13 июня 1894 г. г-жа де Помар приняла у себя г-жу Безант, прочитавшую лекцию о «странствиях души», и на этом заседании председательствовал полковник Олкотт. 11 июня г-жа Безант прочитала другую лекцию в Институте Руди. В ту пору ещё не посчитали уместным предоставить в её распоряжение аудиторию Сорбонны, как это случится позже в 1911 г., и как это снова произошло только что в этом году.

Герцогиня де Помар скончалась 3 ноября 1895 г. Мы приведём следующие строчки из некролога, который майор Курме посвятил ей в журнале «Голубой лотос» (стиль мы оставляем без изменений):

> Только что оборвалась великая и по-настоящему благородная жизнь, потому что если герцогиня и не отказывалась наслаждаться богатством, которым её наделила Карма, она, несомненно, использовала его и на благотворительные дела всех видов, перечислять которые и подробно рассказывать о которых можно было бы до бесконечности, и также занимаясь высокой интеллектуальной благотворительностью, распространяя, прежде всего во Франции, своей второй родине, потоки «сознания» […] Принадлежа к первому поколению спиритуалистов, герцогиня де Помар была членом Теософского общества со времени его появления в 1876 году, и она являлась близким другом г-жи Блаватской. Она занимала пост президента французской ветви «Запад и Восток», чьё теософское учение, будучи независимым от учения г-жи Блаватской, сохранило преимущественно христианский и даже немного спиритический характер. Мы, конечно, предпочли бы, чтобы она обратилась к знаниям Востока, которые кажутся нам более близкими изначальным источникам, но известно, что у теософистов есть право в своих поисках истины следовать пути, который им больше всего подходит по их природным склонностям»[295].

По правде говоря, достаточно странными выглядят союз г-жи Помар с г-жой Блаватской и с её школой, и утверждение, что у движений, руководимых и той и другой, существует общая цель. Не менее любопытным, возможно, является и то, что герцогиня придала свой организации крайне секретный характер. Вот то, что она написала Артюру Арнулю в письме, опубликованном тем в 1890 г. по случаю ссоры с Папюсом и включенном им в состав документа, названно-

[295] «Голубой лотос», 27 декабря 1895.

го им «строго конфиденциально», хотя он и был отправлен людям, не являвшимся членами Теософского общества:

> Так как Теософское общество Запада и Востока, которым я имею честь руководить, является одним из самых эзотерических и, следовательно, самых секретных, я не понимаю, как полковник Олкотт имел неблагоразумие говорить о нём, ведь я просила его хранить *нашу* тайну. Наши собрания носят совершенно секретный характер, и нам не позволяется говорить о них кому бы то ни было, помимо нашего сейчас достаточно многочисленного круга, насчитывающего среди своих членов некоторых из самых великих умов Франции, доступ в который можно получить только после посвящения самого высокого уровня и очень серьёзных испытаний. Когда я вам сообщу, что мы получим наши наставления из самых высоких сфер, вы должны понимать, что мы хотим хранить их в самой строгой тайне […].

Что представляли собой эти наставления и эти таинственные сообщения, средства получения которых, вероятно, не слишком отличались от тех, к которым прибегали обыкновенные спириты, и в чём заключалась миссия, на обладание которой претендовала г-жа де Помар? В письме, датированном 2 февраля 1892 г., оригинал которого имеется в нашем распоряжении, она сообщала на эту тему:

> Уважение, которое я испытываю к Марии Стюарт, в меньшей степени относится к воспоминаниям о её земной личности, нежели к её вечно живой небесной индивидуальности[296], которая на протяжении более чем тридцати лет предоставляла мне многочисленные доказательства своего духовного присутствия (*sic*) рядом со мной. Эта сущность, бывшая уже такой великой и благородной на земле, продолжила развиваться согласно вечному закону жизни духа, и нынче, обретя несущую освобождение истину, она

[296] Термины «личность» и «индивидуальность» приводятся здесь в их теософистском значении, когда их соотношение полностью противоположно тому, которое у них должно быть в нормальном положении.

> переросла многие свои прежние религиозные убеждения[297]. Её миссия заключается в том, чтобы сегодня дать миру и особенно Франции Истины Нового Дня, которые будут направлять эволюцию расы в смысле более высокой духовности, и я имела честь быть избранной ею в качестве земного посредника, чтобы помогать ей в этом деле.

И далее она ещё добавила, что «эта Королева является сегодня ангелом самых высоких сфер», сфер, которые она также называла «Кругом Христа» и «Кругом звезды».

Этот «Новый День», приход которого герцогиня де Помар была, таким образом, призвана провозгласить и подготовить, представлял собой новое откровение, эру, которая сменит христианство, точно также как само христианство пришло на смену древнему Закону. Одним словом, это «пришествие Святого духа», в гностицизме понимаемого как «божественная женственность»[298]. Это было и ещё

> появление сыновей и дочерей Бога, но не как единственного существа, но как многих: эта более совершенная раса очеловечит землю, которая, как нам известно, уже прошла периоды минерального, растительного и животного развития, и этот последний этап развития заканчивается на наших глазах.

И герцогиня уточняет:

> Мы можем доподлинно утверждать, что старый мир закончился в 1881 г. и что Господь создал новые небеса и новую землю, и в 1882 г. мы вступим в новую эпоху — эпоху Богоматери[299].

Эти утверждения приводятся в любопытной брошюре, наполненной каббалистическими вычислениями, которая

---

[297] Здесь подразумевается католичество?

[298] См. *Le Secret du Nouveau Testament*, стр. 496-505: «Сообщение свыше, полученное в святилище королевы, в Холируде» и подписанное «посланник королевы Марии».

[299] 1881-1882, стр. 49-50.

в качестве заглавия имеет только две даты: 1881-1882 и в конце которой можно прочесть следующее:

> В то время как я пишу эти строки, 1881 год, последний год старого откровения, стремительно приближается к своему концу, и вот-вот пробьет первый час эпохи небесной Супруги[300].

Можно сказать, что идея коллективного Мессии в той форме, в которой она здесь выражена, представляет собой нечто достаточно странное. Однако она не есть полностью что-то новое, и мы укажем в этом отношении, что в иудаизме встречаются представления, имеющие тенденцию отождествлять Мессию с самим народом Израиля. Как бы там ни было, именно мессианство в той или иной форме, кажется, объясняет эту «общность целей», о которой г-же де Помар говорила в отношении Теософского общества, так как именно более или менее явное мессианство лежит в основе многих других «неоспиритуалистических» движений.

Хотя, как можно заметить, представление о «будущем Мессии» у теософистов получило свою отчетливую формулировку лишь на протяжении последнего десятка лет, тем не менее, верно, что сама Блаватская уже провозгласила его приход в следующих словах:

> Следующая попытка будет встречена многочисленной и *единой* группой людей, готовых приветствовать нового факелоносца истины. Сердца людей будут готовы воспринять его послание; будет отыскан язык, позволяющий ему выразить новые истины, которые он принесёт. Полностью сформированная организация будет ожидать его прихода, и она постарается устранить с его пути препятствия и трудности чисто механического и материального порядка. Задумайтесь на миг, и вы поймете, сколь многое сможет вершить Тот, которому на долю выпадут такие обстоятельства [...][301].

---

[300] Там же, стр. 85.

[301] «Ключ к теософии», стр. 406.

Вот какова общая цель деятельности г-жи де Помар и г-жи Блаватской, но эта последняя, воздерживаясь, впрочем, благоразумно от того, чтобы заранее называть точные даты, возможно, пророчествовала наверняка, так как можно предположить, что она доверила своему обществу тайную миссию не только для того, чтобы приготовить путь для «Того, кто должен явиться», но и ещё, чтобы вызвать его появление как раз в момент, который бы показался благоприятным. Эту миссию г-жа Безант, бывшая секретарь г-жи Блаватской и её последняя наперсница, будет выполнять при поддержке своего соратника, бывшего англиканского священника Чарльза В. Ледбитера, который, как кажется, играл возле неё роль, достаточно схожую с той, что Олкотт играл возле основательницы общества. Только «христианская» оболочка, которая была придана мессианскому движению на пути реализации этой идеи, возможно, не соответствует целиком взглядам г-жи Блаватской. Однако если принимать во внимание сказанное нами в предыдущей главе, можно увидеть, что в отношении этого пункта разногласия являются скорее кажущимися, чем реальными. Впрочем, неустойчивый и скользкий характер теософистской псевдодоктрины даёт ей преимущество меняться самым неожиданным образом, а тем, кто замечает здесь противоречия, отвечают только, что они ничего не поняли, как это делают в подобных случаях защитники бергсоновского интуитивизма.

Глава XX. Будущий Мессия

Чтобы понять, что это за странная авантюра с Мессией, наделавшая столько шума в эти последние годы, необходимо познакомиться с весьма специфическими представлениями, которые теософисты составили о Христе или вообще о том, кого они называют «великим учителем» или «учителем мира». Эти два выражения являются переводом санскритских терминов *Mahāguru* и *jagadguru*, которые в реальности служат просто для обозначения глав некоторых брахманских школ: так, настоящий *jagadguru* — это глава ведантистской школы Шанкарачарьи. Попутно заметим по этому поводу, чтобы предостеречь от возможной путаницы, что лицо, которое носит законным образом этот титул в нынешнее время, это вовсе не тот, который выдается за такового в публикациях, в которых учение «веданты» излагается значительно искажённым образом, чтобы приспособить его для сознания западных людей (хотя это искажение не носит ещё такого полного характера, надо признать, как у Вивекананды и его учеников). Эта история имеет достаточно любопытную политическую подноготную, но она бы увела нас слишком далеко от рассматриваемой нами темы. Когда теософисты в своих работах пишут о *Mahāguru*, лицо, о котором идёт речь, не принадлежит к числу тех, за которыми этот титул признан в Индии, но он тождественен бодхисаттве, этим словом они именуют, как мы уже видели, «главу департамента религиозного образования» в «оккультном правительстве мира». Согласно буддийским представлениям, бодхисаттва — это нечто вроде «кандидата» в Будды: существо, которое готово достичь состояния Будды или обладания высшей мудростью и которое в настоящее время находится на уровне, непосредственно предшествующем уровню Буд-

ды. Теософисты вполне признают эту концепцию, но они добавляют к ней немало своих собственных фантазий: именно таким образом у них существуют две должности, должность Ману и должность бодхисаттвы, которые некоторым образом дополняют друг друга, кроме того, есть один Ману и один бодхисаттва, которые специально приставлены к каждой из семи «корневых рас». Когда какой-либо бодхисаттва заканчивает исполнение своей роли, он становится Буддой и на его место приходит другой «адепт». Ману же, когда завершается период, в котором он был обязан выполнять свои функции, точно также переходит на более высокий уровень, который, однако, не уточняется. Наконец, эры Ману и бодхисаттвы не совпадают: «деятельность Ману начинается всегда с первой подрасы корневой расы, в то время как деятельность бодхисаттвы всегда охватывает две великие расы»[302].

Из этого вытекает, мы можем теперь вернуться к представлениям об «историческом Христе», что теософисты стремятся проводить различие между «мистическим Христом», то есть высшим принципом человека, о котором выше шла речь, и «мифологическим Христом» или «солярным божеством», так как они признают выводы так называемого «религиоведения» касательно «мифов» и их астрономической интерпретации. Г-жа Блаватская проводила кажущуюся игрой слов разницу между Χριστός и Χρηστός, первое из этих двух имён она относила к «мистическому Христу», а второе она рассматривала как обозначающее определённую ступень посвящения в древних мистериях. Любой человек, достигший этой степени, являлся, следовательно, не Χριστός, а Χρηστός, и именно таков мог быть случай Иисуса из Назарета, если всё-таки допускать его историческое существование, в котором со своей стороны она сильно сомневалась. Вот одно из мест, где Блаватская наиболее ясно высказалась на этот счёт:

---

[302] *De l'an 25000 avant Jésus-Christ à nos jours*. стр. 60-61.

> В моем понимании Иисус Христос, то есть человекобог христиан, копия аватаров всех стран, подобный индусскому Кришне[303] и египетскому Гору, никогда не являлся историческим лицом. Это прославляемая персонификация типа обожествленных великих иерофантов Храмов, и его история, рассказанная в Новом Завете, является аллегорией, несомненно содержащей глубокие эзотерические истины, но именно в аллегорической форме».

Эта «аллегория», конечно, нисколько не отличается от знаменитого «солярного мифа». Но продолжим:

> Легенда, о которой я веду речь, основана, как я неоднократно показала это в моих работах и заметках, на существовании человека по имени Иешуа (из которого сделали Иисуса), родившегося в Луде или Лидде приблизительно за 120 лет до н. э. И если этот факт, который у меня почти не вызывает возражений, отказываются принимать, то нужно примириться с ним и смотреть на героя драмы Голгофы, просто как на обычный чистый миф[304].

Однако чуть раньше г-жа Блаватская высказывалась совершенно иным образом и намного более категорично касательно «факта», о котором идёт речь:

> Иисус был Χρηστός […] он действительно жил во время христианской эры или веком раньше, в царствование Александра Янная и его жены Саломеи, в Луде, о чём сообщается также в *Sepher Toldoth Jehoshua*.

Источник, на который она ссылается здесь, это раввинистическая книга, наполненная явно предвзятыми мнениями антихристианской полемики, которая, по единодушному мнению, лишена какой-либо исторической ценности. Это не помешало тому, что, отвечая «некоторым ученым, по мнению которых это утверждение является ошибочным»

---

[303] Как раз очевидно, г-жа Блаватская намеренно написала *Chrishna*, а не *Krishna*, однако она не осмелилась дойти до того, чтобы написать *Christna*, как это сделал Жаколио.

[304] «Лотос», апрель 1888 (полемика с аббатом Рока).

и к числу которых следует отнести самого Ренана, она добавила в примечании:

> Я говорю, что ученые обманывают или несут бред. Именно наши учителя утверждают это. Если история Иешуа или Иисуса бен Пандира ложная, то тогда весь Талмуд, весь еврейский канон ложен. Он был учеником Иешуа бен Парахии, пятого главы синедриона, с тех пор как Ездра воссоздал текст Библии. Будучи замешан в восстании фарисеев против Янная, случившемся в 105 г. до н. э., он бежал в Египет, забрав с собой молодого Иисуса. Этот рассказ намного более правдив, чем Новый Завет, который молчит об этой истории[305].

Итак, вот факты, подлинность которых, надо полагать, гарантировали ей сами её «учителя», и несколькими месяцами позже она не возражает против того, что эти факты называют простой легендой. Как можно объяснить подобные противоречия, если только не «патологическим случаем», как впоследствии заявит редактор самого журнала, в котором публиковались все эти измышления? Совершенно другую позицию заняла г-жа Безант, так как она, напротив, признаёт историчность фигуры Иисуса, также полагая, что он жил примерно за столетие до начала н. э. Мы вкратце приведём странный рассказ, который она сделала на эту тему в своем «Эзотерическом христианстве»[306]. Еврейский мальчик, чьё имя было переведено как Иисус, родился в Палестине в 105 г. до н. э., от родственников он перенял знание древнееврейской словесности. В возрасте двенадцати лет он посетил Иерусалим, после чего его перепоручили заботам ессейской общины, находившейся в южной Иудее. Сразу скажем, что история о связи Иисуса с ессеями не была целиком придумана теософистами, и что ещё до них многие оккультные организации хотели извлечь из неё выгоду для себя. Впрочем, в этих кругах весьма распространена привычка

---

[305] «Лотос», декабрь 1887.

[306] См. также книгу Мида, *Did Jesus live 100 B. C.?*

ссылаться на ессеев, которых некоторые стремятся связать с буддистами, особо и не поймешь, почему, и у которых желают обнаружить один из истоков масонства. Тридцать лет назад во Франции даже существовала секта спиритов, члены которой называли себя «ессеями»[A] и признавали двух Мессий: Иисуса и Жанну д'Арк. Они же придавали большое значение рукописи, в которой рассказывается о смерти Иисуса. Эта рукопись якобы была обнаружена в Александрии и опубликована в Лейпциге в 1849 г. неким Даниэлем Раме. Английский перевод этого текста, цель которого явно заключается в том, чтобы разрушить догму о воскресении, недавно вышел в Америке под эгидой «Великой школы» или «Ордена света», о которых мы прежде уже вели речь. Но возвратимся к рассказу г-жи Безант: в возрасте девятнадцати лет Иисус побывал в монастыре на горе Сербаль, где находилась крупная библиотека оккультной литературы, многие книги которой «происходили из трансгималайской Индии», а затем он обошел весь Египет, где стал «посвящённым эзотерической Ложи, из которой все великие религии получили своего основателя», то есть «Великой Белой Ложи», которая в ту эпоху не была ещё сосредоточена на Тибете, хотя другой автор, который, как утверждают, впрочем, не является теософистом и в отношении которого теософисты засвидетельствовали даже некоторое недоверие, заявляет, что он обнаружил следы пребывания Иисуса в этой стране, где он якобы был известен под именем Исса[307].

Дальнейшее требует ещё некоторых пояснений, так как именно здесь мы подходим к способу, которым производится, согласно теософистам, явление «великого учителя» или иногда даже «учителя» более низкого уровня: чтобы изба-

---

[A] О так называемых современных «ессеях» см. «Заблуждение спиритизма», стр. 325 [фр. издания]; псевдоисторические фантазии Жаколио высоко ценились членами этой секты, и, по едва ли случайному совпадению, его же *La Bible dans l'Inde* [«Библия в Индии»] входит в число работ, официально рекомендуемых в *Order of Light*. [Примечание ко 2-му изданию.]

[307] См. Николай Нотович, «Неизвестная жизнь Иисуса Христа»; «Голубой лотос», 27 июля 1894.

вить столь «развитое» существо от необходимости самому подготовить себе «оболочку», проходя все этапы обычного физического развития, нужно, чтобы «посвящённый» или «ученик» предоставил ему своё тело, когда после специальной подготовки через прохождение специальных испытаний он делался достоин этой чести. Итак, с этого момента он будет «учителем», который, пользуясь его телом, как если оно было его собственным, будет говорить его устами, проповедуя «религию мудрости». Здесь мы видим нечто достаточно схожее с феноменом, который спириты называют «инкарнацией», но с той разницей, что речь в этом случае шла бы о постоянной «инкарнации». Необходимо добавить, что живые «учителя» якобы могут подобным образом при случае пользоваться телом ученика, что якобы часто происходило с г-жой Блаватской. Ещё говорят, что «учителя» не оставляют исключительно за собой привилегию воплощаться путём «замены», и что они иногда дают возможность воспользоваться ей своим самым продвинувшимся ученикам: касательно этого последнего пункта мы уже приводили выше утверждения Синнетта и м-ра Ледбитера, согласно которым г-жа Блаватская якобы таким же образом перешла в другое тело сразу после своей смерти. Но нас здесь более интересует случай явления «учителей». Теософисты, кажется, допускают, не утверждая этого, впрочем, категорически, что Будда пользовался только что указанным нами средством. Вот слова м-ра Ледбитера на эту тему:

> Возможно, что в теле ребенка, родившегося у царя Шуддходаны и царицы Майи, не пребывал сам Господь Будда, который, подобно Христу, быть может попросил одного из своих учеников позаботиться об этой оболочке и вошел в неё только в момент, когда это тело оказалось ослаблено долгими епитимьями, которые он налагал на себя на протяжении шести лет, чтобы отыскать истину. Если это так, то неудивительно, что принц Сиддхартха не хранил в сво-

> ей памяти все знания, полученные прежде Господом Буддой, потому что он был совсем другим человеком[308].

Итак, Сиддхартха якобы являлся, как и Иисус, учеником, которого «учитель» избрал, чтобы тот подготовил ему взрослое тело и впоследствии это тело ему уступил, «это жертва, на которую его ученики всегда будут рады пойти ради него»[309]. То, что излагается только как простая гипотеза в только что упомянутом нами месте, в другом случае тот же самый автор представляет как непреложный факт, имеющий самый общий характер:

> Великие сущности всегда прибегают к способу заимствования подходящего тела, когда они находят полезным снизойти среди людей в имеющихся условиях. Господь Гаутама действовал таким образом, когда он пришел на землю, чтобы обрести достоинство Будды. Господь Майтрея сделал то же самое, когда он явился в Палестине две тысячи лет назад[310].

В любом случае, в отношении того, что касается явления Христа, о которой идёт речь в этом последнем предложении, нынешние теософисты всегда очень категоричны: г-жа Безант утверждает, что «ученик» Иисус, достигнув возраста двадцати девяти лет, стал «способным служить вместилищем и органом могущественному Сыну Божию, Владыке сострадания и мудрости». Итак, этот «учитель» снизошел в Иисуса и на протяжении трёх лет своей общественной жизни «именно он жил и передвигался в облике человека Иисуса, проповедовавшего, исцелявшего больных и собиравшего вокруг себя некоторые самые возвышенные души»[311]. На протяжении трёх лет человеческое тело Иисуса выносило тяготы предоставления прибежища индивидуальности учителя,

---

[308] *L'Occultisme dans la Nature*, стр. 322.

[309] Там же, стр. 319.

[310] *Adyar Bulletin*, октябрь 1913.

[311] *Esoteric Christianity*, стр. 134 (в английском издании).

превзошедшего человеческий уровень»[312]. Но воспитанные им ученики остались под его влиянием, и на протяжении более чем пятидесяти лет он продолжал навещать их в своем «духовном теле» и посвящать их в эзотерические тайны. Впоследствии на рассказы о жизни исторического Иисуса наслоились «мифы», характерные для образа «солярного божества», которые, после того как было утрачено понимание их символического значения, дали жизнь догмам христианства. Во всей этой истории только в этом последнем пункте обнаруживается влияние идеи г-жи Блаватской.

«Владыка сострадания», о котором только что шла речь, это бодхисаттва Майтрея. Это имя и этот титул, относящиеся к представлениям о «грядущем Будде», существуют на самом деле и в реальном буддизме, но можно найти достаточно неуклюжей эту попытку смешать буддизм и христианство, что составляет особенную черту теософистских представлений о Мессии. Это ещё один пример той в высшей степени фантазерской манеры, в которой они тщатся согласовать различные традиции, из которых делают заимствования. Мы уже видели это, когда речь шла о связывании Ману с бодхисаттвой. Укажем ещё касательно этой же точки зрения, что, согласно современным теософистам Майтрея задолго до своего явления как Христа явился в Индии в образе Кришны. Однако, необходимо допустить, что в эту эпоху он не был ещё не бодхисаттвой, но «Адептом» более низкого уровня (это место занимает сейчас Кут Хуми, назначенный его преемником), потому что Кришна жил задолго до того, как Гаутама, предыдущий бодхисаттва, стал Буддой. Однако мы не уверены, что некоторые теософисты не допускают анахронизм в этом отношении и не верят в то, что Кришна жил после Будды. На самом деле, м-р Ледбитер, изложив в качестве общего правила заимствование «великими сущностями» тела ученика, добавляет:

> Единственное исключение, которое нам известно, следующее: когда новый Бодхисаттва занимает место наставника

> мира после того, как его предшественник стал Буддой, он рождается как обычный маленький ребенок во время своего первого появления в мире в качестве наставника. Наш Господь, нынешний Бодхисаттва, поступил таким образом, когда он родился как Шри Кришна на золотых равнинах Индии, чтобы быть любимым и почитаемым с пылкой преданностью так, как может быть никогда и нигде в другом месте[313].

Как бы там ни было, именно этот самый бодхисаттва Майтрея должен явиться вновь в наши дни в условиях, аналогичных тем, которые мы только что описали касательно Христа:

> Великий глава департамента религиозного образования, — утверждает м-р Ледбитер, — Господь Майтрея, который уже под именем Кришны наставлял индусов, а под именем Христа христиан, заявил, что вскоре он вновь придет в мир, чтобы принести народам исцеление и помощь, и чтобы оживить духовность, которую человечество почти утратило. Одной из великих задач Теософского общества является сделать все возможное, чтобы подготовить людей к его явлению, так чтобы как можно большее их количество смогло извлечь пользу из уникального случая, который будет предоставлен им самим его присутствием среди них. Религия, которую он основал, когда приходил в Иудею две тысячи лет назад, сейчас распространилась по всей земле, но, когда он оставил своё физическое тело, его учеников, собравшихся, чтобы взглянуть на новую ситуацию, как говорят, было только сто двадцать. Единственный предвестник провозглашал его приход последний раз, нынче же эта задача вменена обществу, имеющему двадцать тысяч членов и охватившему весь мир! Надеемся, что результаты нынче будут лучшими, чем в последний раз, и мы сможем удержать Господа среди нас более чем на три года, до того как человеческая злоба не вынудит его

---

312 Там же, стр. 136.

313 *Adyar Bulletin*, октябрь 1913.

> удалиться; и мы также сможем объединить вокруг него самое большое количество учеников, чем когда-либо![314].

Такова цель, которая ставится в наши дни перед Теософским обществом и которую г-жа Безант заявила уже почти двадцать лет назад, «быть избранным в качестве краеугольного камня будущих религий человечества [...] чистое и святое звено, связывающее тех, кто вверху, и тех, кто внизу»[315]. И теперь, следует ли желаемый полный успех для нового явления бодхисаттвы понимать в том смысле, что на этот раз он достигнет совершенного состояния Будды? Согласно Синнетту, «Будда Майтрея придет только после полного исчезновения пятой расы, и когда пребывание шестой расы на земле будет исчисляться несколькими сотнями тысяч лет»[316]. Но Синнетт ничего не знал о предыдущих появлениях Майтрейи как бодхисаттвы, которые составляют новшество в теософизме. Впрочем, когда вспоминаешь, насколько сократился промежуток, отделяющий нас от начала пятой расы, совершенно перестаешь удивляться тому, что её конец оказался намного ближе, чем нам говорили вначале. В любом случае, нынче нам заявляют о скором приходе ядра шестой расы[B] «под руководством Ману, хорошо известного теософам», который и есть «учитель» Мория[317].

Роль, которую Теософское общество приписывает себе, не ограничивается провозглашением прихода «великого учителя». Необходимо также отыскать и подготовить, как это когда-то якобы сделали ессеи, «ученика», в которого воплотится, когда пробьёт час, «Тот, кто грядет». По правде гово-

---

[314] *L'Occultisme dans la Nature*, стр. 382.

[315] *Introduction à la Théosophie*, стр. 12.

[316] «Эзотерический буддизм», стр. 210.

[B] Считается, что шестая раса должна зародиться в Калифорнии; поэтому множество псевдоинициатических обществ, более или менее связанных с теософизмом, основали штаб-квартиры в этом регионе (см. главу XXIV, прим. 8). [Примечание ко 2-му изданию.]

[317] *L'Occultisme dans la Nature*, стр. 261. См. также книгу Безант *Man, whence, how and whither*.

ря, выполнение этой миссии не обошлось без некоторых пробных шагов, по крайней мере, была одна попытка, которая потерпела жалкий крах и которая относится, впрочем, к периоду, когда ещё не были выработаны чёткие представления о личности будущего «Носителя факела истины», как сказала г-жа Блаватская. Это было в Лондоне, где в ту пору в квартале Сент-Джонс Вуд существовало нечто вроде теософистской общины. В ней воспитывался молодой мальчик слабого здоровья и небольшого ума, но все его речи слушали с уважением и восхищением, ибо, как говорят, он якобы был ни больше, ни меньше, а «перевоплотившимся Пифагором». Впрочем, вероятно, что речь шла в данном случае не о собственно так называемой реинкарнации, но о явлении того рода, о которых мы только что говорили, потому что теософисты предполагают, что Пифагор уже перевоплотился в Кут Хуми, а тот жив до сих пор. Однако, имеются другие случаи, когда подобная интерпретация даже не казалась возможной, но теософистов почти не смущают наихудшие трудности: так, после того как некоторые среди них прозвали г-жу Блаватскую «Сен-Жерменом XIX столетия»[318], нашлись в их среде и другие, которые восприняв это буквально, стали верить, что она действительно является перевоплощением графа Сен-Жермена, в то время как этот последний, с другой стороны, ранее считаясь простым посланником «Великой Белой Ложи», оказался поднятым до уровня вечно живого «учителя». По этому поводу мы укажем, что теософистскую биографию этого исторического деятеля, по-настоящему, впрочем, весьма загадочного, написала г-жа Изабель Купер-Оукли, бывшая одной из первых учениц г-жи Блават-

[318] «Голубой лотос», 27 мая и 27 сентября 1895.

ской[319C]. Во всём этом есть тайны, в которые лучше слишком не углубляться, так как может быть заметно, что представления теософистов, как и в прочих случаях, являются крайне неустойчивыми и неопределёнными, и это даже сталкиваешься с наличием полностью взаимоисключающих утверждений. В любом случае, по словам Синнетта, сама г-жа Блаватская утверждала, что прежде она воплощалась в члена своей собственной семьи, умершую молодой тетю, а до этого была индусской, обладавшей значительными познаниями в оккультизме, и тогда не было и речи о графе Сен-Жермене.

Но вернёмся к Пифагору, или скорее к мальчику, которому, как считали, суждено было предоставить ему новую «оболочку». По прошествии некоторого времени отец этого ребёнка, капитан британской армии в отставке, вырвал своего сына из рук м-ра Ледбитера, которому специально было поручено заниматься его образованием[320]. Вероятно, возникла угроза скандала, так как м-р Ледбитер в 1906 г. был исключен из Теософского общества по мотивам, о которых благоразумно хранили молчание. Это произошло как раз вскоре после того, как стало известно о письме, написанном тогда г-жой Безант, в котором она говорила о методах, «достойных самого сурового осуждения»[321]. Возвратившись, однако, в 1908 г. в общество после «обещания не повторять опасных советов», которые он давал когда-то молодым лю-

---

[319] С другой стороны, среди них есть также и такие, кто утверждает, что граф Сен-Жермен сам являлся перевоплощением Христиана Розенкрейца, легендарного основателя Креста и Розы (*The Rosicrucian Cosmo -Conception*, стр. 433), и этот последний, живя в эпоху Христа, уже ранее являлся посвящённым высокой ступени.

[C] О Христиане Розенкрейце и графе де Сен-Жермене, рассматриваемых как одно и то же лицо и отождествляемых с «Учителем R.» см. доп. прим. E в гл. IV и B в гл. XIII. [Примечание ко 2-му изданию.]

[320] Эти факты сообщались в статье, подписанной *J. Stone*, которая вышла в *Sun*. 01 августа 1913.

[321] *Theosophical Voice* (Чикаго), май 1908.

дям[322], и помирившись с г-жой Безант, чьим постоянным сотрудником он стал в Адьяре, м-р Ледбитер сыграет ещё главную роль в другой, намного более известной истории, которая будет иметь почти такую же развязку.

[322] «Теософ», февраль 1908. Это возвращение привело к тому, что в Англии общество покинул целый ряд лиц, а именно Синнетт и Мид (*The Hindu*, Мадрас. 28 января 1911). Место первого вице-президента Теософского общества, занял сэр С. Субрамьян Ийер, бывший председатель Верховного суда Мадраса.

Глава XXI. Злоключения Алкиона

В истории, о которой мы сейчас поговорим, речь шла более не о явлении Пифагора или Кут Хуми, выступавших, без сомнения, в качестве «предвестников», но о самом бодхисаттве Майтрее, и молодой человек, которого избрали на эту роль, был нынче не англичанином, но индусом Кришнамурти, чьей опекуншей объявила себя г-жа Безант, также как и его брата Нитьянанды[A], который должен будет выполнять определённую дополнительную миссию. Обычно они проходили под астрономическими псевдонимами Алкион и Мицар. Оба они сопровождали г-жу Безант во время её поездки в Париж в 1911 г. и сидели по бокам от неё на лекции, которую она прочитала в Сорбонне 15 июня, при чем на этом собрании председательствовал г-н Лиар, тогдашний вице-ректор (который, как следует заметить, являлся протестантом). Темой этой лекции было «послание Джордано Бруно современному миру»[323]. Чтобы понять смысл этого названия, следует знать, что г-жа Безант считает себя перевоплощением Джордано Бруно, точно также, как она утверждает, что прежде была женщиной-философом Ипатией, дочерью математика Теона Александрийского. Ранее же касательно этой темы она представляла совершенно другую версию, ре-

---

[A] Нитьянанда умер в молодости, несколько лет назад, не успев сыграть никакой значимой роли в «мессианских» предприятиях теософизма. [Примечание ко 2-му изданию.]

[323] Совсем недавно, 26 июля 1921 г., г-жа Безант, прибывшая в Париж, чтобы председательствовать на Теософском конгрессе, вновь выступила с лекцией в большом амфитеатре Сорбонны. Разве нынешний вице-ректор, г-н Аппелль, который был обязан дать на этот раз необходимое разрешение на это мероприятие и который к тому же сидел на нём в первом ряду, не является также протестантом? См. на эту тему статью г-на Эжена Тавернье в *Libre Parole*, 25 июля 1921.

шительным образом утверждая, подобно г-же Блаватской, что «она была индусской в своей предыдущей жизни»[324]. По правде говоря, вряд ли подобные вариации способны вызвать доверие, и это ещё одно противоречие, которое можно добавить ко всем тем, которые нам до сих пор уже представлялась возможность отметить.

Во время, когда он приехал в Париж в первый раз (снова мы увидим его здесь в мае 1914 г.)[B], Алкиону было шестнадцать лет. К тому времени он уже написал или, по крайней мере, опубликовал под своим именем, маленькую книжечку под названием «У ног учителя», которой теософисты живейшим образом восхищались, хотя она представляла собой лишь почти исключительно собрание нравственных предписаний, лишённых особой оригинальности[325]. Г-н Гастон Ревель закончил статью, посвящённую этой книге, такими показательными словами: «Завтра Предвестник станет Распространяющим новые благодеяния. Пусть будут многочисленны те души, которые последуют за его звездой!»[326] Прежде вышел один из самых причудливых трудов, имеющий в качестве названия «Прорезей в покрывале времени», «главных теософских наставников: г-жи Анни Безант, м-ра Ч. В. Ледбитера в сотрудничестве с некоторыми другими лицами», это было нечто вроде романа, напоминающего придуманную теософистами историю древних человеческих рас и происходящего из того же источника. В труде рассказывалось о тридцати последовательных воплощениях Алкиона, по крайней мере, тридцати последних, так как уверяли, что

---

[324] *The Two Worlds*. 20 апреля1894.

[B] Посетив Париж в 1911 и 1914 годах, Кришнамурти вернулся туда в 1921 году, и с тех пор его видели там неоднократно. [Примечание ко 2-му изданию.]

[325] В 1913 г. вышла другая брошюра, приписываемая Алкиону: *Service dans L'Education*.

[326] *Le Théosophe*, 16 июня 1911.

ещё до этого у него было немало жизней[327]. Как общее правило, следует, конечно, допустить, что человек не сохраняет никаких воспоминаний о своих предшествующих жизнях, но похоже, что «главные теософистские наставники» составляют исключение благодаря их «ясновидению», позволяющему им заниматься исследованиями прошлого. Однако мы только что могли убедиться, насколько мало им можно доверять. Нечто вроде французского пересказа этого труда или скорее сопровождаемого комментариями резюме было опубликовано г-ном Гастоном Ревелем в 1913 г. под названием «От 25000 г. до Р. Х. и до наших дней». Здесь необходимо отметить ту тщательность, с которой рассказываемые эпизоды отобраны, чтобы предоставить случай напомнить тот или иной тезис теософистского учения, а также предсказания, более или менее умело приуроченные к различным датам на тему будущей роли Алкиона и, наконец, ту манеру, в которой из одного существования в другое встречаются одни и те же персонажи, среди которых главы Теософского общества:

> Около ста пятидесяти нынешних членов общества, — пишет м-р Ледбитер (который сам фигурирует там под именем Сириус), оказывается среди главных действующих лиц драмы, развертывающейся на протяжении его жизней (Геркулес — это г-жа Безант, Ваджра — г-жа Блаватская, Улисс — Олкотт и т. д.). Очень интересно отметить, что те, которых в прошлом тесно связывали кровные узы, хотя на этот раз и родившись в отдалённых странах, снова сближаются на основе общего интереса, который они испытывают к теософским исследованиям, будучи объединены одной и той же любовью к учителям, более сильной, чем та, которая обусловлена земным родством[328].

На этой базе была выстроена теория «объединения Эго» в соответствии с определёнными эпохами, считающихся

особенно важными для истории человеческих рас. И этим пользуются, чтобы заявить, что «подлинной датой основания Теософского общества является 22662 г. до н. э.»[329]. Это утверждение не может не напомнить те фантастические истории происхождения тайных обществ, на которые мы уже прежде указывали[330]. Касательно героя нашей истории, вот пояснения, которые были даны в отношении «инициации», которой он якобы недавно удостоился, будучи понемногу подготавливаем к ней в ходе своих предшествующих существований:

> Алкион отныне готов к выполнению новых обязанностей, будучи непосредственным учеником тех «учителей», которым он так хорошо служил в прошлом. Именно таким образом в своем нынешнем воплощении он вновь отыскал нашего уважаемого Президента и м-ра Ч. В. Ледбитера, бывших в прошлом его друзьями и родителями. Вскоре после этого он был допущен на путь испытания, едва прошло пять месяцев, он удостоился чести стать принятым учеником, а небольшое время спустя стал «сыном учителя» и прошел через первые Врата первого великого Посвящения, благодаря чему был допущен в число членов Великой Белой Ложи, управляющей человечеством. Все те, кто его ранее знал, любил и кто служил ему, сегодня рядом с ним как члены Теософского общества[331].
>
> Алкион и его окружение принадлежат к сердцу мира, более того, они гаранты будущего, вместе они образуют особую группу, именуемую группой Служителей. Именно они

---

[327] В книге *Man: when, how and wither*, вышедшей в 1913 г., даются указания на более древние воплощения и даже на «дочеловеческие» существования Алкиона и глав теософского общества на протяжении «лунной цепи»!

[328] *L'Occultisme dans la Nature*, стр. 158.

[329] *De l'an 25000 avant Jésus-Christ à nos jours*, стр. 296.

[330] Общество ГБЛ заявляло о своём происхождении всего только за 4320 лет до 1881 года нашей эры. Относительно скромно, и, стоит заметить, что эти даты указывают на символизм циклических чисел.

[331] Там же, стр. 288-289.

помогают в их деятельности великим наставникам человечества[332].

Выражение «принадлежать к сердцу мира» означает, что они являются непосредственными учениками бодхисаттвы, также как основатели Теософского общества благодаря связям, которые, как предполагается, они имели лично с «махатмой» Морией, будут принадлежать к группе Ману или к «мозгу мира». Возможно, это различие нужно как средство, чтобы объяснить и оправдать некоторые расхождения.

Однако, с разных сторон уже начали раздаваться голоса протеста, и прежде всего в Индии стали распространяться неприятные слухи. По этому поводу мы полагаем необходимым опровергнуть самым решительным образом нелепую легенду, согласно которой именно в Индии целые толпы якобы простирались ниц перед Кришнамурти. Конечно, понятно без труда, что эта легенда распространялась теософистами, чтобы повысить авторитет их будущего Мессии, но гораздо менее нам понятно, что некоторые из их противников посчитали нужным повторять подобные возмутительные вещи. По-другому не скажешь, если знать, как индусы оценивают теософизм[333]. В начале 1911 г. д-р М. К. Нанджунда Рао, преподаватель в школе медицины города Мадраса, которого теософисты впоследствии обвинят в том, что он являлся вдохновителем всей ведшейся против них кампании, написал в *Arya-bala Samaj Magazine* (Майсор):

> Нынешние махинации теософистов вызывают суровое осуждение методов, используемых для прославления этого юного Кришнамурти (Алкиона) как второго Христа, пришедшего спасать страдающее человечество.

Для тех, кого определённое сходство названий могло бы ввести в заблуждение, скажем, что *Arya-bala Samaj*, чей пе-

[332] Там же, стр. 295-296.

чатный орган опубликовал эти строки, не следует путать с Арья самадж, о котором шла речь выше, и тем более ни с другой организацией, называемой *Arya-bala Bodhini*, которая являлась всего лишь одним из многочисленных ответвлений Теософского общества[334]. Эта *Arya-bala Bodhini* является или являлась (так как мы не знаем, существует ли она ещё, и, в любом случае, она не должна была иметь особо большого успеха) «Ассоциацией индусской молодежи», определёнными чертами слишком напоминающей Y.M.C.A. или «Христианские ассоциации молодежи», которые англо-американские протестанты стремятся распространить во всех странах, при этом присущий им дух прозелитизма скрывается под маской мнимой нейтральности. С другой стороны, также в 1911 г., д-р Дж. М. Наир уже опубликовал в медицинском органе *Antiseptic* крайне едкую статью против теософистов, в которой не колеблясь обвинил м-ра Ледбитера в безнравственности. Эта статья, озаглавленная *Psychopathia sexualis chez un Mahātmā*, была переиздана в форме брошюры, а затем перепечатана в крупной ежедневной газете *Hindu*. Как следствие этих атак, после некоторого периода раздумья, в декабре 1912 г. были начаты три процесса против д-ра Наира, д-ра Рама Рао и издателя *Hindu*. Все три были проиграны обществом и его президентом, утверждавшими, что было неверно возлагать на них ответственность за теории Ледбитера ввиду того, что они всегда имели исключительно частный и личный характер. Готовясь таким образом вновь отречься от Ледбитера, союз с которым стал слишком компрометирующим, г-жа Безант забыла, что она ранее писала:

> «Однажды ночью, когда я отправилась в дом учителя, г-жа Блаватская поставила меня в известность, что Ледбитера

[333] Ещё одна легенда: люди, не знакомые с индусским костюмом, вообразили, что то, как был одет Алкион, напоминает традиционное одеяние Христа; эта история, конечно, гораздо менее неправдоподобна, чем другая, но на самом деле она тоже не является правдой.

[334] «Голубой лотос», 27 апреля 1895.

> следует защищать вопреки крайностям, в которых его обвиняют»[335],

и что некоторое время спустя она сама сказала: «Я должна остаться или пасть рядом с ним». Именно это её противники, кстати, припомнят ей. И если г-жа Безант проиграла эти процессы, Ледбитер здесь выиграл, потому что ему удалось избежать исключения второй раз из общества. Но скандал разразился большой, несмотря на усилия, порой нелепые, преданных друзей президента: именно тогда м-р Арундейл[C], глава Центрального индусского колледжа Бенареса, напишет конфиденциальное письмо, наполненное идолопоклоннических раболепием в отношении г-жи Безант, о котором у нас уже шла речь в другом месте. После того как это письмо было опубликовано в *Leader* (Аллахабад), некоторые преподаватели колледжа, прежде ведшие среди своих учеников слишком ярую пропаганду теософизма, были вынуждены, также как и сам глава, подать в отставку. Индусская газета *Behari* вкратце выразила общее впечатление в таких словах:

> Если о движении следует судить по его корифеям и если Ледбитер является корифеем теософизма, тогда теософизм для обычных людей представляет собой только загадку, занимающую место между скабрезными непристойностями и наглыми выдумками, между отталкивающей доктриной и невероятным самомнением.

Всё это, в конце концов, взволновало отца Кришнамурти и Нитьянанды, м-ра Дж. Нараяньяха (или Нарайян Иера), который являлся, однако, убеждённым теософистом, членом общества с 1882 г. и с 1908 г. на общественных началах выполнял функции секретаря-корреспондента «эзотерической

---

[335] *The Link*, теософистский орган.

[C] Г-н Арундейл впоследствии стал директором департамента образования штата Индор (*Bulletin Théosophique*, апрель 1922); махараджа Индора относится к тем индусским князьям-англофилам, о которых шла речь в другой главе (см. гл. XXIX, 2-й абзац). [Примечание ко 2-му изданию.]

секции» в Адьяре (его теософское имя было Антарес). Он захотел вернуть своё право опеки, которое он уступил 5 марта 1910 г., и потребовал у Верховного суда Мадраса, чтобы его сыновья были переданы ему обратно. После процесса, все подробности которого приводит «Таймс», судья Бейквел 18 апреля 1913 г. постановил, чтобы мальчики были возвращены их родственникам до 26 мая, заявив, что отец всегда остается естественным опекуном своих детей. В изложении мотивов этого постановления мы читаем буквально следующее:

> М-р Ледбитер признал в своих показаниях, что у него были и что он сохраняет воззрения, которые мне следует определить не иначе, как безнравственные, природа которых лишает его права быть воспитателем юных мальчиков и которые, вкупе с его мнимой способностью ощущать появление нечистых мыслей, делает его общество очень опасным для детей. Правда, как он сам, так и его адвокат заявляли, что он дал обещание не выражать и не воплощать на практике эти воззрения, но отец не обязан доверять обещанию такого рода[336].

Г-жа Безант тотчас же подала апелляцию на это постановление суда, и после того как эта апелляция была отклонена в Мадрасе 29 октября 1913 г., она приняла решение обратиться в английские суды: два её питомца в ту пору находились в Оксфорде, чтобы закончить там своё образование (странная подготовка к мессианской роли!)[337] и, надлежащим образом подготовленные своим окружением (м-р

---

[336] Теософисты не смогут оспорить аутентичность этого текста, так как мы берём его из брошюры: *Le procès de Madras*, стр. 64, «издания, предназначенного для членов Теософского общества», в предисловии которого, датированном 15 сентября 1913 г., (стр. 13), г-н Шарль Блеш категорически требует «не распространять эти документы вовне, даже не упоминать о существовании этой брошюры вне ограниченного круга наших членов».

[337] Самое забавное то, что г-жа Безант перед Верховным судом в Мадрасе решительным образом заявила, что она направила Кришнамурти «посещать английский университет, чтобы подготовить его к роли духовного наставника» (*Le Procés de Madras*, стр. 28).

Арундейл сделался их особым наставником), они заявили, что отказываются возвращаться в Индию[338]. На этот раз апелляция была рассмотрена в Лондоне 5 мая 1914 года юридическим комитетом суда по гражданским делам[339], и все было оставлено в прежнем состоянии. Теософисты, естественно, отметили это решение суда как свой триумф, при этом, надо полагать, не обошлось без влияния определённых политических сил (мы увидим ещё, как на их поддержку пытались опереться уже в Мадрасе). Один из их печатных французских органов написал на эту тему:

> Г-жа Анни Безант только что выиграла процесс, который был затеян против неё. Эта хорошая новость не удивила нас, так как мы ожидали её. С этого момента наше движение только будет заставлять внушать уважение со все более несокрушимой силой[340].

Однако с этого времени об Алкионе стали говорить гораздо меньше, и кажется даже, что сейчас о нём вообще молчат[D]; все эти инциденты, без сомнения, создали слишком неблагоприятный фон для выполнения возложенной на него миссии, и к тому же его с самого начала благоразумно представляли только как «предвестника», при этом постоянно весьма недвусмысленно намекая на более важную роль, которая будет возложена на него впоследствии: таким обра-

---

338 *Times*, 28 января 1914.

339 *Daily Mail*, 6 мая 1914.

340 *Le Théosophe*, 16 мая 1914.

D В действительности исчезновение Альционы было лишь временным, как читатель увидит из дальнейших примечаний; прежде чем говорить о нём снова, нужно было чтобы все успели забыть неприятные случаи, невольным виновником которых он стал. В 1922 году Кришнамурти был назначен членом Генерального совета и Исполнительного комитета Теософского общества (*Bulletin Théosophique*, апрель 1922). [Примечание ко 2-му изданию.]

зом, оставили для себя достаточно ловко другой выход на случай, если дела примут дурной оборот[A].

Однако теософисты проявили гораздо менее благоразумия в ходе процесса в Мадрасе, и

> некоторые заявления, сделанные под присягой в ходе судебных прений, являются вне всякого сомнения самыми необычными из тех, которые когда-либо были произнесены в зале судебных заседаний: так, например, г-жа Безант заявила под присягой, что она находится в присутствии высшего главы Эволюции на земле (планетарного Логоса), что она в полном сознании присутствовала на «Посвящении» Кришнамурти в некоем месте на Тибете, что она имеет все основания полагать, что Христос или Господь Майтрея, как его называют на Востоке, будет пользоваться на протяжении нескольких лет, чтобы вести деятельность среди людей, телом ученика Кришнамурти, точно также как две тысячи лет назад он пользовался телом ученика Иисуса и что на неком собрании в Бенаресе появился Христос и на протяжении нескольких минут «затмил» Своего избранника. М-р Ледбитер под присягой делал заявления, аналогичные вышеприведённым, и ещё другие, утверждая, что он проводил исследования на Марсе и на Меркурии, что он может читать мысли людей, и что много лет назад на него была возложена обязанность некоторыми Сверхчеловеческими сущностями искать молодых людей, годных в будущем для духовной деятельности. Из нескольких заявлений в ходе этих двух признательных показаний также можно было узнать, что г-жа Безант и м-р Ледбитер якобы находятся в постоянном контакте с «внутренними главами» Теософского общества, обычно называемыми учителями[341].

[A] Кришнамурти сам откажется от своей роли мессии в 1929 г. (Вашингтон П., ук. соч, стр. 315), хотя во время написания данной книги у Ледбитера действительно возникла идея заменить его на другого претендента на роль мессии (Вашингтон П., ук. соч, стр. 239) — прим. пер.

[341] *The Madras Standard*, 24 мая 1913 (статья, подписанная *C. I. Peacock*, написанная с целью защитить Ледбитера).

Читая подобные вещи сложно поверить что это не какой-то сон. Понятно, почему индусская газета *Poona Mail* написала, что г-жа Безант, дошедшая до того, что заявила м-ру Нараяньяху, что Ледбитер является «Архатом божественного уровня», «стала виновной в богохульстве» из-за своих экстравагантных утверждений, которое она осмелилась сделать под присягой.

Эти в большей или меньшей степени скандальные истории не могли не породить смуты в самом Теософском обществе: самый громкий раскол был связан с именем «розенкрейцера» Рудольфа Штейнера, который увлек за собой большинство групп в Германии, Швейцарии и Италии и некоторое количество групп в других странах по всему миру и создал из этих элементов новую независимую организацию, которой он дал название «Антропософское общество». Как следствие этого раскола, официально произошедшего 14 января 1913 г., г-жа Безант создала новую, намного меньшую по численности немецкую секцию, в которую вошли несколько отделений, оставшихся верными адьярскому руководству, и 7 марта она назначила генеральным секретарём этой секции вместо Штейнера д-ра Хюббе Шлейдена, редактора журнала *Sphinx*. Этот последний уже очень давно примкнул к теософистскому движению и с 1884 г. удостоился чести получать «осажденные» послания от «махатм», первое их которых попало к нему в поезде, где он находился в компании Олкотта[342]. Помимо раскола, связанного с именем Штейнера, о котором мы скоро поговорим подробнее, произошло несколько других менее крупных. Именно таким образом испанская группа «Марк Аврелий» из города Понтеведра 30 октября 1913 г. образовала автономный центр, заявив, что

> «не состоит более в духовной общности с нынешним президентом, придерживается учения г-жи Блаватской[E] и ре-

[342] «Оккультный мир», стр. 332-335.

шительно не одобряет нового курса, навязываемого обществу»[343].

Наконец, возмущенно протестовали некоторые американские теософисты, создавшие «Лигу теософской реформы», которая имела среди своих главных членов д-ра Бака, о котором мы уже говорили. В манифесте этой лиги, имевшей своим печатным органом журнал *Divine Life* (Чикаго) и, кроме того, опубликовавшей серию строго назидательных брошюр, посвящённых процессу в Мадрасе, обнаруживаем следующие места:

> Предполагается организовать на территории Соединенных Штатов корпорацию теософистов, призванную изменить то положение, в котором сейчас оказалось Теософское общество, президент которого г-жа Анни Безант вместе с м-ром Чарльзом В. Ледбитером на протяжении всего времени исполнения своих функций наносит самый плачевный ущерб цели и идеалам этого общества [...] В противоположность основополагающим принципам Теософии[344] президентом общества разрабатывается новый личный культ и под её покровительством развивается особая религия. Политика г-жи Безант в этом отношении приносит не-

[343] *El Liberal* (Мадрид), 18 ноября 1913.

[344] Намёк на приведённую нами ранее статью устава, которая запрещает должностным лицам общества в качестве таковых проповедовать особую религиозную веру.

сомненный вред, а её продолжающееся сотрудничество с м-ром Ледбитером бросает тень на все общество»[F].

Примечания к главе

[E] «Вернуться к учению г-жи Блаватской» — лозунг различных диссидентских теософистских организаций, среди которых нужно особо отметить *United Lodge of Theosophists* Америки, возглавляемую г-ном Б. П. Вадиа, одним из наиболее заметных членов Теософского общества и одним из тех, на кого, казалось, больше всего рассчитывали как на приемника г-жи Безант на её посту председателя. Особенность этой организации в том, что она не является полноценным обществом, так как не имеет «ни конституции, ни уставов, ни функционеров»; говорится, что *United Lodge of Theosophists* «верна великим основателям теософского движения», учение которых, по её мнению, исказили их приемники. Обвинение в «предательстве теософии» прямо сформулировано г-ном Вадиа в заявлении об отставке от 18 июля 1922 года, вот несколько фрагментов: «Что это за умственная пропасть, в которую угодило Т. О.? Это — готовая программа духовного прогресса, ставшая вероучением со своими спасителями-посвящёнными, своим вечным адом для тех, кто упустил возможность, своими дьяволами в облике иезуитских чёрных магов и райским садом, который через 750 лет расцветет в Южной Калифорнии для уверовавших, в ногу следующих в указанном направлении как солдаты фанатичной армии, исполненные если не мудро-

[F] Со времени выхода первого издания этой книги история о будущем мессии вступила в новую фазу: в декабре 1925 г. г-жа Безант вдруг решила торжественно провозгласить его скорый приход, причём самым театральным образом; сделала она это, однако, как ни странно, в таких выражениях, что оставалось только гадать, действительно ли Кришнамурти суждено стать «проводником» самого Мессии или же он должен быть всего лишь «провозвестником». Такая предусмотрительность объясняется тем, что, несмотря на полученное специальное образование, Кришнамурти, которому тогда было около тридцати лет, всячески старался избежать той роли, которую ему пытались навязать; он даже отказался присутствовать на церемонии провозглашения. И она представила это сопротивление как «испытание», которое он должен был пройти и которое она даже сравнила с искушением Христа в пустыне! Итак, похоже, было принято решение, что Бодхисаттва должен проявиться через орган Кришнамурти, которого теперь называют ещё и Кришнаджи, и даже говорят, что он уже несколько раз говорил его устами. Была и ещё одна трудность: новому мессии требовалось двенадцать апостолов, но к моменту провозглашения было найдено только семеро, и, похоже, это их поиск всё ещё не завершён. Эти семь «апостолов»: г-жа Безант, г-н Ледбитер, г-н Джинараджадаса, г-н и г-жа Арундейл, преподобный Коллстрём, наконец, г-жа Манциарли, которую называют одним из возможных преемников г-жи Безант. [Примечание ко 2-му изданию.]

сти, то хотя бы рвения… В Т. О. мы видим что, с одной стороны, непроверяемые утверждения, а с другой — бездумное легковерие, и даже что-то вроде “апостольской преемственности” стали предметом веры в Т. О., особенно благодаря закрытой тайной организации Э. С.». Э. С. — это «эзотерическая секция» [*section ésotérique*] или «Восточная школа» [*eastern school*] (этими инициалами может в английском обозначаться то и другое); что касается будущего «райского сада» в южной Калифорнии, о нём говорится как о колыбели шестой расы; «апостольская преемственность» касается епископата Либеральной католической церкви (см. далее), на которую в продолжении цитаты намекается более прозрачно: «Что стало причиной этого провала, если не психические утверждения (то есть заявления “ясновидящих”), не материализация духовных фактов, не создание полубогов, вытесняющих Богов?.. Сейчас существует “апостольская церковь” со всей её “пагубной церковностью” (выражение г-жи Блаватской), включая “апостольскую преемственность”, передаваемую учителями! Сегодня культовые сооружения, с их священниками и служителями, ритуалом и церемониями, поощряются как теософические. Священные имена учителей используются по любому поводу и в любое время. Нельзя принадлежать к “Их Школе”, если политически участвуешь в движении ненасилия и несотрудничества великого индийского лидера М. К. Ганди; “никто не может нападать на *L. C. C.* (*Liberal Catholic Church*) и оставаться в Э. С.”; члены должны выбирать между Э. С. и Лигой верности (основанной в Австралии для содействия возвращению к духу основателей), они не могут состоять там здесь”. Чтобы войти в Э. С., каждый должен верить в скорое пришествие “Наставника Мира”; активно участвовать в определённых движениях, поскольку они объявлены благословлёнными Бодхисаттвой или Христом. От имени “Учителей и от Дэвов” публикуются послания, приказы и инструкции, указывающие не только на необходимость дополнительной деятельности, в которой надлежит участвовать “верному” члену, но и содержащие рекомендации по игре на органе, о поведении склочных молодых людей, о манере одежды и выборе песнопений, сопровождающих сомасонские ритуалы, и ещё дюжины подобных вопросов. Эти распоряжения явно показывают отсутствие всякого чувства меры, ясного рассудка и здравого смысла. Подчиняться и следовать, следовать и подчиняться — привитых вирусом психического безумия, которое они украшают названием “теософия”». Некоторые, однако, в итоге устают «подчиняться и следовать»: примерно одновременно с отставкой г-на Вадиа произошёл и целый ряд других более или менее громких увольнений. В октябре 1922 года г-н Жорж Шеврие, секретарь-корреспондент Э. С. во Франции, сложил свои полномочия, хотя и остался членом Теософского общества; в циркуляре, направленном им по этому случаю членам Э. С., он указал лишь, что получил приказы «противоречащие его совести», но не уточ-

нял какие. Но другие объяснились более определенно, как что будет видно из следующих примечаний. Г-н Т. Г. Мартин, генеральный секретарь австралийской секции и секретарь-корреспондент Э. С. в Австралии, ушел вместе с шестьюстами членами Сиднейской ложи, председателем которой он был и которую создавал как независимую организацию. Отделились или угрожали отделением и другие секции: Ноттингемская Ложа в Англии, Мидлендская федерация британских лож; во Франции — Агни в Ницце, за которым последовали Ваджра в Роанне и часть в Гавре. Председатель последней, г-н Луи Ревель, опубликовал 18 февраля 1923 года открытое письмо к членам Теософского общества, в котором полностью подтвердил сказанное г-ном Вадиа. Стало известно о множестве обвинений нынешних руководителей в фальсификации текстов г-жи Блаватской в новых, подготовленных ими изданиях: по данным некоторых американских диссидентских журналов, только в «Тайной доктрине» насчитывается не менее двадцати двух тысяч удалений, добавлений и изменений; а главным автором этих изменений г-н Стокс прямо называет слишком известного Г. Н. Чакраварти, который, как мы видели выше (глава XVII, 3-й §), долгое время был “вдохновителем” г-жи Безант. «Возвращение к Блаватской», как его называют сторонники, похоже, приобретает новые масштабы: в Париже, на улице Аббата-де-л'Эпе, 14, под руководством месье Луи Ревеля, в Брюсселе под руководством мадам А. Плетэнкс и в Амстердаме под руководством господ К. Клеффстра и Ван дер Вельде недавно были созданы независимые теософистские группы, предлагающие «принять истинные директивы, напечатанные первой основательницей, и восстановить имя Теософии». [Примечание ко 2-му изданию.]

Глава XXII. Антропософия Рудольфа Штейнера

Теософистам, по правде говоря, не надо было хвастаться своими связями с так называемыми немецкими розенкрейцерами: мы уже прежде рассказывали о ссорах г-жи Блаватской с д-ром Францем Гартманом, и мы только что видели, как в начале 1913 г. из-за истории с Алкионом Рудольф Штейнер, генеральный секретарь немецкой секции Теософского общества, целиком порвал с г-жой Безант[345]. Чтобы отомстить, она, используя в качестве основания то, что Штейнер (родившийся в 1861 г. в Кральевице, Венгрия) принадлежит к католической семье (а не еврейской, как утверждали некоторые), обвинила его в том, что он иезуит[346]. Если это было бы правда, то необходимо было бы признать, что она запоздала с таким открытием, так как Штейнер вступил в её общество пятнадцать лет назад, и выходит, что её «ясновидение» почти не помогло в данном случае. Это совершенно беспочвенное обвинение в «иезуитстве» в «неоспиритуалистических» кругах почти столь же распространено, как и обвинение в «чёрной магии», и оно не заслуживает, конечно, того, чтобы на нём останавливаться. Есть оккультисты, у которых страх перед иезуитами или перед их тайными агентами принял форму настоящей одержимости[A]. С другой стороны, некоторые авторы, и среди них г-жа Блаватская (возможно, заимствовавшая эту идею у масонского писателя Дж.-М. Хагона), не колеблясь, приписывали иезуитам учреждение степени Розы и Креста в масонстве шотландского обряда. Другие утверждают, что иезуиты

---

[345] См. на тему этого конфликта работу: Юджин Леви, *Madame Annie Besant et la Crise de la Société Théosophique précédé d'une lettre de M. Edouard Schuré*.

[346] «Теософ», январь 1913.

в XVIII в. внедрились в различные розенкрейцерские организации и отвратили их от их первоначальной цели. И третьи, идя даже дальше, хотят отождествить самих розенкрейцеров XVII в. с иезуитами. Все эти псевдоисторические фантазии не выдерживают ни малейшей проверки, и мы упоминаем их только для того, чтобы показать, что в этом отношении г-жа Безант не изобрела ничего нового. Видя перед собой врага, который являлся по происхождению католиком и ссылался на розенкрейцерскую школу (впрочем, неопределённую и, возможно, несуществующую), она не смогла упустить возможность объявить его иезуитом[347]. Некоторые полагали, что эта ссора между Штейнером и г-жой Безант была лишь простой комедией[348], но мы не думаем, что дело обстоит таким образом, и, по нашему мнению, напротив, имел место самый настоящий раскол, который, помимо дела, которое послужило признанной причиной, и не говоря о личном соперничестве, имело, вполне возможно, под собой также некоторые политические основания. Конечно, и та и другая сторона всегда утверждали, что они вне политики, но дальше мы увидим, что Теософское общество всегда верно служило интересам британского империализма, в то время как его немецкие приверженцы оказались весьма мало расположены к тому, чтобы играть на стороне Британии, будучи, прежде всего, немцами, а потом уже — теософистами.

Мы говорили, что Штейнер дал своей новой организации название «Антропософское общество» с явным намерением составить конкуренцию Теософскому обществу, а также чтобы охарактеризовать своё собственное учение, в котором человек становится центром того, что он называет «духовной наукой». Необходимо добавить, впрочем, что слово «антро-

---

[347] Добавим на этот счет, что Штейнер никогда не был священником, как ошибочно сообщает П. Джованни Буснелли (*Gregorianum*, январь 1920).

[348] Роберт Куртц, *Le Dr. Rudolf Steiner et la Théosophie actuelle* (статьи, опубликованные в *Feu* (октябрь, ноябрь и декабрь 1913), и изданные впоследствии в виде брошюры).

пософия» не является, как можно было бы подумать, неологизмом, введенным Штейнером, так как труд розенкрейцера Евгения Филалета или Томаса Вогана, датируемый 1650 г., носит название *Anthroposophia Magica*. Антропософское общество взяло в качестве своего девиза: «мудрость пребывает только в истине», в подражание девизу Теософского общества «Нет религии выше истины». Этот последний, представляет собой, впрочем, лишь сильно искажённый перевод девиза махараджей Бенареса[349]. Вот принципы, на которых, по её заявлению, основывается новая организация, согласно пропагандистской брошюре, опубликованной прямо во время её создания:

> Чтобы жизнь была здоровой и приносила удовлетворение, человеческая природа нуждается в познании и развитии своей собственной сверхчувственной сущности и сверхчувственной сущности окружающего человека мира. Предпринимаемые современной наукой исследования природы не могут принести к такой цели, хотя они и призваны оказать неоценимые услуги в пределах своей задачи и своей области. Антропософское общество будет следовать этой цели, поощряя серьёзные, настоящие исследования, имеющие своим предметом сверхчувственное, и рассказывая о влиянии, которое эти исследования оказывают на то, как складывается человеческая жизнь. Настоящие исследования духовной сферы и состояние души, которое является их следствием, должны придать Антропософскому обществу его характер, который вкратце может быть выражен в виде следующих руководящих принципов: 1. В рамках общества братское сотрудничество может установиться между всеми людьми, принимающими в качестве основы

[349] *Satyān nāsti paro dharma* — санскритское слово «дхарма» имеет несколько значений, но оно никогда, собственно, не означало «религия». Хотя зачастую его приблизительно можно передавать как «закон», оно принадлежит к числу тех, которые почти невозможно переводить точным образом на европейские языки, поскольку выражаемое им понятие в реальности не имеет никакого эквивалента в западном мышлении, и к тому же, сколь удивительным не показалось бы это некоторым, этот случай весьма далёк от того, чтобы представлять собой исключение.

> такого сердечного сотрудничества общие духовные основы для всех душ, вне зависимости от различия веры, национальности, социального положения, пола и т. д. 2. Исследование сверхчувственных реальностей, которые скрываются за всеми ощущениями наших чувств, будет сочетаться со стремлением распространять подлинную духовную науку.3. Третья цель наших исследований будет заключаться в проникновении в суть истины, питающей многочисленные учения о жизни и вселенной у различных народов на протяжении веков[350].

Итак, мы обнаруживаем здесь устремления, которые полностью совпадают с устремлениями Теософского общества: с одной стороны, идея «всеобщего братства» и «нравственности», которые более или менее тесно связаны, так как

> Антропософское общество будет ориентироваться на идеал сотрудничества между людьми […] и достигнет своей духовной цели только в случае, если его члены посвятят себя идеалу жизни, могущему служить универсальным идеалом жизни человека[351].

С другой стороны, «провозглашение метода духовного исследования, благодаря которому можно проникнуть в сверхчувственные миры»[352] и который заключается, очевидно, в развитии «ясновидения» или какой-либо другой подобной способности, каким бы ни было название, которым её будут обозначать[353].

Конечно, Антропософское общество воздерживается от попыток образовать конфессию и даже от сближения с неважно какой отдельной верой:

---

[350] *Esquisse des principes d'une Société Anthroposophique*, стр. 1-2.

[351] Там же, стр. 3. Заметим, что в этом последнем выражении явно прослеживается влияние Канта.

[352] Там же, стр. 4.

[353] Уточним, однако, что речь в данном случае не идёт ни о спиритизме, ни о медиумичности, так как некоторые, наподобие г-на Куэнца, допускали эту путаницу между вещами, которые в действительности сильно отличаются друг от друга.

> Ничто не является более чуждым усилиям общества, чем деятельность, связанная с благоприятным или враждебным отношением к какой-либо религии, так как его целью является исследование сферы духа, а не пропаганда какой-либо веры; итак, любая религиозная пропаганда выходит за рамки его функций[354].

Конечно, такая позиция является весьма логичной со стороны людей, которые как раз упрекали г-жу Безант в том, что она нарушила теософские принципы, занявшись «религиозной пропагандой». Но необходимо в особенности заметить в этом отношении, что было бы самой крупной ошибкой полагать, что учение д-ра Штейнера носит специфически христианскую окраску:

> Исследователь духовной сферы, который лицезреет самые великолепные творения человеческого гения, созданные им в ходе своего развития, или углубляется в философские учения и догматы всех времен и народов, не будет акцентировать внимание на самом значении этих догматов и идей, он будет рассматривать их как выражение человеческих усилий, направленных на разрешение великих духовных вопросов, волнующих человечество. Таким образом, обозначение, взятое у какой-либо одной конфессии, не может выразить фундаментальную природу общества.

Итак, религии помещаются здесь на тот же самый уровень, что и обычные философские учения, и рассматриваются как исключительно творение рук человеческих, это вполне «антропософская» или даже «антропологическая» точка зрения. Но пойдем дальше:

> Если, например, толчок, данный человеческой эволюции личностью Христа, рассматривать в рамках исследований духовной науки, это исследование не будет иметь конфессиональной основы. Полученный результат может быть принят верующим любой конфессии на тех же основаниях, что и приверженец индусской религии или буддизма мо-

---

354 *Esquisse des principes d'une Société Anthroposophique*, стр. 3.

> жет познакомиться с астрономией Коперника, которая не является частью их религиозного учения. Раскрытие этого толчка, приписываемого Христу, это исключительно результат исследований (*sic*), он представляется таким образом, что может быть принят верующими любой религии, а не только верующими христианами, и никем иным[355].

Сравнение с астрономией Коперника — восхитительная находка. Без сомнения, здесь идёт речь только об изложении, предназначенном исключительно для посторонних людей, в котором никоим образом не упоминается розенкрейцерство, и где вследствие скорее чрезмерной скромности даже не фигурирует имя Штейнера, ибо сказано только, что во главе Антропософского общества стоит «Комитет учредителей», состоящий из д-ра Карла Унгера, г-жи Марии фон Зиверс[B] и г-на Михаэля Бауэра, и штаб-квартира общества временно находится в Берлине. Чтобы понять немного основу мышления Штейнера, скорее необходимо обратиться непосредственно к его трудам, и тогда можно увидеть, что если его доктрина в определённом аспекте может рассматриваться как разновидность «эзотерического христианства», то это в смысле, который не отличается особо заметно от того, что обнаруживаешь под этим названием у других теософистов. Вот пример этого:

> Ученик благодаря своей инициации оказывается посвящённым в царственные мистерии, связанные с именем Христа. Христос является ему как великий земной идеал. Когда интуиция таким образом постигла Христа в духовном мире, ученик понимает исторический факт, произошедший на земле в греколатинскую эпоху, и то, каким образом великая солярная сущность, которая называется нами Христом, тогда вмешалась в эволюцию. Для ученика знание этого факта становится именно личным опытом[356].

---

[355] Там же, стр. 4-5.

[B] Мадмуазель Мария фон Зиверс стала впоследствии г-жой Рудольф Штейнер. [Примечание ко 2-му изданию.]

[356] *La Science Occulte*, стр. 338 (французский перевод).

Здесь нет и речи о «Бодхисаттве», так как псевдовосточный фасад теософизма исчез, но «великая солярная сущность», о которой идёт речь, вероятно, тождественна Логосу нашей системы, такому, как его видела Блаватская в соответствии со своими представлениями о неоплатонизме, и такому, как до сих пор видят её последователи[357], у которых он становится высшим главою семи планетарных Логосов, и через них «иерархии могущественных Адептов, возвышающейся вплоть до уровня самой божественности»[358] благодаря этому присоединению. Итак, Штейнер отличается от г-жи Безант в том, что он видит в Христе явление самого высшего принципа, если только не самую прямую проявление этого самого принципа, через упразднение определённого количества сущностей-посредников (и именно двух), так как всё же имеется средство примирить подобные расхождения, когда и та и другая сторона готовы проявить добрую волю, и к тому же эти расхождения никогда не выдвигались для обоснования разрыва.

По поводу работы Штейнера, из которой мы взяли предшествующую цитату, уместно сделать достаточно любопытное замечание: эта книга, носящая название *La Science Occulte*, была опубликована в Лейпциге в 1910 г. Между тем годом раньше в Сиэтле (Вашингтон) вышла другая работа, под названием *The Rosicrucian Cosmo-Conception* (автор — Макс Хайндел), в которой излагались совершенно схожие в своей целокупности теории. Итак, на первый взгляд можно бы подумать, что Штейнер, который никак не объясняет тождественность этих утверждений с утверждениями Хайндела, заимствовал их у него, но, с другой стороны, так как Хайндел посвятил книгу самому Штейнеру, то позволительно предположить, что, напротив, он взял эти идеи из учения этого последнего до того, как они были сделаны достоянием публики, если только они не имели один общий источник.

---

[357] А именно см. *Le Credo Chrétien*.

[358] *L'Occultisme dans la Nature*, стр. 202.

В любом случае, самая ощутимая разница, которая есть между ними (оставляя в стороне любой вопрос о форме), состоит в том, что Хайндел без колебаний чётко относит своё учение к розенкрейцеровской традиции, в то время как Штейнер довольствуется чаще всего тем, что говорит от имени «оккультной науки» чрезвычайно общим и неопределённым образом, что, впрочем, быть может, более благоразумно.

На самом деле, совсем нетрудно заметить, что подавляющая часть учения Хайндела, как и Штейнера, прямо заимствована из «Тайной доктрины» с некоторыми изменениями, которые касаются почти исключительно деталей, но при этом они тщательно избегают любых терминов, похожих на восточные. Также эти концепции весьма мало связаны с настоящим розенкрейцерством, и даже то, что представляется в них преимущественно как «розенкрейцеровская терминология», почти всегда оказывается выражениями, изобретенными г-жой Блаватской. С другой стороны, сдержанность, которую сохраняет Штейнер, свидетельствует об определённой ловкости, так как всегда утверждали, что настоящие розенкрейцеры никогда не называют себя таковыми, но, напротив, сохраняют свою принадлежность к Розе и Кресту в тайне. Это, без сомнения, является одной из причин, по которым Штейнер избегает в своих публикациях явно говорить о том, что он связан с розенкрейцерством, что не мешает ему, по крайней мере, давать понять это, и он был бы, конечно, сильно расстроен, если бы в это не поверили. Мы добавим, что достаточно скоро между Штейнером и Хайнделом произошла размолвка, так как в более поздних изданиях *The Rosicrucian Cosmo-Conception* посвящение Штейнеру исчезло, и Хайндел, который, со своей стороны основал *Rosicrucian Fellowship* со штаб-квартирой в Оушенсайде (Ка-

лифорния)[C], написал в другой работе, увидевшей свет в 1916 г., что первый посланец, который был избран братьями Розы и Креста, и получил от них наставления, чтобы распространять их учение, провалился на неких испытаниях, так что было необходимо отыскать второго, которым является никто иной, как сам Хайндел[359]. И, хотя имя первого не называется, речь, вне всякого сомнения, идёт о Штейнере.

Что касается организационной структуры Антропософского общества, вот некоторые сведения, которые мы почерпнули в брошюре, из которой уже прежде приводили выдержки:

> Деятельность общества будет организована свободными группами, могущими образоваться независимым образом в любой стране мира и в любом месте. Эти группы смогут оставаться отдельными или объединяться и формировать общества между собою или более свободные ассоциации, исходя единственно из условий и обстоятельств своего существования. Антропософское общество не имеет намерений становиться обществом в привычном смысле этого слова. Связь, объединяющая его членов, не состоит в организации, чья деятельность основана на уставе или каких-либо других внешних рамках.

В этой последней фразе заключена идея, которая могла бы показаться интересной, тем более что на самом деле подлинные розенкрейцеры никогда не образовывали обществ.

[C] Макс Гендель умер в 1919 году; с тех пор его вдова осуществляет руководство *Rosicrucian Fellowship* и издает журнал *Rays from the Rose-Cross*, посвящённый в основном астрологии. С этими астрологическими проблемами связана следующая любопытная информация: «*Rosicrucian Fellowship* в прошлом году заказала художнику Камилю Ламберу, мастерская которого находится в Жюзиви, двенадцать картин, каждая из которых представляет один из знаков Зодиака. Эти картины будут размещены в Ecclesia, храме, построенном с гуманистической целью (*sic*) в Оушенсайде (Калифорния)» («Вуаль Исиды», ноябрь 1922). В настоящее время существует французское отделение этой организации, возглавляемое г-ном Л. Крауссом, которое, по-видимому, ведёт активную пропаганду; в 1927 г. было создано отделение и в Испании. [Примечание ко 2-му изданию.]

[359] *The Rosicrucian Mysteries*, стр. 12-14.

Но если слово «общество» является неподходящим, то зачем использовать его в названии организации, о которой идёт речь?

> Только занятия духовной наукой в том идеальном смысле, о котором говорилось ранее, придают членству в нём единый и подлинный облик. Членство, однако, несёт за собой обладание определёнными правами, такими, как, например, доступ к определённым текстам духовной науки, предназначенным исключительно для членов[360] и другие привилегии этого рода. [...] Для внешнего наблюдателя связь, объединяющая членов Антропософского общества, таким образом, нисколько не будет отличаться, например, от той, которая объединяет членов антропологического или любого подобного общества[361].

Это явно предполагает, что «для тех, кто находится внутри» существует связь иного рода, но которая не объясняется. Итак, мы обнаруживаем здесь эквивалент разделения Теософского общества на «экзотерическую секцию» и «эзотерическую секцию». И на самом деле, учения, о которых сказано, что они предназначены лишь для членов, не даются всем без разбора, или, по крайней мере, даются лишь частично. В рамках Антропософского общества действует другая организация, уже ранее сформированная Штейнером и образующая ныне «внутренний круг». Эта организация, о которой публично не сообщается никаких сведений, заявляет себя как розенкрейцеровскую. Для приема членов в ней используются формы посвящения, совершенно тожде-

---

[360] Это, прежде всего, лекции Штейнера, образующие огромный корпус: в 1913 г. насчитывался уже 21 сборник.

[361] *Esquisse des principes d'une Société Anthroposophique*, стр. 4-5.

ственные тем, которые в ходу в масонстве[362], слишком тождественные даже, так как имеется ещё одна причина, среди множества прочих, сомневаться в аутентичности этого розенкрейцерства. Мы только можем напомнить по этому поводу то, что говорили прежде: большинство современных групп, которые пользуются этим брендом, могут претендовать только на совершенно вымышленную преемственность или, самое большое, на простое теоретическое сходство. Это, если угодно, розенкрейцерство-новодел, но мы не думаем, что здесь можно увидеть что-то другое, если только не утверждать, что использования определённых символов, вне зависимости от любых других соображений, и даже вкладываемого в них смысла достаточно, чтобы образовать действенную связь[363]. Конечно, это же можно сказать по более веским причинам в отношении мнимых связей с древними мистериями, о которых часто идёт речь в работах Штейнера[364 D]. Мы увидим, что идея «возрождения мистерий» также присутствует у г-жи Безант и её последователей. Но во всех этих случаях речь может идти только о попытках реконструкции, которые, как считается, опираются, прежде всего, на «интуицию» или на «ясновидение», и которые, как следствие, всегда будут крайне сомнительными.

Как бы там ни было, сейчас можно увидеть, что в Антропософском обществе самая широкая автономия, обещанная

---

[362] Достаточно подробное описание посвящения первой ступени можно отыскать в брошюре: Grandmaison P. L., *La Novelle Théosophie*, стр. 36 37. Касаемо этого случая, нам следует сказать, что существуют определённые моменты, в отношении которых мы не можем принять сделанные в этой брошюре выводы, а именно, что касается происхождения розенкрейцерства (стр. 22-24), также как и роли теософизма в Индии.

[363] Возможно, что Штейнер в начале своего пути принадлежал к организации Леопольда Энгеля *Illuminisme Rénové*, хотя мы не может утверждать это категорическим образом.

[364] См. *Le Mystère chrétien et les Mystère antiques*, перевод книги на немецком языке, под названием *Das Christentum als mystische Thatsache*.

различным внешним группам, не подрывает единство организации: для этого будет достаточно, чтобы в каждой из этих групп, и даже необязательно во главе их, имелись «посвящённые», принадлежащие к внутренней организации, на которых будет возложена обязанность передавать не совсем приказы, но скорее указания, именно так, как правило, дела обстоят в ассоциациях этого рода. Впрочем, Теософское общество также включает секции или национальные общества, обладающие административной автономией, и это не мешает центральному руководству пользоваться фактически почти абсолютной властью. Там существует также «эзотерическая секция» с обетом послушания, который должны давать члены, которым представляется эта возможность. Видимость независимости поддерживается для того, чтобы привлечь тех, кто не знает, что она является лишь иллюзией, и именно это, без сомнения, позволяло привлекать Антропософскому обществу в свои ряды почти с самого начала своего существования более или многочисленных приверженцев почти во всех странах мира. Таковые имелись даже в Англии и также во Франции, и мы назовем только как самых известных представителей, г-на Эдуарда Шюре, которого мы уже имели случай помянуть (и который, оставив Теософское общество в 1886 году, вернулся в него в 1907 г.), г-на Эжена Леви, г-жу Алис Белькруа и г-на Жюля Зауэрвейна, редактора *Matin* и переводчика трудов Штейнера.

С другой стороны, Штейнер хотел воплотить в жизнь идею, очень похожую на идею теософского монастыря Фран-

[D] Любопытно отметить, что в 1919 г. бывший аббат Луази опубликовал книгу под названием *Les Mystères panens et le Mystère chrétien*, название которой почти полностью совпадает с названием перевода работы Штейнера. [Примечание ко 2-му изданию.]

ца Гартмана: он воздвиг в Дорнахе близ Базеля[E] храм, «где ревностные приверженцы духовной науки могли бы собираться, обучаться и получать наставления в специально подготовленном для них месте». Описание этого храма слишком любопытно, чтобы мы не привели несколько выдержек:

> Здание отражает учение, изложенное г-ном Штейнером в огромном количестве книг и лекций. Два огромных купола возвышаются на холме, доминирующим над имеющей форму круга, поросшей лесом впадиной, покрытой старыми рудниками [...] Один из этих куполов, более крупный, чем другой, символизирует вселенную с её гармонией и последовательными этапами её эволюции. Так как число семь в оккультизме является числом, представляющим развитие вещей во времени, этот купол с каждой стороны поддерживают семь огромных колонн. Колонны имеют форму пентаграмм, образованных треугольниками, которые вставляются один в другой. Верх каждой колонны украшает капитель, представляющая одну из планетных форм нашего мира [...] Маленький купол, так сказать, встроен в большой, и из большого можно выйти на улицу через маленький. Под этим куполом царит число двенадцать, число пространства. Двенадцать колонн символизируют двенадцать зодиакальных влияний, нисходящих на «микрокосм» или мир человеческого бытия, в то время, как вокруг всего здания витражи, созданные самим г-ном Штейнером, в ярких красках изображают этапы развития души [...] Г-н Рудольф Штейнер полагает, что здание, где следует изучать силы природы, должно во всех своих частях выражать беспрерывное усилие, постоянную метаморфозу, характеризующую развитие вселенной[365].

[E] Похоже, швейцарская почва особо благоприятна для возникновения теософистских и подобным им организаций: в июне 1920 года в Селиньи, близ Женевы, под руководством г-на Рене Бореля открылось «Кооперативная теософская коммуна» «Мир звезды», целью которой было «основание небольшой колонии, живущей собственным трудом и призванной объединить в гармоничной обстановке всех членов, которые хотели бы жить в спиритуалистической среде» (*Bulletin Théosophique*, апрель 1922). [Примечание ко 2-му изданию.]

[365] *Le Matin*, 1 мая 1914.

Чтобы покрыть расходы на строительство, которые достигли трёх миллионов, была учреждена строительная ассоциация, называемая «Обществом Св. Иоганна» (*Johannesbau-Verein*), с намёком на старинные братства оперативного масонства. Храм должны были закончить к концу 1914 г., но война прервала работы, или, по крайней мере, их замедлила, и только в 1920 г., насколько нам известно, здание было, наконец, торжественно открыто[F]; среди прочего, в нём есть театр, где должны ставиться «эзотерические драмы» г-д Штейнера и Шюре[366]. Добавим, что влияние д-ра Штейнера на учеников все больше возрастает, и они, число которых в 1914 г. составляло четыре тысячи и среди которых есть немало женщин, испытывают по отношению к нему восхищение и почтение, сравнимое с теми, что теософисты-«ортодоксы», если можно использовать это слово в подобном случае, испытывают в отношении г-жи Безант[G].

Примечания к главе

[A] Г-жа Безант утверждала, что отождествляет иезуитов с «чёрными магами», которых г-жа Блаватская называла «Братьями тени» (см. гл. VI,

[F] Храм в Дорнахе, названный «Гётеанум», сгорел ночью 31 декабря 1922 года; поскольку он был построен почти только из дерева, огонь уничтожил всё. Почти сразу его начали восстанавливать, на этот раз — из камня. По общему мнению, причиной пожара стал злой умысел; одни обвиняли теософистов, другие, ожидаемо, — иезуитов. С другой стороны, это событие привлекло внимание общественности к Антропософскому обществу и его основателю, и в прессе появились такие сообщения: «Если верить легенде, то доктор Штейнер, теории которого довольно запутанны, тем не менее оказал человечеству выдающуюся услугу, запутав в решающий момент битвы на Марне сознание графа Мольтке, начальника Генерального штаба. Немецкий стратег, тем не менее, остался его учеником… В прошлом году пророк собрал 35 млн. марок пожертвований и основал акционерное общество “Грядущий день”, которое начало выпускать сигареты с целью последующего финансирования пропагандистских кампаний. Эта уступка человеческим слабостям не понравилась противникам г-на Штейнера, и сигаретную фабрику пришлось закрыть» (*Echo de Paris*, 10 января 1923 г.). [Примечание ко 2-му изданию.]

последний абзац) и «Владыками Темной Стороны», и дошла до того, что обвинила их в подстрекательстве ко всем нападкам на Теософское общество и его руководителей, в частности, в том, что они придумали дело Ледбитера на пустом месте. Поскольку в это трудно поверить, мы должны, несмотря на объём цитаты, воспроизвести здесь её собственные слова: «Вы помните резкие нападки Е. П. Б. на иезуитов, в которых она видела самых опасных врагов теософии. Совершив много прекрасных дел, католическое духовенство, по мере того как его глава приобретал верховную власть в западном мире, отдавалось духу преследования, ибо считало знание слишком опасным для простого народа и закрывало свои двери даже для самых достойных… В древности и в Средневековье преследователи всегда стремились очернить своих жертв, клеветнически обвиняя их в половых извращениях, о чём свидетельствуют обвинения против тамплиеров, альбигойцев, Парацельса, Бруно и других служителей Белой ложи. С возникновением Ордена иезуитов, этих воинов церкви, оккультные знания его вождей, интеллектуальная дисциплина и послушание подчинённых породили одновременно святых и их преследователей. Распространившись по всему миру, повинуясь единой воле, этот орден стал грозной силой добра и зла: он имеет удивительный список мучеников и много раз был изгнан из христианских королевств за свои преступления. Будучи носителем оккультной силы, он стремится сломить всех, кто приходит к ней вне его дисциплины, и, не имея больше права убивать, использует старое смертоносное оружие — разрушение репутации. Отсюда и яростные попытки Е. П. Б. разоблачить его: она видела в нём воплощение тёмных сил, постоянно борющихся со Светом, и их самое смертоносное оружие. В своей низшей форме орден достиг вершины могущества в Северной Америке и Австралии, так как в этих странах Римско-католическая церковь стремится к победе демократии и имеет в лице иезуитов беспринципных солдат. Против Е. П. Б. снова применили испытанное оружие, обвинив её в наихудшем разврате; это было более смертоносно, чем открытые нападки Куломбов (*sic*) … Та же политика была применена против человека, занимающего следующий ранг после Наставников Теософского общества, — моего брата Ледбитера, прошедшего через ад обвинений самого гнусного толка. Его крест разделили и другие, менее выдающиеся личности, а в данный момент иезуитский заговор обрушивает своё старое оружие на лидеров Либеральной католической церкви, которую он считает своим смертельным врагом, поскольку её епископы, как и в ранние времена церкви,

[366] Драмы этого последнего переведены на немецкий мадемуазель Марией фон Зиверс. Говорят, однако, что г-н Шюре порвал со Штейнером во время войны из-за написанной последним пангерманской брошюры и после этого вновь сблизился с Теософским обществом, где даже прочитал недавно несколько лекций о «кельтском духе».

поддерживают связь с Учителями Мудрости. Именно эти нападки доказывают нам, что преследуемые являются “апостолами”» (*The Theosophist*, март 1922; перевод напечатан в *Bulletin Théosophique* за апрель 1922 года). Ниже мы увидим, что представляет собой кампания нападок, о которой говорят последние строки цитаты. [Примечание ко 2-му изданию.]

[G] Рудольф Штейнер умер 26 апреля 1925 года; с тех пор Антропософского общество возглавляет Исполнительный комитет, и, судя по всему, никто даже не думает искать преемника основателю. Антропософское общество имеет ряд вспомогательных организаций: школа эвритмии при Гетеануме, основанная и руководимая г-жой Марией Штейнер при которой действует театральная школа; школа Вайдорф в Штутгарте и другие подобные школы в Голландии и Англии; Международная лаборатория в Арлесхайме, вокруг которой объединены четыре медицинских центра для детей и взрослых. Что касается применения теорий Штейнера в медицине, то вот весьма любопытная информация: «Доктор Колиско из Вены стремился создать новую медицину или, по крайней мере, фармакологию на основе антропософского учения своего наставника Штейнера. Преклонение (*sic*) перед числом три по вавилонской методике (?), играет некоторую роль в этой терапии, которая также схожа с исследованиями и результатами древней гомеопатии. Доктор Колиско предлагает страдающему [*souffrante*] человечеству универсальное средство — серу [*soufre*]. Он хотел создать серное [*soufrée*] человечество. Венское общество медиков довольно критично отнеслось к этим методам, главная оригинальность которых в обосновании употребления известных лекарств крайне странными мистическими доводами. Так, рекомендуя какой-то настой против рака, теософы (*sic*) ссылаются на миф о боге зимы Гёдере, который убивает бога лета Бальдера» (*Echo de Paris*, 23 августа 1922 г.). «Антропософское общество Франции», штаб-квартира которого находится по адресу: авеню Обсерватории, 3, издает свой журнал *La Science Spirituelle*, выходящий, судя по всему, достаточно нерегулярно. Кроме того, в июле 1928 года в Лондоне состоялся «Всемирный конгресс по демонстрации существования духовной науки и её практического применения»; вот несколько отрывков из напечатанного по случаю манифеста: «Аналитическая наука, негибкая логика, отвердевшая догма выполнили свои задачи… Наступило время, когда человек должен развить в себе более высокую форму знания. Это обязательно произойдет с помощью Духовной Науки, которая проецирует новую ясность на Божественное Воплощение и на миссию Христа. Но обширное понимание миссии Христа возможно лишь при условии раскрытия смысла эволюции Земли в целом… В свете этого знания возникнет более ясное понимание роли, возложенной на каждую земную нацию; Индивидуализация, Свобода и Добрая Воля составят Духовную Реальность, которой проникнутся все

сферы человеческой деятельности… В каждая эпохи были свои вожди. Сейчас открыть где находится Мудрость, должен человек; и когда он её найдет, ему надлежит построить на прочном фундаменте знание новой эпохи». [Примечание ко 2-му изданию.]

Глава XXIII. Орден звезды Востока и его вспомогательные организации

Надо ли считать, что главы Теософского общества, обескураженные провалом, о котором мы рассказали, в конце концов отказались от своих мессианских предприятий? У нас есть все основания полагать, что ничего подобного не произошло: в одной форме или в другой, с Алкионом или без него (и вероятнее, что без него, так как до нас дошли слухи, что уже сейчас в тайне готовят другого будущего Мессию, призванного его заменить), движение будет продолжаться, так как «группа Служителей» по-прежнему постоянно функционирует[A]. Понятно, что мы хотим поговорить здесь о реальной группе, а не о группе вымышленных персонажей, которым теософисты дали это же название и считают их окружением бодхисаттвы. По правде говоря, то, о чём идёт речь, не является единственной и чётко определённой группой, но скорее она представляет собой многочисленные разнообразные группы, образующие столько же организаций, с виду отдельных от Теософского общества, но созданных и управляемых им. Совокупность всех этих ассоциаций образует то, что называют «Орденом Служения Теософского общества». Далее мы ещё к нему вернёмся, а сейчас мы хотим только обратить внимание на некоторые из этих вспомогательных групп и, прежде всего, на «Орден Восходящего

[A] Как мы видим из доп. прим. F к гл. XXI, теософисты в действительности не отказались от своего мессианского предприятия, но, вопреки тому, что можно было подумать во время написания этой книги (поскольку они сами принимали меры предосторожности, готовя на случай необходимости другого «возможного» мессию), именно Алкиону, без особого желания с его стороны, была в итоге назначена роль «проводника» «Великого учителя» (так г-жа Блаватская толкует слово Люцифер) и стать «Носителем факела Истины» (см. гл. XIX, последний абзац). [Примечание ко 2-му изданию.]

Солнца», организованный в Бенаресе м-ром Арундейлом, а затем 11 января 1911 г. преобразованный в «Независимый Орден звезды Востока»[367] с Алционом в качестве номинального главы и г-жой Безант в роли «куратора», «чтобы собрать всех тех, кто, как состоя членами Теософского общества, так и находясь вне его рядов, верит в пришествие Высшего наставника мира». Высказывается надежда,

> что его члены смогут осуществлять определённую деятельность на физическом плане, чтобы подготовить общественное мнение к идее этого пришествия, создавая атмосферу симпатии и почтения, и что они смогут, объединившись, сформировать на высших планах инструмент, которым Учитель окажется в состоянии воспользоваться.

Этот Орден «никого не исключает и принимает всех тех, которые, в какую форму бы не облекалась их вера, разделяют общую надежду». Для принятия в Орден достаточно только признания следующих принципов:

> 1. Мы верим, что великий наставник вскоре явится в мире, и мы хотим действовать так, чтобы построить нашу жизнь, дабы оказаться достойными встретить Его, когда он придёт. 2. Мы будем пытаться всегда ощущать Его духовное присутствие и делать во имя Его, насколько сможем лучше, любую работу, которая составит часть наших повседневных занятий. 3. Насколько наши повседневные обязанности позволят нам, мы будем стараться посвящать каждый день часть нашего времени выполнению какой-либо определённой работы, могущей послужить приготовлению к Его пришествию. 4. Мы будем стараться, чтобы преданность, постоянство и кротость стали принципами, управляющими нашей повседневной жизнью. 5. Мы будем начинать и заканчивать каждый день краткой молитвой, призванной

[367] Этот «Орден звезды Востока» (*Star in the East*) не следует путать с другим Орденом с похожим названием (*Eastern Star*), основание которого восходит к 1855 году и который представляет собой лишь нечто вроде женской вспомогательной организации американского масонства.

просить Его ниспослать свою милость на всё то, что мы будем стараться делать ради Него и от Его имени[368]. 6. Мы будем стараться, рассматривая это в качестве нашей главной задачи, признавать и чтить величие, не проводя каких-либо различий, и сотрудничать, насколько это возможно, с теми, в которых мы увидим наших духовных руководителей.

Вот что м-р Ледбитер в присутствии Алкиона сказал о связях Ордена с Теософским обществом на собрании итальянской секции в Генуе:

> В то время как Теософское общество *просит* признать человеческое братство, Орден звезды Востока *требует* веры в приход великого учителя и подчинения шести его принципам. С другой стороны, можно признать принципы и предписания Ордена, не принимая целиком учения Теософского общества. Возникновение Ордена показало нам, что повсюду в мире есть люди, ожидающие прихода учителя, и благодаря Ордену стало возможно их собрать. […] Орден и Теософское общество выполняют одни и те же задачи: расширить мировоззрение христиан и всех тех, кто верит, что вне их маленькой Церкви нигде нет более спасения; проповедовать возможность спасения всех людей. […] Для большей части нас пришествие великого наставника является только предметом веры, но некоторые уверены в этом. Для большинства Господь Майтрея это только имя, в то время как для некоторых из нас он является великой сущностью, которую они часто видели и слышали[369].

Чуть позже эти заявления в определённых пунктах были опровергнуты м-ром Арундейлом, утверждавшим от имени Алкиона, что «Орден не указывает, кто именно является высшим наставником, ради подготовки пришествия которого он основан», что «ни один член не имеет права утверждать, например, что Орден ожидает пришествия Христа

---

[368] Для этого членам Ордена сообщаются особые формулы, которые меняются со временем на другие.

[369] *Le Théosophe*, 16 октября 1912.

или Господа Майтреи», и что «было бы вредным для интересов Ордена и интересов Теософского общества рассматривать цели этих двух организаций как тождественные»[370]. В другом месте можно ещё прочесть, что

> если некоторые члены верят, что наставники мира воспользуются таким-то и таким-то телом (явный намёк на миссию Алкиона), это только их личное мнение, а не символ веры, которого обязаны придерживаться остальные члены[371].

Вероятно, он выразился бы по-другому, если бы обстоятельства складывались лучше. В любом случае, вот весьма наглядный пример того, как лидеры теософистов умеют приспосабливаться к обстоятельствам и по возможности менять маски, что должно позволить им проникать в различные круги и находить помощников для реализации своих планов.

Под каждый из этих кругов созданы особые организации, среди них есть и такие, которые обращаются специально к молодежи и даже к детям. Именно таким образом наряду со «звездой Востока» была основана другая ассоциация, именуемая «Служителями звезды» и имеющая своими «куратором» Кришнамурти и главой Нитьянанду.

> Все члены этого Ордена, за исключением почетных членов, должны быть не старше двадцати одного года, и в него может вступить самый маленький ребенок, желающий служения.

---

[370] *The Daybreak*, август 1913.

[371] *The Daybreak*, октябрь 1913, стр. 151.

Ранее уже существовали две другие организации такого же рода: «Золотая цепь» и «Круглый стол»[B]. «Золотая цепь» — это «группа духовного обучения», куда допускаются дети с семилетнего возраста и чья цель (по крайней мере, явная) выражается в формуле, которую члены должны повторять каждое утро:

> Я звено в золотой цепи любви, охватывающей мир; надо, чтобы я оставался сильным и блистательным. Я хочу быть добрым и милосердным ко всякой живой твари и помогать и защищать всех тех, кто слабее меня. И я буду стараться, чтобы мои мысли, слова и дела были только чистыми и красивыми. Пусть все звенья цепи станут сильными и блистательными[372].

Эта цель оказалась почти полностью тождественной цели Лиги милосердия (*Bands of Mercy*) американского происхождения, с деятельностью которой европейцев познакомил г-н Жером Перине из Женевы. Эта лига явно протестантского толка, и её молодые приверженцы должны давать следующий обет: «Я буду стараться не только быть добрым по отношению ко всем живым существам, но и препятствовать тем, кто будь ли то угнетает либо вредит им»[373]. Как утверждают, надеются, что это торжественное обещание, это посвящение, имеющее силу клятвы, очень скоро позволит ребенку стать взрослым. Это же утверждают и те, кто продвигает «скаутизм», другую организацию, ни в меньшей степени проникнутую духом протестантизма. В случае с этой возникшей

[B] Наряду с «Золотой цепью» и «Круглым столом» существует ещё одна теософистская организация — «Розовая звезда», которая, как и первая, ориентирована для самых маленьких детей. «Все эти Ордена или лиги, — пишет мадемуазель Эме Блеш, — не вредят друг другу и не конкурируют. В наше неспокойное время научить добру в достаточной степени, выделить прекрасное, истинное и хорошее. Скажут: это переходная эпоха. Можно сказать, это переходное время. Тем более нужно готовиться к будущему» (*Bulletin Théosophique*, февраль 1922). [Примечание ко 2-му изданию.]

[372] Мы взяли этот текст из статьи г-жи де Манциарли, вышедшей в *Le Théosophe*, 1 марта 1914.

[373] *Le Théosophe*, 16 сентября и 1 октября 1913.

в Англии организацией не обошлось без связей с теософистским движением. Даже во Франции теософисты активно покровительствуют «Лиге национального образования», основанной в 1911 г. с целью пропаганды «скаутизма»[C].

Если в «Золотой цепи» не ведётся открытых разговоров о приходе «великого наставника», тоже самое нельзя сказать о «Круглом столе», к которому можно примкнуть с тринадцати лет в качестве «ассоциированного» члена, с пятнадцати лет — как «компаньона» и с двадцати одного года как «рыцаря» (едва полезно заметить явно намеренную аналогию этих трёх степеней с тремя степенями масонства). Кроме того, члены этой организации должны произносить тайную клятву. В ней речь идёт о том, чтобы

> следовать за великим Царем, которого Запад назвал Христом, а Восток — Бодхисаттвой: сейчас, когда нам дана надежда на его будущее возвращение, настало время воспитать рыцарей, которые приуготовят Его пришествие, служа Ему с сего времени. От тех, кто вступит в Лигу, требуется, чтобы они думали каждый день об этом Царе и каждый день занимались служением Ему.

Эта Лига насчитывала среди своих первых приверженцев некоторое количество руководителей «скаутского» движе-

ния, которое также выдает себя за «новое рыцарство». По происшествии небольшого времени у неё появились центры не только в Англии и Шотландии, но также во Франции, Бельгии, Нидерландах, Италии, Венгрии, Америке, Австралии и Новой Зеландии[374]. В итоге, именно она является прежде всего центром привлечения членов для «Ордена звезды», претендующего быть ядром приверженцев «новой религии», местом сбора всех тех, кто ожидает «пришествия Господа»[375].

С другой стороны, в 1913 г. во Франции и Бельгии было основано некое «Братство мистерий Бога», название которого явно навеяно влиянием «Братства Друзей Бога» Таулера и которое представляло себя таким образом:

> Все те, кто прочитал «Эзотерическое христианство» и некоторые из работ м-ра Мида, обладают представлением о Христианских мистериях. Среди части изучающих эти

---

[c] Почетным председателем «Лиги доброты» во Франции является г-жа Эжен Симон, член Теософского общества и значимая фигура движения феминизма. Каждый ребенок, желающий вступить в Лигу, подписывает карточку со следующими правилами: «1) Совершать каждый день добрый поступок; 2) Быть добрым к животным; 3) Не говорить неправду; 4) Защищать слабых и помогать несчастным; 5) Быть благодарным своим родителям и всем тем, кто сделал ему добро; 6) При каждом случае выражать благодарность защитникам Отечества; 7) Уважать стариков и инвалидов». Эти правила очень похожи на правила «скаутизма», и следует также отменить, что в «Ордене звезды востока» создана отдельная группа для защиты животных. Внутри «скаутизма» существуют группы, являющиеся специфически теософистскими: так, в номере *Bulletin Théosophique* за апрель 1923 года опубликовано письмо от «Правления синих скаутов круглого стола» в Гренобле. К тому же, что касается духа скаутского движения в в целом, интересно отметить, что несколько лет назад г-жа Безант была провозглашена «защитницей скаутов всего мира», также как английский генерал Баден-Пауэлл признан их верховным главой; это не может не отражать политической роли Теософского общества как инструмента британского империализма. [Примечание ко 2-му изданию.]

374 *Le Théosophe*, 1 августа 1913.

375 Когда-то в теософистском движении существовало другое «Общество Круглого Стола», имевшее совершенно иной характер: это была группа, основанная заключенными тюрьмы *Folsom State Prison* в г. Фолсом в Калифорнии, которая «имела своей целью изучение теософии и их нравственное возрождение» («Голубой лотос», 27 апреля 1895).

книги широко распространилась живая надежда на то, что мистерии можно будет возродить образом, который мы не в состоянии предвидеть[376] и что таким образом будет удовлетворена потребность, глубоко ощущаемая в христианской Церкви. С этой надеждой и с убеждением, что эти времена настали, мы основали Братство мистерий Бога со следующими двумя целями: 1. собрать под одной крышей через торжественные клятвы служения и братства тех из христиан, которые, смиренно ожидая того, как он найдет полезным их использовать, хотят посвятить свою жизнь служению Христу и хотят жить, учиться, молиться и работать с надеждой на возрождение мистерий; 2. общее изучение Христианского Мистицизма, мистических преданий и традиций, также как отрывочных сведений о Христианских мистериях. […] Следует уточнить, что первая цель Братства основана на будущем пришествии Господа и подразумевает веру в это пришествие. Надеемся, что многочисленные Христиане, состоящие в Ордене звезды Востока, интересующиеся обрядностью и символизмом, присоединятся к Братству и найдут в рамках его деятельности определённую возможность оказать помощь в том, чтобы приуготовить пути Ему[377] [D].

Наконец, без сомнения для того, чтобы составить конкуренцию розенкрейцеровской организации д-ра Штейнера, придерживающейся совершенно другого направления, был основан новый «Храм Розы и Креста», имеющий своей целью «изучение мистерий, Розенкрейцерства, Каббалы, Астрологии, Франкмасонства, символизма, христианской

[376] На теософистском конгрессе 14 июня 1913 г. в Стокгольме г-жа Безант прочитала лекцию о «возрождении мистерий», что также, как мы говорили выше, является одной из целей, которую со своей стороны выдвигает д-р Штейнер.

[377] *Le Théosophe*, 16 апреля 1913; *Revue Théosophique belge*, июль 1913. В отношении всего того, что касалось этой организации, во Франции следовало обращаться к г-ну Раймону ван Мари и в Бельгии к г-ну В. Виттеману.

[D] Г-н Ф. Виттеманс, ныне бельгийский сенатор, недавно опубликовал «Историю розенкрейцеров» — естественно, адаптированную к теософистским представлениям, и потому изобилующую самыми фантастическими утверждениями. [Примечание ко 2-му изданию.]

обрядности и оккультных традиций, которые встречаются на Западе»[378]. Здесь мы видим достаточно неуместных вещей, не очень понятно, например, что здесь делает астрология, тем более что теософисты уже имели в своем распоряжении для её изучения специальную организацию, которой в Англии руководил м-р Алан Лео, а во Франции г-н Л. Мьевиль, и печатным органом которой был журнал *Modern Astrology*[379]. Но, впрочем, это и не представляло основной цели «Храма Розы и Креста», который, хоть и «не имея никаких официальных отношений с Орденом звезды Востока»[E], тем не менее должен был «проводить совместную работу», то есть «приуготовлять пути Господа» и через свои ритуальные формы «заложить основу великого *церемониального* аспекта новой религии»[380]. Однако всего этого оказалось ещё недостаточно: чтобы дать этой «новой религии» конкретное воплощение, главы Теософского общества пожелали иметь в своем распоряжении настоящую Церковь, обладающую официальным статусом, пусть даже и католическую,

---

[378] *L'Acacia*, масонский журнал. 1913, апрель, стр. 257. В этой же самой статье также рассказывается об основании «музыкальной группы» Теософского общества.

[379] Эта организация не пренебрегала и коммерческой стороной: у нас перед глазами лежит прейскурант на гороскопы, цены в котором «варьируются в соответствии с затратами и нуждами клиента»; «все гороскопы стоимостью ниже пятидесяти франков составляются со строго научными данными; при составлении всех гороскопов стоимостью в пятьдесят франков и выше научный подход соединяется с интуицией (*sic*), при этом составлением каждого гороскопа занимается г-н Алан Лео».

[E] С января 1928 года выпускается новый журнал — *Cahiers de l'Etoile* [«Записки Звезды»], «связанный с рядом журналов, выходящих в двадцати странах»; международный офис этих изданий находится в Эрде-Оммене, в Голландии; имена редакторов не разглашаются, однако нам известно, что редактор французского издания — г-жа де Манциарли. «Записки Звезды» публикуют английские поэмы Кришнамурти; в первом номере помещен его скульптурный портрет работы Бурделя, — как говорят, убеждённого теософиста (в чём сложно усомниться исходя из его манеры подписывать работы). [Примечание ко 2-му изданию.]

[380] *The Daybreak*, август 1913.

и именно это, как мы сейчас увидим, было проделано в эти последние годы.

Глава XXIV. Старокатолическая церковь

В начале 1914 г. стало известно о существовании в Париже некой «Французской католической церкви», называемой также «Галликанской церковью». Впрочем, уже имелась другая «Галликанская церковь», руководимая неким аббатом Воле и обладающая печатным органом *Le Catholique Français*. Вообще этим схизматическим организациям присуще качество размножаться почти до бесконечности по примеру протестантских сект и иногда жестко конкурировать между собой. Временным руководителем новой церкви был назначен «монсеньор Арнольд Анри Матье, граф де Ландав де Томастаун, старокатолический архиепископ Лондона, митрополит Великобритании и Ирландии», ожидающий помазания в качестве «митрополита Франции и Колоний» от генерального викария «монсеньора Пьера Рене, видама де Линьера». Говорят, что в реальности этого последнего всегда звали просто Лореном. Но иерархов в этой Церкви одолевала прямо-таки мания знатных титулов, также как и мания знаков отличия чудаческого характера. Именно таким образом епископ Вийят, чей очерк о «культе» наделал когда-то шума, изобрел «Орден Тернового Венца». Как бы там ни было, было достаточно странным, что церковь, гордо провозглашавшая себя «французской, а не римской», была передана в подчинение, пусть даже и временно, англичанину. Прежде всего эта церковь стала известной именно как церковь Вийята (перешедшего с тех пор в Сирийскую церковь под именем Марк Тимофей) благодаря тому, что она предлагала услуги священников-схизматиков коммунам, которые остались без кюре, потому что муниципалитеты

имели сложные отношения с епископами[381]. Вскоре стал издаваться бюллетень *Le Réveil Catholique*. Всего с марта по август 1914 г. вышло четыре его номера, и выход его был остановлен войной и призывом на военную службу «архиепископа-митрополита»[382]. Для того чтобы установить «апостольскую преемственность» монсеньора Матье, посвящённого в сан монсеньором Жераром Гулем, янсенистским архиепископом Утрехта, этот бюллетень опубликовал весь список янсенистских голландских архиепископов и епископов. Через нескольких промежуточных лиц этот список восходит к Боссюэ, а затем к кардиналу Барберини, племяннику папы Урбана VIII. После этого в данном издании можно было увидеть «религиозное деление» Франции на архиепископство и восемь «региональных» епископств, в некоторые из которых уже были назначены главы, среди которых два епископа так называемой «Православной латинской церкви», г-н Жиро, бывший монах-прислужник ордена траппистов, и г-н Жан Брико. Последний хорошо известен в оккультистских кругах и прежде он именовался «С. Б. Иоанном II, патриархом Вселенской гностической церкви», а сегодня он считает себя преемником Папюса на посту главы «Ордена мартинистов» и нескольких других организаций. Стоит добавить, что эти должности у него оспаривают другие оккультисты. К тому же было бы затруднительно перечислить все церкви и все ордена, с которыми г-н Брико, по его собственному утверждению, был связан в разные времена или даже одновременно. Если мы особо указываем на присутствие этого оккультиста среди иерархов Церкви, о которой идёт речь, то дело в том, что этот факт является ещё одним примером отношений, существующих между группировками, которые, как можно было бы подумать, на первый взгляд совершенно чужды друг другу. Однако во «Французской католической

[381] Мы можем назвать как одну из получивших такие предложения коммуну Шевриер в департаменте Изер.

[382] Администрация располагалась по адресу улица Пре-о-Клер, 5; богослужения совершались в «церкви Жанны д'Арк», проезд Элизе де Бозар, 18.

церкви», которая, как и большинство подобных раскольнических организаций, представляла собой лишь эфемерное образование, вовсе не было и речи о теософизме и теософистах, но именно в Старокатолическую церковь Англии, которая ей и дала рождение, теософисты в ту пору начали внедряться.

Глава этой самой Старокатолической церкви, архиепископ Матье (настоящее имя — Арнольд Гаррис Мэтью) родился в Монпелье в ирландской семье. В начале он готовился принять сан в епископской церкви Шотландии, а затем в 1875 г. перешёл в католичество и в июне 1877 г. получил приход в Глазго. В июле 1889 г. он расстригся и в октябре 1890 года принял итальянское имя Арнольдо Жироламо Поволери. Он даже дал объявление в «Таймс» о смене имени. В 1892 г. новоиспеченный Поволери женился. В ту пору он звался преподобным графом Поволери ди Виченца, и именно в это время он принял также титул графа Ландава. Добавим ещё, что недавно его встречали под именем маркиза де Поволери в компании своих сына и дочери на нескольких приемах у императрицы Евгении в Бэйсуотере, где, впрочем, встречается весьма разнородное общество[383]. Одно время казалось, что он помирился с католической церковью, но это было ненадолго: в 1908 г. г-н Мэтью (именно так он писал теперь своё имя) был посвящён в сан епископа д-ром Жераром Гулем, стоявшим во главе Старокатолической церкви Голландии, созданной из остатков янсенистов, объединившихся с некоторыми диссидентами, которые в 1870 г. отказались принять догмат о непогрешимости папы римского. Различные старокатолические церкви (включая ту, которой в настоящее время руководят теософисты) признает Папу только как «Патриарха и Примаса Запада». Новый епископ в свою очередь посвятил в сан двух других беспутных английских священников: Игнаса Била и Артура Ховорта и, едва прошло три года, основал «Ортодоксальную католиче-

[383] *L'indépendance Belge*, 10 мая 1918.

скую церковь Запада», полностью отказавшись от всякого подчинения Утрехту, как и Риму. Эта церковь неоднократно меняла своё название, и было бы мало пользы и интереса в том, чтобы их все перечислять, в то время как его глава пытался вступить в переговоры то со Святым престолом через кардинала Мерри дель Вала, то с Англиканской церковью архиепископа Кентерберийского и епископа Лондонского, то с Православной церковью Востока архиепископа Бейрутского[384], пока, наконец, в 1911 г. он не был формально отлучен Святым престолом[385].

В 1913 году духовенство «Старокатолической церкви Великобритании и Ирландии» (таково было название, которое, в конце концов, закрепилось) пополнилось несколькими членами, все бывшие англиканские священники и более или менее известные теософисты: м-р Джеймс Ингалл Уэджвуд, генеральный секретарь английской секции Теософского общества (выведенный в «Жизнях Алкиона» под именем Ломиа), м-р Руперт Гонтлетт, секретарь «Ордена целителей», связанного с Теософским обществом, м-р Роберт Кинг, специалист по «психическим консультациям», основанных на изучении гороскопа, и м-р Реджинальд Фаррер. В 1915 г. архиепископ Мэтью, который ничего не знал о теософизме, был в ужасе, узнав, что м-р Уэджвуд и его сподвижники ожидают прихода нового Мессии. Он закрыл свою Старокатолическую церковь и захотел вновь стать обычным католиком, а затем почти тотчас же спохватился и основал «Католическую униатскую церковь Запада». Не сумев получить от м-ра Мэтью посвящения в сан епископа, о котором он мечтал, м-р Уэджвуд обратился, хотя и напрасно, к епископу Вернону

---

[384] Отметим попутно, что и в наши дни продолжаются попытки союза между Англиканской церковью и некоторыми течениями в Православной церкви по причинам, которые носят скорее политический, нежели религиозный характер.

[385] Данные биографические сведения взяты, также как и часть дальнейших подробностей, из брошюры, строго основанной на документированном материале, которая вышла в Англии: Стенли Морисон, *Some Fruits of Théosophy: The origins and purpose of the so-called Old Catholic Church disclosed.*

Херфорду, руководившему чем-то вроде несторианской часовни в Оксфорде. Больше ему повезло с м-ром Фредериком Самуэлем Уиллоуби, посвящённым в сан м-ром Мэтью в 1914 г. и изгнанному из Старокатолической церкви в следующем году. М-р Уиллоуби посвятил в сан сначала м-ра Кинга и м-ра Гонтлетта (первый из которых основал филиал Старокатолической церкви в Шотландии), а затем, при помощи этих двоих м-ра Уэджвуда 13 февраля 1916 г. На протяжении этого самого 1916 г. он, впрочем, заявит о своей верности Святому престолу. М-р Уэджвуд тотчас же отправится в Австралию. В Сиднее он посвятит в сан как «епископа Австралазии» м-ра Чарльза Уэбстера Ледбитера, также бывшего англиканского священника, как мы уже имели случай упомянуть, а тот при помощи м-ра Уэджвуда посвятит в сан, в свою очередь, как «епископа-помощника по Австралазии» йонкер Джулиана Адриана Мазеля, человека голландского происхождения. 20 апреля 1916 г. собор епископов и духовенства Старокатолической церкви принял новое уложение, опубликованное под подписью м-ра Уэджвуда, в котором, впрочем, нет и намёка на теософизм, а тем более на будущего Мессию. В ноябре 1918 года вышла ещё одна декларация принципов, в которой название «Старокатолическая церковь» было заменено на «Либеральную католическую церковь»[A]. Это последнее название заставляет нас вспомнить, что во Франции также была предпринята попытка около десяти лет назад создать «Либеральную католическую церковь»[386] под патронажем некоторых оккультистов, а именно м-ра Альберта Жюне, принадлежащего к числу тех людей, которых можно встретить в самых разных организациях, иногда, по крайней мере, с виду, мало совместимых между собой. Он также являлся основателем «Спиритуалистического альянса» и похвалялся, что работает над примирением

[386] Штаб-квартира этой Церкви находилась в древней сведенборгианской часовне на улице Туин.

всех мировоззренческих систем, в чём, конечно, преуспел ненамного больше, чем «Конгресс человечества»[387].

В журнале «Теософ» за октябрь 1916 г. г-жа Безант, рассказывая о некоторых движениях, которым, по её мнению, суждено обрести всемирное значение, упоминает среди них

> малоизвестное движение, называемое старокатолическим: именно эта живая христианская Церковь[В] будет расти и распространяться с ходом времени, имея перед собой великое будущее. Вероятно, она призвана стать будущей Церковью Христианства, когда *Он придет*.

В этой же статье речь идёт о двух других движениях; «Теософском образовательном тресте», то есть объединении образовательных учреждений, контролируемых Теософским обществом, и «сомасонстве», о котором мы поговорим в дальнейшем. Это именно первый раз, когда в теософском органе было официально заявлено о существовании Старокатолической церкви и чётко высказаны определённые надежды, возлагаемые на эту организацию. К тому же, сам м-р Уэджвуд, который казался таким сдержанным в своих епископских посланиях, был, напротив, весьма откровенен перед своими коллегами из Теософского общества. В своем докладе на теософистской конвенции 1918 года он выразился так:

> Старокатолическая церковь способствует распространению теософского учения в христианской среде, и самая

---

[387] В течение этих последних лет г-н Жюне примкнул к Теософскому обществу, но он покинул его спустя совсем малое время.

[В] Любопытно отметить, что выражение «живая церковь», примененное г-жой Безант к её Либеральной Католической церкви, стало немного позже в России наименованием «модернистской» организации, созданной при поддержке большевистского правительства для конкуренции с православной церковью. Этим хотят указать, что православная церковь, — «мёртвая церковь»; несомненно, г-жа Безант имела точно такое же намерение относительно Римско-католической церкви. [Примечание ко 2-му изданию.]

> важная его задача состоит в том, чтобы подготовить сердца и души людей к пришествию великого наставника[388].

Итак, теософисты, захватывая эту Церковь, преследовали точно же самую цель, на которую мы указывали: именно ради этой же самой цели они основали до этого «Орден звезды Востока» с той единственной разницей, что Орден обращается ко всем без различия, в то время как Старокатолическая церковь специально призвана привлекать тех, кто, не имея чётко определённых религиозных взглядов, склонны, однако, называть себя христианами и сохранять, по крайней мере, все внешние атрибуты приверженности христианству.

Итак, вот последнее превращение м-ра Ледбитера, по крайней мере, на сей день, и новые занятия, которым этот «ясновидящий» посвящает сейчас своё время:

> Епископ Ледбитер исследует оккультную сторону мессы и готовит книгу, целиком посвящённую науке о таинствах[c]. […] Книга о мессе будет иллюстрирована диаграммами различных стадий евхаристической структуры (*sic*) по мере того, как она принимает форму в ходе мессы. Различаются цель и назначение каждой части, и таким образом работа не ограничится лишь теорией и значением таинств, но будет содержать полную форму или архитектурную сторону дела (*sic*). […] Главным событием недели для некоторых в Сиднее является соборная обедня воскресным утром, на которой епископ Ледбитер постоянно присутствует, совершая богослужение или читая проповедь[389].

---

[388] *The Vahan*, июнь 1918 (официальный орган Теософского общества); *The Messenger* (Кротона, Калифорния), сентябрь 1918. Американские теософисты, оставшиеся верными г-же Безант, выбрали Кротону для своей главной штабквартиры, потому что это местечко носит название города, где Пифагор учредил свою школу, и также потому, что Калифорнии, где оккультные секты особенно многочисленны и процветающие, предначертано стать колыбелью «шестой корневой расы». В августе 1917 г. м-р Уэджвуд открыл в Кротоне старокатолическую церковь, священником в которой служит преп. Чарльз Хэмптон.

[389] *The Messenger*, Кротона, ноябрь 1918.

Какая искренность может быть во всём этом? Слишком искусное умение теософистских лидеров скрывать свои истинные намерения и выставлять на передний план с виду самые противоположные по духу предприятия, только бы они полагали возможным воспользоваться ими для реализации этих намерений, не позволяет, конечно, строить особо большие иллюзии в этом отношении.

Примечания к главе

[A] Епископ Мэтью скончался несколько лет назад; в то же время, в начале 1928 года мы узнали также о смерти йонкера Мазеля. Другие епископы Либеральной Католической церкви, в частности г-н Ирвин С. Купер, также возведены в сан в Сиднее; причина в том, что именно там нашёл убежище г-н Ледбитер, вынужденный покинуть Индию после скандальных процессов в Мадрасе; можно было бы поверить, что безнравственность, в которой обвинен г-н Ледбитер, была единичным случаем в теософистских кругах; но мы увидим, что, к сожалению это не так; на факты, о которых мы собираемся рассказать, ссылается г-жа Безант в последних строках текста, приведённого в дополнительном примечании A к гл. XXII. Эти происшествия стали главной причиной раскола в филиале «Агни» в Ницце (см. доп. прим. E к гл. XXI); филиал, возглавляемый графиней Прозор, 19 ноября 1922 года разослал всем другим французским филиалам циркулярное письмо, в котором говорилось о намерении совершить «попытку оздоровления» Теософского общества и, в частности, попытке пролить свет на «злоупотребление властью, двуличие и в высшей степени безнравственное поведение, в котором упрекали, во-первых, нашего Президента, во-вторых, г-на К. В. Ледбитера». Эта инициатива не нашла поддержки, и в *Bulletin Théosophique* за январь 1923 года была издана заметка, согласно которой «Управляющий совет (французского отделения) счёл необходимым осудить данное намерение», так как оно может «посеять смуту и раскол в рядах Т. О. Франции». Тем не менее филиал «Агни» продолжал печатать серию брошюр «исключительного для членов Теософского общества», которая завершилась коллективным письмом о выходе от 11 февраля 1923 года. В этих брошюрах содержатся весьма показательные документы; хотя, ещё до их публикации теософисты поспешили оспорить их правдивость, но не сумели предложить в ответ ничего, кроме бессодержательных заявлений. Вот её образец из *Bulletin Théosophique* за февраль 1923 года: «Мы, теософы, станем ли на сторону клеветников или на сторону оклеветанных? К тому же, кто из нас, теософов, считает себя достаточно чистым и безупречным, чтобы бросить камень в одного из наших братьев, даже если он серьёзно ошибается? Давайте искать в этом кризисе урок. Если этот урок, это испытание рас-

ширит наш кругозор, приведёт нас к большей терпимости, большему пониманию и более высокому идеалу братства, и если испытание будет выдержано с честью, это будет благословенно…» Конечно, если только человек не ослеплен предвзятостью, очень трудно считать эту проповедь обоснованной и удовлетворительной реакцией. В первой из брошюр, изданных отделением Агни, содержится письмо г-на Т. Х. Мартина из Сиднея к г-же Безант, датированное 20 мая 1921 года (до выхода автора из общества), из которого приведём следующее: «В 1906 году я был в Лондоне и защищал вас и Ледбитера. Над ним нависла угроза судебного преследования. Один из молодых парней из его окружения пришел ко мне в отчаянии и умолял попытаться предотвратить судебное преследование, так как ему пришлось бы свидетельствовать о безнравственных поступках Ледбитера. Обвинение не было выдвинуто… В 1914 году Ледбитер переехал в Сидней. В 1914 году Ледбитер приехал жить к нам в Сидней. Я принял его мнение, которое совпадало с вашим, и считал его архатом, охотно подчиняясь его влиянию и с радостью выполняя все его планы. Впоследствии многое в нём меня удивило… Например, в один из дней июля 1917 года пятерым из нас сказали, что мы получили различные посвящения. Никто ничего не мог вспомнить… В то время г-жа Мартин очень страдала от пребывания Ледбитера в нашем доме… Позже (1918-1919 гг.) в нашем доме вспыхнула скарлатина, и Ледбитер со своими ребятами на некоторое время уехал; все мои попытки убедить г-жу Мартин вновь открыть для него наш дом не увенчались успехом… В 1919 году я отправился в Америку. Юный Ван Хук находился в Нью-Йорке. Он прямо говорил о безнравственности Ледбитера и об обмане, который представляют собой «жизни» [пресловутые «жизни Алкиона»]. Итак, вот свидетельства двух юных воспитанников Ледбитера — того, кто пришел ко мне в 1906 году, и Ван Хука; прибавлю к ним компрометирующие события, происходившие в моем доме (в этом письме я лишь касаюсь этой темы), и вывод напрашивается один: Ледбитер — сексуальный извращенец. Его мания принимает особую форму, которая, как я недавно обнаружил, хорошо известна и довольно часто встречается в анналах сексуальной криминологии». Мы не знаем, был ли юный воспитанник 1906 года тем, кого выдавали тогда за «реинкарнацию Пифагора» (см. гл. XX, последний абзац), или же его следует отождествлять с тем, чьи показания были представлены на суде в Мадрасе, подписанные только инициалами D.D.P., и заканчивались следующими красноречивыми строками: «Я делаю это заявление с целью предостеречь родителей, чтобы они могли уберечь своих детей от пагубных учений людей, которые выдают себя перед миром за нравственных наставников, а на деле развращают и губят детей и взрослых людей». Что касается юного Ван Хука, то он, вероятно, является близким родственником доктора Веллера Ван Хука, генерального секретаря Американской секции Теософско-

го общества, который был одним из самых ярых защитников Ледбитера и который в письме, якобы продиктованном одним из «Учителей» и одобренном г-жой Безант, писал: «Обучение мальчиков рассматриваемым практикам вовсе не было преступлением или ошибкой, а лишь советом мудрого наставника», совет, внушенный к тому же «высшими наставниками»; «введение этого вопроса в мышление теософского мира является лишь прелюдией к его введению в мышление внешнего мира»; и что эти практики «станут нормой для человечества будущего»! Добавим, что доктор Ван Хук сменил на посту генерального секретаря американского отделения Александера Фуллертона, который, в свою очередь, сменил Джаджа, ставшего диссидентом (см. гл. XVI, 5-й абзац). Этот Фуллертон был арестован за аморальную переписку с подростком и вскоре после этого помещен в психиатрическую больницу штата Нью-Йорк (это описано в брошюре г-на Дж. Г. Фассела). Именно этому Фуллертону Ледбитер написал 27 февраля 1906 г. письмо, в котором как можно яснее указал на совет, который он давал своим ученикам, чтобы помочь им «избавиться от нежелательных мыслей» и «удержать их от женщин в дальнейшей жизни»; он добавил: «Врач может возразить против этой практики, что она может выродиться в безудержное самобичевание, но эту опасность легко предотвратить откровенным объяснением». Но вернёмся к письму г-на Мартина: «Это возвращает меня в 1919 год, во время моего посещения Лондона В октябре 1919 года я пришел к г-же Сент-Джон. Я застал её в большом смятении, поскольку полиция, как она мне сказала, преследовала четырёх священников Либеральной католической церкви: Веджвуда, Кинга, Фаррера и Кларка. Она хотела предупредить Веджвуда в Австралии, но не знала, как это сделать, боясь быть обвиненной в соучастии. Фаррер, сказала она мне, покинул страну, и она была уверена, что полиция его не найдет, Кинг же решил остаться в Лондоне до конца, поскольку Фаррер был в безопасности… Естественно, находясь в Лондоне, я знал об обвинениях в гомосексуальности, выдвинутых против Веджвуда майором Адамсом и другими; сообщения на ту же тему, касающиеся его, доходили до меня и из Сиднея, но то, что рассказала мне г-жа Сент-Джон, удивило меня. Неделю спустя… вы сказали мне, что хотели бы пообщаться с Веджвудом в Сиднее, но что сделать это напрямую означало бы быть обвинённым в соучастии; вы поручили мне передать сообщение для Раджи [сокращение имени Джинараджадаса, вице-президента Теософского общества]. Веджвуду пришлось выйти из Т. О. и Э. С. и пр.; вы объяснили, что он серьёзно скомпрометировал себя и что вы считаете своим долгом защитить доброе имя общества. Затем я вспомнил вашу лекцию о чёрной магии и сексуальных излишествах, которую вы читали в предыдущее воскресенье в Э. С. и спросил вас, не хотели ли вы упомянуть случай Веджвуда; вы ответили, что хотели… Затем возник вопрос о посвящении Веджвуда. Вы сказали мне, что он не был по-

священ… В Америке, после того как я уехал от вас, ко мне приехали несколько человек: они слышали, что правда о Веджвуде наконец-то будет раскрыта, и сказали мне, что в Лондоне он признался одному из них в своём злодеянии… Когда я приехал в Сидней, Раджа воспринял это сообщение с явным отвращением… Самым важным моментом для него стало ваше отрицание инициации Веджвуда, и вскоре я понял, что падение Веджвуда означало для него не что иное, как крах Ледбитера как Архата, божественного авторитета Либеральной католической церкви, всей веры в реальность предполагаемых инициаций, признания определённых людей учениками и так далее. Это волновало многих. С точки зрения Раджи, этого нельзя было допустить ни в коем случае, ведь речь шла о спокойствии членов и о благополучии дела в целом… Я понял, что Раджа — только эхо Ледбитера; он напрямую передает свой оккультизм, а Раджа слепо принимает его… Мне бы очень не хотелось, чтобы Ледбитера и Веджвуда считали чудовищами, скрывающими свои незаконные занятия за завесой гуманитарных интересов и действующими с искусной изобретательностью и хитростью, которые часто встречаются в таких случаях. Впрочем, так считают многие; мне бы не хотелось признавать правоту подобной критики, и я с радостью ухватился бы за любое другое разумное объяснение этих фактов». В течение двух лет, последовавших за описанными выше событиями, либерально-католические церковные деятели, вовлеченные в это грязное дело, похоже, не испытывали серьёзного беспокойства; если английская полиция и искала их, то, несомненно, действовали определённые влияния, чтобы помешать их поиску. Один из них, Реджинальд Фаррер, 28 февраля 1922 г. направил г-жу Безант своё заявление о выходе из «Сомасонства»; сопроводив его следующим признанием: «Обвинения против меня, а также против Веджвуда, Кинга и Кларка, содержащиеся в письме г-на Мартина, вполне обоснованы. Но я прошу вас принять во внимание, что меня подстрекали к пороку те, кого я считал намного выше себя в моральном и духовном отношении… Причина, по которой я пишу это письмо, - надежда на облегчение моей совести… Веджвуд совершенно отказывается прекратить творить зло… Опять же Акуна, запятнавший себя этим пороком, был спонсором одного из своих “друзей” в ложе *Emulation*». Это письмо было доверено г-ну В. Гамильтону Джонсу, который сообщает, что в тот же день Фаррер покинул Англию, а сам он встретился с Веджвудом предупрежденным анонимным письмом, что он будет арестован, если не покинет Европу до 1 марта; он заявил о своей невиновности, но в тот же вечер скрылся. И г-н Гамильтон Джонс добавляет: "Я верил в Веджвуда до тех пор, пока совсем недавно не узнал о фактах такого характера, которые развеяли мои последние иллюзии на его счет. Покинув Англию, Веджвуд приехал в Париж, где основал филиал Либеральной католической церкви, который 5 марта был временно размещен вв здании англиканской

церкви по улице Огюста Вакери, 7 под названием «Свободная католическая церковь Франции», оформившись в соответствии с законодательством; декларация напечатана в *Journal Officiel* от 13 апреля 1922 года. Одни говорили, что Веджвуд уехал в Америку, другие утверждали, что он просто скрывается во Франции; как бы то ни было, его местонахождение долгое время оставалось неизвестным, но поскольку впоследствии он вновь появился не только в Париже, но даже в Лондоне, следует предположить, что его дела в конце концов были улажены, несомненно, благодаря определённым политическим влияниям. Что касается его парижской церкви, то через некоторое время она была переведена на улицу Севр, 72, и опубликовала манифест, из которого мы приводим следующий отрывок: «Свободная Католическая Церковь не желает противостоять какой-либо церкви, религиозной или светской общине, но, напротив, стремится работать в мире и милосердии, предлагая своё служение всем душам доброй воли. Она стремится к изучению, в согласии со всеми христианскими конфессиями, основ объединения, необходимого для эффективной работы вселенской Церкви на благо Царства Божьего, и поэтому полностью придерживается программы Конференции Веры и Дисциплины, объединяющей большинство христианских Церквей. Не замыкаясь в бесплодном эгоизме, она стремится к подлинно традиционному католичеству, основанному на апостольской вере, объединенному не внешним и навязанным единообразием, а взаимным уважением и братской привязанностью, работающему над возвышением мира к святости, единению с Богом, чьё Царство справедливости и любви является венцом творения». Строительство «Царства Божьего» является приход нового теософского Мессии; что же касается «святости» церкви Веджвуда и Ледбитера, то все вышесказанное позволит нам оценить её с полным знанием фактов! Приведём также сведения из статьи в одном из американских журналов (*The O.E. Library Critic*, 5 февраля 1919 г.), которая также даёт нам представление о ценности его "апостольства": "Факты доказывают, что апостольская преемственность Веджвуда является мошеннической и получена от запрещенного прелата, некоего Уиллоуби, который был изгнан из старокатолической церкви (епископа Мэтью), как ранее из англиканской, за грубую безнравственность своей жизни, которая, вкратце, заключалась в порочных отношениях с мальчиками, вверенными его попечению. Вот от этого разжалованного и извращенного человека мистер Веджвуд получил право считаться в прямой линии апостолов и самого Христа, а также передавать это право другим, включая Ледбитера и различных священников в Америке. Каждый священник Либеральной католической церкви должен вести свою духовную родословную от этой нравственной клоаки». Один из членов Сиднейской ложи в заметке «Действительность рукоположения в Либеральной католической церкви», написанной в 1921 г., иронично заключает: «Г-н Ледбитер ча-

сто заявлял, что благодаря своей проницательности он может отличить истинного священника апостольской преемственности от диссидента. Только первый знал, как сделать гостию светящейся во время совершения мессы. И вот, при первом же публичном испытании, он, сам того не зная, дал «посвятить» себя в сан лжесвященнику!» Что касается «Свободной католической церкви Франции», то здесь следует добавить, что у теософов возникли определённые трудности: Епископ Виннерт, поставленный во главе церкви после хиротонии Веджвудом, был бывшим римско-католическим священником (кюре в Виролле), примкнувшим к утрехтскому расколу и некоторое время служившим в «старокатолической» часовне на бульваре Бланки; когда появились письма «махатм» к Синнетту (см. гл. V, доп. прим. A), он выразил протест против духа, вдохновлявшего эти письма, который он считал атеистическим и материалистическим; г-жа Безант специально приехала в Париж, чтобы объясниться с ним; последовало примирение, но оно было недолгим. В конце концов, в 1924 году, г-н Виннерт вышел из теософского послушания по той же причине, после публикации книги г-на Джинараджадасы «Первые наставления Учителей». Он подробно рассказал об этом в своем информационном бюллетене *L'Unité Spirituelle*, июль-август 1924, а своё заявление об уходе, адресованное Веджвуду 30 июля, закончил такими строками: «Я вынужден отвергнуть даже малейшую связь с Либеральной католической церковью, которая отныне является для меня лишь извращением Церкви и нечестным предприятием для уловления душ и, говоря вашими словами, привнесению теософских учений на христианские кафедры. Я бы никогда не принял епископскую хиротонию из такого источника, если бы мог подозревать весь тайную мистику, скрывающийся за «Либеральной церковью»; подчеркну, что я остался в полном неведении, под каким оккультным влиянием она была создана и кем, по моему мнению, руководилась. Мне казалось, что я столкнулся с традиционной Церковью, но освобожденной от устаревшего богословия; на самом же деле это был случай маскировки под христианство идей, совершенно ему чуждых, если не сказать противоположных. Несмотря на мою симпатию к отдельным вовлеченным в это людям, я не могу быть даже отдалённо соучастником такого предприятия». Когда Веджвуд вновь посетил Париж, теософам пришлось реорганизовать свою «Либеральную католическую церковь», штаб-квартира которой теперь располагалась на улице Кампань-Премьер. В своем коллективном письме г-же Безант от 11 февраля 1923 г. члены отделения Агни без колебаний заклеймили Либерально-католическую церковь, которая все больше и больше склоняется к отождествлению себя с теософизмом, как «секту, наделенную особой моралью, которой не учит ни одна религия, и распространение которой было бы одним из тех дел тьмы, которые христианство приписывает приспешникам Сатаны, а теософский оккультизм — адептам чёрной магии».

А между тем пропаганда этой особой морали имеет ревностных сторонников: в своей апологии Ледбитера, написанной, по словам г-жи Безант, под «сильным влиянием», доктор Ван Хук представляет объяснение так называемых «профилактических» методов этого странного педагога как откровение, с помощью которого «теософия окажет миру услугу, последствия которой распространятся на самое отдалённое будущее человеческого прогресса». Также сообщается, что «члены Э. С. уже поставлены перед выбором: либо защищать эти мерзости и проявлять солидарность с ними, либо уйти в отставку». Вполне возможно, что это и есть те «вещи, противоречащие его совести», о которых говорил М. Шеврие, который, к его чести, предпочел уйти в отставку; по всей видимости, уходящие в отставку в Ницце члены вполне вправе предвидеть «зловещее будущее Теософского общества». В других подобных кругах, спиритских и оккультистских, также можно столкнуться с довольно отталкивающей подноготной; мы указали на подобные примеры в «Заблуждении спиритов» (стр. 316-327), ограничившись, как и сейчас, приведением фактов и свидетельств. Но в том вопросе, который нас интересует сейчас, есть нечто новое, придающее ему особую серьёзность, а именно — стремление распространить теории и практику Ледбитера и его сотоварищей во «внешний мир»; какие поистине «дьявольские» намерения могут за этим скрываться? Несколько вопросов, заданных членами Агни г-же Безант, возможно, помогут разобраться в этом: «Речь уже идёт не об одном г-не Ледбитере; и система, по которой мы пытаемся “излечить подростков от порочных привычек”, практикуемая им и рекомендованная, с вашего одобрения, доктором Ван Хуком, принята теперь всем Обществом. Так реализуется концепция теоретического порядка, изложенная вами в статье, напечатанной в “Теософисте”. Из неё с придирчивой логикой вытекает моральное правило: разве Существа, руководящие эволюцией, не освободили мадам Блаватскую от её плохих кармических элементов, заставив её разрешить их в делах? Почему же тогда их ученики, сиднейские Посвященные, не должны использовать аналогичные средства для освобождения детей от будущих пороков, которые они видят в их ауре? Однако даже у тех, кто проникся подобными аргументами, возникает возражение: разве рассматриваемая практика в сочетании со страхом перед женщиной, который одновременно внушается в “подопечным”, не разрушает в них влечение, которое, трансформируясь в любовь, придает акту деторождения возвышенный и божественный характер? По какому праву можно налагать сковать эту движущую силу, действующую во всех уровнях бытия и входящую в Дхарму (закон) нашего человечества? Разве в разных странах, в частности в Англии, законодатель не предвидел этого, наказывая как преступление разврат, затрагивающий репродуктивный инстинкт, которому раса обязана своим сохранением? Похоже, вы предвидели это возражение. Желая как бы заранее от-

мести его, вы сразу же указываете тем, кто мог бы его выдвинуть, на их некомпетентность в данном вопросе, занимающем сегодня как религиозный, так и научный мир. Этот вопрос принципиально связан с неомальтузианством, которое вы когда-то проповедовали, против которого боролись в последствии и успехи которого в общественном мнении, ещё недавно восставшем против него, вы констатируете сегодня. Либо этот намёк бессмыслен, либо его смысл таков: тот же самый поворот произойдет скоро в отношении учения Ледбитера — Ван Хука и сформулированных в нём практик. Этот разворот будет усиливаться по мере того, как «процесс психического развития обусловливает ослабление полового инстинкта и физической творческой силы". Так считаете ли вы конец под-расы желательным? По вашему мнению, открывает ли она путь к появлению новой, шестой, подрасы, в которой человечество в процессе буддийской эволюции начнёт возвращение начальной и конечной андрогинности? И считаете ли вы нравственным, т.е. соответствующим эволюции, всё то, что делается для ускорения этого конца и этого наступления? Похоже, что да, судя по некоторым словам, которые просачиваются сквозь стены Э. С. чтобы незаметно распространиться по всему Т. О.». Мы не можем и не хотим развивать здесь всё то, что подразумевается в последних строках этой цитаты; в ней, в свойственной теософам фразеологии, можно найти отголосок некоторых идей, которые, по-видимому, пришли из далёкого прошлого, но которые они, как всегда, подвергли грубой материализации. Добавим лишь, что один, по-видимому, весьма информированный автор отметил, что «поворот общественного мнения» в указанном направлении является частью четко разработанного плана и что «все в настоящее время происходит так, словно поборники дурных нравов подчиняются единому командованию» (Jean Maxe, *Cahiers de l'Anti-France*, шестой раздел). Разумеется, не дирижёры теософизма поставили эту задачу; но и они подчиняются ей, и, осознанно или нет, работают над реализацией этого плана, как другие и работают над ним в своих областях. Что за грозная кампания по разложению и дезорганизации скрывается за всеми нынешними потрясениями в Западном мире? Возможно, когда-нибудь мы узнаем об этом, но, боюсь, к тому времени будет уже слишком поздно эффективно бороться со злом, которое постоянно набирает силу и и не замечать опасность которого может только слепой: вспоминается падение Рима! [Примечание ко 2-му изданию.]

[c] Книга Ледбитера «Наука о таинствах» вышла не только на английском, но и на французском языке; Помимо объяснений, якобы полученных с помощью «ясновидения», этот большой том содержит сравнение литургии Либеральной католической церкви с литургией римской католической церкви, сравнение, которое поучительно тем, что показывает, как первая была довольно искусно изменена, чтобы подготовить

умы к принятию теософских теорий, не преподавая их открыто, поскольку, конечно, для того, чтобы быть членом Либеральной католической церкви, вовсе не обязательно принадлежать к Теософскому обществу. Так, в литургию включили многочисленные аллюзии, малопонятные для широкой публики, но вполне прозрачные для знакомых с упомянутыми теориями. С другой стороны, стоит отметить, что таким же образом используется культ Сердца Иисусова, связанный с приходом нового мессии (мы уже видели, что Кришнамурти и его окружение, называемые прямыми учениками Бодхисаттвы, говорят о «принадлежности к сердцу мира»): по сведениям, полученным из Испании, утверждается, что «правление Священного Сердца будет правлением Духа Господа Майтрейи, и, объявляя об этом, они не иначе как в завуалированной форме говорят о том, что его приход среди людей уже близок». Дальше — больше: изменяется не только литургия, но и само Евангелие под предлогом возвращения к «первоначальному Христианству»; для этого вводится в обращение так называемое Евангелие двенадцати святых, которое утверждается как «оригинальное и полное Евангелие». Оно было представлено в небольшой книге под названием «Раннее христианство в Евангелии двенадцати святых», автором которой является Э. Фрэнсис Удни, «священник Либеральной католической церкви». Следует отметить, что в период её написания ещё существовала некоторая неясность относительно личности будущего Мессии, поскольку в ней говорится, что Христос может «выбрать в каждой стране человека, которого он будет направлять и вдохновлять особым образом», чтобы тот мог, «не будучи обязанным путешествовать по миру телесно, говорить, когда пожелает, в той стране по своему выбору, которая лучше всего подходит для его действий» (стр. 59 французского перевода). Название книги сначала навело нас на мысль, что речь идёт о каком-то апокрифическом Евангелии, которых немало, но вскоре стало ясно, что это всего лишь подделка. Это так называемое Евангелие, написанное на арамейском языке, хранилось в буддийском монастыре в Тибете, а его английский перевод был «мысленно» передан англиканскому священнику г-ну Оусли, который затем опубликовал его. Нам говорят, что бедняга был тогда уже «стар, глух, физически ослаблен, плохо видел и медленно соображал, словом, годы не пощадили его» (стр. 26); не означает ли это, что его состояние предрасполагало к тому, чтобы сыграть роль марионетки в этом деле? Мы обойдем вниманием фантастическую историю, рассказанную для объяснения происхождения этого перевода, который, как утверждается, является работой «учителя R.», который, как мы уже видели (см. гл. XIII, доп. примечание B), был прежде Фрэнсисом Бэконом; утверждается даже, что его стиль можно узнать, сравнив этот перевод с «авторизованной версией» англиканской церкви или «Библия короля Иакова», главным автором которой он якобы является. Следует отметить, что либеральная католическая

церковь находится под особым покровительством святого Альбана, который, как утверждается, является «древним воплощением Учителя» (стр. 39), поскольку Бэкон носил, помимо прочих титулов, титул виконтом Сент-Альбанским. Во всём этом можно найти несколько поистине необычных утверждений, особенно в отношении неких «притворных смертей» «Мастеров» или их «продвинутых» учеников; ограничимся лишь курьёзной цитатой: «В прошлом веке нужно отметить ещё одну притворную смерть — маршала Нея, Брата (*sic*), храброго из храбрых, который после своей мнимой казни во Франции прожил много лет уважаемым гражданином округа Роуэн, Северная Каролина» (стр. 136). Интереснее, однако, узнать другое: какие особые учения содержатся в рассматриваемом Евангелии, которое, как утверждается, является «существенной частью первоначального христианства, отсутствие которой печально обеднило и продолжает обеднять эту религию» (с. 4). Эти учения сводятся к двум: теософской доктрине реинкарнации и предписанию вегетарианской и антиалкогольной диеты, характерной для англосаксонского «моралиста»; именно их хотят внедрить в христианство, утверждая, что эти же учения были когда-то и в канонических Евангелиях, что они были отброшены примерно в IV веке и что только Евангелие от двенадцати святых «избежало всеобщего искажения». Обман, откровенно говоря, довольно грубый, но, к несчастью, всё ещё много людей ему поддаются; не нужно слишком хорошо знать ментальность нашей эпохи, чтобы полагать, будто вещи такого рода не будут иметь успеха. Но нам обещают предприятие ещё большего размаха: «Автор, — говорится здесь же, — имеет основания думать, имеет основания полагать, что в скором времени появится новая, более совершенная Библия и что Либеральная Католическая церковь, вероятно, примет её; однако он один несёт ответственность за это мнение, не будучи уполномочен Церковью на его высказывание. Чтобы вопрос мог быть действительно возник, нужно, конечно, чтобы сначала появилась эта более совершенная Библия» (стр. 41). Пока это только предположение, но легко понять, что оно означает: фальсификация распространится на всё священное писание; нас предупредили, что всякий раз, когда нам объявят об открытии рукописи, содержащей неизвестные ранее библейские или евангельские тексты, мы будем знать, что следует быть более осторожными чем когда-либо. [Примечание ко 2-му изданию.]

Глава XXV. Теософизм и франкмасонство

Параллельно со своей религиозной или, лучше сказать, псевдорелигиозной деятельностью, о которой мы только что рассказали, г-жа Безант проявляла активность и совершенно другого рода, а именно в рамках масонства. Мы уже видели, что с самого начала в Теософском обществе и вокруг него было много масонов. К тому же, идеал «всеобщего братства», воплощение которого в жизнь это общество представляет в качестве первой из своих целей, роднит его с масонством. Однако речь шла только о чисто личных связях, не затрагивающих ни одну масонскую организацию, и между Теософским обществом и масонством, называемым «регулярным», никогда ничего другого и не было. Возможно, это потому, что масоны находят теософизм слишком компрометирующим или быть может также по каким-либо другим причинам: мы не берёмся здесь ответить на этот вопрос. Вероятно, что некоторые масоны, которые являются одновременно и вне сомнения даже прежде всего теософистами, заходят слишком далеко и слишком легко принимают свои желания за реальность, когда пишут вещи наподобие:

> Франкмасонство и теософия, чтобы о ней не говорили, встречаются, дополняют друг друга и соединяются своими инициатическими, абсолютно тождественными сторонами. С этой точки зрения они оба представляют собой единое целое, старое, как мир[390].

---

[390] A. Micha, *Le Temple de la Vérité ou la Franc-Maçonnerie restituée dans sa véritable doctrine*, стр. 59. Г-н Жорж Пекуль, приводя эту фразу в статье, о которой мы уже упомянули, когда речь шла о г-не Бергсоне, напрасно некритически воспринимает содержащееся в ней утверждение (*Les Lettres*, декабрь 1920, стр. 676-678).

Если точка зрения, о которой идёт речь, является исключительно теоретической, в ней стоит видеть только выражение претензий теософистов на обладание доктриной, которая есть источник всех прочих, претензий, которые они распространяют здесь и на масонство, также как они это делают в других случаях в отношении религий, но которые не имеют под собой никаких оснований, потому что теософизм, необходимо это повторять, является исключительно современным изобретением[A]. С другой стороны, если встать на историческую точку зрения, слишком удобно и одновременно слишком просто говорить о масонстве в общем как о чём-то целом и неделимом. На самом деле, все обстоит намного сложнее, и как и в случае розенкрейцерства (мы это уже отмечали по поводу этого последнего), необходимо всегда уметь провести необходимые различия и указывать, о каком масонстве идёт речь, каковым бы не было мнение о связях или отсутствии связей между различными направлениями масонства. Именно поэтому мы хотим уточнить, что всё, что мы говорим сейчас, имеет отношение только к «регулярному» масонству, и все бы обстояло по-другому, если рассматривать «иррегулярное» масонство, гораздо менее известное широкой общественности и охватывающее весьма разнообразные организации, некоторые из которых тесно связаны с оккультизмом. Это, как правило, малочисленные группы, но претендующие на более высокий уровень по сравнению с обычным масонством, в то время как представители последнего, со своей стороны, принимают вид, что относятся к нему с самым глубоким неприятием, даже смотрят на них как на обыкновенных «подражателей».

Одной из самых любопытных фигур, представляющих это «иррегулярное» масонство, был англичанин Джон Яркер,

умерший в 1913 г.: автор многочисленных работ по истории и символизму масонства, он придерживался касаемо этих тем весьма специфических взглядов и помимо прочих причудливых мнений утверждал, что «инициированный масон является священником всех религий». Создатель или реконструктор некоторых обрядов, одновременно он был связан со многими объединениями оккультистов с более или менее оправданными инициатическими предубеждениями, а именно состоял почетным членом *Societas Rosicruciana in Anglia*, чьи главы также входили в свои собственные организации, сохраняя принадлежность к этому «регулярному» масонству, которое он сам давно оставил. Яркер был другом Мадзини и Гарибальди и в их окружении он познакомился когда-то с г-жой Блаватской. Та даже сделала его почетным членом Теософского общества сразу после его основания. В благодарность, после выхода в свет «Разоблаченной Исиды» Яркер удостоил г-жу Блаватскую степени «Венценосной Княгини», самой высокой из «ассоциированных» (то есть предназначенных для женщин) степеней обряда Мемфис-Мицраим, в котором он сам имел степень «Великого Иерофанта»[391]. Такие взаимные знаки внимания, впрочем, обычное дело для лидеров подобных организаций. Можно найти, что титул «Венценосной Княгини» совсем не подходит г-же Блаватской с её вошедшими в поговорку дурными манерами до той степени, что кажется почти насмешкой. Но мы знакомы с другими личностями, которые удостаивались этого титула, не имея при этом самого элементарного обра-

---

[A] Утверждение теософистов о том, что масонство — своего рода эманация или, если угодно, более или менее завуалированное проявление их учения, тесно связано в их сознании с утверждением, что «Учитель R. является истинным главой масонства» (см. гл. XIII, доп. прим. B). Это утверждение было известно нам задолго до написания этой книги, но мы не хотели ссылаться на него, пока не наткнулись на него снова в трудах одного из лидеров теософизма. [Примечание ко 2-му изданию.]

[391] Намек на это можно обнаружить в журнале «Голубой лотос», 7 июля 1890, в начале статьи о «Молотке учителя», которая должна была открывать серию статей, посвящённых масонскому символизму, но чьё продолжение так никогда и не вышло.

зования. Яркер утверждал, что получил своё достоинство «великого Иерофанта» от Гарибальди. Легитимность этой преемственности всегда оспаривалась в Италии, где существовала другая организация обряда Мемфис-Мицраим, заявлявшая о своей независимости от первой. В последние годы Яркер имел своим главным помощником некоего Теодора Ройсса, о котором мы уже говорили, когда речь шла об «Ордене Восточных Тамплиеров»[B], главой которого он сам себя объявил. Этот Ройсс, который теперь носит фамилию Ройсс-Вильсон, является немцем, обосновавшимся в Лондоне, где он на протяжении долгого времени занимал (если даже не занимает до сих пор) официальную должность в *Theosophical Publishing Company*. Как нам сказали, он не смог бы вернуться на родину, не подвергнувшись судебному преследованию за некие ранее совершенные им правонарушения, что не помешало ему основать, не покидая Англию, так называемый «Великий Восток Германской империи», имевший в числе своих иерархов д-ра Франца Гартмана. Возвращаясь к Яркеру, мы должны ещё указать, что этот самый деятель учредил некий сведенборгианский обряд, который, хотя и звался им «изначальным» (также как обряд Мемфис, со своей стороны, объявляет себя «древним и изначальным»), являлся целиком его изобретением и не имел никакой связи с теми масонскими обрядами, которые в XVIII в. в большей или меньшей степени вдохновлялись идеями Сведенборга и среди которых можно упомянуть обряд «Иллюминатов Теософов», учрежденный в Лондоне в 1767 г. бенедиктинцем Шастанье, и обряд «Иллюминатов Авиньона», основанный бенедиктинцем отцом А.-Ж. Пернети. К тому же является бесспорным фактом, что сам Сведенборг никогда не учреждал никакой масонский обряд, ни тем более церковь, хотя тем не менее, с другой стороны, в наши дни существует «Сведенборгианская церковь», называемая «Церковью Нового Иерусалима», которая представляет собой секту

[B] О Теодоре Ройссе и его «Ордене Восточных Тамплиеров» см. также: «Заблуждение спиритизма». [Примечание ко 2-му изданию.]

явно протестантского характера. Что касается сведенборгианского обряда Яркера, в нашем распоряжении есть список его иерархов, датированный 1897 г. и выстроенный в соответствии с хронологией, являющейся спецификой этого обряда и начинающейся с 7770 A.D.S. (*Ab Origine Symbolism*!). В этом списке можно увидеть и имя полковника Олкотта в качестве представителя Высшего Совета при Великой Ложе и Храме Бомбея. Добавим, что в 1900 г. Папюс пытался учредить во Франции Великую Сведенборгианскую Ложу, связанную с этим же самым обрядом, впрочем, эта попытка оказалась безуспешной. Папюс назначил Яркера членом Высшего Совета Ордена Мартинистов[392], и Яркер в качестве ответной благодарности наряду с титулом «Великого Маршала» предоставил ему место в Высшем Совете своего сведенборгианского обряда.

Это вышесказанное, пожалуй, и все, что есть основание отметить касательно темы отношений г-жи Блаватской и полковника Олкотта с масонством. Стоит, однако, напомнить здесь, что последний до создания Теософского общества принадлежал к «регулярному» американскому масонству. Однако то, чем довольствовались основатели общества, не могло удовлетворить г-жу Безант, и по двум причинам: во-первых, её натура пылкого проповедника побудила её отдать предпочтение организации, получившей намного более широкое распространение, и она намеревалась играть в ней активную роль, а не чисто почётную, затем, её ярый феминизм был мало совместим с «ассоциированными» степенями в чём-то вроде вспомогательной организации, где женщин не допускали до серьёзной деятельности, и ей нужно было масонство, которое, напротив, принимало в свои ряды женщин на тех же основаниях, что и мужчин, и с точно такими же правами.

Это противоположно общепризнанным принципам масонства, но всё же такая организация существовала: это

было смешанное масонство, основанное во Франции в 1891 г. Мари Дерэм и д-ром Жоржем Мартеном и известное под названием «Право человека». Мари Дерэм, бывшая одновременно одним из руководителей феминистского движения, получила посвящение, вопреки уставу, в ложе «Свободомыслящих» в Ле-Пек, подчинявшейся Великой Символической Ложе Шотландии. Это посвящение было объявлено не имеющим силы, а деятельность Ложи, где оно имело место, было приостановлена. Но несколькими годами позже д-р Жорж Мартен, бывший муниципальный советник Парижа и бывший сенатор от департамента Сена, будучи политиком, ставшим известным благодаря своей настойчивой пропаганде предоставления женщинам права голоса, видя крах всех своих попыток разрешить им доступ в ряды «регулярного» масонства, объединился с Мари Дерэм с целью основать новое масонство, которое, естественно, не было признано ни одним из ранее существовавших масонских течений, ни во Франции, ни за её пределами. Мари Дерэм умерла в 1894 г. После неё именно д-р Жорж Мартен стал во главе смешанного масонства, которое в ту пору было исключительно «символическим», то есть практиковало только три степени; впоследствии там были введены высшие степени, следуя шотландской системе тридцати трёх степеней, и в 1899 г. был основан «Универсальный смешанный верховный совет», с тех пор являющийся руководящим органом смешанного масонства. Этот Верховный совет прославился своим авторитарным стилем, что во Франции вызвало раскол в 1913 г.: одна часть лож образовала новое независимое течение, называемое «Великой Смешанной Ложей Франции», признающей только три символические степени, как это и было в самом начале. Однако смешанное масонство понемногу получило распространение и в других странах, а именно в Англии, Голландии, Швейцарии и Соединенных

[392] Этот Высший Совет должен был насчитывать только двадцать один член, но хартии распределялись столь щедро, что как нам известно, их было более шестидесяти.

Штатах. Его первая ложа в Англии была учреждена в Лондоне 26 сентября 1902 года под названием *Human Duty* («Долг человека»), в то время как все французские ложи носят общее название «Право человека», имея просто порядковый номер[C].

Именно в это смешанное масонство и вступила г-жа Безант и, как и в Теософском обществе, она вскоре достигла там самых высоких степеней и самых высших постов: почетный президент ложи Лондона, она основала другую ложу в Адьяре под названием *Rising-Sun* («Восходящее Солнце»). Затем г-жа Безант стала вице-президентом Универсального смешанного верховного совета и «национальным уполномоченным» этого Совета для Великобритании и её владений. В этом последнем качестве она организовала английский филиал под названием «сомасонство», и ей удалось добиться того, чтобы оно получило широкое развитие в рамках определённой автономии. Уступки, которые она добилась от Верховного совета, чтобы сделать эту организацию такой, какой она хотела, являются, возможно, самым наглядным подтверждением того значительного влияния, которое она сумела приобрести в этой среде. Она дала этой ветви устав, который под предлогом приспособления к англосаксонской ментальности был заметно отличен от того, который был и до сих пор остается в ходу во французской ветви: так, она восстановила здесь все старинные ритуальные формы, которые всегда сохранялись в английском и американском масонстве, а именно использование Библии в ложах и формулу «Во славу Великого архитектора вселенной», которую Великий Восток Франции отменил в 1877 г. и которую смешанное французское масонство заменило на «Во славу человечества». В 1913 году во главе британского сомасонства стоял Большой Совет, чьим Великим магистром была, конечно, се-

[C] В 1926 году бельгийский сенатор Виттеманс (см. гл. XXIII, доп. прим. D) основал в Антверпене ложу «Человеческое право»; такая ложа уже существовала ранее в Брюсселе, но она, по-видимому, не смогла просуществовать долгое время. [Примечание ко 2-му изданию.]

стра Анни Безант, которой помогала сестра Урсула М. Брайт, у которой она останавливалась обычно во время своего пребывания в Англии, а Великим Секретарем был брат Джеймс И. Уэджвуд, в настоящее время являющийся епископом Старокатолической церкви. Представителем Совета в Индии была сестра Франческа Арундейл, тётя бывшего главы «Центрального Индусского Колледжа», который сам является видным членом сомасонства. Теософистское влияние также весьма ощутимым образом проявляется в американской ветви смешанного масонства: именно сестра Анни Безант 21 сентября 1909 г. учредила ложу Чикаго[393], и известная теософистка сестра Алида де Лееув занимает пост вице-президента Американской федерации (президентом которой является брат Луи Гоазье, по происхождению француз). И напротив, во французской ветви теософисты и оккультисты вплоть до самых последних лет составляли незначительное меньшинство, хотя среди основательниц первой ложи «Права человека» была уже по крайней мере одна теософистка, г-жа Мария Мартен, сестра мисс Франчески Арундейл. Позднее она стала Великим Генеральным Секретарем Универсального смешанного верховного совета, и после её смерти её пост заняла другая теософистка, г-жа Амели Жедальж. Эта последняя нынче добилась поста президента Верховного совета, на котором она заменила г-жу Жорж Мартен, умершую в 1914 г. Итак, нужно полагать, что даже во Франции теософистам удалось обеспечить себе с тех пор преобладание. Впрочем, лидеры теософистов, кажется, надеются, что английская ветвь сможет вытеснить французскую, от которой она произошла, и в один прекрасный день станет другим центром «всеобщего сомасонства». Но даже хотя центр официально находится во Франции, он тем не менее отныне подчиняется их прямому влиянию: ещё один пример этих приемов захвата, которые мы прежде видели в действии в случае Старокатолической церкви.

---

[393] Извлечение из *Bulletin mensuel de la Franc-Maçonnerie mixte*, в *l'Acacia*, январь 1910, стр. 70-78.

В своем начале смешанное масонство не имело ничего общего с оккультизмом и даже «спиритизмом». Вот каковы его идеология и цели в представлениях д-ра Жоржа Мартена (мы оставляем стиль без изменений):

> Международный Масонский Смешанный Орден это первая в мире философская, прогрессивная и филантропическая смешанная организация, которая находится выше всех философских и религиозных идей, которые исповедуют те, кто намеревается стать её членами [...] Орден намерен заниматься главным образом жизненно важными потребностями человеческого бытия на земле. В своих Храмах он намерен прежде всего изучать средства достижения мира между всеми народами и социальной справедливости, которая позволит всем людям на протяжении своей жизни наслаждаться наибольшей из возможных степеней душевного комфорта и материального благополучия[394].

В другом месте мы читаем: «Не ссылаясь ни на какое божественное откровение и утверждая выше, что оно является лишь творением человеческого разума, это братство чуждо догмам и придерживается рационализма»[395]. Несмотря ни на что и даже независимо от какого-либо теософистского вмешательства смешанное масонство вынуждаемо понемногу силою обстоятельств вступать в более или менее постоянные контакты с большинством других «иррегулярных» масонских организаций, даже с теми, которые больше всех афишировали свой оккультистский характер. Например, именно так в списке *Past Grand Masters* (почетных Великих магистров) Национального Испанского Обряда, основанного братом Вилларино дель Вилларом и тесно связанного с организациями брата Джона Яркера (который в последние годы своей жизни стал к тому же одним из сотрудников английского журнала *The CoMason*), мы видим глав смешанно-

---

394 *La Lumière Maçonnique*, ноябрь-декабрь 1912.

395 *La Lumière Maçonnique*, стр. 472-473.

го масонства, включая г-жу Безант, чья фамилия стоит рядом с фамилиями лидеров основных школ оккультизма, ссоры между которыми, как мы уже замечали, не исключают определённых альянсов подобного рода[396]. Достаточно любопытно видеть, с какой настойчивостью все эти группировки претендуют на обладание самой чистой масонской доктриной, и сомасонство, «иррегулярное» при первом своем лидере, похваляется, что оно занимается возрождением примордиальной традиции, как видно из фразы, которой заканчивается его декларация принципов:

> Всеобщее сомасонство восстанавливает древний обычай приема новых членов на основе равенства мужчин и женщин в мистериях, от которых и произошло франкмасонство, в мистерии основанные на братстве, истине и следовании всем нравственным и общественным добродетелям[397].

Впрочем, всем раскольникам и всем еретикам, какого бы толка они не были, всегда присуще выдавать себя за приверженцев возвращения к первоначальной чистоте: разве протестантизм сам не стремится выдавать себя за проявление чистого евангельского духа, такого, каким он был во времена первоначального христианства?

Возрождение мистерий, о котором упоминается в только что процитированной нами фразе, равным образом является, как мы видели, одним из оправданий существования «эзотерического христианства», так что оно и сомасонство являются, в этом отношении, по крайней мере, двумя взаи-

---

[396] Из-за достаточно комично выглядящей ошибки повсюду в списке, о котором идёт речь, написано *monsieur* Анни Безант и *monsieur* Мари Жорж Мартин.

[397] Первая фраза из этой самой декларации заслуживает того, чтобы привести её как великолепный образчик напыщенного стиля, который часто встречается в документах этого рода: «Орден всеобщей сомасонерии, основанный на принципах свободы мысли, единства, нравственности, милосердия, справедливости, терпимости и братства, открыт для мужчин и женщин без различия расы и вероисповедания».

модополняющими сторонами одного и того же предприятия. Также вспоминается вообще свойственная масонству претензия на то, чтобы образовать связь между всеми народами и всеми культами (именно это шотландское масонство, в особенности, подразумевает под «Священной империей»), и исходя из этого, можно понять все значение речей, произносимых г-жой Безант на протяжении уже долгого времени:

> Ныне нам предстоит вступить в созидательный период, на протяжении которого Теософское общество будет прилагать усилия, чтобы сделаться центром религии мира, религии, составными частями которой являются буддизм, христианство, ислам и все прочие вероисповедания. [...] На самом деле, мы считаем, не без твердого основания для нашей веры, себя единственными представителями эклектической и по-настоящему католической всеобщей Церкви, признавая своими братьями и единоверцами всех тех, кто, придерживаясь любой формы культа, ищет истину и справедливость[398].

Эти претензии тогда могли показаться большим чудачеством, и они на самом деле являются таковым, но особо нет желания смеяться над ними, когда сейчас вспоминаешь ту ожесточенную настойчивость, с которой она работала на протяжении четверти века, воплотить их в реальность.

---

[398] Заявление г-жи Безант В. Т. Стеду в: *Borderland*, октябрь 1897, стр. 401.

Глава XXVI. Вспомогательные организации Теософского общества

Мы уже указывали на существование многочисленных примыкающих к Теософскому обществу групп, позволяющих ему проникать и действовать в самых различных слоях, чаще всего не делая ни малейшего намёка на свою приверженность особому учению, не выставляя на передний план никакой другой цели, кроме как «всеобщего братства» и некоторых морализаторских устремлений, которые не могут показаться компрометирующими. Теософистам необходимо воздерживаться от того, чтобы пугать чересчур экстравагантными заявлениями людей, которых предполагается мало-помалу привлечь на свою сторону, чтобы превратить их в своих более или менее бессознательных помощников; история Старокатолической церкви предоставила нам наглядный пример такой маскировки. Теософистов воодушевляет яростный дух пропаганды, что свидетельствует о них как о сугубо западных людях, несмотря на их утверждения противоположного характера, так как прозелитизм глубоко чужд восточной ментальности и в особенности ментальности индусской; и их методы проникновения странным образом напоминают те, которые являются общими для многих протестантских сект.

Впрочем, не следует думать, что такой образ действия присущ исключительно последнему периоду истории Теософского общества; такая направленная вовне деятельность возникла с самим обществом. Так, в одной из работ Блаватской мы читаем следующее:

> Разве вы не слышали о «националистических» клубах, которые возникли в Америке со времени публикации книги

> Беллами[399]? Их деятельность становится все более и более заметной и со временем будет ещё расти. Так вот, создание этого движения и этих клубов — это заслуга теософов. Например, в Национальном Клубе Бостона (Массачусетс), одном из первых, теософами являются президент и секретарь, и большинство его правления принадлежит к Теософскому обществу. В уставах всех этих клубов и партии, которую они образуют, влияние теософизма и общества очевидно, поскольку все они берут за основу первый и фундаментальный принцип — братство человечества — как тому учит теософия. Вот что читаешь в декларации принципов: «Принцип братства человечества — одна из вечных истин, ведущих мировой прогресс по путям, отличающим человеческую природу от животной. Что может быть более теософским, чем это?[400].

С другой стороны, к этому же времени в Нанте образуется «Общество альтруизма», программа которого затрагивала различные темы: гигиену, нравственность, философию, социологию и которая включала секцию теософистских исследований, вскоре преобразованную в «альтруистическую Ветвь Теософского общества», и это был второй филиал Теософского общества во Франции[401].

Перед нами примеры каждого из двух типов организаций, чью сущность нам следует здесь уточнить: первый тип представляют те, которые, не имея никакой официальной связи с Теософским обществом, тем не менее руководятся или вдохновляются теософистами, как американские «националистические клубы», о которых говорила г-жа Блаватская. Чтобы ограничиться ассоциациями этого рода, которые существуют во Франции или, по крайней мере, существовали там в недавнем прошлом, мы назовем следующие, названия которых мы наудачу обнаружили в нескольких теософистских изданиях: «Вегетарианское общество Фран-

---

399 *Looking backwards* («Оглядываясь назад»).

400 «Ключ к теософии», стр. 65-66.

401 «Голубой лотос», 7 апреля 1890.

ции», «Лига за организацию Прогресса», «Независимая Моральная Помощь» (помогающая старикам), «Ассоциация женщин-дачниц», «Общество Криминологии (*sic*) и общественной защиты», «Общество Идеалистов, Международный союз за достижение высшего идеала в литературе, искусстве и мышлении» и кроме того, есть ещё и другие. Касаемо этой темы мы уже упомянули роль, которую теософисты играли в распространении «скаутизма», мы добавим также, что они очень многочисленны в различных группах, носящих более или менее явные протестантские черты, как, например, в обществе «Вера и жизнь»[A].

Что касается объединений, которые наподобие «Общества альтруизма» в Нанте являются собственно вспомогательными организациями Теософского общества и ему целиком подчинены, не всегда нося, однако, соответствующий ярлык, то, как мы говорили выше, большая часть их нынче объединена в то, что именуется «Орденом служения Теософского общества», который определяет свою деятельность как «попытку теософской практики с целью обеспечения нужд всех классов человечества». Вот список основных отделений этого «Ордена служения» с указанием местонахождения штабквартиры каждого из них[402]. *Образование*: «Возрождение угнетенных классов» (Алеппо), «Лига образования» (Рангун, Бирма), «Теософское образование» (Амстердам), «Нравственное образование» (Париж), «Гармоничное образование» (Гаага), «Национальное образование» (Музаффурпур, Индия), «Лига за образование для девочек» (Бенарес), «Лига за образование» (Брюссель), «Золотая цепь» и «Круглый

[A] Некоторые руководители «Веры и Жизни» любезно сообщили нам, очень вежливо сообщили нам, что лично они не испытывают симпатий к теософии, и что, кроме того, «консервативные» элементы французского протестантизма в целом решительно выступают против современных тенденций англосаксонского протестантизма и возникших на его основе «движений»; мы с радостью приводим здесь это заявление. [Примечание ко 2-му изданию.]

[402] Большая часть этих названий взята из доклада, опубликованного в *Théosophe*, 1 августа 1913; мы добавили сюда несколько новых организаций, созданных после этой даты.

стол» для молодежи. *Социальные реформы*: «Отмена вивисекции, вакцинации и прививок» (Лондон, Манчестер и Бирмингем), «Антививисекция» (Нью-Йорк), «Медицина» (Лондон), «Социология и общественные проблемы» (Манчестер), «Распространение общественной чистоты» (Чикаго), «Развитие воздержания и нравственности» (Сурат, Индия), «Возвышенные идеалы» (Спокан, Соединенные Штаты), «Помощь больницам и тюрьмам» (Сиэттл, США), «Отмена детских браков» (Индия), «Защита животных» (Адьяр), «Семь М»[403] (Бюитенцорг, Голландская Индия), «Международная духовная лига мира» (Рио-де-Жанейро), «Лига духовного союза за мир» (Куба), «Верельдвреде» («Всеобщий мир») (Гаага), «Бельгийская теософская лига за всеобщий мир» (Брюссель). *Пропаганда теософии*: «Перевод работ о мудрости ислама» (т.е. суфизма)[404] [B] (Музаффарпур), «Лига Брайля» (издание теософских книг для слепых) (Лондон, Бостон), «Теософский университет» (Чикаго), «Оазис, для распространения теософии среди рабочих арсенала» (Тулон), «Братский союз для распространения теософии среди трудящихся классов» (Париж), «Наука, религия и искусство» (Бруклин), «Бодхалайя» (Бомбей), «Теософская миссия» (Адьяр), «Лига современного мышления» (Адьяр), «Тео-

[403] Эти семь *М* являются первыми буквами малайских названий семи вещей, обязательство воздерживаться от которых должны давать приверженцы этой организации.

[404] Также существует так называемый «Орден суфиев», который тесно связан с Теософским обществом. Эта организация, основанная в Америке в 1910 г. Инаят Ханом, имеет сейчас отделения в Англии и во Франции. Нужно заметить, что подлинные суфии никогда не образовывали ни Ордены, ни какой-либо ассоциации. О суфизме, приспособленным к теософистским воззрениям, см. также: Бейли Эдмонд, *L'Islamisme Esotérique*.

[B] Инайят Хан умер в 1927 году; кажется, в последнее время он порвал с теософистами, хотя точно неизвестно, почему; после его смерти его организация, в которой преобладают женщины и англосаксы, похоже, находится под угрозой распада в результате разногласий между различными претендентами на преемственность роли «Учителя», как это почти всегда происходит в подобных группах. У ордена имеется печатный орган — журнал *Soufisme*, редактируемый баронессой Эйхталь. [Примечание ко 2-му изданию.]

софская лига эсперанто»[405] (Лондон), «Лига ежедневной медитации» (Лондон). *Различные цели*: «Эскулап» (Бенарес, Манчестер), «Братство целителей» (Лейден), «Орден помощников»[406] (Мельбурн), «Лига единства» (Париж), «Уменьшение страданий» (Париж), «Лига швейцарских служителей за распространение братства и единства» (Невшатель), «Лига бельгийских идеалистов» (Антверпен), «ассоциация мыслителей для подготовки мира к явлению учителя» (Кейптаун), «Независимый орден звезды Востока» и «Служители звезды», «Лига Св. Христофора для помощи тем, у кого тяжелая физическая карма» (Лондон), «Лига искупления, для защиты женщин и девочек», «Орден Лиры для осуществления все более близкого контакта с природой и развития внутреннего чувства, способствующего восприятию жизни» (Женева), «Европейская лига организации теософских конгрессов»[C].

Мы ещё вернёмся к общему характеру этих ассоциаций, который можно выразить одним словом: «морализаторство», но нам следует прежде всего указать, что в том, что можно назвать внешней деятельностью Теософского общества, значительное место отводится образованию, не говоря даже о колледжах и школах, которые в Индии и в других странах также являются теософистскими учреждениями. Мы уже говорили об усилиях, которые прилагаются с целью привлечения косвенным путём детей самого раннего возраста, и об организациях, специально созданных для этой цели, заметим ещё, что в Париже до войны выходила ежемесячная газета под названием «Маленький теософ», «предназначенная для детей от семи до пятнадцати лет». Но необходимо добавить, что среди направлений деятельности, име-

[405] Интерес, к пропаганде эсперанто со стороны теософистов, также как и со стороны масонов, заслуживает особого внимания. Это движения также имеет связи с движением «скаутов» и, с другой стороны, ассоциация «мир через Право» основала «Пацифистскую библиотеку эсперантистов».

[406] Речь идёт, без сомнения, о «невидимых помощниках», придуманных с целью проведения «астральной работы» м-ром Ледбитером. Известно, что он нынче обосновался а Австралии, где и находится штаб-квартира Ордена, о котором идёт речь.

нуемой образовательной, не все они обращены исключительно к детям или к молодежи, и среди них есть также такие, которые предназначены для взрослых: именно так теософисты извлекают низменным образом выгоду из деятельности «летних школ», которые являются «объединениями людей, воодушевленных одними и теми же идеалами и использующих время своего досуга для того, чтобы побыть вместе, заниматься взаимным просвещением и черпать в общении родственных душ новые силы для борьбы в ходе повседневного существования». Вот некоторые выдержки из статьи, опубликованной в теософистском органе, посвящённой этому «восхитительному средству пропаганды, все более используемому движениями, стремящимися способствовать прогрессу человечества»:

> Существует два типа летних школ. Одни из них устраиваются определёнными обществами и предназначены прежде всего для членов данных обществ, каковы, например, столь успешные школы, которые проводятся каждый год в Англии Вегетарианским обществом Манчестера или Фабианским обществом. Таковых в Великобритании и Соединенных Штатах насчитывается большое количество. Другие, напротив, обращаются ко всем людям, которых объединяют, пусть и более или менее непрочным образом, общие взгляды на данную тему. Так, устраивались летние спиритуалистические школы, в которых принимали участие представители почти всех протестантских сект Англии, объединяемые общим стремлением к братству. Точно также летняя гуманитарная школа, устраиваемая в Брайтоне два последних года, объединяла свободомыслящих, спиритов, теософов, оккультистов, антививисекционистов, вегетарианцев, любителей городского садоводства (*sic*) и даже материалистов [...] Можно сказать, что, учитывая имеющиеся там возможности для самовыражения и обмена мнениями, летние школы представляют подлинное «сотрудничество идей». Мы полагаем, что настало время дать Франции подобный инструмент прогресса. Мы намерены попытаться провести в этом году летнюю школу

> в окрестностях Парижа, возможно, в лесу Фонтенбло. Успех с точки зрения количества участников уже обеспечен: многочисленные теософы, вегетарианцы, ритмисты, эсперантисты, гармонисты и натуристы гарантировали нам своё согласие[407].

Война помешала воплощению этого проекта в жизнь, но неудивительно будет увидеть, что он однажды возродится в той или иной форме. Можно легко представить, насколько странные собрания образуют люди, представляющие все эти круги, конечно, совершенно разные, но несмотря ни на что объединяемые таинственным сходством.

Достойно внимания и то, что теософисты охотно стремятся вести свою пропаганду среди рабочих, и не только более или менее неопределённых идей «братства» и «нравственности», но явную проповедь теософизма. В представленном нами перечне названий можно было увидеть, в Париже существует общество, безусловно ставящее себе эту цель, и что есть ещё и другое, чья деятельность, что примечательно, нацелена исключительно на рабочих арсенала в Тулоне, которые, кажется, вообще пользуются особой любовью подозрительных пропагандистов всех мастей, так как известно, что этот арсенал часто оказывался активным очагом революционной подрывной деятельности. Нам было бы любопытно узнать, как рабочие восприняли определённые моменты теософистского учения, если только им его изложили. Но вряд ли бы они обрадовались, узнав, например, что они являются «лунными животными», достигшими человеческой стадии только в нынешней «планетарной цепи», и некоторые только в ходе нынешнего «круга», в то время как «буржуа» были уже людьми в предшествующей цепи. Мы ничего не придумываем, именно сам м-р Ледбитер рассказывает всё это на полном серьёзе (слово *bourgeois* в его тексте даже дано на французском)[408]. Но эти вещи, возможно принадле-

---

[407] *Le Théosophe*, 1 марта 1914.

[408] *L'Occultisme dans la Nature*, стр. 226-230 и 331-333.

жат к числу тех, которые полагают предпочтительным обойти молчанием, когда обращаются к рабочей аудитории. Как бы там ни было, на этой в высшей степени «демократической» почве теософизм вынужден конкурировать, и скорее в неблагоприятных условиях, со спиритизмом, который более доступен для восприятия тёмных умов (в то время как теософизм скорее призван соблазнять тех, кто обладает хоть какой-то долей культуры), не менее яростная пропаганда которого, прежде всего, в некоторых областях, нашла в рабочей среде многочисленных жертв. Так существует (или, так по крайней мере, существовало до войны, которая должна была вызвать определённые потрясения) секта спиритов, именуемая *Fraternisme*, чей центр располагался в Дуэ, и которая находила приверженцев среди шахтеров севера Франции; другая похожая спиритическая секта существовала в Бельгии и называлась она *Sincerisme*. Лидером её был масон высокой степени, шевалье Ле Клеман де Сен-Мар. Не покидая эти же самые области, мы находим ещё другой весьма поразительный пример в случае «антуанства», этой псевдорелигии, которая в Бельгии получила такое необычное распространение и у которой в Париже с 1913 г. даже есть собственный храм. Её основатель, которого называли «Отец Антуан», умерший в 1912 г., был бывшим шахтёром, едва владеющим грамотой. Он был «целителем», каковые в изобилии встречаются среди спиритов и гипнотизёров, и его «учение», на которое ученики смотрели как на новое Евангелие, представляет собой только нечто вроде смеси протестантской морали со спиритизмом, будучи самой жалкой банальностью. Это учение, которое иногда излагается почти непонятным языком и в котором «разум» без конца объявляется худшим из зол, вполне можно сравнить с некоторыми «сообщениями» спиритов. Впрочем, Антуан прежде возглавлял спиритическую группу, называемую «Виноградари Господа», и его ученики верят в реинкарнацию, также как обычные спириты и теософисты. Когда разразилась война, «антуанская религия» находилась на грани официально-

го признания. Проект закона на этот счет был предложен двумя главами бельгийского масонства, сенаторами Шарлем Маньете и Гобле д`Альеля. Впоследствии рассказывали странные вещи об особом уважении, которое немцы выказывали в отношении антуанских храмов, которое приверженцы секты приписывали посмертному заступничеству «Отца»[D]. Эта секта «целителей» не является чем-то совершенно уникальным в своем роде: среди них есть и другая, имеющая американское происхождение и известная под названием *Christian Science*. Ныне она пытается внедриться во Франции, и кажется, что в определённых кругах она сумела достичь некоторого успеха[409] [E]. Основательница этой секты, г-жа Бейкер Эдди, заявила, что воскреснет спустя шесть месяцев после смерти. Этому предсказанию не суждено было

[D] Именно «демократическими» и «пацифистскими» тенденциями теософистов объясняется их симпатия к таким движениям, как движение Марка Санье; вот очень показательное высказывание о последнем: «Только что в Париже с 4 по 11 декабря [1921 г.] состоялся Международный демократический конгресс, организованный газетой *La Jeune République* и возглавляемый Марком Саннье. На конгрессе были представлены восемнадцать европейских стран. Целью конгресса было укрепление общих связей, объединяющих всех людей, одинаково стремящихся к справедливости и международному братству. Это программа, которой могли бы придерживаться члены Т. О., и мы знаем, что некоторые из наших членов присутствовали на этих дебатах. Чтобы быть полностью теософским по духу, этот конгресс должен был быть только межконфессиональным» (*Bulletin Théosophique*, январь 1922 г.). Что касается синсеризма и его лидера, шевалье Ле-Клемана де Сен-Марка, то в работе «Заблуждение спиритизма» (стр. 321-327) приводится рассказ об этом проекте, который можно назвать нечистой изнанкой теософизма, тем более что этот человек счел нужным сослаться на теории, в которых обвиняли г-на Ледбитера, в поддержку своих тезисов. Там же (стр. 349-362) мы посвятили целую главу «Антуанизму». [Примечание ко 2-му изданию.]

[409] Журнал *La Science et la vie* (Наука и жизнь), орган популяризации научных и производственных знаний, в котором не следовало бы ожидать появления подобных вещей, с начала 1919 г. опубликовал целую серию статей, посвящённых пропаганде *Christian Science*.

[E] Публикация пропагандистских статей в пользу *Christian Science* в журнале «Наука и жизнь» объясняется фактом, который мы узнали позже: этот журнал на самом деле является дочерним изданием газеты *Le Petit Parisien*, а редактор этой газеты, г-н Поль Дюпюи, был ярым сторонником *Christian Science*. [Примечание ко 2-му изданию.]

сбыться, что не помешало продолжать процветать организации, о которой идёт речь, настолько легковерны бывают некоторые люди[410] [F]. Но, возвращаясь к антуанству, с нашей точки зрения особенно примечательно то, что теософисты проявляют к нему живую симпатию, о чём свидетельствует эта выдержка из одной из их газет:

> Так как теософия обладает одновременно нравственным, метафизическим, научным и эзотерическим значением, непозволительно сказать, что теософское и антуанское учения тождественны, но можно утверждать, что нравственные принципы антуанцев и теософов имеют между собой весьма многочисленные точки соприкосновения. К тому же, Отец лишь претендовал на то, чтобы обновит учение Иисуса из Назарета, слишком опошленное в наше время религиями, которые ссылаются на эту великую Сущность[411].

Такое сближение, по сути, вряд ли вызовет больше уважения к теософизму, но не стоит ничему удивляться, так как «Отец Антуан», несмотря на невежество и интеллектуальную посредственность, которую он всегда свидетельствовал, рассматривался некоторыми скорее наивными оккультистами как «один из двенадцати Неизвестных Великих учителей Розы и Креста», и эти же самые оккультисты также приписывали это качество нескольким другим «целителям» этого же пошиба, а именно Франциску Шлаттеру, эмигрировавшему в Америку из Эльзаса и достаточно таинственным об-

---

[410] Укажем ещё на существование в Америке другой похожей секты, *Mental Scientists*, которая претендует на то, чтобы исцелять болезни через их простое отрицание. По этой причине её также называют *Deniers* (Отрицатели).

[F] Эмиль Куэ был одним из «Mental Scientists» или «менталистов», и в последние годы он часто фигурирует в новостях как пропагандист метода лечения с помощью самовнушения, который, по сути, мало отличается от этих американских концепций; главной его особенностью является то, что он основан на использовании не воли, а только воображения. [Примечание ко 2-му изданию.]

[411] Статья под заголовком *Une religion spirituelle* вышла в: *Le Théosophe*, 1 декабря 1913.

разом исчезнувшему в 1897 г.[412]; почему бы не сделать из этих людей также нечто вроде «махатм»?

Теософистская пропаганда совершенно иного рода, чем та, которая вынудила нас сделать это отступление от темы, ведётся в артистических и писательских кругах[G], и у нас есть совсем недавний пример этого. В начале 1918 г. вышла газета под названием «Освобожденный» (*L'Affranchi*), которая, принимая во внимание указанные в ней годы выхода, выдавала себя за продолжение старой *Théosophe*, но в которой даже не упоминалось слово «теософия». Эта газета, имевшая своим девизом «иерархия, братство, свобода», содержала только подписанные псевдонимами статьи, большая часть которых была посвящена социальным вопросам. В ней было сделано три едва заметных намёка на «будущего Мессию», предшественниками которого представлялись, также намёками, некоторые деятели, среди которых Вильсон и Керенский. Наряду с этими статьями имелись ещё и другие, в которых речь шла об искусстве и его роли в «эволюции», и ещё причудливые декадентские стихи. Группа «Освобожденные», чьим органом была эта газета, проявила себя одновременно устройством спектаклей и выставок в духе доведённого до крайности модернизма (существовал даже кукольный театр «Освобожденный»). Также заявлялось о начале выпуска двух новых специальных изданий, *L`Art* и *Le Travail*, и при администрации группы была даже организована служба юридических консультаций. Этой же группировке принадлежало ещё и издание *Revue Baltique*, «посвящённое защите интересов прибалтийских стран, которые будут ключом по всеобщему миру», что показывает, насколько заботы политического и дипломатического характе-

[412] Седир, *Histoire des Rose-Croix*, стр. 55, 126: автор заявляет, впрочем, что это утверждение является ошибочным. Писатель-оккультист Август Стриндберг рассказал в *Inferno* (стр. 110-113) фантастическую историю на тему этого Шлаттера.

ра примешивались у членов группы к литературе[413]. В августе 1918 г. группа арендовала дом Бальзака, находившийся под угрозой сноса, и администратор группы, г-н Шарль Лярон, стал его хранителем, при этом заявлено желание превратить его в штаб-квартиру «корпорации мастеров» и «центр интеллектуального и художественного возрождения». Не следует забывать, что теософисты располагают значительными средствами, что делает их пропаганду весьма реальной силой, и вряд ли бы стоило оспаривать это. Другим подтверждением этого служит огромное здание, которое теософисты построили за эти последние годы в Париже в сквере Рапп для своей «штаб квартиры». Это здание является собственностью «Адьярского общества недвижимого имущества», пост президента которого занимает г-н Шарль Блеш, генеральный секретарь французской секции Теософского общества (или «Французского Теософского общества», если использовать название, которое сейчас превалирует в официальных документах). В рамках организации «Освобожденные» и над ней действовали две другие более закрытые, «Мистическая группа Тала» («Связь») и «Апостольский Центр», они, конечно, имели явно теософистский характер. Наконец, в мае 1919 г. была провозглашено

> намерение учредить в Сен-Реми-ле-Шеврёз Синтетическую школу образования (*Ecole synthétique d'éducation*), где все способности ребенка будут получать одновременное развитие и где его особые дарования будут раскрываться вплоть до полного расцвета; все дети будут распределяться по классам в соответствии со своими склонностями и прилежанием.

[413] Среди главных членов группы фигурировал, к тому же, г-н де Любич Милош, который сейчас является официальным представителем литовского правительства в Париже.

Ныне группа «Освобожденные» поменяла название: она стала группой «Часовые»[414] (без сомнения, это намёк на ἐγρήγοροι из Книги Еноха, чьё толкование всегда очень сильно занимало оккультистов), и она занимается попытками наладить совместную жизнь своих членов, что заставляет вспомнить социалистов-утопистов первой половины XIX в., нам не известно, преуспеет ли она в этом больше, чем эти последние, но позволительно в этом сомневаться, так как приходилось слышать, что уже произошло несколько расколов (а именно между группами г-на Гастона Ревеля и г-на Рене Шваллера), что побуждает скорее пессимистически оценивать будущее этой группы[H].

Мы только что попутно упомянули о восхищении, которое теософисты испытывали к президенту Вильсону. Идея «Лиги Наций» была, конечно, одной из тех, которые не могли не привлечь и вдохновить этих «гуманистов». Известно даже, что в 1918 г. образовался «Союз за освобождение народов», «постоянный комитет» которого имел своим местонахождением офис «Освобожденных» и который в своём манифесте «засвидетельствовал почтение благодарного человечества президенту Вильсону, который является самой совестью мира», добавляя:

---

[414] О существовании ассоциации под таким названием было заявлено 19 июня 1920 г. В её штаб-квартире по адресу: бульвар де Булонь, 7 (Пар-де Принс) функционирует учреждение физической культуры под названием *Institut Eurythmothérapique*, руководителями которого являются г-жа Мадлен Леприн и д-р Тьер.

[H] По удивительному совпадению, название «Стражи» [*Veilleurs*] было дано «Третьему Протестантскому ордену», основанному в 1922 году пастором Уилфредом Моно (*Études*, 5 августа 1924 года; *La Croix*, 4 сентября 1924 года). Две теософистские группы, носившие это название, прекратили своё существование; похоже, с тех пор г-н Рене Шваллер создал в Швейцарии новую организацию. «Институт эвритмотерапии» расположился по старому адресу *l'Affranchi*, 5-бис, улица *Schœlcher*, под названием «Школа эвритмии»; она присоединилась к «антропософии» Штейнера и, таким образом, стала филиалом одноимённой школы, существующей в Дорнахе; на посту директора г-жу Мадлен Лефевр (а не Лепренс, как было ошибочно напечатано) сменила г-жа Симона Риуэ, которая, как мы полагаем, в прошлом изучала философию в Католическом институте Парижа. [Примечание ко 2-му изданию.]

> Новая эра открывается для человечества. Жестокое время войн подошло к концу. Лига Наций будет непреодолимо противостоять угрозам применения насилия и пробуждению захватнического духа. Программа мира, разработанная президентом Вильсоном на основе права народов на самоопределение, единственная сможет обеспечить окончательное установление в мире справедливости и согласия [...] Во время начавшегося периода освобождения Союз за освобождение народов для мирового общественного мнения будет являться искренним интерпретатором и беспристрастным органом, выражающим интересы народов. Он будет содействовать усилиям всех человеческих общностей в их продвижении к благу.

В сентябре того же года теософистская группировка выпустила ещё одно издание под названием «Голубое знамя» [*Le Drapeau Bleu*], «газету Нового мира» и «орган Лиги Наций и Классов», имеющая своим девизом «Эволюционировать в сторону единства под руководством иерархии благодаря любви». Как видно, теософисты просто одержимы идеей эволюции[415]. Утверждалось, что голубое знамя является «символом синергии, симпатии, синтеза на национальном и международном уровнях»[416]. Перед нами ещё один пример напыщенных и пустых выражений, которые присуще всем кругом этого рода и которые в достаточной мере импонируют наивным людям. Также чуть позже была основана итальянская группа «Голубого знамени» под названием *Società per l'Evoluzione Nazionale*, имеющая своим органом журнал *Vessillo* и девизом: «За нацию как личность, за человечество

---

[415] Два французских теософиста, д-ра А. Овар и М. Шульц, даже выдумали особое учение, которое они дали скорее варварское название «эволюцизм».

[416] Эсперантисты, со своей стороны, приняли в качестве своей эмблемы зелёное знамя, чей цвет соответствует названию, данному «вспомогательному международному языку», который они стремятся пропагандировать. Также они имеют своим знаком звезду с пятью лучами, полностью аналогичную масонской «пылающей звезде» и серебряной звезде, которую носят члены «Ордена звезды Востока». Нужно ли также проводить параллель с голубой звездой, которая служит отличительным знаком для некоторых антиалкогольных обществ?

как нацию». Всё это напоминает нам знаменитый «конгресс человечества», о котором мы говорили выше: источник вдохновения один и тот же, и результаты, без сомнения, ненамного более блистательны. А могло ли быть иначе, в то время как даже официально учрежденная «Лига Наций» оказалась нежизнеспособной, и мы уже являемся свидетелями её краха? В любом случае, несомненным фактом является то, что круги, о которых мы здесь ведём речь, и те, которые с ними сходны, в большей или меньшей степени исповедуют пацифизм и интернационализм. Но если интернационализм большего количества теософистов, образующих массовую основу движения, является, без сомнения, реальным и искренним, позволительно задаться вопросом, можно ли это сказать об лидерах, которые нам уже представили сколько оснований сомневаться в их искренности во всех отношениях. Позже мы попытаемся ответить на этот вопрос[I].

Примечания к главе

[C] К списку организаций, входящих в «Орден служения» Теософского общества, следует добавить «Лигу международной переписки», основанную в 1920 г. и «предлагающую сотрудничать в осуществлении первой цели Т.С., которая заключается в создании ядра всеобщего братства, путём создания и укрепления уз дружбы и привязанности между всеми теософами мира». Секретарем во Франции является г-н Ж.-К. Демаркетт, который в то же время является президентом другой ассоциации под названием *Le Trait d'Union*; последняя, не нося открыто теософского характера и обращаясь прежде всего к «идеалистической молодежи», называет себя «натуристским обществом человеческой культуры» и с «Национальной лигой борьбы с алкоголизмом». Кроме того, в 1928 г. тот же г-н Демаркетт организовал «Натуристский народный университет», который, видимо, преследовал те же цели, но, несомненно, был ориентирован на другие круги. В вопросе о международном языке теософы, по-видимому, несколько разделились: одни выступают за эсперанто, другие предпочитают идо; поэтому наряду с «Теософской лигой эсперанто» в настоящее время существует недавно созданный «Международный союз теософов-идистов». Говоря об интересе теософистов к педагогической деятельности, следует отметить, что они особенно активно пропагандируют «метод Монтессори», названный так по имени автора, итальянского врача, являющейся также теософисткой. В октябре 1911 года на Шан-де-Марс, улица Генерала Трипье, 5, был от-

крыт детский сад под названием «Центр теософского воспитания», где применялся этот метод (*Le Théosophe*, 16 декабря 1911 г.). В председательской речи г-жи Безант мы даже читаем следующее: «Великий Учитель приказал нам наполнить системы образования теософскими идеями. Это было очень эффективно сделано в Европе, одним из результатов чего стала система Монтессори… Мы не собираемся навешивать теософские ярлыки на новые идеи, касающиеся образования, и тем самым как бы патентовать их; идеи являются свободной собственностью каждого, и достаточно, чтобы они распространялись в ментальной атмосфере, чтобы быть воспринятыми всеми восприимчивыми умами» (*Adyar Bulletin*, январь 1918, по *Theosophical Bulletin*, январь-февраль-март 1918). Смысл последнего предложения совершенно ясен: речь о том, чтобы внушать людям идеи, не дав им понять, откуда эти идеи исходят; теософистская пропаганда будет тем эффективнее, чем меньше будет воспринимаема как теософистская. [Примечание ко 2-му изданию.]

[G] Было бы интересно проследить влияние теософизма на современную литературу разного рода, в том числе и в романах (например, «Святой Маглуар» г-на Ролана Доржелеса), причём очень часто это влияние осуществляется без ведома самих писателей. Естественно, теософисты с удовлетворением фиксируют результаты этого влияния в таких заметках, как, например, следующая: «В литературе все чаще говорят о психических явлениях, оккультизме и теософии; из Америки нам сообщают о появлении (*sic*) некоторого количества психических фильмов с большим эффектом, типа “Прикосновение умерших”, который был недавно нам показан» (*Bulletin Théosophique*, январь 1922 г.). Любопытно, прямо перед этим сообщением сказано о появлении первого издания настоящей книги; мы воспроизводим этот текст в качестве документа: «Только что появилась работа, представляющая собой очень резкую критику теософии и её наставников: “Теософизм, история одной псевдорелигии” Рене Генона. Мы не можем обойти её молчанием, так как она написана очень искусно и, несомненно, запутает тех, кто мало знаком с историей нашего Общества и не имеет ещё достаточных знаний о самой Теософии. Пусть нас не беспокоит то, что может быть сказано или написано, истина прокладывает себе путь, никто не может её остановить, и мы действительно владеем толикой этой истины. Широкое распространение экспериментальных психических наук и спиритизма свидетельствует о том, что человечество стремится освободиться от догматических оков церкви и готово к пониманию реинкарнации и кармы». Это обычный прием, когда на конкретные вопросы отвечают декларациями и банальностями: «истина прокладывает себе путь» — сколько раз этим злоупотребляли со времен «дела Дрейфуса»? Но интересно то, что теософизм объединяется со спиритизмом, «большая мода» на который лишь подтверждает общее психическое рас-

стройство нашей эпохи и нездоровье многих наших современников. Более того, если анонимный автор этой заметки и не «дал себя запутать», то, по крайней мере, был несколько непоследователен: если человечество «освобождается от догматических оков церквей» без исключения, то что же будет с «Либеральной Католической церковью»? [Примечание ко 2-му изданию.]

[I] Во время войны теософисты не упустили возможности вести пропаганду среди солдат; во Франции они издавали «окопную газету» «Курукшетра», ссылаясь на великую битву, описанную в «Махабхарате» (*Adyar Bulletin*, январь 1918 г.). В дополнение к различным формам пропаганды, рассмотренным в этой главе, следует упомянуть ещё одну, которая, по-видимому, особенно характерна для теософизма и некоторых более или менее связанных с ним американских сект: это так называемая «ментальная пропаганда». Вот как объясняет это понятие г-жа Безант: «Группа людей с общими убеждениями, группа теософов, например, может в значительной степени способствовать распространению теософских идей в своем ближайшем окружении, если они согласятся посвящать по десять минут в день медитации над каким-либо теософским наставлением. При этом не обязательно, чтобы они находились в одном и том же месте, главное, чтобы их мысли были едины. Предположим, что небольшая группа решила медитировать на тему реинкарнации по десять минут в день, в оговоренное время, в течение трёх или шести месяцев. В выбранную область хлынули бы очень мощные мыслеформы, и идея реинкарнации проникла бы в сознание значительного числа людей. Люди будут искать информацию и книги по этой теме, а конференция по этой теме, подготовленная подобным образом, привлечет жаждущую информации и заранее заинтересованную публику. Там, где мужчины и женщины серьёзно соглашаются с темой ментальной пропаганды, достигается прогресс, совершенно несоизмеримый с используемыми физическими средствами» (*The Power of Thought, Its Control and Cultivation*, стр. 178-179). Важно отметить, что практика такого рода лежит в основе известного обычая «минуты молчания», завезенного в Европу американцами и ставшего после войны одним из основных элементов почти всех официальных памятных мероприятий; кроме того, в более общем плане можно было бы многое сказать о псевдорелигиозных отклонениях, присущих тому «гражданскому культу», частью которого является этот обычай. [Примечание ко 2-му изданию.]

Глава XXVII. Теософистское морализаторство

Мы уже имели случай отметить, что после смерти г-жи Блаватской доктринальная суть теософизма потеряла своё значение в пользу моральной и сентиментальной стороны. Впрочем, не следует думать, что последняя отсутствовала в начале, потому что «всеобщее братство» всегда являлось первой из трёх целей, заявленных Теософским обществом. В этом отношении, не касаясь собственно пропаганды теософизма, именно сама г-жа Блаватская предприняла инициативу деятельности в определённых рабочих кругах. Вот что она написала в 1890 г.:

> В Лондоне, в этом подлинном центре цветущего самым пышным цветом материализма, в Ист-Энде, мы основали первый клуб для женщин-работниц, со свободным доступом без всяких условий и различия веры. Вплоть до сего дня подобные попытки предпринимали лишь секты, которые навязывали особые религиозные верования. Наши же основаны исключительно *на идее братства* людей, не принимая различия в вере в качестве барьера[417].

Итак, по мнению основательницы, речь шла о прямой конкуренции с благотворительными учреждениями, имеющими конфессиональный характер, и эта конкуренция впоследствии распространиться и на другие сферы, в особенности на сферу образования. Именно в этом смысле следует понимать заявления, подобные этому:

> Задачей всех теософов, ставящих перед собой эту цель (всеобщего братства), является пропаганда образования *несек-*

[417] «Голубой лотос», 7 октября 1890, стр. 237.

тантского характера во всех странах и всеми практическими средствами[418].

Однако, даже по мнению многих теософистов, ныне ставших диссидентами, образовательные и прочие учреждения Теософского общества при г-же Безант, напротив, приняли отчётливо «сектантский» характер. Впрочем, со своей стороны, мы полагаем, что эта «плачевная» эволюция была неизбежной, так как Теософское общество, хотите ли вы этого или нет, является сектой, подобной другим, и оно всегда было таковым, хотя, конечно, его «псевдорелигиозная» оболочка постоянно усиливалась. Именно чтобы придать своему движению характер религии, продолжая при этом уверять, однако, что это совершенно не входит в их намерения, нынешние лидеры теософистов так увлеклись «морализаторством», ибо в духе протестантизма считают, что оно представляет собой сущность всякой религии. Г-н Ледбитер утверждает:

> Все религии превозносят одни те же добродетели и осуждают одни и те же пороки, [...] и приверженцы всех религий согласны в том, что человек, чтобы заслужить доброе имя, должен быть справедливым, щедрым и правдивым[419].

Именно с этим самым намерением теософисты развивают прежде всего в наши дни теории наподобие «кармы» и реинкарнации и любезно распространяются насчёт того, что в них «утешительного»[420], по крайней мере, того, что они находят таковым, в то время как другие могут оценить это совершенно противоположным образом: в сущности, обычная разница в сентиментальных склонностях людей. Но эта разница важна, если желаешь познакомиться с теософистской ментальностью, важно увидеть, насколько эта

---

[418] «Ключ к теософии», стр. 64.

[419] *L'Occultisme dans la Nature*, стр. 379.

[420] См., например, брошюру «Тем, кто страдает» м-ль Эме Блеш.

«утешительная» природа способствует тому, что люди начинают принимать теории наподобие этих без от каких-либо логических доказательств, попытки привести которые были бы достаточно неблагоразумны. То, что лидеры теософистского движения заняли подобную позицию, является бесспорным признаком их интеллектуальной слабости. Но есть ещё и другая вещь: это конкуренция в религиозной сфере, которая продолжается в форме, отличной от той, в которую она облекалась вначале. Чтобы соперничать с религиями в борьбе за души людей, необходимо было предложить преимущества, сравнимые с теми, которые находят в них большая часть их приверженцев. Поэтому, подталкиваемые силой обстоятельств, теософисты рано или поздно должны были прийти к тому, чтобы оказаться религиозной сектой. Признают ли они или отрицают, ничего не меняет, и эта секта, если принять во внимание происхождение её лидеров, неизбежно обнаружила тенденции, присущие протестантским сектам: именно это в действительности и происходит, и одним из самых значимых проявлений этих тенденций является доминирование «морализаторства».

Если обратиться к списку вспомогательных организаций Теософского общества, который мы привели в предыдущей главе, легко принять во внимание, что цели, декларируемые почти всеми этими ассоциациями, исключая те, которые имеют весьма специфический и открыто теософистский характер, связаны почти всегда с определённым набором направляющих идей, имеющих сентиментальную основу: гуманитаризм, пацифизм, борьба с алкоголизмом, вегетарианство, которые особенно дороги «морализаторской» ментальности, присущей англосаксонскому протестантизму. Некоторые современные движения, некоторые антиалкогольные компании, например, имеют очень интересную для изучения подоплёку. Было бы очень поучительно проследить в них, с одной стороны, влияние протестантизма, а с другой, масонства и тайных обществ. Добавим, что изучение феминистского движения, даже помимо «сомасон-

ства», о котором мы рассказывали, было бы не менее интересно с этой точки зрения. Ограничимся здесь несколькими примерами того, что касается борьбы с алкоголизмом и вегетарианства. Конечно, организации, о которых у нас пойдет речь, не имеют никакой прямой связи с теософизмом, но тем не менее бесспорно, что они вдохновляются одним и тем же духом.

В Америке[A] существует два тайных общества, одно мужское, а другое женское, называемых «Сыны Ионадава» и «Объединенные дочери Рехава». Эти общества основывают свою деятельность на следующем стихе из Библии:

> мы вина не пьём, потому что Ионадав, сын Рехава, отец наш, дал нам заповедь; сказав: «не пейте вина ни вы, ни дети ваши, вовеки[421].

Ни один член, нарушивший свой обет, не может быть заново принят в них впоследствии. Другая похожая ассоциация — это «Орден сынов воздержания», который предназначен для мужчин, но к которому примыкают «Орден дочерей воздержания» для женщин и «Орден отроков воздержания» для молодежи. На вопрос: «Почему у этого Ордена есть тайны?» следует такой ответ:

> Древняя притча гласит, что однажды Жизнь и Праздность поженились друг на друге, и у них был ребенок, чьё имя Любопытство. Это дитя ещё живёт на земле, и оно нечто вроде вездесущего существа, поддерживающего своё существование тем, что крадет немножечко у одного, немножечко у другого, и так что-то у всех. И именно чтобы избежать чересчур частных вторжений этого нескромного и надоедливого существа, в нашем Ордене были введены тайны.

Мы приводим эту цитату, потому что она в достаточной мере характеризует ту особую ментальность, что царит во

всех этих обществах. Мы не думаем, что в былые времена кому-либо пришло в голову создавать тайные общества с такими ребячливыми целями. С другой стороны, в английском масонстве существуют особые ложи, именуемые «ложами воздержания», чьи члены берут на себя обязательство строго воздерживаться от употребления любых алкогольных напитков. Наконец, мы назовем также «Независимый орден добрых тамплиеров»[B], другую ассоциацию американского происхождения, который также требует от вступающих строгого обета молчания под предлогом приучить своих членов быть хозяевами самим себе и которые многими нитями связан с масонством. Помимо лож для взрослых, куда лица обоих полов допускаются начиная с шестнадцати лет, у этого Ордена есть молодежные ложи или «Храмы юности». Многочисленные филиалы этой организации существуют в различных странах Европы: Англии, скандинавских странах, Германии, Венгрии, Швейцарии, Бельгии и Франции. В 1906 г. «Великим главой Тамплиеров мира» был г-н Ваврински, депутат шведского парламента; главой французского отделения является д-р Легрен, главный врач приюта Виль-Эврар[422].

Борьба с алкоголизмом также является частью теософистского учения. Г-жа Блаватская писала:

> Для нравственного и духовного развития человека алкоголь ещё хуже мяса, поскольку он во всех его проявлениях

[A] Нет сомнений, что упомянутые американские тайные общества были основным источником вдохновения для кампаний, приведших к принятию «сухого закона» почти на всей территории США. [Примечание ко 2-му изданию.]

[421] Иер. 25:6.

[B] Ложа «Земля и свобода» «независимого ордена храбрецов» собирается в «Вегетарианском центре» на улице Матис, 40; этот «Вегетарианский центр» описывается как «дело по охранению человека от страданий». [Примечание ко 2-му изданию.]

[422] Д-р Легрен одновременно принадлежит к масонским кругам: в 1901 г. он был президентом ложи «Шотландский Иерусалим».

> оказывает непосредственное, заметное и самое пагубное влияние на психическое состояние человека[423].

Что касается вегетарианства, то причины, по которым его превозносят теософисты, различны. Прежде всего, на передний план выдвигают тему «духовной эволюции»:

> […] Человек, который питается мясом животных, приобретает также некоторые из качеств животного вида, которому это мясо принадлежит. Более того, Оккультная Наука учит этому и наглядно демонстрирует (*sic*) это своим ученикам, показывая также, что наибольшее «огрубляющее» или «животное» действие оказывает на человека мясо крупных животных, и что в меньшей степени проявляется оно при употреблении птицы, ещё в меньшей — рыбы и других холоднокровных животных, и менее всего — когда человек питается исключительно овощами […] Тем, кто хочет посвятить себя серьёзным исследованиям, мы советуем режим питания, который будет наименее обременительным для их мозга и тела и как можно меньше замедлять и препятствовать развитию их интуиции, а также их внутренних сил и способностей[424].

Как явствует из этих последних слов, именно ради неких психических тренировок вегетарианство с особой настойчивостью рекомендуется, если и вовсе не вменяется в обязанность, членам эзотерической секции; однако, если бы г-жа Блаватская в самом деле полагала его столь же необходимым в этом отношении, как она то утверждала, то, весьма вероятно, она начала бы с того, что приняла бы его для своего личного пользования, чего она никогда не делала; справедливости ради следует признать, что подобного упрека нельзя обратить в адрес г-жи Безант. Предшествующие доводы, несомненно, в высшей степени спорны, но, во всяком случае, они куда менее смехотворны, нежели те сентиментальные соображения, кои к ним присовокупляются ради

---

[423] «Ключ к теософии», стр. 369.

[424] Там же, стр. 367-368.

оправдания вегетарианства в более общем смысле, и на каковых современные теософы, по всей видимости, настаивают сильнее всего: мы суть братья животным, говорят они, и не подобает пожирать своих братьев, даже если они менее эволюционировали, нежели мы; на это им можно было бы возразить, что, при их понимании эволюции, мы в равной мере являемся братьями растениям и даже минералам, так что подобное рассуждение, будучи строго продолжено и применено на практике, обрекло бы нас на голодную смерть, чисто и просто. Тем не менее, преимущественно именно по этой причине большинство теософов столь сильно привержены вегетарианскому режиму, к которому они, впрочем, обыкновенно добавляют молоко и яйца, являющиеся, как-никак, веществами животного происхождения; правда, должно признать, что в самом вегетарианстве существуют различные виды и ступени. В наши намерения отнюдь не входит абсолютное осуждение вегетарианства самого по себе, однако то, что можно утверждать со всем основанием, сводится к тому, что режим питания должен оставаться исключительно вопросом климата, расы и темперамента; Папюс совершенно справедливо отмечал, что надлежит быть таким же невеждой, как теософ, дабы навязывать англичанам тот же самый пищевой режим, что и индусам[425], и в этой связи он приводит следующий случай:

> В Лондоне, в штаб-квартире мистического общества (Теософского общества) мы наблюдали двух его членов, графиню W. и г-жу М.[426], буквально умирающих от голода из-за боязни есть «живые существа», в то время как основатели, под предлогом болезни, поглощали за столом огромные куски рыбы вместе с шикарными блюдами из риса и различных овощей. Дамы хотели бы иметь «видения»

[425] *Traité élémentaire de Magie pratique*, стр. 128.

[426] Первая должна быть графиня Вахтмайстер, кто же вторая, нам не известно.

и в ожидании их они заработали себе изрядную дозу мозговой анемии[427].

Среди порождений теософизма мы упомянули «Вегетарианское общество Франции», которое имеет своим органом журнал *Hygie*, издаваемый им совместно с «Бельгийским обществом изучения реформы питания». Ранее выходило другое подобное издание под названием *La Reforme Alimentaire*, которое выступало, помимо этого, за борьбу с вакцинацией и «пастеровскими методами». Касательно этого последнего пункта мы уже отмечали враждебное отношение д-ра Анны Кингсфорд к Пастеру, а также существование в рамках «Ордена служения Теософского общества» английской ассоциации, ставшей своей целью «отмену вивисекции, вакцинации и прививок». Перед нами пример мнений, которым самим по себе можно дать совершенное обоснование, но удивительно видеть их так тесно связанными со всеми видами сентиментального и «гуманитарного» вздора (или, лучше сказать, *humane*, как говорят англичане, используя слово, которое выражает почти непереводимый нюанс), из-за чего всё это теряет какой-либо намёк на серьёзность в глазах здравомыслящих людей.

Что касается вегетарианства, то мы можем отыскать соответствия, точно такие же, как и те, которые мы находили для борьбы против алкоголизма. Чтобы начать, скажем, что антуанистское учение, о которой шла речь в предыдущей главе, также рекомендует вегетарианский режим питания. С другой стороны, нам известно тайное английское общество, именуемое «Орденом примирения» (*Order of the Atonement*), чья штаб-квартира находится в Брайтоне и у которого есть «великие храмы» в Париже, Иерусалиме и Мадрасе. Члены этой организации определяют её как «строго тамплиерский и вегетарианский Орден», две вещи, между которыми, конечно, трудно отыскать малейшую связь. Впрочем, не намного легче объяснить название «Добрые тампли-

[427] Там же, стр. 130-131.

еры» для ассоциации борцов с алкоголизмом. Этот орден претендует на то, что его происхождение восходит к «Храму *Ioua* (*sic*) в Святом городе», то есть к Храму, воздвигнутому Соломоном в Иерусалиме, точно также как и масонство. Его члены принимают на себя обет посвятить все их усилия приближению прихода «Золотого века». Это последнее выражение, которое, очевидно, определяет здесь эпоху, в которой люди будут полностью воздерживаться от какой-либо животной пищи, заставляет вспоминать другую ассоциацию, основанную в Англии в 1895 г. и как раз носившую название «Орден золотого века». Члены этой организации, скромно называющие себя «рыцарями искупления», идут значительно дальше строгого вегетарианства: они не только запрещают всякую пищу животного происхождения, но они ещё и фрукторианцы и воздерживаются от всего жареного, трудно было бы отыскать нечто более строгое. Этот орден, который обрисовывает свой «идеал» в особо напыщенных и высокопарных выражениях, имеет своих приверженцев в Северной Америке, в чём нет ничего удивительного, и даже в Индии. В этой стране он находит сторонников почти исключительно среди джайнов. Одним из самых видных его членов является д-р Ву Цин Фан, который в Китае был министром во временном революционном правительстве Сунь Ятсена (который, после того как в течение некоторого времени укрывался в Японии, недавно избрался президентом Южнокитайской республики и который, заметим попутно, является протестантом и принадлежит к американскому масонству). Наконец, он имел среди своих членов бывшего «фрукторианцем» президента Мексиканской республики Франсиско Мадеро (убитого в 1913 г.), который в то же самое время был оккультистом и масоном высокой ступени: между всем этим обнаруживаются самые неожидан-

ные связи[C]. Но достаточно на эту тему, которую кое-кто найдет малосерьёзной и не заслуживающей особого внимания. Однако, если мы и остановились на ней, то потому, что эти вещи, какими бы экстравагантными они не были, совсем не так безобидны и жалки, как это могло бы показаться слишком поверхностно смотрящему наблюдателю. К тому же, они достаточно наглядно показывают, что собой представляют течения современной ментальности, к числу которых принадлежит и теософизм, и мы полагаем, что будет небесполезным задержаться ещё на этом последнем пункте.

[C] После смерти Сунь Ятсена его бывшие соратники разделились, и некоторые из них перешли в коммунизм; любопытно, что большинство последних также являются протестантами, чаще — методисты, и, кроме того, связаны с *YMCA* (см. гл. XXVIII, второй абзац), роль которой в событиях, происходящих сейчас на Дальнем Востоке, конечно, очень странна. Помимо упомянутых в этой главе тайных организаций, существует также «Ассоциация космополитов, вегетарианцев и оккультистов» (*V. P. A. — Vie Plus Abondante* [Более изобильная жизнь]), «хранителем» которой является г-н Ж. Кангилем из Бордо. [Примечание ко 2-му изданию.]

Глава XXVIII. Теософизм и протестантизм

Нам кажется, без сомнения, что некоторые из утверждающихся в теософистской пропаганде тенденций, прежде всего те, которые мы определили как «моралистические», носят на себе отпечаток протестантского духа и преимущественно духа англосаксонского протестантизма. Мы не хотим сказать, конечно, что эти тенденции присущи исключительно протестантизму, но именно в нём они доминируют и именно в его рамках они более или менее широко распространяются в современном мире. Впрочем, мы обнаруживаем ещё одну аналогию между теософизмом и нынешними течениями протестантизма (прежде всего, либерального протестантизма, представляющего собой его крайнюю форму и одновременно логическое завершение) в замене собственно религии неопределённой «религиозностью», из-за чего сентиментальные элементы начинают преобладать над интеллектуализмом, вплоть до того, что последний полностью исчезает. Разве не это хотели сделать в католичестве модернисты, чья ментальность, как мы уже отмечали, в своей основе именно протестантская? Все эти тенденции сохраняют свою силу, так что не стоит удивляться, что теософисты, называющие себя католиками (так как подобные имеются), при любом удобном случае заявляют о своих модернистских или «модернизаторских» симпатиях[428]. Мы также отмечали, что общим образом «неоспиритуализм» родственен протестантизму. Именно прежде всего в протестантских странах связанные с неоспиритуализмом секты возникают, развиваются и размножаются невероятным образом, что является при-

[428] См., напр., анонимную брошюру: *La Compagnie de Jésus et la Théosophie: Réponse d'une Catholique aux «Etudes»* (статьи R. P. de Grandmaison).

знаком серьёзного разлада в религиозной ментальности. Но из числа всех этих сект именно в теософистском движении наряду с некоторыми группировками спиритов, которые можно было бы определить как «пиетистские», влияние протестантского духа кажется наиболее явным.

Если исследовать методы, используемые теософистами для распространения своих идей, легко увидеть, что они те же, что у протестантских сект. Там и здесь одна и та же оголтелая пропаганда и одна и та же инсинуационная гибкость в плане работы с различными кругами, на которые нацелена эта пропаганда, через создание всевозможных ассоциаций, с виду более или менее независимых, но призванных действовать сообща на одном и том же поле. Стоит ли напоминать здесь, например, о деятельности протестантов, которая осуществляется во всех странах посредством «Христианских союзов молодых людей» (*Y.M.C.A.*)[A] и их филиалов[429], куда допускаются все кто угодно без различия в конфессиональной принадлежности, занимающихся, насколько это возможно, прозелитизмом, который, хоть и в замаскированной форме, не становится от этого менее ярым? Но это ещё не все: ассоциации наподобие этих, продолжая воздерживаться от того, чтобы называть себя «конфессиональными», признают однако решающую роль протестантского влияния. Но, помимо них, среди них существуют ещё и другие, которые афишируют абсолютный нейтралитет, но которые тем не менее тесно связаны с протестантами и иногда имеют во главе себя одних и тех же людей или большинство лидеров которых, в любом случае, составляют протестанты.

[A] Сокращение *YMCA* означает «Young Men's Christian Associations» [«Ассоциации христианской молодёжи»]; можно было бы сказать несколько любопытных вещей о мании обозначения инициалами, которая распространилась сейчас повсеместно; она, несомненно, англосаксонского и, в основном, американского происхождения, и некоторые люди хотят видеть в ней, не без некоторого основания, указание на влияние многочисленных тайных или полутайных обществ, более или менее связанных с масонством, или, по крайней мере, подражающих ему. [Примечание ко 2-му изданию.]

[429] Среди них следует упомянуть во Франции деятельность «Домов Солдата».

К таковым относятся «нейтральные» объединения «бойскаутов», помимо откровенно протестантских ассоциаций[430]. То же самое можно сказать о лигах борцов с алкоголизмом и разнообразных тайных или наполовину тайных обществах, о которых мы вели речь в предыдущей главе. Они, в большинстве своём продолжая оставаться «нейтральными», тем не менее имеют один общий по сути своей источник происхождения в виде протестантизма. Между тем, эти же самые черты обнаруживаются у многочисленных вспомогательных организаций, учрежденных теософистами. Вне зависимости от того, имеют ли эти организации своей заявленной целью пропаганду теософизма или же нет, объявляют ли себя они независимыми и открытыми для всех, признают ли они источник своего происхождения или же более или менее его тщательно скрывают, все они, на самом деле подчинены единому руководству и призваны прямым или косвенным образом «служить» теософизму, порой без ведома подавляющего большинства их членов, совершенно не подозревающих о той роли, которую они вынуждены играть.

Эту тождественность устремлений и методов можно объяснить достаточно естественным образом протестантским происхождением лидеров теософистского движения и большинства их приверженцев. Среди них есть немало бывших «священников», которые, пусть они и покинули свои церкви, тем не менее нисколько не изменили из-за этого свою ментальность, и которые сохраняют её нетронутой под «старокатолической» маской, что они нацепили в последнее время. Но стоит ли останавливаться на этом, и нужно ли полагать, что дух религиозного соперничества приведёт к столкновению теософизма с собственно протестантизмом, как он сталкивает, чтобы не говорили, теософизм с католичеством? Нет, здесь совсем другой случай, так как необходимо принимать во внимание неопределённое множество сект, прису-

[430] См. Пол Копин-Альбанселли, *La Question des Boy-Scouts ou Eclaireurs en France*.

щее природе протестантизма как следствие утверждения им идеи «свободного исследования», то есть, в итоге, отсутствия принципов и традиционного авторитета. Между тем, протестантские секты также конкурируют между собой, что не мешает им объединяться при помощи весьма реальных связей, так они представляют собой лишь различные проявления одной и той же общей ментальности. И в данном случае соперничество не подразумевает жесткую враждебность, поскольку нет ничего, что было бы сравнимо с католическим единством. Именно по этим же причинам схизматические церкви, именующие себя католическими, (мы не говорим, конечно, о восточных православных церквях), непреодолимо стремятся связаться с протестантизмом и к тому же представляют тот же феномен деления. Среди этих расколов и протестантских общностей даже трудно проследить явную линию разделения: разве англикане, например, не любят называть себя католиками? В сущности, отношение теософистов к протестантским сектам не отличается заметно от отношений между самими этими сектами. Именно поэтому индусы могут рассматривать теософизм, по крайней мере, в его нынешнем виде, как новую протестантскую секту, которая добавилась ко всем уже прежде существовавшим: одной больше или одной меньше, в таком многообразии это имеет только весьма небольшое значение. Впрочем, нам известны люди, которые последовательно побывали в различных протестантских сектах и которые пришли оттуда в теософизм или обратно. Именно об этих людях один бывший бельгийский теософист весьма справедливо заметил, что «из-за них некоторые группы начинают походить на Армию спасения»[431]. Точно такое же впечатление получаешь, когда знакомишься с некоторыми материалами из теософистских изданий, чей дух совершенно схож с духом протестантских проповедей. Такое сходство не может быть случайным. Мы не хотим сказать, конечно, что теосо-

[431] *Sigogne Emile*, *Lettre ouverte a M-me Besant*: *Mysteria*, февраль 1914.

физм берёт начало от такой-то или такой-то определённой ветви протестантизма. Но когда мы говорим о протестантизме в общем, как мы это делаем здесь, необходимо прежде всего понимать под ним определённое состояние духа, определённую особую ментальность. Именно это состояние духа и эту ментальность выдают в точности все отмеченные нами аналогии: они присущи теософистам, также как свойственны в различной степени многим другим «неоспиритуалистам» и, повторим это, так называемым католическим модернистам и «имманентистам» и ещё в сфере философии современным приверженцам прагматизма и интуитивизма. Впрочем, это не препятствует тому, что в этих течениях мысли и в их отправной точке могут иметь место индивидуальные или коллективные влияния, осуществляемые более или менее скрытым образом, при этом их деятельности благоприятствует путаница между всеми этими группами и школами. Различия, пусть даже они и не являются целиком поверхностными, в любом случае носят значительно менее принципиальный характер, чем общие тенденции. Можно сказать, что всё происходящее напоминает то, как если бы множество усилий, каждое в собственной сфере и в соответствии с собственными средствами, было направлено на осуществление единого плана.

По поводу отношений теософизма с протестантизмом возникает ещё один вопрос: если принимать во внимание, что теософизм является антихристианским по своей природе и что он остается таковым несмотря на нынешнюю «неохристианскую» оболочку, нужно ли делать вывод, что протестантизм, когда присущие ему тенденции дойдут до предела, должен логично закончить антихристианством? Сколь парадоксальным это заключение, возможно, не кажется на первый взгляд (и особенно когда вспоминаешь, что протестантские секты любят называться «христианскими» без дополнительных обозначений и ещё «евангелическими»), однако имеются факты, которые, по крайней мере, способны

придать ему некоторое правдоподобие[432]: таков прежде всего случай «либерального протестантизма», который даже не признает божественности Христа или же допускает её только как «образное выражение» и который в сущности представляет собой простое «морализаторство», замаскированное под псевдорелигию. И это вырождение является более логичным, на наш взгляд, чем останавливающиеся на полпути протестанты, которые объявляют себя «ортодоксами», как если бы могла существовать ортодоксия там, где ни одно правило не может быть действенно применено, чтобы ограничить произвол личных интерпретаций!

С другой стороны, необходимо ещё заметить, что в настоящее время мессианские и милленаристские представления получают странное распространение в некоторых протестантских сектах[B]. К числу таковых принадлежит, например, секта «адвентистов», проповедующая близкий конец света и второе пришествие Христа. Кроме того, сейчас больше, чем никогда, мнимые пророки и мессии странным образом наполняют все круги, где занимаются оккультизмом. Помимо теософистского Алкиона, нам известно некоторое количество таковых, и к ним добавляются ещё другие. Идея будущего «перевоплощения Христа» сейчас распространяется в кругах спиритов; надо ли видеть в этом знак времени? Как бы там ни было, совершенно не собираясь делать никаких предсказаний, трудно перед лицом всех этих фактов удержаться от того, чтобы вспомнить следующие слова

---

[432] Именно к этому выводу приходит автор статьи, посвящённой г-ну Ледбитеру и подписанной *Thimothee* (Шарль Годар), которая была опубликована в: *l'Echo du merveilleux*, 15 июля 1912. Эта статья, взгляды автора которой, не совпадают, впрочем, с нашей собственной точкой зрения, заканчивается такими словами: «Поразмышляв над страницами, которые г-жа Анни Безант написала на тему будущего явления *учителя мира*, великого возглашателя мировой религии, теософисты будут склонны признать его в Антихристе. Протестантизм будет иметь своим окончательным следствием антихристианство».

[B] Г-жа Безант не преминула отметить, что «секта “ирвингитов” весьма определённо поддержала идею второго пришествия Христа» (*Vers l'Initiation*, стр. 150); это очень четкое подтверждение связи между мессиантством этих протестантских сект и мессиантством теософистов. [Примечание ко 2-му изданию.]

Евангелия: «Ибо восстанут лжехристы и лжепророки, и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных»[433]. Конечно, до этого ещё далеко. Ложные мессии, которых мы до сих пор видели, делали пророчества весьма посредственного качества, и тех, кто за ними последовал, вероятно, не слишком трудно было соблазнить, но кто знает, что нам уготовано завтра? Если думать, что все эти ложные мессии всегда оказывались только в большей ими меньшей степени бессознательными орудиями в руках тех, кто их породили[C], и если вспомнить в особенности серию последовательных попыток, предпринятых теософистами, то приходишь к выводу, что это только пробные шаги, своего рода эксперименты, которые будут повторяться в различных формах до тех пор, пока успех не будет достигнут, и которые пока имели всегда своим результатом только то, что в души людей вселялось беспокойство. Впрочем, мы не склонны считать, что теософисты, а тем более оккультисты и спириты способны преуспеть сами по себе в таком предприятии, но не скрывается ли за этим движениями нечто гораздо более страшное, о чём их лидеры сами, возможно, не подозревают, но по отношению к чему они, в свою очередь, являются только орудиями? Мы оставляем этот вопрос без ответа, потому что для этого пришлось бы погрузиться в очень сложные рассуждения, что привело бы нас далеко за рамки настоящего исследования.

---

[433] Мф. 24:24.

[C] Безуспешные попытки Кришнамурти уклониться от роли Мессии (см. гл. XXI, доп. прим. F) ясно показывают, что он является лишь инструментом, мы бы даже сказали — жертвой тех кампаний, в которых его личная воля не играет никакой роли. Нынешнее развитие теософистского мессианства, которое, похоже, не вызывает желаемого впечатления во «внешнем мире», не меняет того, что мы писали до последних событий; и следует добавить, что даже если лидеры теософизма сейчас считают это не просто попыткой, вполне возможно, что для других само их движение является лишь одним из многих элементов, по приготовлению к реализации гораздо более масштабного и сложного плана. [Примечание ко 2-му изданию.]

Глава XXIX. Политическая роль Теософского общества

Теперь нам осталось поговорить о политической роли, которую играет Теософское общество, особенно в Индии: эта роль получала разные оценки[434], и без сомнения, трудно составить себе ясное представление о ней, потому что это относится к вещам, которые теософисты по-настоящему держат в тайне, в гораздо большей тайне, чем свой псевдоэзотеризм. Они всегда утверждали, что, по крайней мере, как члены Теософского общества они не занимаются политикой, ссылаясь на то, что «их организация носит международный характер»[435]. Однако эта роль существует и, если общий состав членов общества на самом деле является интернациональным, его руководство представлено, тем не менее, только англичанами. Какие бы формы это общество не принимало, у нас есть убеждение (и мы даже могли бы сказать это с уверенностью), что теософизм, рассматриваемый с этой точки зрения, это орудие на службе британского империализма. Должно быть, оно было таковым с самого начала или стало чуть позже, так как заслуживающие доверия свидетели уверяли нас, что г-жа Блаватская во время своего пребывания в Индии получала от английского правительства достаточное крупное ежегодное пособие (нам называли цифру в двенадцать тысяч рупий), это, кажется, и было ценой услуг, оказанных ею во вред собственной родине. Впрочем,

---

[434] Так, д-р Ферран полагает, что Теософское общество по-настоящему придерживается интернационализма, и приписывает ему даже устремления, враждебные всякому политическому режиму. П. де Гранмезон, продолжая признавать, что в Индии Общество часто оказывало услугу властям, считает, однако, что оно иногда меняло свою позицию в этом отношении.

[435] «Ключ к теософии», стр. 327.

она добровольно отреклась от своего русского происхождения и предпочитала называться американкой (мы видели, что она на самом деле получила американское гражданство в 1878 г.). Ходжсон, значительно менее сведущий в этих делах, чем в том, что касается изучения психических феноменов, больше всего был не прав, подозревая в ней русскую шпионку, и если, как есть основание полагать, это подозрение было внушено ему некоторыми чиновниками, то дело в том, что они знали не намного больше его: политическая полиция в Индии находится целиком вне сферы компетенции гражданской администрации, хотя некоторые из её агентов одновременно являются и её сотрудниками. Во всяком случае, правительство, которое должно было узнать то, что он накопал, не обратило никакого внимания на обвинение Ходжсона. Теософское общество уже в это время работало на Англию. Вот, кстати, весьма говорящее замечание, которое Синнетт (сам бывший правительственным чиновником[A]) сделал в своей первой работе:

> Многие старые индийцы и несколько книг о восстании в Индии рассказывают о том, как непредставимым образом новости о событиях, произошедших вдали, проникали иногда на туземные базары ранее, чем они достигали ушей находившихся в тех же самых местах европейцев, несмотря на использование самых быстрых средств связи, которыми последние могли располагать. Полученное мною объяснение этого факта заключается в том, что братья (то есть «махатмы»), которые в эту эпоху желали сохранения британской власти, потому что они считали её предпочтительной для Индии по сравнению любой системой управления, происходящей от туземцев, быстро распространяли новости, пользуясь своими особыми средствами, когда эти новости могли успокоить народное воз-

[A] «Мистер Синнетт — бывший редактор газеты *The Pioneer*, официального органа, издаваемого в английской Индии» (Jules Lermina, *Magie pratique*, стр. 249). [Примечание ко 2-му изданию.]

буждение и остановить новые восстания[436]. Чувство, которое воодушевляло их в ту пору, то же самое, что воодушевляет их и сегодня, и правительство поступило бы мудро, если бы поспособствовало распространению влияния Теософского общества в Индии. Подозрения, которые высказывались в начале в отношении его основателей, хотя и не имели под собой почвы, однако были достаточно простительны, но в наши дни, когда природа движения стала известна лучше, чиновники британского правительства в Индии поступили бы хорошо, когда представится случай, если бы выразили свою симпатию к активистам общества, которые, будучи лишены каких-либо знаков внимания, вынуждены выполнять неблагодарную задачу»[437].

На самом деле, Теософское общество всегда пользовалось моральной и финансовой поддержкой правительства, если не всех его чиновников, и также поддержкой некоторых туземных князей, чьи англофильские взгляды хорошо известны. Так, махараджа Куч-Бехара, имеющий высокую степень посвящения британского масонства и умерший в Англии в 1911 г., состоял членом Теософского общества. Он организовал его отделение в столице своего государства в 1890 г., и в 1893 г. был избран президентом отделения в Дарджилинге[438]. Он был зятем Кешава Чандры Сена, основателя одной из сект Брахма самадж, носившей название «Церковь нового призыва». Близость этой секты к протестантскому христианству была, возможно, наиболее выраженной. Его сын и преемник, нынешний махараджа, также принадлежит к английскому масонству и является одним из иерархов Ордена «Тайного монитора» (*Secret Monitor*), который находится в зависимости от него. Теософское общество насчитывает

---

[436] Факт, о котором идёт речь, весьма реален и часто фиксировался не только в Индии, но и в мусульманских странах. Что же касается данного ему объяснения, то оно, конечно, носит столь же фантастический характер, что личности «махатм».

[437] «Оккультный мир», стр. 157.

[438] «Голубой лотос», 7 декабря 1890 и 27 марта 1893.

также, если не среди своих членов, но среди своих покровителей и благодетелей, махараджу Капуртхалы, другого высокопоставленного иерарха британского масонства, который в 1892 г. сделал пожертвование в сумме две тысячи рупий «Фонду памяти Е. П. Б.[439], призванному способствовать изданию переводов с восточных языков»[440]. И поскольку мы только что упомянули о присутствии в Индии масонства, вот простой факт, который позволит составить представление о том, какой может быть его роль: главой тайной туземной полиции был в 1910 году Депутат Великий магистр Великой Ложи Дистрикта Бенгалии, этот пост ранее занимал махараджа Куш-Бехара.

Естественно, правительство, оказывая поддержку Теософскому обществу, использует в качестве предлога необходимость помощи образовательным учреждениям, основанным Теософским обществом. Но в реальности эта поддержка объясняется, прежде всего, борьбой, которую теософисты ведут посредством этих учреждений и также других различных организаций против традиционных учреждений, и в особенности против кастовой системы, по отношению к которой европейцы проявляют столько враждебности только потому, что они неспособны понять глубокие принципы, на которых она основывается. Впрочем, индусская цивилизация целиком основывается на традиции, связанной с принципами чисто метафизического уровня. Конечно, подлинные индусы, которые являются по природе своей традиционалистами и которые по только что упомянутой нами причине не могут не являться таковыми, остерегаются от того, чтобы вступать в контакт с подобными кругами, тем более что они не смогли бы простить теософистам искажение восточных учений. Также они демонстрируют глубокое неприятие к тем

---

[439] Теософисты очень часто вместо имени г-жи Блаватской приводят одни её инициалы.

[440] «Голубой лотос», 27 сентября 1892. Упомянем ещё махараджу Дурбунгхи, члена Теософского общества, предоставившего сумму в размере двадцати пяти тысяч рупий («Лотос», март и июль 1888).

из своих соотечественников, впрочем, достаточно редким, которые присоединяются к этому обществу и которые, зато, как и те, что соглашаются стать масонами, находятся на хорошем счету у британского правительства, пользуясь иногда выгодной обстановкой. Именно таким образом, например, во главе археологической службы Кашмира несколько лет назад был поставлен теософист Дж. С. Чаттерджи, автор ряда работ[441], которые, несмотря на их названия и на претензии их автора, в большей степени написаны под влиянием эволюционистской (и весьма «экзотерической») философии Герберта Спенсера, нежели чем древнего восточного учения.

Что касается г-жи Безант, то её заверения в дружбе, адресованные индусам, никогда не принимались ими всерьёз: в 1891 г., в эпоху, когда она ещё заявляла, что «обратиться в христианство это ещё хуже, чем скептиком или материалистом», продолжая афишировать своё обращение в индуизм[442], г-н С. К. Мукхопадьяя написал в журнале *Light of the East*, что этот индуизм «чистая шумиха» и что вместе с этой «несерьёзной буддисткой» едва ли найдется несколько сотен теософистов на двести пятьдесят миллионов индусов. Рассматривая г-жу Безант как простого политического агента англичан, в заключение он предостерегает от неё своих соотечественников, советуя им более чем никогда сопротивляться всякому иностранному вмешательству. А вот в каких жестких выражениях много позже индусские патриоты отзывались о деятельности г-жи Безант:

> На протяжении своей полной приключений жизни г-жа Безант представала в различных обликах, но её последняя роль это роль скрытого и опасного врага индусов, среди которых она порхает, как летучая мышь во мраке ночи […] Точно также как сирены завлекали своими песнями людей в пучину, эта красноречивая и одаренная женщина свои-

[441] *Philosophie Esotérique de l'Inde; Vision des Sages de l'Inde; Le Réalisme Hindou.*

[442] *The two Worlds*, 20 апреля 1894.

ми слащавыми и ещё более лживыми словами заманивает индусскую молодежь на гибельный путь. Яд её цветастых речей, который пьют её зачарованные слушатели, более смертелен, чем яд змеи [...] После открытия «Центрального индусского колледжа» в Бенаресе г-жа Безант все более погружалась в грязь лицемерия и лжи. Возможно, горделивое чувство воображаемого превосходства её расы победило в ней её религиозный пыл. Г-жа Безант всегда отличалась непостоянством во взглядах и поступках. Эта характерная черта её ментальности побудила м-ра Стеда назвать её «женщиной без устойчивых убеждений». Как бы там ни было, несомненно, что в настоящее время она целиком заодно с планами касты чужеземцев, управляющей Индией и её следует считать врагом Индии [...] Итак, какова роль г-жи Безант среди правительственных агентов? Какие методы она использует? Ей доверили деликатную миссию контроля за религиозной жизнью индусов изнутри. Правительство не может прямо и открыто касаться нашей религии. Но иностранная бюрократия не может оставить в покое столь могучую и влиятельную силу, потому что она опасается любого института, могущего объединить покоренный народ. Как следствие, тайно посылают шпионов и лжецов, чтобы проникнуть в эту цитадель и ввести в заблуждение её стражей. Г-жа Безант и её коллеги в Бенаресе, такие как д-р Ричардсон и м-р Арундейл, принадлежат к английским империалистам, стремящимся контролировать религиозную жизнь индусов. Они подобны волкам в овечьих шкурах и их следует бояться и осуждать больше, чем грубых и открытых врагов Индии [...] Именно поэтому она перевела Бхагавадгиту и основала «Центральный индусский колледж»[443]. Сейчас со всей своей энергией она отдалась империалистической пропаганде Великобритании[444].

---

[443] Добавим, что это учреждение конкурирует с «Англо-ведийским колледжем Даянанды» (Лахор), основанным Арья самадж. Именно таким образом г-жа Безант, продолжая вести свою собственную деятельность, мстит за обиды, нанесенные когда-то г-же Блаватской.

[444] *La Sirène indienne*, журнал *Bandé Mâtaram*, март 1911.

И напротив, те, кого эти же самые индусские патриоты считают предателями своего дела, удостаивают г-жу Безант и её деятельность лишь похвалы: в качестве доказательства упомянем только горячую защитительную речь, посвящённую им и опубликованную в июне 1913 г. по случаю процесса в Мадрасе в *Rajput Herald*, выходящем в Лондоне журнале, который афиширует свою «преданность империализму» и на обложке которого красуется карта «империи, над которой никогда не заходит солнце» (*The Empire on which the sun ever shines*); это, несомненно, весьма компрометирующая дружба. Впрочем, не сама ли г-жа Безант в январе 1914 г. в Адьяре основала новое периодическое издание *The Commonwealth*, предназначенное преимущественно для Индии и носящее в качестве девиза слова «За Бога, корону и страну» (*For God, Crown and Country*)? Задолго до этого она уже прославилась, благодаря любезному участию принцессы Уэльской[445] получив для своего «Центрального индусского колледжа» портрет короля Эдуардом VII, подписанный им самим. И разве также не она написала в уставе британского сомасонства, что она (включая ложи в Индии) «требует от своих членов лояльности Монарху»[446]? Известно, что в политической сфере англичане понимают под словами «лояльность» и «лоялизм». Итак, всё это совершенно убедительно и не оставило бы нам никакого сомнения, даже если бы у нас не было никакой другой прямой и полностью совпада-

[445] Письмо Ледбитеру от 14 июля 1906 г.

[446] Статья 7 устава сомасонства.

ющей с этим информацией, которая ещё бы укрепила нас в наших убеждениях[В].

К тому же, мы можем процитировать некоторые тексты, которые, будучи наполнены подобными взглядами, также достаточно показательны: десяток лет назад г-жа Безант заявила на лекции, прочитанной в Лахоре, «что иностранное завоевание часто служило делу прогресса, и что индусы должны оставить ненависть к англичанам». Это заявление следует связать с появившимся чуть позже документом, клятвой, которую должны произносить «братья Служения», то есть члены отделения «Ордена Служения Теософского общества», который был организован в Индии в 1913 г. «из самых преданных членов общества», якобы «чтобы сделать Теософию частью повседневной жизни и подключить Теософию к проведению социальных реформ». Вот текст этой клятвы, чьё начало не оставляет никаких двусмысленностей:

> *Полагая, что оновополгающие интересы Индии заключаются в свободном развитии под британским флагом*, в освобождении от любых обычаев, могущих повредить единству всех её жителей, и в том, чтобы придать индуизму несколько больше социальной гибкости и духа братства, я обещаю: 1) Не придавать никакого значения кастовым различиям; 2) Не женить сыновей, пока они будут несовершеннолетними и не выдавать замуж дочерей, пока они не

[В] И здесь, в том же ключе, что и различные упомянутые нами факты, приводится довольно любопытная информация: «После встречи с господами Кришнамурти и Нитьянандой в Бомбее и сопровождения их в Адьяр, наш президент отправился из Адьяра на север Индии. Встретившись с Кришнамурти и Нитьянандой в Бомбее и проводив их в Адьяр, наш Президент 9 декабря (1921 г.) отправилась из Адьяра на север Индии и сначала в Бенарес, где Национальный индусский институт присудил ей степень доктора литературы в знак признания заслуг, оказанных ею в области национального образования, на следующий день после того, как та же честь была присвоена принцу Уэльскому» (*Bulletin Théosophique*, февраль 1922 г.). Эта связь между г-жой Безант и принцем Уэльским очень значима, особенно если учесть, что во время всего визита принца Уэльского в Индию все истинные индусы по общему согласию окружили его стеной молчания. [Примечание ко 2-му изданию.]

> достигнут возраста семнадцати лет; 3) Давать образование моей жене и моим дочерям, также как и другим женщинам моей семьи, в соответствии с их способностями; способствовать развитию женского образования и бороться с затворничеством женщин; 4) Способствовать развитию народного образования, насколько это будет для меня возможным; 5) В общественной и политической жизни не придавать никакого значения различиям по цвету кожи и расе; сделать все, что в моих силах, чтобы открыть свободный въезд для представителей цветных рас во все страны на тех же основаниях, что и для белых эмигрантов; 6) Активно бороться с любыми проявлениями дискриминации по отношению к вновь вышедшим замуж вдовам; 7) Способствовать единству тех, кто работает во всех сферах духовного, образовательного, общественного и политического прогресса под руководством «Индийского национального конгресса»[447].

Это мнимый «Индийский национальный конгресс», кстати, был создан английскими властями при сотрудничестве теософистов, если даже не по их инициативе, и ещё при жизни г-жи Блаватской: она написала, что этот Конгресс является «политической организацией, с которой наше общество никак не связано, хотя он и был основан нашими членами, индийцами и англо-индийцами». Но в этой же самой статье она чуть ниже добавила:

> Когда началось оживление в политической жизни, Национальный конгресс был создан *по нашему плану*, и им главным образом руководили наши члены, которые были уполномочены нашим соглашением[448].

Вплоть до самых последних времен этот Конгресс оставался почти целиком под влиянием г-жи Безант. Её истинная цель заключалась в том, чтобы воспрепятствовать стремлениям к автономии, создавая некоторую её види-

---

[447] Мы взяли этот текст из: *Bulletin Théosophique*, декабрь 1913.

[448] «Голубой лотос», 7 октября 1890, стр. 235 и 236.

мость, впрочем, почти совершенно иллюзорную. Проект ирландского «*Home Rule*» (известно, как его воспринимают) является продуктом точно такой же политики, которую также пытаются осуществить и в Египте. Возвращаясь к «братьям Служения», это явно не та организация, которая могла бы придать теософизму, даже если это вообще возможно, уважение в глазах настоящих индусов. Они совершенно не склонны верить во весь этот вздор о «прогрессе» и «братстве», а тем более во блага «обязательного образования». Их мало беспокоит то, чтобы сделать из своих жен и дочерей «суфражисток» (такова цель, заявленная «сомасонскими» ложами в Индии, также как в Европе и Америке), и они никогда не дадут убедить себя под предлогом «ассимиляции» с их чужеземными господами в необходимости топтать ногами свои самые священные обычаи: обязательство «не придавать никакого значения кастовым различиям» для индуса тождественно подлинному отречению.

Более того, на процессе в Мадрасе г-жа Безант, чтобы произвести благоприятное впечатление на судей, не побоялась выставить напоказ, по крайней мере, некоторые из услуг, оказанных ею правительству, утверждая, что в этом следует подлинный мотив направленной против неё компании. В записке, которую она имела для своей защиты, мы читаем следующее:

> Ответчица поясняет, что этот иск был подан по политическим мотивам и из личной неприязни с целью нанесения ответчице ущерба вследствие заговора, затеянного, чтобы погубить её жизнь и репутацию, потому что она удерживала учащуюся молодежь Индии от участия в «экстремистских» заговорах и стремилась побудить их к лояльности империи. После того как она вмешалась с целью положить конец проводившимся в тайне тренировкам молодых людей и вооруженным собраниям в Махараштре, когда пост вице-короля занимал лорд Керзон, её стали рассматривать как препятствие всякой пропаганде насилия среди студентов и сама её жизнь оказалась под угрозой одновременно

> в Индии и в Европе […] Ответчица просит, чтобы суд оградил этих молодых людей (её двух воспитанников) от новых попыток оказать на них влияние с целью побудить их возненавидеть англичан, вместо той любви и преданности, которые они испытывают к ним сегодня, что превратило бы их в недостойных граждан[449].

С другой стороны, вот начало изложения причин процесса, составленного м-ром Арундейлом:

> Процесс, затеянный против г-жи Безант, невозможно понять, если рассматривать его как изолированный случай, вместо того чтобы видеть в нём часть движения, начатого уже давно и имеющего своей целью разрушить то влияние, которое она имеет на молодёжь в Индии, так как это влияние она всегда использовала, чтобы помешать молодежи принимать участие в любых насильственных политических акциях и вступать молодым людям в многочисленные тайные общества, которые сейчас в Индии представляют действительную опасность. Кампания против г-жи Безант была начата знаменитым Кришнавармой, который в своей газете даже призывал убить её, так как считал её самым главным препятствием для экстремистской партии[450]. Нападки м-ра Тилака в Индии, хоть он и не дошел до призывов к убийству г-жи Безант, имели своей целью разрушить её влияние на молодых индусов. Во главе экстремистского движения стояли приверженцы строгой ортодоксии, такие как два главных его лидера, Ауробиндо Гхош и Тилак. М-р Гхош сейчас находится во французской Индии, а м-р Тилак в тюрьме. Газеты м-ра Тилака тем не менее продолжили свои нападки на г-жу Безант, и в Мад-

---

[449] *Le procès de Madras*, стр. 46-47.

[450] В письме от 15 сентября 1913 г. г-жа Безант была вынуждена признать, что «экстремистская» партия никогда не призывала ни к какому убийству, и также что г-жа Тингли (преемница Джаджа), которую она прежде обвиняла в том, что она спонсирует её противников, «никогда не вмешивалась в индийскую политику».

> расе даже *Hindu* поддержал, насколько смог, эту кампанию[451].

И вот вывод, к которому приходит автор этого изложения:

> Каким бы не был исход этого процесса, нет никакого сомнения, что, если заговор против г-жи Безант приведёт к разрушению её влияния в Индии, одна из главных основ сближения между Англией и Индией исчезнет[452].

В сущности, британское правительство не следует порицать за то, что он пользуется услугами подобных помощников, от которых, впрочем, всегда можно отмежеваться, когда они становятся неудобными или совершают какую-либо ошибку: после окончания процесса в Мадрасе 7 мая 1913 г. *Times* высказала пожелание, «чтобы правительство воздержалось от высказывания одобрения или хотя бы подобия одобрения теософистскому движению», что подразумевало для того, кто в курсе дела, что до тех пор оно на самом деле одобряло и благосклонно относилось к нему. Впрочем, в письме, написанном в ответ на эту статью и опубликованном после 9 мая м-р Уэджвуд позаботился о том, чтобы напомнить, что

> высокопоставленные чиновники в Индии признали, что влияние Теософского общества и личная деятельность г-жи Безант оказались одними из самых действенных средств, побудивших индусскую молодежь проникнуться чувствами верности к английскому правительству.

Таковы политические средства, к которым, сколь отвратительными они бы кому-то не казались, прибегают сейчас в большей или меньшей степени во всех странах: именно таким образом несколько лет назад в Богемии было создано несколько оккультных организаций, в которые старались завлечь чешских патриотов, казавшихся венскому правительству особенно подозрительными. Между тем, один из лиде-

---

[451] Там же, стр. 7-8.

[452] Там же, стр. 13.

ров этих организаций было всего-навсего директором тайной австрийской полиции. Современная история оккультизма в России также полна весьма любопытными примерами более или менее сходных случаев. Те, которые достойны порицания в подобном случае, это люди, соглашающиеся выполнять эту мало почетную роль и не подвергающиеся при этом никакой опасности: мы только что видели, что г-жа Безант жалуется, что её жизнь находилась под угрозой, и если она никогда не подвергалась настоящим покушениям, тем не менее правда, что несмотря на все окружавшие её меры предосторожности, в неё пару раз бросали камни в ходе её поездок по Индии. В 1916 г., чтобы реабилитировать г-жу Безант в глазах индусов и вызвать у них чувство доверия ей, попытались для вида подвергнуть её домашнему аресту на её собственной вилле в Гулистане, что, впрочем, не помешало там ей проводить собрания. Но этот достаточно грубый маскарад никого не мог обмануть, и только в Европе некоторые поверили, что эта мера вызвана настоящим изменением политической позиции г-жи Безант[C]. Теперь можно понять, почему у некоторых индусов её имя ассоциируется с именем Редьярда Киплинга, который, ко-

[C] Ещё одним свидетельством политической роли г-жи Безант является её враждебное отношение к антианглийскому движению Ганди; выше мы видели, что она объявила членство в этом движении несовместимым с членством в Э. С. или «Эзотерической секции» (см. гл. XXI, доп. прим. E); вот что писала она сама по этому поводу: «Когда первый признак духа революции проявился в небольшой попытке гражданского неповиновения (*sic*) под руководством г-на Ганди в 1919 году, я выступила против этого духа, видя в нём разрушение истинной свободы, вражду политическому прогрессу, идеалам, за который я боролась в Индии двадцать шесть лет» (*The Theosophist*, март 1922 г.). Другими словами, «политический прогресс» и «истинная свобода» для Индии возможны только под британским владычеством; не слишком ли далеко заходит цинизм? При премьер-министре Рамсее Макдональде г-жа Безант разработала проект конституции Индии и представила его правительству; этот проект, который исходил из того же духа, что и учреждение «Индусского национального конгресса» (см. главу XXIX, 5-й абзац), кажется, не имел продолжения, по крайней мере до сих пор; но этот факт приобретает совершенно особое значение, когда мы знаем, что истинные индусы причисляют мистера Рамсея Макдональда к «жестоким и грубым врагам Индии» (см. главу XXIX, 4-й абзац). [Примечание ко 2-му изданию.]

нечно, является великим писателем (г-жа Безант также не лишена некоторого таланта), но различные авантюры, не делающие ему чести, препятствуют его возвращению на родину, и отягчающим обстоятельством является то, что у обоих ирландское происхождение. Поскольку уж мы заговорили о Редьярде Киплинге, укажем, что он написал роман под названием «Ким», который в некоторых деталях может считаться настоящей автобиографией. В особенности, является строго историческим то, что касается соперничества русских и англичан в северных областях Индии. Также среди прочего здесь можно ознакомиться с любопытными подробностями организации политического шпионажа и об использовании для этих целей англичанами тайного общества под названием *Sat Bhai* («Семь братьев»). Это общество существует на самом деле, и в Англии оно появилось в 1875 г. благодаря офицерам индийской армии, а именно в тот же самый год было основано Теософское общество[D].

Без всяких слов ясно, что, если двуличие вождей теософского движения не оставляет для нас никакого сомнения, искренность тех, кто за ними следует, в особенности тех, кто не является по национальности англичанами, совершенно вне всяких вопросов. Во всех кругах подобного рода всегда надо уметь различать между мошенниками и теми, кто ими обманут, и если к первым можно испытывать только неприязнь, то вторым, составляющим подавляющее большинство, следует лишь посочувствовать и постараться просветить их, если ещё не поздно и если их слепота не является неизлечимой. Пока мы не закончили эту главу, приведём ещё весьма

[D] Что касается Редьярда Киплинга, то следует отметить, что в 1923 году он опубликовал книгу под названием *Contes de terre et de mer* [«Сказки суши и моря»], посвящённую бойскаутам и предназначенную для них; этот факт ещё раз показывает связь между «скаутингом» и британским империализмом (см. гл. XXIII, доп. прим. C). *L'Avenir Imminent* [«Неизбежное будущее»] — это сборник лекций, прочитанных г-жой Безант в Лондоне в июне и июле 1911 года (так же как *Vers l'Initiation* [«К посвящению»] — сборник её лекций 1912 года); последняя глава посвящена вопросу взаимоотношений Англии и Индии. [Примечание ко 2-му изданию.]

примечательное место, извлечение из труда, относящегося к знаменитым «жизням Алкиона»:

> Когда семья не следует естественному закону (объединяясь вокруг отца и матери), воцаряется беспорядок. И то же самое справедливо в отношении стран мира. Должны быть *страна-отец* и *страна-мать*, живущие в совершенной гармонии, а иначе война. Страной, которая завтра будет управлять, которая будет в мире выполнять роль, сравнимую с ролью Ману, отца, будет, вероятно, Англия, со стороны же матери, или Бодхисаттвы, мы будем иметь Индию. Именно таким образом Ману и Бодхисаттва постараются скоро восстановить порядок в отношениях между странами мира[453].

В переводе на нормальный язык это место звучит так: в то время как Индия под английским господством должна будет довольствоваться «духовной» ролью, заключающейся в том, чтобы в образе Кришнамурти предоставлять «поддержку» явлению ожидаемого «великого учителя», Англия призвана устанавливать свои законы для всего мира (основная роль Ману, являющегося законодателем). Это и будет осуществлением идеи «Соединенных Штатов мира», но под эгидой «руководящей страны» и ради её исключительной выгоды. Таким образом, интернационализм теософистских лидеров представляет собой, просто-напросто, британский империализм, доведенный до самой крайней степени, и, в конце концов, это можно в некотором роде понять. Но как воспринимать невообразимую наивность французских теософистов, которые с готовностью покорно принимают и рабски повторяют подобные «учения»? Концепция связей Англии и Индии в том виде, в котором мы её только чт изложили, не является чем-то совершенно новым и даже не г-же Безант принадлежит заслуга её изобретения. На самом деле,

---

[453] *De l'an 25000 avant Jésus-Christ à nos jours*, G. Revel, стр. 60. См. *LEre dun nouveau Cycle et L`Avenir Imminent*, г-жа Безант.

в книге «Совершенный путь» Анны Кингсфорд и Эдварда Мэйтленда мы читаем следующее:

> Поскольку в будущем мир будет спасен благодаря духовному союзу приверженцев единой веры Будды и Христа, отношения между двумя народами, которые на физическом плане и должны осуществить этот союз, становятся важной и заслуживающей особого внимания темой. Рассмотренная так, связь Англии и Индии переходит из политической сферы в духовную[454].

Эти авторы, у которых мы уже отмечали присутствие идеи, что буддизм и христианство представляют собой два дополняющих друг друга элемента одной и той же религии, забывают только, что буддизм уже давным-давно прекратил своё существование в Индии, но чуть ниже мы читаем:

> В рамках этого предвидения неминуемого будущего[455] следует отыскать путеводную нить духовной политики мира. Перейдя с мистического плана на земной, «цари Востока» (намёк на евангельских волхвов) являются теми, кто обладает политической властью над провинциями Хиндустана. В личностном плане этот титул подразумевает обладание «магическим» знанием или власть в мире духа. Владеть им означает быть Магом. В своем первом и втором значении этот титул отныне принадлежит нам. На протяжении долгого времени наша страна была хранителем и поборником одного из главных вместилищ этого магического знания, Библии[456]. На протяжении трёх с половиной столетий, периода, который напоминает мистическое «время, времена и половину времени»[457] и также

---

[454] «Совершенный путь», стр. 250.

[455] Как видно, именно отсюда г-жа Безант взяла название для одной из своих работ.

[456] Здесь намёк на титул *Defensor Fidei* (Защитник веры), который короли Англии носят со времен Генриха VIII, и этот намёк тем более очевиден, что три с половиной века, о которых тотчас же заходит речь, как раз составляют то время, что прошло со времен английского раскола.

[457] Дан. 7:25.

> «год годов»[458] [E] солнечного героя Еноха Великобритания с любовью и преданностью хранила Писание, которое нынче благодаря обнаружению его истолкования[459], как и его источник (намёк на вознесение Христа), «перешло» на план духа. Обладая таким образом гнозисом, как в его сущности, так и в форме проявления, наша страна будет готова к осуществлению более высокой, а значит духовной власти, что является её судьбой, и она переживёт свою материальную империю… Итак, все, что стремиться объединить Англию с Востоком, от Христа, а всё то, что стремиться из разделить — от Антихриста[460].

Вся эта история и особенно эта последняя цитата наводит нас на мысль о странном совпадении: Элифас Леви, умерший в 1875 г., заявил, что в 1879 г. (как раз в этот год г-жа Блаватская разместит в Индии штаб-квартиру своего общества) будет установлено новое политическое и религиозное «вселенское царство», которое будет принадлежать «тому, у кого будут ключи Востока», и что этими ключами будет обладать «страна, где жизнь будет наиболее культурной». Это предсказание содержалось в рукописи, находившейся в распоряжении марсельского оккультиста, ученика Элифаса Леви барона Спедальери. Именно он передал её Эдварду Мэйтленду, так что не вызывает сомнений, что как раз там

---

[458] То есть триста шестьдесят пять лет или скорее, следуя еврейскому календарю, триста пятьдесят пять лунных лет (каждый год состоит из триста пятидесяти пяти дней), что составляет только около триста сорок пять солнечных лет. Между тем, от 1534 г., даты раскола, устроенного Генрихом VIII, до 1879 г., даты, указанной в предсказании Элифаса Леви, о котором мы сейчас поговорим, прошло ровно триста сорок пять лет. Совпадение слишком примечательное, чтобы не навести на мысль, что дата 1879 год была высчитана на только что указанной нами основе.

[E] В Книге Бытия говорится, что Енох прожил триста шестьдесят пять лет, поэтому его называют «солнечным героем». Однако на иврите слово *shanah*, «год», и число 355 пишутся одинаково, а значит, выражение «год годов» можно трактовать двояко. Именно замена древнееврейской «лунной» хронологии на «солнечную» делает такой расчет возможным. [Примечание ко 2-му изданию.]

[459] Благодаря интуитивным «открытиям» Анны Кингсфорд.

[460] «Совершенный путь», стр. 253.

следует искать источник вдохновения для написания строк, которые мы только что привели. Добавим, что исключительно хвалебное письмо Спедальери, в котором речь идёт ни о чём другом, кроме как о «чудесах истолкования», было помещено в предисловие ко второму изданию «Совершенного пути». Не называя имя автора, его именуют «другом, учеником и литературным наследником знаменитого мага, покойного аббата Констана (Элифаса Леви), что для всех посвящённых будет достаточным указанием на его личность». Позже Мэйтленд передал рукопись Элифаса Леви д-ру Уинну Уэсткотту, верховному Магу *Societas Rosicruciana in Anglia*, и этот последний наконец опубликовал её под названием *The Magical Ritual of Sanctum Regnum*[F]. Конечно, англичане, которым, как и немцам, нравится мнить себя «высшей расой», попадут под власть искушения думать, что это предсказание относится к их собственной стране, владычествующей над Индией (пусть сам Элифас Леви, хоть он и был французом, так и думал), и мы только что видели, что здесь они не ошиблись. Но материальных ключей Востока не было достаточно, и нужны были также интеллектуальные и духовные ключи. И если они рассчитывали на Теософское общество, чтобы заполучить их в своё распоряжение, надо признать, что они оказались в большом заблуждении, в та-

[F] Барон Спедальери публиковал выдержки из писем Элифаса Леви к нему в журнале «Теософ», с 1881 по 1884 год; именно в 1884 году он передал рукописи Элифаса Леви в присутствии коменданта Курмеса Эдварду Мейтланду, прибывшему в Марсель вместе с Анной Кингсфорд, чтобы принять мадам Блаватскую после её возвращения из Адьяра (П. Шакорнак, *Éliphas Lévi*, стр. 290). Первое издание книги *Voie Parfaite* [«Совершенный путь»] появилось в 1882 году, но поскольку Мейтланд в то время уже состоял в переписке со Спедальери, вполне вероятно, что Спедальери сообщил ему о предсказании своего учителя, который поручил ему опубликовать подаренные рукописи через двадцать лет после его смерти. Рукопись, опубликованная доктором Уинном Уэсткоттом под названием *The Magical Ritual of the Sanctum Regnum*, была вставлена в копию трактата Тритемия *De Septem Secundeis*; её первоначальное название было: *La Clavicule prophétique des Sept Esprits par J. Trithème, maotre de Cornélius Agrippa, avec le Rituel Magique des Clavicules de Salomon* [«Пророческий ключ семи духов Иоаганна Тритемия, мастера Корнелия Агриппы, с магическим ритуалом ключей Соломона»]. [Примечание ко 2-му изданию.]

кой же мере, как если бы полагались на новое «эзотерическое христианство», будь ли то в версии Анны Кингсфорд или г-жи Безант, чтобы обрести знание подлинного духа Библии и Евангелия.

Конечно, упоминая здесь предсказание Элифаса Леви, мы не хотим сказать, что следует придавать ему особую важность, но только то, что некоторые ознакомившиеся с ним англичане могут в действительности отнестись к нему всерьёз и даже впасть в искушение способствовать ег осуществлению. Впрочем, чтобы оценить это предсказание по достоинству, следовало бы знать его действительный источник, и несомненно, что его автор имел связи в британских кругах, где оккультизм идёт рука об руку с дипломатией[461]. С другой стороны, теософисты, как мы уже видели, утверждают, что последняя четверть каждого столетия особенно благоприятна для определённых оккультных проявлений, которые они приписывают, естественно, деятельности своей «Великой Белой Ложи». Как ни относись к этому утверждению, неприемлемому для нас в той форме, в которой они его подают, тем не менее верно, что 1875 год и последующие годы действительно отмечены началом деятельности многих достаточно таинственных организаций: кроме тех, которые мы уже имели случай упомянуть, начиная с самого Теософского общества[462], укажем ещё на Орден, именуемый

[461] Вычисления, которые мы привели в одном из предыдущих примечаний, также побуждают нас думать, что Элифас Леви имел в виду Англию.

[462] Напомним также, что в 1882 г., когда вышла в свет книга «Совершенный путь», должна была, согласно герцогине де Помар, наступить новая эра, и странное совпадение, что такое же утверждение обнаруживается в учении ГБЛ.

«Братьями света» (*Fratres lucis*)[463], учрежденный английским евреем Морисом Видалом Портманом, востоковедом и политиком, который в 1876 г. вошел в окружение лорда Литтона, тогдашнего вице-короля Индии. К тому же было заявлено (как это почти всегда и происходит в подобном случае), что речь здесь идёт о восстановление древнего Ордена с таким же названием, якобы основанного во Флоренции в 1498 г. И в определённых теософистских кругах (что ещё раз подтверждает, что всё взаимосвязано) даже утверждали, что

> Сведенборг, Паскуаль[464], Сен-Мартен, Казот и позже Элифас Леви были членами Ордена *Fratres Lucis*, в то время как Сен-Жермен, Месмер, Калиостро и, может быть, Рагон[465] принадлежали к египетской ветви того же самого Братства

добавляя с некоторой долей язвительности, что эта последняя ветвь «не имеет ничего общего, конечно, с неким *F. H. of Luxor* (ГБЛ), совершенно недавно изобретенного англо-американцами[466]. Так как, с другой стороны, утверждают,

---

[463] Этот Орден, чей нынешний центр расположен в Брэдфорде (Йоркшир), не следует путать, несмотря на сходство названий, с *F.T.L.* (*Fraternitas Theusauri Lucis*) или «братством сокровища Света», розенкрейцеровской организацией (или именуемой таковой), вероятно, американского происхождения. Имеется и ещё два других «братства света», оба американские: одно *Brotherhood of Light* без эпитета, с центром в Лос-Анджелесе (Калифорния), другое *Hermetic Brotherhood of Luxor*, и здесь сходство названий нужно, чтобы вызвать путаницу. Сюда необходимо добавить также «Орден света», также американский, на существование которого мы уже указывали в главе, посвящённой «парламенту религий».

[464] Речь идёт о Мартинесе де Паскуалисе, основателе обряда «избранных коэнов», чьим учеником был Луи-Клод де Сен-Мартен до своего знакомства с теософскими трудами Бёме и Гихтеля.

[465] Это последнее предположение основывается, без сомнения, на том, что Рагон перевел на французский и опубликовал в 1821 г. рукопись немецкого масона Коппена, датируемую 1770 г. и носящую название *Crata Repoa*, которая содержит описание так называемого обряда «посвящений в древние мистерии жрецов Египта».

[466] Coulomb E.-J., *Les Cycles*, в «Голубой лотос», 27 ноября 1893, стр. 258. Если то, что нам было сказано на тему личности Метамона, чистая правда, запирательство по поводу ГБЛ по-настоящему удивительно.

что Сен-Жермен и г-жа Блаватская являлись посланцами этого же центра[467], и так как эта последняя точно жила в Египте, без сомнения, хотели давать понять, что она также была связана с *Fratres Lucis*, и что они (которые, естественно, должны иметь своими антагонистами тех, кого она называла «братьями Тьмы») якобы являются прямым проявлением «Великой Белой Ложи». Перед нами совершенно несерьёзная манера написания истории, возвращаясь же к более серьёзным вещам, скажем, что лорд Литтон, чьё имя мы только что упоминали, ведя речь о *Fratres Lucis*, является знаменитым автором «Занони», «Странной истории», «Грядущей расы» (служивших теософистам источниками вдохновения, именно из творчества Литтона они заимствовали представление о таинственной силе, именуемой *вриль*). Он был «Великим патроном» (то есть почетным президентом) *Societas Rosicruciana*, и его сын был английским послом в Париже. Без сомнения, совершенно не случайно, что имя Литтона встречается на каждом шагу, когда речь заходит об истории оккультизма. Это справедливо в отношении человека, принадлежащего к той же самой семье, у которой Элифас Леви вызвал в Лондоне дух Аполлония Тианского, что он и описал в своей работе «Учение и ритуал высшей магии». Целью при этом являлось, кажется, раскрытие важной тай-

[467] «Голубой лотос», 27 сентября 1895.

ны общественного характера[G]. Все эти связи представляют большой интерес для тех, кто хотел бы изучать политическую или религиозно-политическую подноготную современного оккультизма и связанных с ним в различной степени организаций, подноготную, которая более достойна внимания, чем вся та фантасмагоричная оболочка, которой эти организации нашли полезной окружать себя, чтобы лучше скрыть себя от глаз профанов.

[G] Стоит исправить допущенную неточность в действующих лицах, которая не меняет наших замечаний о связи между оккультизмом и политикой: Лорд Литтон, который был вице-королем Индии, — это тот же лорд Литтон, который был послом в Париже; поэтому автором «Занони» является не он, а его сын. Писатель-оккультист сэр Эдвард Булвер-Литтон (один из братьев которого был послом в Турции) родился в Лондоне 25 мая 1803 года и умер в Торки 18 января 1873 года; в 1842 году он опубликовал «Занони», а в 1854 году встретился с Элифасом Леви в Лондоне; Элифас Леви снова встретился с ним, вместе с графом Александром Браницким, в 1861 году, в тот самый год, когда Булвер-Литтон был назначен Великим патроном *Societas Rosicruciana in Anglia*, и, по словам А. Э. Уэйт (*The Mysteries of Magic*, стр. 8), они вместе совершали эвокации на вершине Лондонского Пантеона. В декабре следующего года Кеннет Маккензи, «научный заместитель» *Societas Rosicruciana*, был отправлен в Париж специально для посещения Элифаса Леви (*The Rosicrucian and the Red Cross*, май 1873 г.; *The Occult Review*, декабрь 1921 г.). Поскольку *L'Étrange Histoire* [«Странная история»] была напечатана в 1862 году в *Revue Britannique*, возникло предположение, что отношения, установившиеся между Булвером-Литтоном и Элифасом Леви, могли иметь какое-то отношение к вдохновению для этой работы («Вуаль Исиды», февраль 1923 г.; П. Шакорнак, *Éliphas Lévi*, стр. 149, 194-198 и 201-203). [Примечание ко 2-му изданию.]

Глава XXX. Заключение

В этом исследовании мы прежде всего хотели представить информацию и собрать для этого воедино документальный материал, фрагменты которого до сих пор можно было отыскать только разбросанными понемногу в самых разных местах. Некоторые из этих фрагментов были достаточно труднодоступны для всех тех, кому в их поисках не благоприятствовали исключительные условия. Что касается доктринального уровня, если мы не считали полезным чересчур долго останавливаться на положениях теософистского учения по причине их слишком очевидной несостоятельности и если в таких случаях мы, прежде всего, приводили цитаты, то дело в том, что мы полагаем, как и ещё один критик теософизма, что «самое лучшее средство опровергнуть их это ограничиться их кратким изложением, предоставив слово самим учителям»[468]. И мы добавим, что лучшее средство бороться с теософизмом это, по нашему мнению, изложить его историю таковой, какая она есть. Итак, мы можем позволить читателю самому сделать на основании изложенного все выводы, что его совершенно не обременит, так как нами, без сомнения, было сказано достаточно для любого, у кого хватит терпения следовать за нами до тех пор, пока он не будет в состоянии вынести о теософизме окончательное суждение. Всем тем, кто лишён предвзятого мнения, теософизм покажется скорее дурной шуткой, чем нечто серьёзным. Но, к несчастью, у этой дурной шутки, далёкой от того, чтобы быть безобидной, было много жертв, и их количество становится все больше и больше (согласно г-же Безант, собственно Теософское общество, без его многочислен-

[468] *La Nouvelle Théosophie*, стр. 54.

ных вспомогательных организаций, в 1913 г. насчитывало двадцать пять тысяч активных членов)[469] [A], и это главная причина, по которой мы взялись за этот труд. К тому же необходимо сказать, что история Теософского общества сама по себе не лишена интереса, так как она достаточно поучительна в разных отношениях. Эта история поднимает много малоизвестных вопросов, на которые мы смогли указать лишь мимоходом, поскольку для их более глубокого рассмотрения понадобилось бы погружаться в размышления, значительно выходящие за рамки темы, которой мы намеревались преимущественно заниматься.

Наше исследование не претендует на абсолютную полноту во всех отношениях, но в той форме, в какой оно выдержано, его вполне достаточно, чтобы искренне настроенные люди были целиком осведомлены, и также для того, чтобы теософисты могли отдавать себе отчет, что мы весьма точно информированы о большинстве отличительных свойств истории их движения. Мы также можем их уверить, что нам известна, как и им, и даже лучше, чем многим из них, сущность их собственных теорий. Итак, они могут отказаться от того, чтобы повторять против нас обвинение в «невежестве»,

---

[469] *Le procès de Madras*, стр. 41. В это время «национальные теософские общества» существовали в следующих странах: Англия, Шотландия, Франция, Бельгия, Нидерланды, Скандинавия, Германия, Австрия, Чехия, Венгрия, Швейцария, Италия, Россия, Финляндия, Соединенные Штаты, Центральная Америка, Индия, Австралия, Новая Зеландия, Южная Африка. В Испании и Южной Америке существовали менее крупные и в меньшей степени организованные группы, которыми руководили «президентские агенты». Впрочем, кажется, что численность теософистов значительно выросло после войны. Утверждают даже, что в настоящее время она якобы достигла пятнадцати тысяч и на недавнем Парижском конгрессе были представлены тридцать три страны.

[A] В настоящее время Теософское общество состоит из тридцати шести секций, известных как «Национальные теософские общества», список которых приводится в *Bulletin Théosophique*: Америка, Англия, Индия, Австралия, Швеция, Новая Зеландия, Голландия, Франция, Италия, Германия, Куба, Венгрия, Финляндия, Россия, Чехословакия, Южная Африка, Шотландия, Швейцария, Бельгия, Нидерландская Индия, Бирма, Австрия, Норвегия, Египет, Дания, Ирландия, Мексика, Канада, Чили, Аргентина, Бразилия, Болгария, Исландия, Испания, Португалия, Уэльс. [Примечание ко 2-му изданию.]

которое они имеют привычку выдвигать против своих противников, так как именно с «невежеством» они обычно связывают критические замечания, объектом которой является их общество, и, по правде говоря, нам иногда с сожалением приходилось констатировать, что некоторые на самом деле могли давать повод для этого обвинения, будь ли то с точки зрения истории или в том, что касается теории. По этому поводу нам следует сказать несколько слов о недавно вышедшей брошюре под названием «Церковь и Теософия», воспроизводящей текст лекции, прочитанной одним теософистом с целью ответить на некоторые критические замечания[470] [B]. В этой брошюре попутно упоминается без комментариев наше исследование, носящее такое название, как и эта книга, но значительно менее подробное, которое мы опубликовали в *Revue de Philosophie*[471] и которое, к тому же, тогда лишь только начало публиковаться.

Оппонента, которого он избрал своей главной мишенью, автор этой брошюры горестно обвиняет среди прочих вещей в том, что он изложил учение о реинкарнации и карме, ни разу не упомянув слова «эволюция». Этот упрек, по нашему мнению, достаточно оправдан, и его, конечно, нельзя адресовать нам, потому что, вместо того, чтобы проявить подобную «забывчивость», мы, напротив, представили идею эволюции как составляющую саму ось всего теософистского учения. Как раз на эту идею удобно нападать прежде всего, так если, если обнаруживается её пустота, все остальное рушится само собой. Это опровержение гораздо более эффективно, чем то, которое заключается в развитии против тео-

---

[470] Эта лекция была прочитана 6 марта 1921 г. в штаб-квартире Теософского общества г-ном Жоржем Шеврие. Автор в настоящее время стоит во главе парижской «эзотерической секции», что придало его заявлениям некоторую значительность.

[B] Мы видели выше (см. гл. XXI, доп. прим. E), что в октябре 1922 года г-н Жорж Шеврие отказался от руководства парижской «Эзотерической секцией»; его заменила на этом посту г-жа Эме Блеш, сестра генерального секретаря «Французского теософского общества». [Примечание ко 2-му изданию.]

[471] Январь-февраль, март-апрель, май-июнь и июль-август 1921.

рий «кармы» и перевоплощения аргументов сентиментального характера, имеющих столь же малую ценность, что и те, которые теософисты представляют в защиту этих же самых теорий. Естественно, здесь не то место, чтобы мы могли подумать о том, чтобы взяться за детальную критику эволюционизма, но мы хотели констатировать, что эта критика, которую достаточно легко можно провести, в особенности ценна против теософизма, потому что, в сущности, он представляет собой только одну из многочисленных форм, в которые облекается эволюционизм, являющийся отправной точкой почти всех сугубо современных заблуждений, пиетет по отношению к которому в нашу эпоху принадлежит к чудовищному награждению предрассудков.

Другое обвинение, которое мы встречаем в этой же брошюре, это обвинение в «путанице в том, что касается природы методов познания, которым приписывается возникновение теософской литературы». Не погружаясь в сущность вопроса и не пытаясь установить, является ли эта путаница такой серьёзной ошибкой, как хотят представить, мы сделаем одно простое замечание: оппонент, о котором идёт речь, в самом начале был неправ, приписав теософистам «теорию познания», то, что в реальности совершенно не соответствует их взглядам, так что допущенная им путаница, как нам кажется, представляет путаницу между точкой зрения, присущей теософистами, и точкой зрения философии, а точнее современной философии, и, конечно, теософистам вполне хватает своих собственных глупостей, чтобы, сверх того, не приписывать себе глупости других! По этому случаю мы полагаем необходимым сделать здесь ещё одно замечание: некоторых, возможно, удивит, что по всему ходу изложения нами материала мы ни разу не упоминали слова «пантеизм», однако мы сделали это именно совершенно намеренно. Нам хорошо известно, что теософисты или, по крайней мере, некоторые среди них, достаточно охотно сами себя именуют «пантеистами», но это двусмысленный термин, и он применяется без разбору для обозначения стольких

различных учений, что иногда доходит до того, что, собственно говоря, не знают, что имеют ввиду, когда его используют, и потребовалось бы немало осторожности, чтобы вернуть ему точный смысл и избавиться от всякой путаницы. Тем более, имеются люди, для которых одно это слово «пантеизм», заменяет, кажется, любое серьёзное опровержение: как только они, справедливо или же нет, обозначили этим термином какую-либо доктрину, они полагают, что могут отказаться от любого другого исследования. Такие приемы дискуссии для нас неприемлемы.

Между тем, в том же самом ответе имеется третий момент, который мы, со своей стороны, можем лишь отметить с большим удовлетворением, так как это самое настоящее признание, которое достаточно неожиданным образом подтверждает наш собственный взгляд на вещи: это протест против «несправедливого отождествления Теософизма с брахманизмом и индуизмом». Всё-таки теософисты ещё никогда так не говорили, и у них в данном случае почти нет права жаловаться, так как именно из их среды происходили первые авторы, ответственные за это «несправедливое отождествление», и то, что они не провозглашают его сегодня, это ещё более демонстрирует его несправедливость. Причина подобного изменения следующая: вместо того, чтобы быть полезным, каковым оно могло быть в начале, такое отождествление стало весьма неудобным для их «эзотерического христианства», вследствие чего новое противоречие добавилось ко всем прочим. Не собираясь давать никому советов, мы полагаем, что всем противникам теософизма следовало бы взять это на заметку, чтобы избежать в будущем некоторых ошибок. Вместо того чтобы использовать теософизм в качестве предлога для нападок на индусов, как мы это видели, отвратительным образом искажая их учения, которые они совершенно не знают, им, напротив, следовало бы рассматривать их в качестве своих естественных союзников в этой борьбе, так как они действительно являются таковыми и не могут таковыми не быть: помимо особых при-

чин, по которым индусы должны испытывать отвращение к теософизму, он не более приемлем для них, чем для христиан (нам следовало бы сказать «для католиков», потому что протестантизм одного с ним поля ягоды) и вообще для всех тех, кто придерживается доктрины, имеющей по-настоящему традиционный характер.

Наконец, есть место, которое мы хотим привести, тем более что оно отчасти имеет отношение к нам. После утверждения, что теософизм «не борется ни с какой религией» (мы показали, как есть на самом деле), автор продолжает:

> Это очень мило, — скажут нам, — но тем не менее правда, что вы на самом деле атакуете религию на том основании, что исповедуете идеи, противоположные истинам, которые она провозглашает. Но почему вы не адресуете этот упрёк официальной науке и прежде всего биологам, на естественнонаучном факультете пропагандирующим теории, в которых материалисты обнаруживают полный и окончательный аргумент в пользу своих взглядов? [...] Итак, вы признаете за наукой право, которое вы отвергаете за Теософией, потому что, на ваш взгляд, Теософия якобы прежде всего является религией или скорее псевдорелигией, как написал автор упомянутого мною исследования, которое публикуется в *Revue de Philosophie*[C]. Это мнение, с которым мы не можем согласиться, и хотя мы ищем истину, прибегая к другим методам, чем современная наука, мы вправе требовать для себя такой же привилегии, ко-

[C] Не следует путать *Revue de Philosophie* с *Revue Philosophique*, который является университетским изданием; мы обращаем внимание на этот момент, т.к. это произошло недавно одним теософистом, который даже подумал, что из-за этого существует некая несовместимость между публикацией нашего исследования в этом журнале и нашим невниманием к «официальной науке»; Если бы он был лучше информирован, то, возможно, понял бы, что в этом нет ничего противоречивого, поскольку *Revue de Philosophie* никак не связан с теми кругами, где в чести упомянутая «официальная наука». [Примечание ко 2-му изданию.]

торой обладает она, то есть говорить то, что мы считаем истиной[472].

Мы не знаем, что другие смогут или захотят ответить на это, но, что касается нас, наш ответ будет одним из самых простых: мы не испытываем ни малейшего уважения к «официальной» и «современной науке», её методам и теориям. Мы уже показали это в другом месте, и сказанное нами только что по поводу эволюционизма является ещё одним подтверждением этого. Итак, мы не признаём за наукой, а также за философией никакого права, большего, чем за теософизмом, и мы готовы к тому же при случае отвергать ложные мнения «официальных» ученых, за которыми нам следует признать, в общем, лишь одно достоинство определённую откровенность, которой так часто не хватает теософистам. Тем же среди этих последних, которые по-настоящему искренни, мы желаем только способствовать просвещению как можно большего количества людей, так как нам известно, что есть немало таких, кто вступил в Теософское общество из простого любопытства или праздного фантазерства, ничего не зная об его истории и почти ничего о положениях его учения, и возможно, их мышление не подвергалось ещё искажению, являющемуся неизбежным следствием пребывания в подобной среде.

Добавим ещё только пару слов: если мы не принадлежим к числу тех, кто любит говорить «от имени Науки» и которые превыше всего ставят «разум», то мы меньше всего претендуем на то, чтобы говорить «от имени Церкви» и не имеем, к тому же, никакого права на это. Если некоторые теософисты воображали себе что-то подобное (и лекция о «Церкви и Теософии», кажется, указывает на это), то они оставили своё заблуждение. Впрочем, мы не думаем, что их церковные оппоненты когда-либо делали это и что они могли писать и говорить иначе как от своего личного имени. Церковь, как нам известно, вмешалась только один раз, чтобы

[472] *L'Eglise et la Théosophie*, стр. 8.

осудить теософизм и категорически заявить, что «его учение несовместимо с католической верой»[473]. В любом случае, позиция, занятая нами в отношении того, что нам известно, как заблуждение, и заблуждение, опасное для современной ментальности, является совершенно независимой. Мы не связываем её ни с какой организованной кампанией, мы даже не хотим знать, проводятся ли такие кампании и позволяем себе несколько усомниться в этом. Если теософисты хотят знать причину, по которой мы заняли эту позицию, мы можем их уверить, что она заключается лишь в следующем: предлагая лучший перевод и находя лучшее примене-

[473] Решение конгрегации Святого престола от 19 июля 1919 г.: *Acta Apostolicæ Sedis*, 01 августа 1919, стр. 317. Это решение было прокомментировано Джованни Буснелли в статье «Теософия и теология», опубликованной в журнале: *Gregorianum*, 1920, январь, а французский перевод этой статьи вышел в: *Documentation Catholique*, 10-17 сентября 1921.

ние нагло присвоенному ими индусскому девизу, мы полагаем, что «нет права более высокого, чем право на Истину»[D].

[D] Поскольку инсинуации, которые мы отметили в лекции г-на Шеврие «Церковь и теософия», с тех пор неоднократно повторялись, в том числе недавно в более явной форме, мы хотим ещё раз подтвердить нашу полную независимость, а также более полно обозначить намерения, которые мы действительно имели при написании этой работы. Первая причина, та, значение которой сразу же становится очевидным для всех, — та, о которой мы прямо сказали: видя в теософизме опаснейшее для современной ментальности заблуждение, мы сочли важным обличить его сейчас, когда в результате неуравновешенности, вызванного войной, оно приобрело такое распространение, которого никогда не имело ранее; более того, немного позже мы сделали это же в отношении спиритизма. Однако была и вторая причина, которая, будучи особенно важной для нас, делала эту задачу ещё более насущной: предлагая дать в других работах изложение подлинных индусских учений, мы сочли необходимым показать прежде всего, что эти учения не имеют ничего общего с теософизмом, притязания которого в этом отношении, как мы уже отмечали, слишком часто признаются даже его противниками; чтобы избежать недоразумения, которое, как мы знали, существует в западном мире, необходимо было как можно яснее опровергнуть всякую солидарность с мошеннической подделкой, которой и является теософизм. Мы даже добавим, что идея этой книги уже давно была предложена нам индусами, которые, кроме того, предоставили нам некоторые документы; таким образом, вопреки утверждениям теософистов, которые, разумеется, более всего заинтересованы во лжи об истинном источнике такого «наступления», ни Церковь, ни «иезуиты», ни какая-либо другая западная организация не имеют к нему никакого отношения. [Примечание ко 2-му изданию.]

Отзывы на книги, опубликованные в 1929-1948 гг. в журнале «Вуаль Исиды» («Исследования Традиции» с 1937 г.)

Жан Маркес-Ривьер, «В тени тибетских монастырей»

Жан Маркес-Ривьер, «В тени тибетских монастырей». Предисловие Мориса Магра. (Издательство *Victor Attinger*, Париж и Невшатель, 1929 г.). Эта книга наряду с «Брахман и пария» Д. Г. Мукерджи — лучшая из всех, что были опубликованы в серии «Восток». В «романизированной» форме, которой потребовал формат этой серии, она излагает множество интересных и малоизвестных на Западе сведений. Автор сообщает, что один из его безвозвратно уехавших в Тибет друзей прислал ему рассказ о своём посвящении в мистерии ламаизма, и именно этот рассказ и составляет книгу. Мы не можем даже подумать дать здесь её краткое содержание, лучше посоветуем нашим читателям ознакомиться с нею самостоятельно; мы уверены, что они не пожалеют об этом, так как найдут там множество сведений о тибетских духовных центрах, изложенных в хорошей форме, которые, даже с учётом того что они не новы, довольно трудно встретить где-то ещё. Мы сделаем только два замечания, первое из которых в том, что, возможно, недостаточно чётко описан переход между различными этапами посвящения, которое описывается так, что у малоосведомлённого человека может сохраниться неопределенность относительно цели, которая должна быть достигнута в итоге всех этих последовательных испытаний. Второе, и более серьёзное, на наш взгляд, замечание, в том, что более или менее необычным «феноменам», похоже, придаётся здесь несколько преувеличенное значение и они занимают больше места, чем соображения доктринального характера; мы, конечно, не оспариваем существование этих феноменов, но задаёмся вопросом, целесообразно ли так акцентировать на них внимание, ведь Западные люди и без того слишком склонны преувеличивать

их ценность. На Востоке такая ошибка не свойственна, там очень хорошо умеют отводить этим проявлениям надлежащее им довольно низкое место; автор признает, что ламы, обладающие определёнными «силами», не используют их, за исключением особых обстоятельств; мы бы предпочли, чтобы он проявил подобную сдержанность. Будем надеяться, что г-н Маркес-Ривьер вскоре предоставит другие исследования по Тибету, более доктринальные и избавленные какого-либо «фантастического» характера; мы знаем, что он вполне на это способен.

С. У. Занн, «Принципы и элементы священного языка согласно астрокаббале Аль-Шами»

С. У. Занн, «Принципы и элементы священного языка согласно астрокаббале Аль-Шами». (Издательство *Les Éditions Cosmosophiques*, *Librairie Centrale*, Лозанна, 1929 г.). Этот посмертный труд основателя «космософии» (настоящее имя А. Х. ван де Керкхове), достаточно роскошно изданный его учениками, к сожалению, написан, как и все его прочие работы, в почти невразумительном стиле. Поэтому мы ограничимся несколькими строками из аннотации издательства, чтобы дать представление о содержании: «Священный язык — это язык исходного, язык истоков и начал. Следовательно, это язык посвящения, генетический язык. Этот алгебраически-идеографический язык, созданный для чтения, расшифровки, а не разговора, состоит из двадцати двух знаков (глифов), обычно известных как буквы еврейского алфавита. Живой и вибрирующий смысл этих глифов, начальных букв любого письма, базовых элементов любого современного языка, раскрывается до той глубины, которую можно достичь сегодня». Это «раскрытие» происходит путём разложения слов самым невероятным образом, который только можно себе представить; кроме того, С. У. Занн настаивает на «первенстве» своего родного фламандского языка, ссылаясь при этом на Атлантиду, которую он, кстати, делает местом обитания чёрной расы, что довольно неожиданно. Удивительно видеть, как лингвистические вопросы вскружили многим голову; подобная работа представляет тому любопытное свидетельство, но мы отказываемся видеть в ней нечто большее и серьёзно относиться к такому «пособию».

Луиза Компен, «Разделённая риза»

Луиза Компен, «Разделённая риза»[A], издательство *Eugène Figuière*, Париж, 1929. Намерения автора этой небольшой книги, несомненно, превосходны, но мы не думаем, что подобного рода обзор различных христианских Церквей может сколько-нибудь эффективно послужить их объединению. Автор постарался по справедливости распределить похвалу и порицание между различными церковными организациями, но его модернистские тенденции и симпатии к «Либеральной католической церкви» проступают достаточно чётко; и может показаться несколько противоречивым поощрять новый раскол, желая возвращения к единству.

[A] Ин. 19:23-24 — прим. пер.

Жозеф Эрве, «От физики к религии, при чтении книг вчерашних и сегодняшних»

Жозеф Эрве, «От физики к религии, при чтении книг вчерашних и сегодняшних», издательство *Imprimerie militaire universelle L. Fournier*, Париж, 1929 Настоящий хаос цитат, комментариев, заметок и размышлений всех видов и по самым разным вопросам; что же хотел предложить нам автор, выдавая вот так, вперемешку, результаты своего чтения? Кажется, его намерение в том, чтобы обосновать современным состоянием науки некую концепцию философско-религиозного свойства; очень тщетное предприятие, во-первых, поскольку эта наука поминутно меняется, и теории, имевшие хождение вчера, завтра будут заменены другими, которые, впрочем, не будут более обоснованными. Также автор удивительным образом допускает множество совершенно безосновательных гипотез, таких как, например, трансформизм, которые даже с этой узкой точки зрения уже сильно устарели, но всё ещё встречаются во всех «научно-популярных» книгах.

Карло Суарес, «Кришнамурти»

Карло Суарес, «Кришнамурти», издательство *Éditions Adyar*, Париж. Это изложение различных фаз, через которые прошёл Кришнамурти с начала своей «миссии»; изложение восторженное, но тем не менее верное, поскольку оно сделано в основном с помощью самих текстов, так что на него можно ссылаться как на сборник «документов», даже нисколько не разделяя оценок автора. По крайней мере, в своей жизни Кришнамурти совершил один очень располагающий к себе жест, когда, чтобы утвердить свою независимость, он объявил роспуск «Ордена Звезды»; и, чтобы таким образом вырваться из-под влияния своих «воспитателей», ему, несомненно, потребовалась довольно большая сила характера; но, оставляя в стороне это чисто «личное» соображение, что он представляет собой на самом деле и что он претендует принести? Было бы очень трудно сказать это, учитывая «учение, которое не является таковым, а является чем-то совершенно отрицательным», более расплывчатым и более ускользающим, чем неуловимая философия г-на Бергсона, с которой, впрочем, оно имеет некоторое сходство своим возвеличиванием «жизни». Нам, несомненно, могут сказать, что Кришнамурти не способен выразить словами состояние, которого он достиг, и мы готовы с этим согласиться; но не стоит доходить до того, чтобы утверждать, что это действительно состояние «Освобождения» в индусском смысле слова, что явно чрезмерно и, кроме того, несовместимо с такой привязанностью к «жизни». Если бы это было так, это воспринималось бы через самые несовершенные и неподходящие формулировки, и оставляло бы иное впечатление, нежели это довольно тягостное ощущение размытости, пустоты и, скажем прямо, небытия.

Шарль Блех, «Вклад в историю Теософского общества во Франции»

Шарль Блех, «Вклад в историю Теософского общества во Франции», издательство *Éditions Adyar*, Париж. Это сборник документов о появлении Теософского общества во Франции, одни из которых ранее не публиковались, а другие стали почти недоступны; к тому же они представлены в некотором беспорядке и с досадными опечатками (в частности, многие имена полностью искажены). Эти документы весьма поучительны: в них не говорится ни о чём, кроме разногласий г-жи Блаватской с первыми французскими членами Т. О. (набранными в основном из спиритов) и ссор этих членов между собой: это позволяет ещё раз оценить своеобразную форму «братства», которое всегда царило в этой среде… Но какой злой «элементаль» мог побудить «Генерального секретаря Т. О. Франции» выставить напоказ все эти старые истории, и, так сказать, придать им «официальность»? Если бы мы не боялись задеть убеждения автора, то с удовольствием рекомендовали бы его «вклад» как дополнение к нашей собственной книге о «теософизме».

Эжен Леннхофф, «История тайных политических обществ в XIX и XX веках»

Эжен Леннхофф, «История тайных политических обществ в XIX и XX веках», издательство *Payot*, Париж. — Этот труд служит превосходной иллюстрацией того, что мы пишем в другом месте о различных видах тайных организаций, хотя в нём под общим заголовком «политические» собраны типы организаций, которые мы строго разграничиваем. В самом деле, декабристы в России, различные ирландские общества, «Чёрная рука» в Сербии и Боснии, несомненно, были не более чем простыми объединениями политических заговорщиков. Напротив, как мы объясняем в нашей статье, в карбонариях можно усмотреть и нечто иное, по меньшей мере в том, что касается их истоков, хотя из этого сугубо исторического изложения едва ли возможно составить об этом представление, за исключением разве что нескольких упоминаний ритуалов. Общество «Хун» в Китае — это название, быть может, скорее условное, под которым объединяют целый ряд более или менее внешних и временных организаций, которые, как мы также отмечали, берут своё начало в даосской традиции, даже если временами они и заимствовали отчасти буддийские и даже христианские формы, как в случае с тайпинами. Наконец, ку-клукс-клан есть лишь одна из бесчисленных карикатур на инициатические организации, появившихся в Америке; но, в то время как большинство из них весьма безобидны, она предстала в довольно зловещем свете из-за целой череды убийств и поджогов, что отнюдь не отменяет факта, что главной целью её основателей, по-видимому, было, как это почти всегда случается в подобных случаях, лишь извлечение значительной прибыли. Мы не думаем, что сам автор вполне ясно осознавал эти

различия, и его можно было бы упрекнуть в том, что он ставит всё на один уровень; тем не менее, его книга представляет собой интересный вклад в то, что можно было бы назвать «скрытой историей» нашей эпохи.

Людовик Рео, «Наставник мира, Кришнамурти»

Людовик Рео, «Наставник мира, Кришнамурти», издательство *Les Tables d'Harmonie*, Ницца. — Эта книга, несомненно, единственная, в которой теософист осмелился со всей откровенностью, не пытаясь ничего утаить или «примирить», изложить разногласия, возникшие между Кришнамурти и руководителями Теософского общества; для последнего она поистине ужасна, поскольку их роль предстаёт в книге как проявление неслыханного двуличия, и в этом отношении она представляет собой документ, заслуживающий величайшего интереса. Что касается восхищения автора Кришнамурти и его веры в то, что он действительно является «Наставником мира» (причём невозможно точно понять, что именно следует понимать под этим выражением), то это, естественно, совершенно иной вопрос, по поводу которого мы должны высказать самые серьёзные оговорки. Кришнамурти сбросил ярмо, которое на него хотели надеть, и он, несомненно, поступил очень верно; мы весьма охотно признаём, что для этого ему потребовались определённое мужество и сила характера, которым нельзя не отдать должное; но этого недостаточно, чтобы доказать наличие у него необычайной «миссии», пусть и отличной от той, для которой его предназначали инструкторы. То, что он питает отвращение к «обществам» и «церемониям», опять-таки очень похвально; но от этого до того, чтобы позиционировать себя в качестве противника любой религии и отвергать само понятие посвящения, — целая пропасть. Следует сказать (и в этом его оправдание), что он знал лишь их жалкие подделки: Либеральную католическую церковь, сомасонство, теософскую Эзотерическую школу. Но если бы он действительно был тем, кем его считают, он бы знал, что то, что

в действительности заслуживает называться религией и посвящением, совершенно от этого отлично; по сути, похоже, что он не имеет ни малейшего представления о том, что составляет сущность любой традиции… Да и что это за «наставник», который, по его собственному признанию и признанию его последователей, ничему не учит и которому нечему учить? Он даже прямо отрицает наличие у него доктрины; так в чём же он хочет кого-то «наставлять»? В сущности, всё сводится к крайне расплывчатым формулировкам, опасным именно своей расплывчатостью; каждый может найти в них почти всё, что захочет, но те, кто не верят пустым словам, не смогут ими довольствоваться. Отметим в этой связи один любопытный факт: в буддийских сутрах, в Евангелиях, в посланиях апостола Павла при желании выискивают всё, что может, при желании, показаться согласующимся с заявлениями Кришнамурти; но когда там находят нечто, явно им противоречащее, то спешат объявить это «вставками»; этот приём, достойный модернистских экзегетов, уж слишком удобен! Наконец, скажем прямо: если бы Кришнамурти был действительно «освобождённым», то есть если бы он был *дживан-муктой* в истинном смысле этого слова (даже без необходимости вдобавок выполнять функцию *джагад-гуру*), он не стал бы отождествлять себя с «Жизнью» (пусть и с прописной буквы), но пребывал бы по ту сторону её, равно как и вне любого иного ограничивающего условия обусловленного существования. Это своего рода «витальный» имманентизм, так хорошо согласующийся с характерными тенденциями современного мира (а иначе чем бы объяснялся успех Кришнамурти?), поистине является тем плодом, по которому мы можем судить о дереве… И когда Кришнамурти говорит о «тех, кто станут Пламенем», кто дерзнёт сказать, что в точности кроется за столь странным выражением?

Л. де Паини, «Интегральный мистицизм»

Л. де Паини, «Интегральный мистицизм», издательство *Les Argonautes*, Париж. — Этот небольшой том можно было бы считать иллюстрацией к тому, что мы писали в другом месте о смешении психизма и духовности; уже одного приведённого в книге определения было бы достаточно, чтобы показать это с полной ясностью:

> «Мистицизм сам по себе есть экспериментальная наука о бессознательном, являющаяся полным проникновением в тайну тёмных психических сил организма».

Автор к тому же выказывает большое уважение к современной психологии, так как в ней

> «бессознательное вновь обретает свою великую первостепенную роль; в устроении человека наше хрупкое сознание покоится на его бездонной, живой, вечно зыбкой тьме…».

Всё это, естественно, сопровождается неким «эволюционизмом», выражающимся прежде всего в довольно фантастических «космогонических» взглядах; кроме того, здесь налицо странное преувеличение роли тела. Несомненно, оно действительно представляет одно из состояний нашего существа и, следовательно, находится в более или менее тесной связи с другими его модальностями, но это отнюдь не означает, что оно является «структурой чистого психизма» и тем более «духовной конструкцией»; здесь вновь, в отсутствие всякого понятия об иерархии состояний, мы сталкиваемся с полнейшей путаницей. Присутствует и другая путаница, касающаяся самого мистицизма: то, что автор называет «интегральным мистицизмом», она находит отнюдь не

в западном мистицизме (хотя только к нему в строгом смысле может быть применимо это наименование), а в том, что она считает «азиатским мистицизмом» и что в действительности сводится к совершенно иному. Причём этот самый «интегральный мистицизм», в соответствии с тем, как она его себе представляет, в полной мере существовал бы лишь в Тибете. Почему именно в Тибете, а не в иных восточных странах, если не потому, что он, справедливо или нет, слывёт особенно богатым на разного рода странные «феномены»? Из тибетской традиции, имеющей инициатический, а не мистический характер, здесь видят лишь психическую, и даже психофизиологическую сторону, то есть средства принимаются за цель; и всё это оказывается лишь «живым расчленением существа», ведущим к «погружению в великий психический океан с его неизмеримыми и пугающими глубинами»… Пугающими — в самом деле, ибо речь здесь и вправду идёт о возможностях существа, но возможностях низших, которые посвящение, напротив, должно позволить ему окончательно преодолеть. Подобная книга производит по-настоящему тягостное впечатление; то, что она предлагает человеку — это поистине «шаг назад», но этот шаг, вовсе не ведя его «к чистому духу», способен привести лишь к «космическому приобщению» к инфрачеловеческим силам, ибо именно они, а вовсе не «духовные» силы, царят в «безбрежном океане глубинного расового психизма» — безусловно глубинного, но в смысле «бездонного» и «инфернального»!

Анри де Геймюллер, «Сведенборг и психические феномены»

Анри де Геймюллер, «Сведенборг и психические феномены» (Издательство *Ernest Leroux*, Париж). — Содержание этой толстой книги легко могло бы, как кажется, составить материал для нескольких томов, а слишком частые отступления делают изложение довольно трудным для понимания; ему недостаёт путеводной нити, а если она и есть, то не проявляется с достаточной ясностью… То, что касается самих идей Сведенборга, в частности, об отношениях духа и тела и о том, что он называет «лимбом», во всяком случае представляет определённый исторический интерес; но аргументы, которые пытаются извлечь из этого против спиритизма, довольно слабы, да и вряд ли может быть иначе, коль скоро спиритам оставляют их фундаментальный постулат, то есть возможность реального общения с умершими; факт того, что гораздо благоразумнее воздерживаться от этих практик, на этом фоне, — лишь второстепенный вопрос. В отношении реинкарнации обсуждение также касается только побочных вопросов; впрочем, как мы уже часто говорили, в этом вопросе важна именно демонстрация её метафизической невозможности. В остальном мы, конечно, не собираемся обсуждать здесь то, как Сведенборг рассматривает «духовный мир»; возможно, его язык порой искажает его мысль; но стоит отметить одну довольно любопытную вещь: он сходится со спиритами в том, что хочет видеть там лишь существ человеческого происхождения, включая самих ангелов: странное ограничение Универсальной Возможности!

Д-р Александр Кэннон, «Невидимое влияние»

Д-р Александр Кэннон, «Невидимое влияние». Перевод с английского Грейс Гассет и Жоржа Барбарена (Издательство *Éditions du Prieuré*, Базенвиль, Сена-и-Уаза). — Эта книга представлена как «раскрытие тибетских тайн»; к своему имени автор добавляет несколько строк университетских и медицинских званий, за которыми следуют звания «Йога Кушога Северного Тибета и Пятого Мастера Великой Белой Ложи Гималаев»; и более того, по ходу книги мы узнаём, что он получил от «Великого Конвента Лам» (*sic*) «высший титул, титул Рыцаря Командора Азии, равный графскому в Соединенном Королевстве»! Всё это, конечно, весьма внушительно, но, пожалуй, чересчур, чтобы вызывать доверие; в самом деле, изучая содержание труда этого «Мастера», мы не находим в нём, увы, ничего, кроме гипнотизма, телепатии, более или менее заурядных психических феноменов, и всё это изложено на вполне западный манер; во всём этом нет ни малейших «тайн», ни Тибета, ни каких-то других, и, разумеется, ничего действительно доктринального… Добавим, что книга скверно скомпонована: это едва ли не нагромождение историй, не имеющих иной связи, кроме серии бесед, якобы происходящих во время путешествия, причём даже не всегда понятно, кто из собеседников говорит. Есть тут и очевидные нелепости: что сказать, например, о персонаже, который «прочитал труд Пифагора», или о «Мудреце», позволяющем гипнотизировать себя змее? Некоторые истории, представленные как личные воспоминания автора, производят досадное впечатление уже виденных где-то в другом месте: в самом рассказе о путешествии, служащем смутным обрамлением всего этого, есть немало подробностей, включая историю с искалеченным посланником, кото-

рые напоминают нам некий английский приключенческий роман, прочитанный в детстве; мы весьма сожалеем, что не можем найти на него ссылку, поскольку было бы любопытно провести это сравнение дальше, чем позволяют наши воспоминания. К тому же автору случается противоречить самому себе: так, должно быть, забыв, что он описал сцену в пещере, он затем располагает там, ради своих «опытов», камин с каминными часами наверху! Наконец, аллюзия на «добрую старую Англию», вновь обретённую «после стольких долгих месяцев, проведённых в тибетской дикости», как нам кажется, ясно выдаёт истинную ментальность этого мнимого восточного посвящённого… У нас уже несколько лет существовала целая серия мистификаций, чья общая черта — неизменно прикрываться эгидой чересчур известной «Великой Белой Ложи», выдуманной теософистами; несомненно, теперь к ним следует прибавить ещё одну; какие же именно замыслы могут скрываться за всем этим? К сожалению, подобные вещи всегда порождают слишком много одураченных: вот почему мы сочли за благо остановиться на этом больше, чем они того заслуживали бы сами по себе: пусть интерес к ним и равен нулю, но их опасность в эпоху, подобную нашей, более чем реальна.

Рудольф Штейнер, «Евангелие от Иоанна»

Рудольф Штейнер, «Евангелие от Иоанна» (Издательство *Association de la Science Spirituelle*, Париж). — Этот том содержит французский перевод цикла из двенадцати лекций, прочитанных в Гамбурге в 1908 году. Автор начинает со справедливой критики методов современной экзегезы и результатов, к которым они приводят; однако затем, дабы приспособить к своим «антропософским» концепциям Евангелие от Иоанна (истинным автором которого, по его мнению, был воскресший Лазарь), он сам обращается с ним таким образом, что упрёк в полнейшей фантастичности будет самым мягким из того, что можно сказать по этому поводу. В сущности, создаётся впечатление, что он использует его прежде всего как предлог для изложения взглядов, которые (по большей части, и особенно в том, что касается человеческой «эволюции»), гораздо больше напоминают «Тайную доктрину» г-жи Блаватской, нежели розенкрейцерскую традицию. То, что он называет «духовной наукой», является таковой, впрочем, лишь в силу одного из тех смешений понятий, на которые мы попутно указываем в нашей статье, ибо для него «духовное» — это, попросту говоря, почти что синоним «невидимого»; и, естественно, это сильно сказывается на его понимании инициации. Отметим в этой связи одну довольно любопытную деталь: с одной стороны, он утверждает, что со времён пришествия Христа посвящения якобы утратили смысл, так как следствием этого пришествия стало предоставление всем доступа к тому, что в античных мистериях давалось лишь немногим; но, с другой стороны, он описывает то, что называет христианским посвящением и посвящением розенкрейцеров, между которыми он, впрочем, похоже, проводит определённое различие; не просто

разобраться, как всё это может согласовываться между собой!

Алиса А. Бейли, «Три грядущих года»

Алиса А. Бейли. «Три грядущих года». — Мы вспоминаем, что ранее уже видели содержание этой брошюры, опубликованное в виде статей в журналах с более или менее ярко выраженными теософистскими тенденциями, за подписью анонимного «Тибетца»; так не является ли он самой миссис Бейли, или же не обладает ли он чисто «астральным» существованием, что равнозначно первому варианту? По правде говоря, мы не вполне в этом уверены, поскольку он, кроме того, обнаруживает некоторое сходство с одним персонажем, о чьих разнообразных проявлениях нам сообщали с разных сторон… Как бы то ни было, речь идёт о плане, который якобы был разработан гипотетической «Иерархией», в которой нетрудно опознать пресловутую «Великую Белую Ложу»; эта последняя, странным образом именуемая «Обществом просветлённых Интеллектов», якобы основала для осуществления этого «плана» некую «Группу Творцов Новой Эры», члены которой должны были связываться между собой «субъективно, интуитивно и порой телепатически», и чья деятельность, судя по сказанному, разворачивалась бы в самых что ни на есть профанных областях: среди них можно было бы обнаружить даже политиков и дельцов! Всё это, конечно, само по себе не представляет сколько-нибудь значительного интереса; если мы на этом останавливаемся, то лишь для того, чтобы ещё раз показать, насколько все эти фантастические истории распространены в настоящее время; и, как мы уже неоднократно говорили, в этом кроется несомненная опасность; те, кто их внушает (мы не говорим о тех, кто их распространяет), несомненно, преследуют некие сомнительные цели; и от «контриниациации» к «псевдоинициации», вероятно, тянется куда больше незримых ни-

тей [букв. «инфильтраций»], нежели кажется на первый взгляд…

Грейс Гассетт и Жорж Барбарен, «Ключ»

Грейс Гассетт и Жорж Барбарен. «Ключ» (Издательство *Éditions du Prieuré*, Базенвиль, Сена-и-Уаза). — Хотя этот том, носящий в качестве эпиграфа картезианскую максиму «Я мыслю, следовательно, я существую», опубликован без имени автора, он, очевидно, происходит из того же «источника», что и книга д-ра Александра Кэннона, о которой мы говорили здесь несколько месяцев назад. В нём можно найти всего понемногу: многочисленные цитаты из Евангелия, сопровождаемые зачастую спорными толкованиями, смешиваются с мнимыми поучениями «Мудрецов Тибета» (?), а также с идеями, гораздо более прямо заимствованными из современной философии и науки; а самые вульгаризированные опыты по *хатха-йоге* соседствуют с «утверждениями», весьма любопытно напоминающими метод Куэ[A]. Всё это находится примерно на интеллектуальном уровне бесчисленных американских изданий, претендующих на обучение способам достижения «успеха» в той или иной сфере; впрочем, дабы оценить дух этого произведения, достаточно прочесть строки из предисловия, где сказано, что «эпоха инициации завершена» и что «продвижение человечества на путях доброты и познания (!) позволяет сегодня передавать высшее учение всем»; если эти слова были написаны добросовестно, они едва ли свидетельствуют в пользу «познания» или даже, проще говоря, в пользу проницательности их автора!

[A] Метод «улучшения благополучия», основанный на самовнушении и самогипнозе, предложенный французским психологом и фармацевтом Эмилем Куэ (1857–1926). — прим. М. Маковчика.

Рудольф Штейнер, «Египетские мифы и мистерии»

Рудольф Штейнер. «Египетские мифы и мистерии» (Издательство *Association de la Science spirituelle*, Париж). — В этом цикле из двенадцати лекций, прочитанных в Лейпциге в 1908 году, автор со странной настойчивостью открещивается от намерения объяснять символы; он видит в них лишь выражение того, что называет «духовными фактами», под чем понимает события, которые якобы имели место в различные периоды истории человечества в психической сфере, а то и просто в «эфирной», ибо, как мы уже имели случай отметить по поводу другого его произведения, его понимание «духовного» весьма расплывчато… Мы вновь встречаем здесь одни и те же фантастические истории о «расах» и «подрасах» человечества, которые и так уже хорошо известны; поражает попытка серьёзно выдавать за «розенкрейцерские учения» утверждения, которые в своём большинстве, несмотря на некоторые различия в деталях, явно и прямо почерпнуты из «Тайной доктрины» г-жи Блаватской!

Габриэль Трарьё д’Эгмон, «Прометей, или Тайна человека»

Габриэль Трарьё д’Эгмон. «Прометей, или Тайна человека» (Издательство *Édition Adyar*, Париж). — Те, у кого не хватает ни времени, ни смелости прочесть «Тайную доктрину» г-жи Блаватской, но кто всё же хотел бы составить о ней какое-то представление, найдут в этой книге довольно верный очерк, по крайней мере в том, что касается истории человеческих рас; мы уже достаточно высказали своё мнение о таких фантастических воззрениях, столь удалённых от подлинных традиционных учений, и не собираемся к этому возвращаться. Главная особенность автора здесь — помещение некоторым образом в центр всей этой истории греческого мифа о Прометее, разумеется, истолкованного весьма своеобразным и спорным образом. Кроме того, он проявляет известный «эклектизм», время от времени заимствуя идеи из других источников, главным образом из различных разновидностей оккультизма и прочих современных подделок под традицию. Наконец, он твёрдо верит в «Учителей» теософского общества; если в этом и есть что-нибудь реальное, то точно не то, что думает автор, и мы опасаемся, что он весьма ошибается в оценке их истинного положения по отношению к тем «тёмным силам», о которых он упоминает неоднократно: ибо «псевдоинициация» служит слишком хорошо, явно, целям, преследуемым представителями «контриницииации», чтобы от одной в другую порой не происходили те или иные инфильтрации…

Роже Глардон, «Спиритизм перед лицом истории, науки, религии»

Роже Глардон. «Спиритизм перед лицом истории, науки, религии» (Издательство *P. Rouge et Cie*, Лозанна, и *Librairie Fischbacher*, Париж). — Автор — протестантский пастор, и его книга была представлена в качестве диссертации на богословском факультете Свободной церкви кантона Во; а это значит, что точка зрения, с которой он выступает против спиритизма, по необходимости весьма специфична. Историческая часть содержит досадную путаницу, которая могла бы сыграть на руку тем спиритам, кто стремится возвести свои теории и практики вплоть до античности; документальная база здесь к тому же крайне ненадёжна, поскольку, например, в отношении Индии автор доходит до того, что принимает на веру некоторые россказни Жаколио. На этом примере видно, к какому количеству двусмысленностей предрасполагает слово «духи», в сущности не значащее ровным счётом ничего; с другой же стороны, попытка уподобить спиритизму даже католический культ святых свидетельствует о весьма своеобразных предрассудках. Следующее далее изложение фактов, несомненно, более удачно; однако самое важное кроется не здесь, ибо в действительности никаких «спиритических феноменов» не существует: спиритическим является лишь определённое объяснение этих феноменов. В данном отношении автор стремится показать, что разнообразных иных гипотез, которые можно было бы привлечь в зависимости от случая, вполне достаточно для объяснения всех установленных фактов, так что нет совершенно никакой необходимости прибегать к спиритической гипотезе; поскольку он, похоже, несмотря ни на что, считает её гипотезой, возможной наравне с прочими,

и во всяком случае не доказывает её абсурдность, его опровержение остаётся весьма недостаточным и никоим образом не является окончательным. Что касается собственно религиозной части, то, оставляя в стороне некоторые размышления, которые основаны просто на здравом смысле и довольно метко подчёркивают смехотворную сторону так называемой «спиритической религии», само собой разумеется, что она вряд ли способна убедить кого-либо, кроме единоверцев автора. Наконец, последняя часть посвящена опасностям спиритизма; здесь, по крайней мере, мы можем с ним полностью согласиться; и, возможно, автору следовало бы даже несколько больше акцентировать внимание на подобных соображениях, поскольку сама цель его исследования заключается, по его собственным словам, в том, чтобы «отговорить тех, кто испытывает искушение вступить на этот пагубный во всех отношениях путь».

Эдуар Арно, «Поиск Истины: искусство, наука, оккультизм, религии»

Эдуар Арно. «Поиск Истины: искусство, наука, оккультизм, религии» (Издательство *Éditions Leymarie*, Париж). — Величайшим достоинством этого большого тома является, несомненно, очевидная искренность автора; он ищет истину (лучше было бы, пожалуй, сказать «свою» истину, ибо он весьма «релятивистичен») в размышлениях, опирающихся одновременно на современную физику, «метапсихику» и различные формы оккультизма; не стоит удивляться, что при подобных условиях он приходит к гипотезам, чья ценность крайне сомнительна. Он придаёт особое значение «Тайной доктрине» г-жи Блаватской; правда, он отказывается принимать на веру то, что кажется ему уж чересчур «непроверяемым», но от этого он не меньше верит, что именно там содержится подлинное выражение «архаичной традиции»; поэтому его познания о восточных доктринах, почерпнутые из такого источника, носят в высшей степени фантастический характер. Добавим, что он привносит в своё исследование ментальность, на которую явно оказали влияние как его протестантское воспитание, так и профессия архитектора; и это само по себе ещё раз наглядно демонстрирует чисто «индивидуальный» характер его поисков, предельно удалённый от безличности подлинного знания.

Рудольф Штейнер, «Возникновение естественных наук»

Рудольф Штейнер. «Возникновение естественных наук» (Издательство *Association de la Science Spirituelle*, Париж). — Этот том, как и предшествующие ему, представляет собой издание цикла лекций, прочитанных на этот раз в Дорнахе в 1922–1923 годах, в которых «история идей» трактуется весьма специфичным для автора образом. Несомненно, развитие современных наук тесно связано с формированием определённой ментальности, весьма отличной от ментальности предшествующих эпох; однако подлинная природа изменений, произошедших подобным образом на протяжении последних веков, заключается, возможно, не совсем в том, что здесь описывается, а представления о способах познания древних слишком уж напоминают фантазии «ясновидящих», чтобы можно было с готовностью принимать их всерьёз.

Пётр Дынов, «Учитель говорит»

Пётр Дынов. «Учитель говорит» (Редакция журнала «Житно зърно», София). — Слова этого болгарского «Учителя» отличаются почти только удручающей банальностью; если мы всё же о них упоминаем, так это потому, что в них встречается описание некоего «Досточтимого Всемирного Братства», чьё устройство пугающе напоминает устройство пресловутой «Великой Белой Ложи»; истории подобного рода в последнее время множатся слишком уж беззастенчиво, чтобы можно было удержаться и не усмотреть в этом поистине тревожный симптом!

Поль Брантон, «В поисках сокровенного Египта»

Поль Брантон. «В поисках сокровенного Египта» (Издательство *Rider and Co.*, Лондон). — Автор, ранее опубликовавший книгу «В поисках сокровенной Индии», о которой мы писали в своё время, вознамерился написать аналогичную книгу о Египте; но мы должны прямо сказать, что этот новый том заметно уступает первому, и что «журналистский» уклон, который мы уже подмечали в некоторых его местах, здесь проявлен ещё более досадным образом. Как и почти все иностранцы, он явно интересовался древним Египтом больше, чем Египтом современным; действительно, его контакты с последним оказались далеко не самыми удачными. Так, можно удивиться тому месту, которое он отводит «феноменам», производимым «факиром» Тахра-беем, чересчур известным своими выступлениями в мюзик-холлах Европы и Америки: это вряд ли гармонирует с названием книги… Есть там и глава, посвящённая не названному по имени «магу», которого нам, однако, не составило труда опознать, и который, несмотря на его экстраординарные притязания (*Эс-сахер мин джанби-Ллах*…), по сути является лишь довольно ловким шарлатаном. Ещё в одной главе идёт речь о гипнотизёре, действующем самыми вульгарными западными методами; причём в действительности, несмотря на всё это, перед нами египетский еврей, хотя автор вследствие довольно забавной оплошности принял его за француза, полагая даже, будто узнал в нём «живость речи, свойственную его расе»… следуя стереотипному представлению, сложившемуся о ней у англичан! То, что касается заклинателей змей, пожалуй, более интересно, хотя, по правде говоря, факты эти относятся к совершенно обыденному порядку, и было бы совершенно чрезмерно пытаться

извлекать из них рассуждения о возможном пережитке мнимого «культа змеи»… Если мы перейдём к тому, что касается древнего Египта, то не сможем отделаться от впечатления, что видениям и снам здесь придаётся чересчур большое значение; хотя вовсе не было нужды прибегать к ним, дабы прийти, к примеру, к идее о допотопном и «атлантическом» происхождении сфинкса и пирамид, т.к., кажется, подобная идея уже высказывалась в достаточно многочисленных трудах. Автор пожелал провести в одиночестве ночь внутри Великой Пирамиды, и там тоже ему явилось видение, относящееся к инициации; но (несомненно, под влиянием его предшествующих изысканий) оно приняло форму, слишком уж напоминающую «астральное раздвоение», столь милое сердцу оккультистов. То, что Великая Пирамида в действительности могла быть местом инициации, мы, конечно, оспаривать не станем, тем более что эта гипотеза по меньшей мере более правдоподобна, нежели ряд других, которые, к слову, автор весьма здраво критикует (включая, что делает честь англичанину, «пророческую» теорию, к которой нам ещё предстоит вернуться в связи с другой книгой); однако, даже если бы это оказалось должным образом доказано, мы бы ни на йоту не продвинулись в познании конкретных модальностей египетского посвящения, а намёков античных авторов, безусловно, слишком мало для того, чтобы мы могли составить о нём сколько-нибудь точное представление. — В конце тома автор рассказывает о своей встрече с одним «Адептом» (?), чьи речи об опасности некоторых раскопок в древних гробницах не содержат в себе ничего особо «трансцендентного»; мы, разумеется, не берёмся оспаривать его добросовестность, но задаёмся вопросом: а не стал ли он попросту жертвой мистификации?

Жорж Барбарен, «Тайна Великой пирамиды, или Конец адамического мира»

Жорж Барбарен. «Тайна Великой пирамиды, или Конец адамического мира» (Издательство *Éditions Adyar*, Париж). — Наличие у Великой пирамиды некой «тайны» — из-за того ли, что она являлась местом инициации, как мы говорили выше, или из-за того, что своей ориентацией и пропорциями она представляет своего рода свод тех или иных традиционных наук, или даже по обеим этим причинам одновременно (благо они отнюдь не противоречат друг другу), — весьма вероятно, тем более что некоторые более или менее искажённые предания, истоки которых, без сомнения, восходят к глубочайшей древности, похоже, действительно на это указывают. Однако то, что современные люди сумели открыть эту «тайну», представляется куда более сомнительным. На эту тему было написано немало, в частности об измерениях пирамиды; некоторые геометрические, геодезические и астрономические утверждения кажутся вполне достоверными и не лишены интереса, но, в сущности, они весьма фрагментарны, и наряду с этим было допущено предостаточно фантазий; к тому же, есть ли вообще уверенность в том, что нам доподлинно известно, какая именно единица измерения использовалась в древнем Египте? Автор этой книги прежде всего даёт обзор всех этих трудов, включая самые эксцентричные гипотезы, такие как та, что стремится обнаружить во внутреннем устройстве пирамиды карту истоков Нила, или та, согласно которой «Книга мёртвых» является описанием и объяснением этого самого устройства; впрочем, мы не можем согласиться с ним в том, что геометрические и прочие познания, свидетельства которых здесь обнаруживаются, «являются лишь выражением

человеческой науки» и не более, т.к. это доказывает, что он не понимает истинной природы традиционных наук и путает их с профанными… Но оставим это, ибо, в целом, суть книги в другом: главное, о чём идёт здесь речь и что носит куда более фантастический характер, — это «пророчества», которые некоторые хотят обнаружить, измеряя (причём не лишённым произвольности образом) различные части коридоров и камер пирамиды, дабы сопоставить получаемые таким путём числа с историческими периодами и датами. Уже довольно давно вокруг этой теории ведётся интенсивная пропаганда, главным образом в Англии, намерения которой кажутся весьма подозрительными и вряд ли являются совершенно бескорыстными; некоторые притязания, касающиеся происхождения от «потерянных колен Израилевых» и тому подобное, что автор вспоминает довольно бегло, вероятно, имеет к этому отнюдь не второстепенное отношение… Как бы то ни было, во всём этом кроется столь вопиющий абсурд, что мы поражаемся тому, как никто, похоже, его не замечает: в самом деле, если предположить, что строители пирамиды действительно заложили в неё «пророчества», правдоподобными были бы две вещи: либо эти «пророчества», которые должны были бы основываться на определённом знании «циклических законов», относятся к всеобщей истории мира и человечества, либо они были адаптированы таким образом, чтобы касаться более конкретно Египта; но на деле здесь нет ни того, ни другого, поскольку всё, что силятся в них отыскать, сводится исключительно к перспективе, сперва иудейской, а затем христианской, так что по логике вещей из этого следовало бы заключить, что пирамида — это не египетский памятник, а памятник «иудео-христианский»! К этому стоит добавить, что всё здесь трактуется сообразно так называемой библейской «хронологии», следуя самому узкому, и скажем прямо, самому протестантскому «буквализму»; можно было бы сделать и немало других курьёзных замечаний: так, с начала христианской эры якобы не нашлось ни одной заслуживающей внимания даты

для фиксации вплоть до… появления первых железных дорог! Надо полагать, что эти древние строители обладали весьма современной оптикой в своей оценке значимости событий; это и есть та самая гротескная деталь, которая, как мы говорили в другом контексте, всегда находима в подобного рода вещах, выдавая тем самым их подлинное происхождение… А теперь о том, что в этом деле является, возможно, наиболее тревожным: дата 15–16 сентября 1936 года заявлена (причём с удивительной точностью) как момент, должный ознаменовать вступление человечества в новую эру и «наступление духовного возрождения»; на деле не похоже, чтобы в эти числа произошло хоть что-то сколько-нибудь примечательное, но что же всё это может значить? В этой связи автор вспоминает множество более или менее совпадающих предсказаний, большинство из которых в высшей мере подозрительны — как сами по себе, так, и в особенности, с оглядкой на то, как намереваются воспользоваться ими те, кто их распространяет; их слишком много, чтобы речь шла о простой «случайности», однако мы со своей стороны делаем отсюда лишь один вывод: суть в том, что некоторые люди ныне пытаются создать посредством всего этого «особое состояние духа», благоприятствующее свершению «некоторых событий», отвечающих их замыслам; и как нетрудно догадаться, мы определённо не из числа тех, кто желает успеха этому «псевдодуховному» предприятию!

Габриэль Трарьё д’Эгмон, «Тирс и Крест»

Габриэль Трарьё д’Эгмон. «Тирс и Крест» (Издательство *Éditions Adyar*, Париж). — Мы вновь встречаем здесь поразительное доверие к теософистским и оккультистским «источникам», уже подмеченное нами некоторое время назад в другой работе того же автора; на сей раз к ним присовокупляются ещё и «розенкрейцеровские» поучения от анонимного «наставника», не перестающего вызывать у нас серьёзные подозрения по причинам, которые мы излагали в другом месте в связи с современным «псевдорозенкрейцерством». Как следствие всего этого, в том, что касается «Тайны Христа», рождается нечто, естественно, весьма напоминающее «мессианские» теории теософистов, но при этом ещё более отягощённое примесью прочих элементов, упомянутых выше; некоторые отрывки производят поистине пугающее впечатление… Что же касается истории христианского эзотеризма, как она изложена здесь, то она тяготеет к постоянному смешению этого эзотеризма с ересью и с сектами; мы уже достаточно часто пытались рассеять эту путаницу, чтобы не повторяться вновь о том, насколько ошибочен подобный взгляд на вещи. Разумеется, когда дело доходит до современности, мы вновь сталкиваемся со вмешательствами «Великой Белой Ложи», наступлением «эры Водолея» и прочими слишком хорошо знакомыми вещами; и когда автор говорит о «Тёмных Силах, которые нами управляют, и об их прозорливых методах», то остаётся лишь искренне посетовать, что он столь далёк от того, чтобы продемонстрировать прозорливость, равную их собственной, дабы распознать их действия повсюду, где они подлинно имеют место! — Мы не намереваемся разбирать некоторые ошибки в библиографических справках, однако среди них

есть одна, которая затрагивает нас слишком прямо, чтобы мы обошли её молчанием: монсеньор Р. Х. Бенсон написал книгу под названием «Властелин сего» (*Le Maître du Monde*), а вовсе не «Царь мира» («Царь мира»); и поскольку там, к тому же, речь идёт об Антихристе, тогда как сказанное в нашей книге «Царь мира» носит совершенно противоположный характер, подобная оплошность является в высшей степени досадной; вплоть до сего момента лишь только деятели журнала «Международный обзор тайных обществ» (*R.I.S.S*) доходили до того, чтобы смешивать, впрочем, с гораздо меньшей степенью непреднамеренности, «Царя мира» с «Князем мира сего»!

Рудольф Штейнер, «Евангелие от Луки»

Рудольф Штейнер. «Евангелие от Луки» (Издательство *Association de la Science Spirituelle*, Париж). — Эти лекции были прочитаны в 1909 году в Базеле перед членами Теософского общества, с которым автор в то время ещё не порвал; и толкования, представленные в них, являются, пожалуй, ещё более фантастическими, если это вообще возможно, нежели те, что имеют «официальное» хождение среди самых обычных теософистов. По-видимому, когда евангелист говорит об «очевидцах», это надлежит переводить как «ясновидящие»; исходя из этого, остаётся лишь обратиться к «Хроникам Акаши» — и уж то, что при этом из них извлекается, точно нельзя назвать банальным! Так, там обнаруживается, что именно «преображённый Будда» явился пастухам в облике «воинства небесного», затем, что одновременно существовало два младенца Иисуса, один из Назарета, а другой из Вифлеема, в которых сперва реинкарнировали, соответственно, Адам и Зороастр — в ожидании дальнейших трансформаций… Мы находим излишним продолжать далее эту более чем запутанную историю; право же, вознамерься кто-то намеренно всё перепутать, дабы обратить истоки христианства в некую невразумительную мешанину, ему было бы трудно сделать это лучше; и даже если подобное сознательное намерение не руководило выработкой всех этих небылиц, производимое ими впечатление оказывается от этого ничуть не менее тягостным, чему ещё больше способствует тот безапелляционный тон, с которым они утверждаются в качестве «фактов»; нам хотелось бы, по меньшей мере ради памяти автора, верить в то, что во всём этом он сыграл всего лишь простую роль «жертвы внушения»!

Рене Лакруа-а-л’Анри, «Теории и методы радиэстезии»

Рене Лакруа-а-л’Анри. «Теории и методы радиэстезии» (Издательство *Henri Dangles*, Париж). — Эта книга явно знаменует собой попытку удержать радиэстезию[A] в «разумных» пределах; автор, который, впрочем, заявляет о себе как об убеждённом католике, похоже, разглядел, лучше большинства своих коллег, опасность некоторых «преувеличений»; в частности, «прорицательские» её применения вызывают у него некоторые опасения, в чём мы можем его только поддержать. Однако, когда он заявляет, что «истинная радиэстезия не должна приводить к спиритизму», мы боимся, что он питает иллюзии, ибо провести здесь границу гораздо труднее, чем он полагает; а не являются ли эти подозрительные связи в сущности своей именно той подлинной причиной, по которой состоялся «запуск» радиэстезии в нашу эпоху? Сам он, впрочем, не может обойтись без обращения к методам, которые он называет «ментальными», каковые, однако, не обязательно таковыми являются, но в любом случае уж наверняка могут быть названы «психическими»; его так называемые «китайский» и «египетский» методы, опирающиеся лишь на довольно фантазийное применение некоторых символов, или же конструкция его «плутонической лозы», точно так же не кажутся нам свободными от разных упрёков в этом же отношении. Его перечень «вредоносных волн», в котором причудливым образом смешаны физические и психические влияния, в этом же свете тоже весьма поучителен; если его намерение состоит в том, чтобы сде-

[A] Дословно переводится как «ощущаю излучение» от латинского *radio* и греческого αἴσθησις — практика типа «биолокации» с применением рамок, маятников и лозы, для поиска минералов или воды или ответов на вопросы — прим. М. Маковчика.

лать из радиэстезии сугубо физическую науку в том смысле, который придаётся этому слову в наше время, то нельзя сказать, что он близок к успеху в этом начинании; притом со своей стороны мы полагаем, что это дело вообще невозможное, либо же… это была бы уже вовсе не радиэстезия. — Попутно укажем автору, что вопреки тому, что он, по-видимому, считает, статья о радиэстезии, вышедшая здесь в прошлом году, никоим образом не принадлежит нашему перу: *suum cuique*… [каждому своё].

Д-р А. Овар, «Эзотерическая медицина»

Д-р А. Овар. «Эзотерическая медицина» (Издательство *Henri Durville*, Париж). — В этой брошюре автор представляет классификацию болезней, которая, возможно, ничем не хуже любой другой, но в которой точно нет ничего эзотерического; она в действительности основывается лишь на весьма сомнительных теориях, чья теософистская направленность совершенно очевидна. С другой стороны, если и простительно в известной мере принимать условную терминологию ради удобства изложения, куда менее простительно испытывать при этом потребность изобретать слова, само построение которых является настоящим вызовом всем лингвистическим правилам! Автор соорудил для себя некую доктрину, которой он дал название «эволюизм», что в достаточной степени указывает на её сугубо современные тенденции; это, конечно, его дело, однако то, что он вдобавок претендует, будто эта доктрина в своей основе идентична «ведизму» — вот это уже куда более серьёзно и свидетельствует о весьма досадном непонимании.

Д-р А. Овар, «Эзотерическая политика»

Д-р А. Овар. «Эзотерическая политика» (Издательство *Henri Durville*, Париж). — Эта следующая работа того же автора могла бы дать повод к тем же самым критическим замечаниям, что и предыдущая, поскольку здесь речь идёт о применении в иной области тех же самых теорий и методов изложения. Мы вряд ли станем на этом специально останавливаться, но всё же не можем удержаться от того, чтобы по меньшей мере не отметить, что правительство, о котором он грезит, подразумевает весьма странное представление о «духовном» и о «теократии», равно как и об инициации: чиновники, мэры и префекты, которые должны быть в то же самое время жрецами «эволюистской религии», и из числа которых будут набираться «инициированные», каковые опять же окажутся всего лишь вышестоящими чиновниками, не говоря уже об «Эзотерическом институте», куда будут поступать по окончании лицея те, кто изберёт для себя эти административные поприща — всё это напоминает скорее фурьеристские и сен-симонистские утопии, нежели концепции менее профанического толка… Да и что прикажете думать о перечислении, где в одну кучу сбиты «эзотер (*sic*), розенкрейцер (!), спирит, герметист, медиум, философ», как «гордо демонстрирующие свободомыслие»? Но, откровенно говоря, можно ли ждать большего от того, кто завершает все свои книги возгласом: «Да здравствует этика!»?

Поль ле Кур, «Эра Водолея (Пришествие Ганимеда)»

Поль ле Кур. «Эра Водолея (Пришествие Ганимеда)». (Издательство *Atlantis*, Венсен). — Мы уже имели возможность отмечать ту странную одержимость, каковой для некоторых наших современников становятся так называемые «пророчества» вообще и возвещение о грядущей «эре Водолея» в частности. Эта книга также относится к такого рода ажитации; впрочем, в ней мало нового, поскольку бóльшая часть того, что в ней содержится, уже была высказана автором в его статьях в журнале «Атлантида». Отметим лишь, что он ещё сильнее стремится выставить себя наследником и продолжателем общества «Иерон» из Паре-ле-Моньяля, с чем, возможно, не слишком стоит его поздравлять, ибо, если в этом «центре христианского эзотеризма» весьма специфического характера и было несколько интересных идей, то пустых фантазий там было ещё больше: воображение г-на де Сарачага было почти столь же плодовитым, как и у самого г-на Поля Ле Кура! Впрочем, именно оттуда последний почерпнул пресловутую теорию об Аор-Агни, в которой он узрел поразительное откровение, и след которой он с тех пор мнит обнаружить в самых разнообразных именах и словах; однако мы уже достаточно сказали обо всех этих фантазиях, чтобы не возвращаться к ним более подробно. Пытаясь ответить на возражения, поднятые нами против соединения этих двух терминов, Аор-Агни, г-н Поль Ле Кур прежде всего замечает, что «существует много терминов, составленных из слов разных языков»; это верно для современных языков, хотя лингвисты, впрочем, не очень охотно приемлют такой гибридный способ образования, который они совершенно справедливо рассматривают как в высшей степени некорректный; но что касается языков священных, то здесь подоб-

ная вещь совершенно невозможна. Затем он добавляет, «что не видит, на чём бы мог основываться запрет видеть в огне свет, *Aor*, и теплоту, *Agni*»; к сожалению, мы говорили и продолжаем настаивать, что, если *Aor* и в самом деле означает свет на иврите, то *Agni* на санскрите — это отнюдь не только теплота, но в действительности сам огонь, являющий одновременно и свет и тепло; так чего же в таком случае может вообще стоить подобный ответ? — В этой книге есть и ещё одна диковинная странность, о которой нам было бы жаль умолчать: в одном месте (стр. 67) начало иудейской эры устанавливается в 4000 году до начала христианской эры (что представляет собой чистой воды путаницу с масонской эрой), а в другом (стр. 139) — в 4320 году; автору не мешало бы, по меньшей мере, прийти к согласию с самим собой; но самое досадное заключается в том, что ни одно из этих двух указаний не является точным, ибо означенная иудейская эра в действительности берёт начало за 3761 год до эры христианской!

Габриэль Трарьё д’Эгмон, «Каким будет 1938 год?»

Габриэль Трарьё д’Эгмон. «Каким будет 1938 год?» (Издательство *Flammarion*, Париж). — Предсказания на предстоящий год отнюдь не входят в нашу компетенцию, тем более что они с неизбежностью затрагивают сферу политики, которой мы ни в коей мере не желаем касаться. Впрочем, достаточно хорошо известно, какого мы мнения о нынешнем состоянии астрологии; самое же удивительное при этих обстоятельствах в том, что она, несмотря ни на что, всё же даёт подчас точные результаты, и, возможно, их следовало бы в изрядной мере приписать, как это признаёт и автор данной книги, особым способностям того астролога, который их получает — своего рода «интуиции», если угодно, которую, тем не менее, следовало бы всячески остерегаться смешивать с подлинной интеллектуальной интуицией, которая, несомненно, относится совершенно к иному порядку. Как бы то ни было, мы находим здесь, наряду с этими предсказаниями, и некие соображения более общего порядка, среди которых есть и такие, что вновь относятся к пресловутой «Эре Водолея» (автор даже заявляет о своём намерении выпустить работу под таким названием, в чём его опередил г-н Поль Ле Кур): как кажется, мы находимся в этой эре уже начиная с 1793 года, тогда как другие, тем не менее, утверждают, что она ещё не начиналась, или же даже что она начнётся лишь через несколько веков; право же, диковинно, что люди не могут прийти к согласию даже в этом вопросе! Разумеется, речь также заходит о так называемых «пророчествах», имеющих хождение в наше время; однако автор, проявляя в этом большее благоразумие, чем многие другие, признаёт, что не следует принимать всё это без разбора, и, тем более, принимать бесчисленные комментарии, которые

к ним добавляются; в отношении «пророков Великой Пирамиды», в частности, он выказывает определённый скептицизм, с чем мы можем его лишь поздравить. Последнюю главу он посвящает Нострадамусу, который, по его словам, «не является только лишь астрологом», что совершенно верно, однако при этом он стремится видеть в нём прежде всего «ясновидящего», что уже далеко не так верно; в действительности же тут речь идёт о владении некими традиционными науками, отличными от астрологии (пусть и относящимися точно так же к космологическому порядку), но утраченными нашими современниками в ещё большей степени…

Владимир Познер, «Закусив удила»

Владимир Познер. «Закусив удила» [*Le Mors aux dents*]. (Издательство *Denoël*, Париж). Эта книга представляет собой «романизированный» и, в силу очевидной партийной враждебности, весьма «сгущающий краски» рассказ о бурной карьере барона фон Унгерн-Штернберга, о котором уже шла речь ранее, впрочем, в несколько ином ракурсе, в труде г-на Фердинанда Оссендовского «И звери, и люди, и боги». Действительно любопытно, что само существование прототипа героя тогда ставилось некоторыми под сомнение, и это же мы видим и здесь; тем не менее, он принадлежал к очень известной балтийской семье и состоял в родстве с семьей графа Германа Кейзерлинга, письмо которого, к тому же, приведено в книге. Для тех, кто с ней ознакомился, может быть небезынтересно несколько прояснить ситуацию и осветить историю, которая, кажется, была намеренно затемнена; поэтому мы приведём здесь, в качестве материала, который на наш взгляд даёт о нём наиболее точное представление, главные отрывки из писем, написанных в 1924 году майором Антонием Александровичем, польским офицером, который, будучи командиром монгольской артиллерии, находился под непосредственным командованием барона фон Унгерн-Штернберга в 1918 и 1919 годах:

> «Барон Унгерн был человеком необычайным, натурой очень сложной как с психологической, так и с политической точки зрения. Дабы вкратце охарактеризовать его отличительные черты, их можно было бы сформулировать так: 1) он был яростным противником большевизма, в котором видел врага всего человечества и его духовных ценностей; 2) он презирал русских, которые, в его глазах, предали Антанту, нарушив во время войны клятву верности

царю, затем двум революционным правительствам, а затем приняв большевистское правительство; 3) он почти никому из русских не подавал руки и общался только с иностранцами (а также с поляками, которых уважал за их борьбу против России); среди русских он предпочитал простых людей интеллектуалам, считая их менее деморализованными; 4) он был мистиком и буддистом; он вынашивал мысль об основании ордена мщения против войны; 5) он планировал создание великой азиатской империи для борьбы против материалистической культуры Европы и против советской России; 6) он поддерживал контакты с Далай-ламой, «живым Буддой» и представителями ислама в Азии, и носил титул жреца и монгольского хана; 7) он был жесток и безжалостен, как может быть только аскет и сектант; его бесчувственность превосходила все мыслимые пределы и, казалось бы, могла встретиться лишь у бестелесного существа с холодной как лед душой, не знающего ни боли, ни жалости, ни радости, ни грусти; 8) он обладал превосходным умом и обширными знаниями; не было вопроса, по которому он не мог бы высказать здравое суждение; с первого взгляда он оценивал достоинства человека, которого встречал… В начале июня 1918 года один лама предсказал барону Унгерну, что в конце того же месяца он будет ранен, и что конец его наступит после того, как его армия войдет в Монголию, а его слава распространится по всему миру. И действительно, на рассвете 28 июня большевики атаковали станцию Даурия… и барон был ранен пулей в левый бок, над сердцем. Что касается его смерти, то и это предсказание сбылось: он умер в тот момент, когда слава его победы заполняла весь мир».

Последняя фраза, возможно, преувеличена, судя по спорам, о которых мы упоминали в начале; но совершенно несомненно то, что он не был захвачен большевиками и будучи ещё очень молодым умер естественной смертью, вопреки версии г-на Владимира Познера. Из этих достоверных сведений читатели смогут также увидеть, мог ли персонаж подобного рода в действительности быть, как он намекает,

обычным агентом на службе у Японии, или же им двигали влияния совершенно иного порядка; в этой связи мы добавим ещё, что он не был в строгом смысле тем, кого можно было бы назвать «необуддистом», ибо, согласно сведениям, полученным нами из другого источника, принадлежность его семьи к буддизму восходила к третьему поколению. С другой стороны, недавно сообщалось о призрачных явлениях в замке Унгерн; не идёт ли здесь речь о каком-то проявлении «психических остатков», находящихся в более или менее прямой связи с описываемыми событиями?

«Протоколы сионских мудрецов. Итальянская версия с дополнением и введением»

«Протоколы сионских мудрецов. Итальянская версия с дополнением и введением» [*I Protocolli dei Savi Anziani di Sion. Versione italiana con appendice e introduzione*]. (*La Vita Italiana*, Рим). Итальянский перевод знаменитых «Протоколов сионских мудрецов», опубликованный в 1921 г. д-ром Джованни Прециози, директором *La Vita Italiana*, недавно был переиздан с предисловием Юлиуса Эволы, который попытался внести некоторый порядок в нескончаемые дискуссии, которые этот «текст» вызывал и до сих пор вызывает, разделив при этом два различных и необязательно связанных между собой вопроса — об «аутентичности» и о «правдивости», из которых второй, по его мнению, на самом деле является более важным. Отстаивать подлинность вряд ли возможно по множеству причин, которые мы не будем здесь рассматривать; в связи с этим мы обратим внимание на один момент, который, по-видимому, не принимают в достаточной степени в расчёт, но который, тем не менее, является, пожалуй, самым решающим: некая действительно серьёзная тайная организация, какова бы ни была её природа, никогда не оставляет после себя письменных документов. С другой стороны, были указаны «источники», из которых многие пассажи «Протоколов» были позаимствованы почти дословно: «Диалог в аду между Макиавелли и Монтескье» Мориса Жоли, памфлет, направленный против Наполеона III и опубликованный в Брюсселе в 1865 г., и речь, приписываемая одному пражскому раввину в романе «Биарриц», опубликованном в 1868 г. немецким писателем Германом Гёдше под псевдонимом сэр Джон Ретклифф. Есть ещё один «источник», который, насколько нам известно, никогда прежде не указывал-

ся: это роман под названием «Барон Иегова» Сиднея Виньо, опубликованный в Париже в 1886 г. и посвящённый, что достаточно любопытно, «благороднейшему А. де Гобино, автору "Опыта о неравенстве человеческих рас", вступившему в Вальхаллу 13 октября 1882 г.». Стоит отметить также, что согласно указанию, данному в «Воспоминаниях сумасшедшей» мадемуазель Эрсилии Руи, опубликованных Э. Ле Норманом де Варанном (Париж, 1886 г., стр. 308–309), Сидней Винье был, как и этот последний, другом д-ра Анри Фавра, о котором мы упоминали выше; речь идёт о странной истории, в которой также появляется имя Жюля Фавра, которого к тому же обнаруживают замешанным в таком количестве дел подобного рода, что трудно видеть в этом простую случайность… В книге «Барон Иегова» находится (стр. 59–87) так называемое «Завещание Ибарзабаля», которое обнаруживает совершенно поразительное сходство с «Протоколами», но с той примечательной особенностью, что евреи фигурируют там лишь как орудие выполнения плана, который ими не был ни задуман, ни желаем. Были также отмечены черты сходства со введением к «Жозефу Бальзамо» Александра Дюма, хотя здесь речь вообще не идёт о евреях, но о некоем вымышленном масонском собрании; мы добавим, что это собрание также не лишено связи с псевдорозенкрейцерским «Парламентом», описанным практически точно в это же время американским писателем Джорджем Липпардом в *Paul Ardenheim, the Monk of the Wissahickon*, часть которого была воспроизведена д-ром Р. Суинберном Клаймером в *The Rosicrucian Fraternity in America*. Несомненно, что все эти писания в их более или менее «романизированной» форме черпают в конечном счёте своё общее вдохновение из одного и того же «течения» идей (независимо от того, одобряют ли сами авторы эти идеи или нет) и что, кроме того, следуя своим тенденциям или частным предубеждениям, они наобум приписывают их происхождение евреям, масонам или кому-либо ещё; в конечном счёте, самое главное во всём этом и то, что, можно сказать, составляет элемент их «прав-

дивости», — это утверждение о том, что вся ориентация современного мира отвечает некоторому «плану», установленному и навязанному какой-то таинственной организацией; известно, что мы сами думаем по этому поводу, и мы уже достаточно часто высказывались о роли «контриниациации» и её сознательных или бессознательных агентов, чтобы не иметь необходимости настаивать на этом подробнее. По правде говоря, не было никакой необходимости быть «пророком», чтобы заметить эти вещи в ту эпоху, когда были составлены «Протоколы», то есть, вероятно, в 1901 г., ни даже в ту, к которой восходит большинство других упомянутых нами произведений, то есть около середины XIX века; уже тогда, хотя они и были менее очевидны, чем сегодня, для этого было достаточно более или менее проницательного наблюдения; но здесь мы должны сделать замечание, не делающее чести уму наших современников: если кто-то довольствуется тем, что «честно» излагает то, что он констатирует, и то, что из этого логически вытекает, никто ему не верит или даже не обращает на это внимания; если же, напротив, он представляет те же самые вещи как исходящие от некой фантастической организации, это сразу же принимает вид «документа» и на этом основании приводит всех в движение: странный эффект суеверий, внушенных современным людям слишком знаменитым «историческим методом» и которые сами тоже входят в состав внушений, необходимых для осуществления рассматриваемого «плана»! Следует ещё заметить, что согласно «фабуле» самих «Протоколов», организация, которая изобретает и распространяет современные идеи для достижения своих целей мирового господства, прекрасно осознает ложность этих идей: совершенно очевидно, что в действительности это должно быть так, ибо она слишком хорошо знает, как с этим обстоит дело; но тогда кажется, что подобное предприятие лжи не может быть, само по себе, истинной и единственной целью, которую она перед собой ставит, и это подводит нас к рассмотрению ещё одного момента, который, будучи отмечен-

ным г-ном Эволой в его введении, был затем подхвачен и развит в ноябрьском номере *La Vita Italiana*, в статье, подписанной *Arthos* и озаглавленной *Transformazioni del «Regnum»*. В самом деле, в «Протоколах» присутствует не только изложение «тактики», направленной на разрушение традиционного мира, что является её чисто негативным аспектом, соответствующим текущей фазе событий; там есть также идея просто преходящего характера этой фазы и идея последующего установления наднационального Царства (*Regnum*), идея, которую можно рассматривать как искажение идеи «Священной Империи» и других аналогичных традиционных концепций, которые, как напоминает автор статьи, были изложены нами в «Царе Мира». Чтобы объяснить этот факт, «Артос» апеллирует к отклонениям, доходящим даже до настоящего «переворачивания», которым могут подвергнуться некоторые изначально подлинно традиционные элементы, как бы переживающие самих себя, когда «дух» из них удалился; и он ссылается, в подтверждение этого тезиса, на то, что мы недавно говорили здесь по поводу «психических остатков»; соображения, которые можно будет найти в другом месте, касающиеся последовательных фаз современного отклонения и возможного образования, в качестве его завершающего этапа, настоящей «контртрадиции», выражением которой в социальном порядке как раз и стал бы этот извращенный *Regnum*, смогут, вероятно, способствовать ещё более полному прояснению этой стороны вопроса, которая, даже совершенно абстрагируясь от особого случая «Протоколов», определенно не лишена известного интереса.

Эптон Синклер, «Как я верю в Бога»

Эптон Синклер. «Как я верю в Бога». Перевод с английского Анри Дельгова и Р. Н. Рембо, (издательство *Adyar*, Париж). — «Религиозная» концепция автора — которую, впрочем, можно согласиться называть таковой лишь при условии уточнения, что речь идёт о простой «религиозности», а не о религии в собственном смысле слова, — эта концепция, скажем мы, по сути своей является довольно типичной для Америки смесью «идеализма» и «прагматизма»: он испытывает потребность верить в некий «идеал», что весьма расплывчато, и в то же время хочет, чтобы к этот «идеал», который надлежит называть «Богом» (хотя он и сознаётся, что не знает, чем тот является в действительности), «служил» ему практически в самых разных обстоятельствах; в частности, он, похоже, должен служить ему для исцеления, когда он болен, ибо рассказы о «ментальных исцелениях» и об «исцеляющих религиях» занимают в книге особенно важное место (отметим в этой связи, что «подготовка» Эмиля Куэ, возможно, не так уж и отличалась от подготовки г-жи Бейкер-Эдди, как он полагает, ибо (факт, о котором он, вероятно, не знает) Эмиль Куэ, прежде чем основать свою собственную школу «самовнушения», был учеником Виктора Сеньо и американских «менталистов», которые имеют очень много общего с «христианской наукой»). Своей «идеалистической» стороной такой взгляд явно примыкает к тому, что мы назвали «психологизмом», ибо очевидно, что ценность или эффективность «идеала» как такового может быть лишь чисто психологической (впрочем, он доводит эту тенденцию до того, что желает дать психологическое объяснение фактам, относящимся к области магии или колдовства, приравнивая их к простым внушениям); но вдобавок, как это

сплошь и рядом случается сегодня, здесь вмешиваются и многие элементы, относящиеся к весьма подозрительному «психизму», поскольку по сути во всём этом главное — обращаться к «подсознанию», в чём автор, впрочем, лишь следует Уильяму Джеймсу, своему учителю в «прагматизме»; он вполне готов приписывать психическим феноменам, таким как телепатия и ясновидение, некую «духовную» ценность, что является весьма досадной иллюзией; и можно даже задаться вопросом, не «обожествляет» ли он, в конечном счёте, попросту своё собственное подсознание… — В переводе есть несколько поистине странных языковых ошибок: так, клетки мозга на самом деле являются «церебральными» (*cérébrales*), а вовсе не «цервикальными» (*cervicales*), что означало бы шейные клетки; а слово «*sectataire*» — это довольно изящный варваризм, очевидно, образованный путем смешения слов «*sectateur*» [приверженец] и «*sectaire*» [сектантский / сектант]!

К. Керней, «Йога Запада»

К. Керней, «Йога Запада», издательство *Adyar*, Париж. — Эта книга, представляющая собой продолжение книги «Хатха-йога» того же автора, о которой мы говорили ранее, претендует на то, чтобы быть попыткой адаптации для использования западными людьми методов, вдохновлённых или, точнее, имитирующих методы йоги; мы не можем сказать, что она в этом преуспела, ибо она одновременно ложна и опасна. Прежде всего, ложна в ней идея, будто йога есть нечто независящее от связи с традицией; в описываемых условиях можно практиковать только «псевдоритуалы», которые не дадут никакого реального результата высшего порядка, поскольку они не имеют связи с каким-либо духовным влиянием, и могут иметь только психические последствия довольно тревожного свойства. Не менее ложно и то, что «идеалистическая» и «субъективистская» точка зрения автора, влияющая на все его интерпретации, это фундаментально не более чем современные философские воззрения, которые не могут иметь, что бы он ни говорил, ни малейшего отношения к традиционным учениям; разве он не доходит до того, что выдает за «постулаты» йоги положения, суть которых позаимствована у Канта и Шопенгауэра? Следствием такой точки зрения становится то, что речь здесь в действительности идёт лишь о вульгарном методе «самовнушения»; автор, впрочем, это признаёт, но воображает, что получаемые таким образом результаты имеют духовную ценность; истина же в том, что они совершенно ничтожны и даже отрицательны; в самом деле, то, к чему вернее всего придут желающие практиковать указываемые им упражнения, — это непоправимое психическое расстройство… Всё это сопровождается теориями, самое меньшее, можно ска-

зать о которых — они весьма странны: здесь, в частности, присутствует биологическая интерпретация «Адама», которую каббалисты сочли бы весьма неожиданной; здесь есть также чересчур известная «псевдомистическая» концепция андрогина, реализуемого слиянием двух разных существ, что может иметь лишь самые зловещие последствия. Мы опустим веру в реинкарнацию и прочие идеи, которые относятся лишь к расхожему оккультизму; но остановимся на параграфе, посвящённом «временному выбору религии», ибо он содержит поистине неслыханную путаницу. Во-первых, речь здесь идёт вовсе не о том, как можно было бы предположить, чтобы выбрать традиционную форму ради реального приобщения к ней, но лишь о том, чтобы принять её «идеально», нисколько не заботясь о выполнении условий, необходимых для того, чтобы на деле быть в неё принятым; совершенно очевидно, что это абсолютно бесполезно, и, поскольку добавляется, что речь «не в том, чтобы верить, а в том, чтобы делать вид, будто веришь», мы можем усмотреть в этом лишь довольно гнусную комедию. Кроме того, советуется «отбросить мертвые формулы (?), чтобы привязаться лишь к эзотеризму»; однако эзотеризм — вещь совершенно отличная от религии, да и к тому же никто не имеет права выбирать по своей прихоти среди элементов, составляющих традицию: её следует принимать целиком или же воздержаться; мы бы хотели посмотреть, как встретили бы в иудаизме, например, кого-то, кто заявил бы о желании присоединиться к «иудейской религии, сведенной к Каббале»! Наконец, последняя фраза этого абзаца также заслуживает цитирования: «Франкмасонство вполне может заменить религию, сведя её к мистическому мартинизму, из которого оно происходит»; здесь любой, кто имеет хотя бы малейшее представление об истории масонства и хоть немного знает, что такое мартинизм, не сможет удержаться от взрыва хохота! Автор хвалится в своём заключении тем, что «извлек из Храма тайны, которые в нём всегда ревниво охранялись»; если он верит в это искренне, нам остается

только сожалеть; в действительности же он не «открыл» ничего, увы, кроме своих собственных иллюзий…

Габриэль Трарьё д’Эгмон, «Жизнь за гробом»

Габриэль Трарьё д’Эгмон, «Жизнь за гробом», издательство *Adyar*, Париж. — В этой книге, посвящённой, как указывает её название, рассмотрению данных, касающихся посмертных состояний человеческого существа, самые разнородные вещи весьма неудачно ставятся на один и тот же уровень: аутентичные традиционные доктрины, чрезвычайно «сбивчивые» видения Сведенборга, «метапсихические» опыты, современные оккультистские, теософистские и даже спиритические концепции; было бы трудно завести «эклектизм» ещё дальше… Автор явно разделяет серьёзную веру в «Учителей» чересчур известной «Великой Белой Ложи», в ценность «ясновидения», в «реинкарнацию», а также… в грядущую «эру Водолея», и его выводы от этого сильно страдают; отсюда следует, что те, кто имеет веские основания не разделять подобные убеждения и, прежде всего, стремится не смешивать традицию с её подделками, смогут почерпнуть из всего этого очень мало.

Рауль Марше, «Тайна человеческой жизни»

Рауль Марше, «Тайна человеческой жизни», издательство *Adyar*, Париж. — В этой книге также в значительной степени даёт о себе знать влияние современной науки; однако то, с чем автор желает её комбинировать, — это вовсе не аутентично традиционные идеи, хотя он, очевидно, добросовестно считает их таковыми; в самом деле, прямо заявляя, между прочим, что он не теософист, он совершенно всерьёз принимает за выражение «древнего знания»… изложенное в «Тайной доктрине» г-жи Блаватской. Именно эту фантастическую «космогонию» с её эволюционистским, а потому уже совершенно современным, искажением циклических доктрин, он постарался перевести на «философско-научный» язык, который он считает более доступным; впрочем, мы не осмелились бы поручиться, что он всегда безупречно ориентировался посреди всех хитросплетений «цепей», «кругов», «рас» и их бесчисленных подразделений. Случается порой, что он мимоходом затрагивает и впрямь традиционные понятия, и делает это весьма неудачным образом: так, он думает, будто тернер «Дух-Жизнь-Материя» тождественен христианской Троице, что доказывает его весьма слабую осведомлённость о ней. С другой стороны, у него имеется совершенно «личная» и довольно необычная манера «исправлять» астрологию; но мы полагаем малополезным останавливаться на этом; всё это, несомненно, очень остроумно, но имеет тот единственный недостаток, что лишено всякого реального основания; и сколько же труда в нашу эпоху тратится таким образом впустую за неимением истинных направляющих принципов!

Элифас Леви, «Ключ великих таинств»

Элифас Леви, «Ключ великих таинств», издательство *Niclaus*, Париж. — Наши читатели знают, какие у нас есть оговорки по поводу произведений Элифаса Леви; впрочем, следует принимать то, что в них содержится, лишь за выражение «личных взглядов», ибо сам автор никогда не претендовал на какую бы то ни было традиционную преемственность; он даже всегда заявлял, что ничем не обязан никому, кроме собственных изысканий, а противоположные утверждения суть не более чем легенды, порожденные чересчур восторженными поклонниками. В настоящей книге самое интересное в действительности, хотя и с весьма случайной точки зрения, — это поистине любопытные детали, которые он сообщает о некоторой «подоплёке» той эпохи, когда она была написана; хотя бы по этой причине она безусловно заслуживала переиздания. В другом отношении следовало бы указать на некоторые из документов, включенных в приложение, в частности на герметические фигуры Николя Фламеля (насчёт которых, однако, позволительно задаться вопросом, в какой мере они были «подправлены»), и на перевод «Эш Мецареф» Иудея Авраама; что касается последнего, то весьма прискорбно, что происхождение фрагментов, которые даны отдельно как дополнения к восьми главам, прямо не указано, что было бы гарантией их аутентичности; реконструкция трактата в целом, впрочем, представлена лишь как «гипотетическая», но весьма трудно судить, в какой мере переписчики, которые якобы «разделили его, чтобы сделать непонятным», несут за это ответственность, и какова здесь в точности доля самого Элифаса Леви.

Эммануил Сведенборг, «Новый Иерусалим и его небесное учение, предваряемая заметкой о Сведенборге»

Эммануил Сведенборг, «Новый Иерусалим и его небесное учение, предваряемая заметкой о Сведенборге» за авторством пастора Э.-А. Саттона, издание к 250-летнему юбилею Эммануила Сведенборга, 1688-1938. Сведенборгианское общество, Лондон. — Эта небольшая книга может дать общее представление о доктрине Сведенборга, будучи как бы её кратким изложением; читая её, следует принимать во внимание, что в терминологии автора часто встречается нечто странное: он весьма охотно употребляет не то чтобы новые слова, но, что, пожалуй, ещё более неудобно, обычные слова, которым он придаёт совершенно необычное значение. Нам кажется, что в переводе можно было бы, не искажая смысла, в какой-то мере устранить эти странности; переводчики, однако, рассудили иначе, посчитав эту терминологию необходимой «для обозначения новых вещей, которые ныне открыты», что кажется нам некоторым преувеличением, ибо в своей основе выражаемые идеи не принадлежат к какому-то столь уж экстраординарному порядку. По правде говоря, «внутренний смысл» Писания, как его понимает Сведенборг, даже не заходит далеко, и его символические интерпретации не имеют в себе ничего особенно глубокого: когда сказано, например, что в Апокалипсисе «новое небо и новая земля означают новую Церковь», или что «святой град означает учение о Божественной Истине», намного ли больше мы от этого узнаём? Если сравнить это с поистине эзотерическим смыслом, то есть — говоря в терминах индусской традиции, — с будущей *Манвантарой* в первом случае и с *Брахмапурой* во втором, мы сразу же увидим всю разницу…

В самой «доктрине» присутствует смесь весьма очевидных истин и весьма спорных утверждений; а беспристрастный читатель может обнаружить в ней, даже с чисто логической точки зрения, такие «пробелы», которые вызывают удивление, в особенности на фоне остальной научной и философской деятельности Сведенборга. Впрочем, мы не отрицаем, что он на самом деле мог проникнуть в некий мир, откуда извлекал свои «откровения»; но этот мир, который он добросовестно принимал за «духовный мир», несомненно был весьма далёк от такового, и на деле это была лишь психическая область, ещё весьма близкая к земному миру, со всеми иллюзиями, которые подобная область всегда неизбежно содержит. Пример Сведенборга, в сущности, весьма поучителен, ибо он хорошо иллюстрирует опасности, которые влечёт за собой в подобных случаях отсутствие соответствующей доктринальной подготовки; быть учёным и философом — в данном случае, безусловно, это были совершенно недостаточные «квалификации», которые ни в коей мере не могли позволить ему различить, с какого рода «иным миром» он имел дело в действительности.

Лонгфилд Битти, «Сад золотого цветка»

Лонгфилд Битти. «Сад золотого цветка» (издательство *Rider and Co.*, Лондон). — Эта книга, само название которой выступает явной аллюзией на предложенную К. Г. Юнгом интерпретацию «Тайны Золотого Цветка», представляет собой характерный пример пагубного влияния психоаналитических концепций на тех, кто берется за изучение символизма, не располагая достаточными традиционными данными. Разумеется, автор имеет намерение пойти дальше психоаналитиков и не ограничиваться лишь признаваемой ими областью; тем не менее он всё же рассматривает Фрейда и его учеников, как и Фрэзера, в качестве «неоспоримых авторитетов» в их области, что не может не стать для него весьма дурной отправной точкой. Если бы тезис сводился к рассмотрению двух взаимодополняющих принципов, а также их союза и того, что из него проистекает, и к поиску этих трёх элементов на различных «уровнях», которые он называет соответственно «физическим», «мистическим» (?) и «духовным», то в отношении этого, конечно, не было бы никаких возражений, поскольку это действительно согласуется с учениями любой традиционной космологии; но тогда, очевидно, не было бы никакой нужды обращаться к психоанализу, равно как и к любым другим психологическим теориям. Однако их влияние, а также влияние «тотема» и «табу», проявляется на каждом шагу в том своеобразном способе, которым трактуются эти вопросы; и автор доходит даже до того, что делает бессознательное источником всякого символизма, а пресловутый «эдипов комплекс» (какие бы усилия он ни прилагал для «одухотворения» его значения) — центральным пунктом всех своих объяснений. К слову, объяснения, которые он даёт касательно «солнечных ге-

роев» и иных «мифов» и «легенд», которые составляют бóльшую часть книги, в целом крайне запутаны, да и сам он, похоже, не всегда вполне уверен в их правильности; создаётся впечатление, что он пытается действовать путем ряда последовательных приближений, так что невозможно ясно разглядеть, к чему они его приведут; и довольно путаные, а часто и сомнительные соответствия, которые он приводит в различных таблицах (он весьма своеобразно называет их «уравнениями»), вряд ли способны прояснить его изложение. Добавим ещё, что его познания о самих традиционных доктринах, судя по библиографии, помещённой в конце книги, кажутся весьма ограниченными и слишком часто почерпнутыми из сочинений, совершенно не заслуживающих доверия в этом отношении, — таких, например, как писания теософистов («Тайная доктрина» г-жи Блаватской и т. д., «Эзотерическое христианство» г-жи Безант) или же «Мистическая каббала» Дион Форчун, о которой мы уже говорили здесь ранее (№ за декабрь 1937 г.); его знание дальневосточной традиции, по-видимому, сводится почти исключительно к книге Мирса «Творческая энергия», представляющей собой «христианизированную» и довольно фантастичную интерпретацию И Цзин; всего этого, безусловно, недостаточно, но, в сущности, именно такая нехватка данных и объясняет, почему он смог так легко позволить увлечь себя психоанализом… Мы не будем дольше на этом останавливаться, но всё же отметим ещё, что странная идея насчёт женского Антихриста, которую он почерпнул из «Евангелия ведьм» Лиланда и которой он придаёт некоторое значение, возвращаясь к ней неоднократно, с подлинно традиционной точки зрения заслуживает доверия не больше, чем всё остальное!

Жорж Барбарен, «Загадка Большого Сфинкса»

Жорж Барбарен. «Загадка Большого Сфинкса», издательство *Adyar*, Париж. — В этой новой книге автор «Тайны Великой пирамиды», о которой мы в своё время говорили, прежде всего возвращается к некоторым из соображений своего предыдущего труда; впрочем, в своих утверждениях он проявляет большую сдержанность — несомненно потому, что за истекший промежуток времени в указанные в книге сроки не произошло ровным счетом ничего примечательного, и произошли одновременно другие важные события, не совпавшие ни с одной из предсказанных дат. Как правило, когда предсказания не сбываются, их авторы или распространители не испытывают особых затруднений с тем, чтобы найти этому факту объяснение; однако мы должны высказать мнение, что объяснения г-на Барбарена кажутся нам довольно путаными и малоубедительными. Если нам говорят, что в действительности речь идёт о событиях «внутренних» и «явным образом не проявляющихся», то это, несомненно, ещё более затрудняет их проверку, но в таком случае следовало бы по меньшей мере иметь возможность обнаружить вокруг себя хоть какие-то признаки изменения духовной или ментальной ориентации; между тем ничего подобного не наблюдается, и с этой точки зрения человечество, в сущности, лишь с нарастающей скоростью продолжает своё движение по нисходящей. С другой стороны, очень хорошо заявлять, что «сфинкс хранит не историю Израиля, не историю англосаксов и даже не историю европейцев, а целиком и полностью историю человеческую»; но зачем же тогда продолжать действовать так, словно дело обстоит иначе, зачем становиться на сугубо и исключительно европейскую точку зрения и рассуждать о «библейском челове-

честве» так, словно всем, что относится к прочим традициям, можно пренебречь? В более новых частях работы присутствует множество ещё более спорных моментов: так, к примеру, что касается Луксорского обелиска (того самого, что был перевезён в Париж и установлен на площади Согласия), то некоторые, по-видимому, приписывают его… Нимроду; эта сумасбродная гипотеза, похоже, прельщает г-на Барбарена, который даже воображает, будто находит в чертах сфинкса сходство с этим самым Нимродом, какового (вследствие довольно необъяснимой двойной ошибки) он считает «первым негритянским фараоном»; вдобавок, если сфинкс был современником Нимрода, то трудно понять, как он вообще может восходить, как утверждается в другом месте, к самому началу «адамического цикла»! Что же до самой тайны сфинкса, мы не думаем, что автор вправе похвастаться тем, что ему удалось её разрешить, так как сказанное о ней весьма расплывчато; мы не станем упрекать его за это, но выразим сожаление о том, что он хотя бы не сформулировал её более ясно. По сути, самое интересное во всём этом (и одновременно служащее признаком некоторых современных тенденций) это упрямство (присущее отнюдь не одному только г-ну Барбарену), с которым возвещается наступление некой «новой духовной эры» и пришествие «внутренней Церкви без иерархии и без теологов»…

Жорж Барбарен, «Оккультные судьбы человечества»

Жорж Барбарен, «Оккультные судьбы человечества», издательство *Librairie Astra,* Париж. — Название другого труда того же автора отчасти амбициозно, однако содержание его скорее разочаровывает; да и сам подзаголовок «исторические циклы» не вполне оправдан, ибо на деле здесь рассматриваются лишь отдельные частности. Речь идёт прежде всего о некоем подмеченном параллелизме между судьбами тех или иных монархов или же в истории различных народов, причём даты совпадают здесь через более или менее отчётливо определённые интервалы, что, по-видимому, указывает на то, что определённые эпохи приносят схожие события или ситуации. Впрочем, не все эти сопоставления в равной степени поразительны; на сей счёт довольно любопытна глава, в которой сравниваются пути Наполеона и Гитлера; однако отчего возникла нужда привлекать по этому поводу (пусть даже преподнося это в качестве гипотезы) такое объяснение, которое опирается на «реинкарнацию»? В остальном всё это, несомненно, не лишено известного интереса, но, в конечном счёте, не заходит далеко и едва ли может в заметной мере поспособствовать восстановлению традиционного знания о циклических законах, столь безвозвратно утраченного на современном Западе.

Марсель Амон, «Пророчества о Конце Времен»

Марсель Амон. «Пророчества о Конце Времен», издательство *La Nouvelle Édition*, Париж. — Сперва автор исследует различные пророчества, относящиеся к «концу времен» и к тем знамениям, что должны его предвещать (в частности, к тем, что содержатся в самом Евангелии), затем — к пророчествам Даниила, оракулам Сивиллы и к откровению святого Павла; однако основная часть труда посвящена Апокалипсису, подлинное истолкование которого (вслед за многими другими) он попытался дать. Особенность предлагаемой им интерпретации заключается главным образом в подразделении текста на ряд частей, соответствующих отдельным «видениям», которые как бы в разных аспектах возобновляют символическое повествование об одних и тех же событиях, которые разворачиваются на протяжении семи последовательных эпох; разумеется, это всего лишь гипотеза, однако такая, в которой по меньшей мере нет ничего неправдоподобного. К сожалению, как это часто бывает, всё несколько портится ровно в тот момент, когда в дело вступают мотивы «актуальности»: эта книга была написана до окончания войны, и, как показало дальнейшее развитие событий, желание узреть в Гитлере Антихриста означало бы, если можно так выразиться, оказание ему чрезмерной чести!

Аббат Э. Берто, «Исследования символизма в культе Девы Марии»

Аббат Э. Берто. «Исследования символизма в культе Девы Марии», издательство *Société des Journaux et Publications du Centre*, Лимож. — Пожалуй, наиболее примечательным в этом небольшом томике является тот факт, что он был написан священником и опубликован с «imprimatur» церковных властей; это и впрямь нечто весьма исключительное для нашей эпохи, когда официальные представители католицизма в целом имеют скорее склонность игнорировать символизм или воздерживаться от разговоров о нём, в особенности когда, как в данном случае, он вплотную затрагивает вопросы сугубо эзотерического порядка. Во введении, посвящённом «интерпретации символизма вещей», автор защищает символизм от упрёков некоторых людей в том, что он «конвенционален и произволен», однако, на наш взгляд, делает это недостаточно, ибо, по-видимому, не вполне ясно видит сущностный принцип подлинного традиционного символизма и его «нечеловеческий» характер. Далее он исследует символизм розы (*Rosa Mystica*), затем символизм чёток и розария, сопровождая это довольно обстоятельными рассуждениями о числах; за этим следует длинное и подробное объяснение иконы Богоматери Неустанной Помощи (византийского происхождения), в котором главную роль играет символизм цветов. Во всём этом, безусловно, нет ничего особенно нового, но, по меньшей мере, эти понятия смогут таким образом достичь публики, которая, весьма вероятно, никогда не стала бы искать их там, откуда их почерпнул сам автор. Остаётся лишь сожалеть, что он счёл своим долгом попутно воспроизвести несколько грубых антимасонских измышлений; почувствовал ли он себя

в некотором роде обязанным сделать это, чтобы остальное было принято с большей лёгкостью? Он также совершает ошибку, принимая розенкрейцеров за «очень тайную масонскую инициатическую ассоциацию», которую вдобавок обвиняет в «люциферианстве», опираясь на один пассаж из «Разоблачённого Люцифера» Жана Костки; при этом автор не замечает, что последний в действительности имеет в виду масонский градус Розенкрейцера (18-й градус Шотландского Устава), который, несмотря на своё название, является чем-то совершенно иным. С другой стороны, можно задаться вопросом, почему он воспроизвёл (не указав, впрочем, ни его происхождения, ни дав ни малейшего объяснения) эмблему *Rosicrucian Fellowship* Макса Генделя, которая, несомненно, не имеет ничего общего с подлинным Розенкрейцерством.

Рецензии на статьи, опубликованные в 1929-1948 гг. в журнале «Вуаль Исиды» («Исследования Традиции» с 1937 г.)

Июнь 1929 г.

— «Вестник Новой Церкви», сведенборгианский печатный орган, опубликовал в своём февральском номере статью о феноменах стигматизации Терезы Нойманн. Мы отмечаем в ней весьма верную мысль о том, что феномены, даже «чудесные», абсолютно ничего не доказывают в отношении истинности доктрины. С другой стороны, из неё мы узнаём о существовании в Германии так называемой «лорберианской» секты, основатель которой, Якоб Лорбер, по-видимому, выдаёт себя за подражателя Сведенборга.

Июль 1929 г.

— В апрельском номере журнала «Голубой лотос» г-н Ж. Маркес-Ривьер продолжает серию весьма интересных статей; на этот раз он рассматривает тему «Буддийского „Колеса Жизни“ согласно тибетским традициям». Это составляет разительный контраст с историями г-на Ледбитера! — Журнал «Спираль» является органом мексиканской ветви A.M.O.R.C. («Древнего мистического ордена Розы и Креста»), одной из многочисленных американских организаций с розенкрейцеровской вывеской. Мы помним, что эта же организация несколько лет назад также пыталась основать отделение во Франции, но, по-видимому, не имела там почти никакого успеха.

— В майском номере журнала «Лучи Розы и Креста», органа другой более или менее схожей ассоциации «Братство розенкрейцеров», мы отмечаем интерпретацию одного библейского отрывка, в которой несколько древнееврейских слов довольно неудачно искажены, не говоря уже о некоторых ещё более досадных смысловых ошибках (так, *iam* означает «море», а не «соль», что будет *melah*), а также исследование о планете Нептун и четвёртом измерении, не лишенное некоторой фантазии.

Октябрь 1929 г.

— «Анналы герметизма», новое ежеквартальное издание, называющее себя «органом групп герметизма и Розы Запада», является продолжением журнала «Герметизм» под руководством г-жи де Гранпре. «Роза Запада», судя по всему, представляет собой женскую группу, «управляемую особыми законами, все из которых исходят с невидимых планов», и чей знак, воспроизведённый на обложке журнала, «был передан через видение»; мы уже видели так много подобного, что нам трудно не оставаться в некотором скепсисе относительно ожидаемых результатов. В первых двух номерах для оправдания названия представлено лишь начало перевода «Трактат о Философском камне» Иринея Филалета.

— В журнале «Голубой лотос», как всегда, заслуживают внимания превосходные исследования г-на Ж. Маркес-Ривьера: «Тантрический буддизм», майский номер, «Наука Пустоты в северном буддизме», июньский номер, которым можно было бы поставить в упрёк разве что излишнюю лаконичность. Из заключения первой статьи мы приведём несколько строк, выражающих весьма верную мысль:

> «Не следует слишком спешить с окончательными выводами, как это делают многие авторы. Наука *Тантр* многообразна. Она может быть очень хорошей и ужасающей. Воля и намерение, вкладываемые в действие, решают всё… Это наука о жизни и смерти… Долгие дискуссии о том, «как» и «когда» тантризм был введён в буддизм, кажутся мне весьма второстепенными, так как этот вопрос не имеет решения. Тантризм глубоко уходит в прошлое традиции. То, что в силу развития современной эпохи он обрёл и до сих пор сохраняет определенное преобладание — вполне воз-

> можно. Но настаивать на «вырождении» и «колдовстве» — значит игнорировать суть вопроса».

— Журнал «Международный обзор тайных обществ» продолжает (и нас сильно удивило бы обратное) попытки оживить дело Таксиля; он публикует (номера от 7, 14 и 21 июля) длинную биографию Дианы Воган, которой, вероятно, никогда не существовало, но которую представляют в каком-то смысле как вторую Жанну д'Арк, что при любых обстоятельствах выглядит слегка чрезмерным. Этой публикации предшествовало (номер от 23 июня) воспроизведение письма упомянутой Дианы Воган к аббату де Бессони, что дало нам повод для одной весьма забавной заметки; поскольку в нём упоминается «достойный аббат Жозефф» (*abbé Joseff*), было добавлено следующее примечание:

> «Это имя так написано в тексте. Вероятно, речь идёт об аббате Турмантене. Эти две буквы *ff*, уникальные для этого письма, где имя Жозеф написано правильно (когда речь идёт о святом Иосифе), кажется, происходят от невольной оплошности персоны родом из России».

На самом деле, в комментарии, сопровождающем это письмо, утверждается, что эта так называемая американка была в действительности русской, что, впрочем, никак не согласуется с упомянутой биографией; однако в подобных историях одно дополнительное противоречие по сути уже не имеет значения… И здесь есть одна проблема: речь действительно идёт об аббате Турмантене, но Турмантен — это лишь псевдоним, а его настоящая фамилия (мы подчеркнём, именно фамилия, а не имя) писалась в точности *Josepff*; так что здесь и впрямь есть ошибка, однако заключается она в пропуске буквы *p*, а вовсе не в двух *ff*, которые совершенно закономерно должны там присутствовать. Неужели редакторы «Международного обзора тайных обществ» до того невежественны, что не знают даже настоящего имени своего бывшего коллеги по антимасонской деятельности? В любом случае, что касается писем Дианы Воган, у нас есть нечто по-

лучше: одно письмо, написанное на бумаге, в верхней части которой изображён львиный хвост, обвитый вокруг полумесяца, из которого поднимается роза, с инициалами *D. V.* и девизом: *Me jubente cauda leonis loquitur* [лат. «По моему велению говорит хвост льва»]!

— В «оккультистском разделе» того же журнала (номер от 1 июля) помещена статья за подписью А. Тараннеса под названием «Эссе о двойном символе: что есть Дракон?». Мы ожидали соображений о двойственном смысле символов, о котором мы сами довольно часто упоминали и который действительно особенно нагляден в случае змеи и дракона, но оказались полностью разочарованы. Речь там идёт лишь о том, чтобы, так сказать, придать вес слишком известной «Избраннице Дракона», с помощью документации, весьма причудливой самой по себе и сопровождаемой ещё более причудливыми комментариями. Мы позволим себе в этой связи задать весьма нескромный вопрос: иллюстрация на странице 207, как утверждается, «позаимствована из фрагмента весьма редкого и, к сожалению, утраченного труда»; каковы же название этого труда, имя его автора, место и время публикации? При отсутствии этих существенных сведений возникает искушение счесть данный документ подделкой, а это было бы весьма прискорбно! С другой стороны, очень трудно сохранять серьёзность при виде того значения, которое приписывается мистификациям Алистера Кроули; определённо, приходится верить, что измышления этого персонажа как нельзя лучше подходят для поддержки тезисов, отстаиваемых «Международным обзором тайных обществ»; однако то, о чём этот журнал наверняка не сообщит своим читателям, — это то, что *O.T.O.* и его руководитель не признаны ни одной масонской организацией, и что если бы этот так называемый «высший посвящённый» предстал у дверей любой, самой незначительной Ложи учеников, его тотчас же выставили бы со всем уважением, подобающим его рангу! В этой же статье (стр. 213) мы отметили и нечто иное, что позволяет составить точное представление

о ценности информации *R.I.S.S.*: это намёк на недавно умершего писателя, чьё имя не называется, но описан он достаточно понятно, чтобы без труда догадаться, о ком речь, и назван он «лишенным сана священником». Мы бросаем автору статьи вызов (и на то есть веские основания), требуя от него доказать данное утверждение; и если он промолчит, мы будем настаивать. — Тем временем *R.I.S.S.* недавно получил за своё зачастую неуместное рвение мотивированный выговор от Архиепископства, или, точнее, Надзорного совета епархии Парижа; журнал просто «принял его к сведению» (номер от 14 июля), остерегаясь воспроизводить содержащиеся там довольно суровые формулировки. Для назидания наших читателей приводим текст этого документа в том виде, в каком он опубликован в *Semaine Religieuse*:

> «Надзорному совету Парижа на заседании от 31 мая 1929 года были представлены жалобы, высказанные несколькими католическими молодёжными организациями и католическими писателями против "Международного обзора тайных обществ". Из предоставленных сведений следует, что суждения этого журнала вызвали волнение в определённых провинциальных епархиях, куда они проникли, и что редакция журнала, будучи вызвана в Епархиальный суд Парижа основателями и директорами *J.O.C.*, одной из опороченных организаций, воздержалась от явки. Надзорный совет Парижа, будучи осведомлённым о данных нападках и исходя из представленных документов был единодушен в признании отсутствия у рассматриваемых суждений какого-либо авторитета; они отвергают заслуги перед Церковью писателей выдающихся достоинств и доказанной ортодоксальности; они легкомысленно противоречат наиболее авторитетным папским одобрениям [авторов и организаций]; и, наконец, они демонстрируют дух систематического очернительства, которое доходит до посягательства даже на высокие решения Верховного Понтифика, как, например, по римскому вопросу. Следовательно, Надзорный совет может лишь порицать и осуждать по-

добную позицию, оскорбительную для самой Церкви и для некоторых её лучших служителей».

Мы уже давно, и без всякого «ясновидения» говорили, что все эти истории в конце концов обернутся дурно…

Ноябрь 1929 г.

— *Gnosi*, итальянский теософистский печатный орган, публикует почти исключительно переводы статей, заимствованных из других изданий аналогичного характера, в основном англоязычных; в нём почти никогда не встретишь подписи итальянского сотрудника, что весьма странно; неужели итальянская секция Теософского общества настолько бедна писателями?

— Журнал «Лучи Розы и Креста» из Оушенсайда (Калифорния), начиная с августовского номера, стал называться *The Rosicrucian Magazine* — это простая смена названия, не влекущая за собой никаких иных изменений; по сути, этот так называемый американский розенкрейцеризм есть не что иное, как разновидность теософизма, лишённого своей псевдовосточной терминологии.

— «Теософский квартальник» из Нью-Йорка является органом некоего «Теософского общества», которое позиционирует себя как продолжение первоначального общества, основанного Е. П. Блаватской и У. К. Джаджем, и заявляет об отсутствии каких-либо связей с организациями с тем же названием, руководимыми г-жой Безант, г-жой Тингли или другими, равно как и с сомасонством, «Орденом Восточной звезды» и т. д.; итак, сколько же соперничающих «Теософских обществ» существует сегодня? В апрельском номере за 1929 год мы отмечаем заглавную статью, в которой эксплицитно утверждается превосходство кшатриев над брахманами (то есть, иными словами, мирской власти над духовной), что вполне естественно ведёт к возвеличиванию буддизма; в ней утверждается, что раджпуты (или кшатрии) «возможно, пришли из Египта», что является совершенно голословной гипотезой, и что брахманы изначально «кажется, не

знали Великих Мистерий», поскольку о реинкарнации не говорится в «Веде»! Другие статьи лучше, но представляют едва ли не просто резюме книг: одна из них — об обряде индейцев пауни *Hako*; другая — об «Обители нимф» Порфирия, где, впрочем, идея реинкарнации опять-таки вводится самым неожиданным образом.

— Журнал «Голубой лотос» (августовский номер) публикует лекцию г-на Г. Е. Моно-Эрзена «Данте и западное посвящение», основанную на книге г-на Луиджи Валли, которой мы посвятили статью на этих же страницах несколько месяцев назад; это всего лишь краткое описание того, что содержится в упомянутом труде, и мы не находим там ни малейшего указания на те недостатки и пробелы, которые мы отметили, подходя к вопросу именно с инициатической точки зрения.

— В том же номере содержится статья г-на Ж. Маркес-Ривьера, завершающая серию его исследований о буддизме, о которых мы неоднократно упоминали; эта статья, озаглавленная «Буддизм и западная мысль», так же прекрасна, как и предыдущие; однако высказываемые им взгляды настолько противоречат теософистским концепциям (каковые, безусловно, относятся к числу тех самых западных «искажений», которые он столь справедливо изобличает), что мы задаёмся вопросом, как подобные вещи могли пройти в печать в журнале «Голубой лотос»!

— «Международный обзор тайных обществ» теперь публикует серию статей под названием «Существовала ли Диана Воган?». Речь идёт о том, чтобы доказать, будто мемуары этой гипотетической особы могли быть написаны только кем-то действительно принадлежащим к семье розенкрейцера Томаса Вогана; однако мнимые доказательства, приведённые до сих пор, сводятся лишь к аллюзиям на вещи гораздо более известные, чем хотят признать, или к вещам совершенно непроверяемым; поэтому подождём продолжения…

— В номере от 25 августа мы отмечаем информацию, воспроизведённую по материалам газеты «Фигаро», которая, как говорят, «рассказала о небольшой новой секте» в Америке; в действительности речь идёт просто-напросто об организации под названием «Маздазнан», которая хорошо известна уже долгое время и которая владеет, даже в самом Париже, несколькими ресторанами и магазинами по продаже специальных продуктов питания. Если «Фигаро» вполне может не быть в курсе подобных вещей, то простительно ли такое невежество со стороны «специалистов» из *R.I.S.S.*? Да и стоит ли вообще, говоря о «секте» столь банального толка, и только из-за того, что некая г-жа Арренс, видимо, оставила своего мужа и детей, чтобы последовать за «Учителем», вновь вызывать к жизни тени Клотильды Берсон и Дианы Воган?

— Номер от 8 сентября содержит начало исследования, озаглавленного «Франкмасонство и его деяния» за подписью Куколь-Яснопольского; по-видимому, речь идёт о переводе некой брошюры, но не указано, где и когда она была опубликована. Первая глава, посвящённая «истокам масонства», не содержит ничего, кроме пересказа некоторых из наиболее расхожих глупостей о тамплиерах и розенкрейцерах; в лучшем случае это — работа из третьих или четвёртых рук.

— В «оккультистском разделе» г-н Анри де Гийбер продолжает свои исследования по «Еврейскому вопросу», которые по-прежнему полны самых поразительных утверждений: так (в номере от 1 августа), мы читаем, что, «дабы овладеть божественным, посвящённый претендует на использование одного лишь своего разума», в то время как подобная претензия, напротив, является прямо-таки отличительным признаком «профанов», и что «посвящённым», в истинном смысле этого слова, может считаться только тот, кто задействует определённые сверхрациональные способности. В той же статье в качестве особенно «разоблачительного» «инициатического документа» преподносится таблица, за-

имствованная из труда г-на Пьера Пиобба, не выражающая ничего, кроме некоторых личных концепций автора, каковые, какими бы изобретательными они ни были, не имеют ни малейшего традиционного характера. В следующей статье (номер от 1 сентября) приводится «социологическая» интерпретация герметической формулы *Solve coagula*, превосходящая по своей фантастичности всё, что вообще можно вообразить; здесь нашлось бы множество и других вещей, заслуживающих упоминания, но мы вынуждены ограничиться сказанным. Отметим, однако, ещё одну фактическую ошибку, состоящую в объявлении евреями (всё так же в угоду определённому тезису) таких протестантов, как Шлейермахер и Гарнак, не говоря уже об утверждении, согласно которому Ренан якобы «практически обратился в иудаизм», хотя всем известно, что на самом деле он стал чужд всякой определённой религии, сохранив лишь смутную религиозность, которая, впрочем, не имела ничего иудейского, но была в его случае просто-напросто последним остатком «десакрализованного» христианства.

— В том же номере от 1 сентября г-н А. Тараннес (автор статьи о Драконе, о которой мы говорили в нашей предыдущей хронике) рассматривает «Некоторые символы смешанного масонства», которые он претендует истолковать в самом грубом «натуралистическом» смысле; поразительно, что люди, предающиеся подобного рода забавам, похоже, не подозревают, что некоторые противники католицизма без тени смущения применяют ту же самую систему к его символам и обрядам; это им равно удаётся, и это в точности так же ложно в одном случае, как и в другом. В этой статье всё ещё есть несколько забавных недоразумений: инициалы названия одной степени были приняты за согласные её «священного слова» (что доказывает незнание ими этого слова), а «возраст» той же степени — за номер другой, что привело к приписыванию последней «батареи» первой. Автор заявляет, что оставляет на потом расшифровку так называемого «масонского квадрата», который, видимо, поставил его в ту-

пик; так вот, избавим же его от этого труда: то, что в нём содержится, — это просто-напросто *I.N.R.I.* и *Pax vobis*.

— Наконец, всё в том же номере имеется одна весьма забавная небольшая заметка относительно эмблемы организаций Красного Креста: там утверждается, что «вместо "Красный Крест" можно было бы с таким же успехом написать "Роза-Крест Женевы"»; рассуждая так, и правда легко стать розенкрейцером… или по меньшей мере сойти за него в глазах редакторов *R.I.S.S.*!

Декабрь 1929 г.

— В журнале *Études* (номер от 20 сентября) мы отмечаем статью П. Люсьена Рура, озаглавленную «Почему я не оккультист», которая претендует на то, чтобы быть ответом на недавнюю книгу г-на Фернана Дивуара «Почему я верю в оккультизм». Эта статья, изобилующая путаницей, доказывает, прежде всего, что её автор не понимает, что такое аналогия, каковая никогда не означала ни внешнего сходства, ни тождества, и что в вопросах астрологии и алхимии он придерживается тех же самых ошибочных представлений, что и большинство современников.

Январь 1930 г.

— *L'Astrosophie* публикует начало исследования г-на Марка Семёнова под названием «Блаватская, Библия, Веды и Христос»; это название порождает ощущение путаницы, которое сама статья отнюдь не опровергает; в частности, в ней присутствуют цитаты из ведических текстов, которые «подогнаны» таким образом, что создаётся впечатление, будто читаешь отрывки из печально известной книги «Космическая традиция» [Макса Теона].

Январь 1931 г.

— В журнале «Голубой лотос» (сентябрьский номер), под заглавием «От магии к науке», г-н Альфред Мейнар адресует профессору Шарлю Рише несколько справедливых утверждений по поводу критики, которой тот подверг книги г-жи Давид-Неель в *Revue Métapsychique*; мы можем лишь согласиться. Там же есть весьма меткая фраза о некоторых «более или менее американских школах», которые являются просто «карикатурой на йогу», но как же неосторожно говорить подобное на страницах органа Теософского общества! В том же номере — довольно путаная статья д-ра Э. де Хенселера об «Ангелах»; на эту тему можно было бы сказать многое, но кто сегодня ещё хоть что-то понимает в ангелологии? Что касается идеи превратить Иегову в «одного из семи архангелов», которой и завершается упомянутая статья, — это чистейшая фантазия. — В следующем номере (октябрь) тот же автор пишет об «Инициатических центрах», имея о них весьма специфическое представление; нам так и не удалось обнаружить, что же в них «инициатического».

— Журнал «Роща Изиды» (*Hain der Isis*) (номера за август-сентябрь и октябрь) по-прежнему выступает главным образом как орган учеников и сторонников Алистера Кроули. — Отметим в этой связи, что было объявлено об исчезновении последнего: якобы он добровольно утопился в Португалии 24 сентября прошлого года; подтверждено ли это известие — нам неизвестно.

— В том же духе: новый «орган магического действия», на этот раз французский, под названием «Стрела» (*La Flèche*), начал выходить 15 октября; это издание пока представляется несколько сомнительным; подождём продолжения, чтобы высказаться определённее.

— Мы получили первые два номера журнала «Каодайское обозрение» (за июль и август) — органа новой религии, возникшей в Индокитае и являющей собою странную смесь буддизма, даосизма (совершенно непонятого, разумеется), конфуцианства, христианства и… спиритизма; при этом спиритизма несколько особого рода — такого, в котором сам Бог диктует свои послания посредством «корзинки с клювом» (*sic*). Как выясняется, основатели и иерархи этой религии — сплошь чиновники, получившие французское образование; нас это нисколько не удивляет: перед нами, несомненно, плод западного влияния.

Февраль 1931 г.

— В «Каодайском обозрении» (сентябрьский номер) мы видим, что помимо секты, органом которой оно является, ещё несколько других (*Минь-Ли*, *Минь-Тан*, *Минь-Тхиен*) также «возникли из спиритизма за последние годы» в Индокитае. Нам также известно, что в Китае и Японии под влиянием западных идей тоже появилось несколько странных религий; где же этому беспорядку положен предел? Октябрьский номер наглядно показывает, до какой степени «каодаисты» вестернизированы: он содержит статью о *Гуань-инь*, написанную целиком по европейским востоковедам, и другую, совсем краткую, о Дао, в которой цитаты из Лао-цзы взяты из наименее серьёзного из всех французских переводов!

— Нам попались в руки первые номера «Бюллетеня братства Полярных», начавшего выходить в мае прошлого года; их содержание совершенно ничтожно, и если таков результат сношений с «великими посвящёнными» Гималаев или откуда-либо ещё, это просто жалко. Мы и не упоминали бы об этом вовсе, если бы не узнали, что в данной организации питают досадную склонность ссылаться на наше имя в качестве рекомендации людям, которых хотят в неё завлечь, — а это обязывает нас внести ясность. В действительности мы отчасти наблюдали за проявлениями гадательного метода, именуемого «оракулом астральной силы», в то время, когда об основании группы, опирающейся на «учения», полученные этим путём, и речи не было; поскольку в этом было коечто, казавшееся довольно загадочным, мы старались разобраться, задавая определённые вопросы доктринального свойства, — однако получали лишь уклончивые и туманные ответы; пока наконец новый вопрос не повлёк за собой (по

истечении весьма долгого времени и невзирая на всю нашу настойчивость) откровенную нелепицу; с того момента у нас сложилось определённое представление об инициатической ценности гипотетических вдохновителей — единственном занимавшем нас во всей этой истории вопросе. Именно тогда, как нам помнится, в промежутке между этим последним вопросом и ответом на него впервые зашла речь об образовании общества, наречённого вычурным именем «Полярных» (если и можно говорить о «полярной», или гиперборейской, традиции, то применять это наименование к людям — уже смешно, тем более что они, по всей видимости, знают об этой традиции лишь то, что мы изложили в своих трудах); мы категорически отказались, невзирая на многочисленные обращения, не только вступить в эту организацию, но и одобрить или поддержать её каким бы то ни было образом, тем более что правила, продиктованные «методом», содержали невероятные ребячества. С тех пор мы узнали, что немногие серьёзные люди, поначалу давшие согласие, не замедлили из неё выйти; и мы не удивились бы, если бы всё это в конечном счёте свелось к вульгарному спиритизму. Нам жаль, что некоторые из традиционных идей, изложенных нами в «Царе Мира», оказались использованы здесь, — но мы ничего не можем с этим поделать; что же касается самого «метода», то для тех, кто читал написанное нами выше о «науке о буквах», будет нетрудно понять, что перед нами не что иное, как пример того, во что превращаются обрывки подлинного и серьёзного знания в руках людей, завладевших ими, не понимая в них ровным счётом ничего.

Март 1931 г.

— В декабрьском номере журнала «Голубой лотос» статья о «Джордано Бруно», переведённая из «Теософиста», открывается заявлением, которое нельзя не отметить: «Г-жа Анни Безант в последнее время не раз показывала, что одна из важнейших обязанностей Теософского общества — распространять понимание реинкарнации.» Далее вопреки всякому правдоподобию утверждается, что «доктрина реинкарнации составляет ядро мысли и замыслов Джордано Бруно в той мере, в какой они раскрываются его трудами»; и на основании этого анахроничного истолкования провозглашается существование «великого духовного сродства», которое-де доказывало бы, что сама г-жа Безант является перевоплощением Джордано Бруно!

Май 1932 г.

— В «Новом французском обозрении» (номер от 1 февраля), под заглавием «Постановка и метафизика», г-н Антонен Арто излагает порой несколько путаные, но интересные взгляды, которые можно рассматривать как своего рода иллюстрацию к тому, что мы недавно говорили здесь же о деградации, превратившей западный театр в нечто сугубо «профанное», тогда как театр восточный всегда сохранял свою духовную ценность. Удивительно, что слово «символизм» ни разу не произносится в этом исследовании, хотя именно оно многое в нём прояснило бы, — ведь речь идёт именно о применении символизма к театральному искусству: использование множества средств помимо слов не служит никакой другой цели. С другой стороны, нам неизвестно, почему нам была приписана (да ещё и взята в кавычки) фраза, которую мы никогда не писали; не то чтобы мы не могли одобрить заключённую в ней мысль, насколько мы её понимаем, — однако выражения, в которых она изложена, совершенно чужды нашему словарю; и, кроме того, мы никогда не могли бы говорить «мы», имея в виду западных людей.

— Недостоверно, но куда менее безобидно, высказывание, которое приписывает нам г-н Поль ле Кур, может быть, уже в двадцатый раз, в журнале «Атлантида» (номер за январь-февраль); правда, с его стороны мы уже ничему не удивляемся после того как видели, как два имени собственных, несколько раз написанные на стене, могут, по его мнению, превратиться в… приблизительно латинскую фразу. Впрочем, для того чтобы вложить кому-нибудь в уста то, чего он никогда не говорил, а порой и прямо противоположное тому, что он имел в виду, большого воображения не требует-

ся: достаточно вырвать часть фразы из контекста — и тому есть знаменитые примеры (*Qāla Allāhu taʿālā: fa-waylun li-l-muṣallīn…*)[A]. Как бы то ни было, г-н Поль ле Кур посвящает в этом номере не менее двух статей нападкам на нас: сначала по поводу работы «Символизм Креста», которую он берётся рассматривать по-своему (или, вернее, в духе «Иерона» из Паре-ле-Моньяля: *Aor-Agni* и прочие известные фантазии), а затем по поводу герметизма и некоторых наших статей из журнала «Вуаль Исиды». Он даже призывает в свидетели всех тех, кто ничего не понял в написанном нами; если бы он знал, до какой степени нам безразлична эта «критика», профанная и заведомо некомпетентная в инициатических вопросах! Мы пишем, чтобы наставить тех, кто способен понять, а не для того, чтобы снискать одобрение невежд; и то, что мы делаем, не имеет ничего общего с литературой — сколько бы г-н Поль ле Кур ни смешивал герметизм с эстетикой и ни упражнялся в подсчёте слов в наших предложениях (что, по всей видимости, помешало ему заметить, что в работе «Символизм Креста» мы говорили о геометрическом представлении в трёх измерениях и о неограниченном сфероиде, — ведь он упрекает нас именно в том, что мы ничего подобного не сказали!). Он воспроизводит также против нас письмо некоего г-на Альвара, в котором мы, кажется, узнаём бывшего «почитателя» г-жи Блаватской (см. «Теософизм», стр. 58); поскольку мы уже дали на него косвенный ответ в статье прошлого месяца, возвращаться к нему не будем. Однако мы не простили бы себе, если бы не отметили новую лингвистическую находку г-на Поль ле Кур: он с серьёзным видом утверждает, что «слово "христианин" есть развитие слова "крест"»; но что сказать о человеке, который, по-видимому, считает, что латинский язык произошёл

[A] «Аллах Всевышний сказал: горе молящимся», Коран 107:4. Аят вырван из контекста, что создаёт полностью искажённое представление; следующий аят (107:5) уточняет: «которые о молитве своей небрегут». На этом примере Гюнон показывает, как произвольное цитирование искажает смысл — прим. М. Маковчика.

от испанского, — раз он пишет, что «*hermoso* по-испански стало *formosus* по-латыни»? Что касается нашей статьи «Язык птиц» (а не «Речь птиц»), мы в полной мере отстаиваем всё, что сказали там о происхождении и первоначальном значении латинского слова *carmen*, — невзирая на странную и весьма далёкую от «нормальной» этимологию, которая была «подсказана» г-ну Полю ле Куру и которая, быть может, «способна произвести впечатление на некоторые умы, лишённые критического чутья»; и, откровенно говоря, какой вес могут иметь для нас утверждения ориенталистов? С другой стороны, если мы говорили об этих птицах как о символах ангелов, то потому, что исламская традиция в этом отношении категорична; мы не высказываем индивидуальных мнений и знаем лишь то, что говорит традиция. Речь шла именно о «языке птиц» (Коран прямо говорит: *manṭiqa aṭ-ṭayri*)[Б], но отнюдь не о «пении птиц», которое может иметь иное значение, однако в данном случае вопрос не о нём; поистине, наш оппонент «не представляется нам правомочным говорить об этих вещах». Пожелаем всё же, чтобы более или менее блестящие вариации, которым он в этой связи предаётся, не стали для него… «полем знака»! В самом деле, если возможно, что мы «вызываем улыбку» у некоторых невежд, мнящих себя весьма проницательными, то г-н Поль ле Кур, в свою очередь, вызывает у нас самый искренний смех; а таких поводов слишком мало в эту унылую конечную пору Кали-Юги, чтобы мы не были ему за это признательны. *Rabbu-nā yukhallik, yā bafūna!* [«Да хранит тебя Господь наш, о шут!»].

[Б] Коран 27:16 — «*ʿullimnā manṭiqa aṭ-ṭayri*» («был я научен языку птиц»), слова Сулеймана. В названии работы слово *langue* (фр. «язык»), а не *langage* («говорение», «крики», «пение»), что принципиально меняет смысл — прим. М. Маковчика.

Июнь 1932 г.

— В *Revue Spirite* (апрельский номер) опубликована статья г-на Гастона Люса под заглавием «Восток против Запада» (в нынешних обстоятельствах обратное название лучше бы отражало действительность); автор апеллирует, как и следовало ожидать, к авторитету Гобино и г-на Анри Массиса… Итак, спириты, так сказать, «официально» примыкают к антивосточной кампании; это нас отнюдь не удивляет!

Июль 1932 г.

Ввиду глупых или нелепых слухов, отзвуки которых неизменно доходят до нас, мы считаем необходимым предупредить: относительно нас не следует верить ничему, кроме того, что написано нами самими.

Ноябрь 1932 г.

— В июньском номере мы задали вопрос о таинственной смерти «д-ра Г. Мариани»; поскольку ответа до сих пор не последовало, мы полагаем, что настало время изложить некоторые подробности. Эта смерть, которой *R.I.S.S.* уделил лишь весьма двусмысленный намёк, была публично объявлена в фельетоне газеты *Liberté* — своего рода «беллетризованном» расследовании, в духе нынешней моды и «подноготной современного оккультизма», принадлежащем двум авторам, из которых по меньшей мере один, близкий друг «Мариани», прекрасно знаком со всеми нашими трудами (значение этого замечания станет ясно далее). В номере от 25 марта, в ходе воображаемого диалога между двумя соавторами, речь заходит о «Царе Мира», который, как говорят, «разительно напоминает «Князя мира» Евангелий»; и нам приходится на минуту остановиться, в удивлении от этой подмены: Евангелия никогда не говорили о «Князе *мира*», но говорили о «Князе *мира сего*» — а это настолько разные понятия, что в некоторых языках для их выражения пришлось бы прибегнуть к двум совершенно различным словам (так, по-арабски «мир» — *al-ʿālam*, а «мир сей» — *ad-dunyā*). За этим следует такая фраза:

> «Недавняя смерть молодого человека, который посвящает себя попытке раскрыть истину именно по этому вопросу, — я говорю о своём старом друге Гаэтане Мариани, — доказывает, что вопрос опасен; он, должно быть, слишком много знал!»

Утверждение достаточно определённое, невзирая на оговорку, при которой говорится о покойнике в настоящем времени: «посвящает себя…»; кроме того, для тех, кто не знает,

кто такой «Мариани», сноска поясняет, что он является автором… нашего собственного исследования «Царь мира», о котором тщательно уточняется, что это «очень редкая книга», — и действительно, она полностью разошлась! Правда, в номере от 18 февраля наше «Заблуждение спиритов» с не меньшей странностью приписано некоему воображаемому персонажу по имени «Герино»! Поскольку наши книги подписаны «Рене Генон», элементарная корректность требует, чтобы, когда о них говорят, это имя воспроизводилось как есть — хотя бы во избежание какой-либо путаницы; и, разумеется, будь они подписаны… *Абул-Хавль*[А] (пусть «Б∴ Фомальгаут»[Б] содрогнётся от ужаса в своей могиле), было бы совершенно то же самое. — Это ещё не всё: нам сообщили, что те, кто распускал слухи о смерти «Мариани», объясняли её крушением гидроплана в море в конце прошлого декабря, вблизи порта, где он проживал; но… у нас были веские причины вспомнить в этой связи о мнимом самоубийстве Алистера Кроули, которого море тоже якобы поглотило в своих волнах… Действительно, другие сведения из весьма надёжного источника давали нам знать, что жертва (или, точнее, одна из двух жертв) упомянутой катастрофы имела в самом деле много сходных черт с «Мариани»: то же имя с разницей в одну букву, разница в возрасте менее года, одинаковое звание, одно место жительства; и всё же это был отнюдь не сам «Мариани» в действительности. Следует, по всей видимости, признать, что этот поразительный набор совпадений был использован в некоей цели, которая остаётся неясной; и нам не следует забывать добавить, что в довершение всей путаницы тело жертвы так и не удалось обнаружить! Итак, речь идёт, по всей видимости, лишь о мрачной

[А] *Abū al-Hawl*, ар. «Отец ужаса», арабское название сфинкса — прим. М. Маковчика.

[Б] *Fomalhaut* — псевдоним Пьера-Шарля-Адольфа Никулло (1854-1925). Сотрудник журнала «Международный обзор тайных обществ» (*R.I.S.S*). Автор книг «Инициация в тайных обществах: масонская инициация». Неустанно разоблачал воображаемый «всемирный масонский заговор»; под псевдонимом *A. Martigue* в 1914 г. вёл кампанию против Генона — прим. М. Маковчика.

комедии; если так — была ли она разыграна самим «Мариани» или… другими, и с какими странными целями? И «Международный обзор тайных обществ» — оказался ли он обманут или был причастен к этому фантасмагорическому «исчезновению» своего сотрудника? Мы задаём эти вопросы отнюдь не ради пустого удовольствия распутать нити некоего «детективного романа»; придётся ли нам, дабы получить ответ, в конце концов решиться назвать открытым текстом имена героев этой неправдоподобной истории?

P.S. — Просим наших читателей принять к сведению: 1° что, никогда не имея «учеников» и неизменно отказываясь их иметь, мы не уполномочиваем никого принимать это звание или приписывать его другим и самым решительным образом опровергаем любые обратные утверждения, прошлые или будущие; 2° что, как логическое следствие этой позиции, мы равным образом отказываемся давать кому бы то ни было частные советы, полагая, что это не может быть нашей ролью по многим причинам, и посему настоятельно просим наших корреспондентов воздерживаться от вопросов подобного рода — хотя бы для того, чтобы избавить нас от неприятной необходимости отвечать отказом; 3° что столь же бесполезно запрашивать у нас «биографические» сведения о нас самих, поскольку ничто из того, что касается нас лично, не принадлежит публике, — да и, впрочем, подобные вещи не могут представлять для кого бы то ни было ни малейшего подлинного интереса: только учение имеет значение, а перед ним индивидуальности не существуют.

Январь 1933 г.

25 ноября.

Господин управляющий!

Я прочёл заметку, которую г-н Генон опубликовал в вашем журнале, и считаю своим долгом дать свой комментарий, та как вплоть до прошлого года был сторонником покойного Г. Мариани.

Вот хронологическое изложение фактов; направляю его вам, дабы столь ничтожный вопрос более не отвлекал вашего сотрудника (которым я восхищаюсь) от интеллектуальной деятельности, ибо я волен был бы ответить «во время и в месте по моему выбору» или даже вовсе отклонить любой вопрос, касающийся моей «индивидуальности», по его собственному примеру. Добавлю, между прочим, что я удивлён, но не встревожен, видя, как г-н Генон грозит опубликовать моё имя: я сам всегда воздерживался от раскрытия «индивидуальностей», которые скрывались (порой успешно) под теми или иными псевдонимами, когда был обязан этим знанием лишь собственным изысканиям; между тем в данном случае г-н Генон знает это из добровольного письма с моей стороны.

Я располагал всё меньшим временем, чтобы… «одалживать» свою индивидуальность Мариани, когда, в точности 23 сентября 1931 года, это стало для меня невозможным. Тогда я передал монсеньору Жуэну, с которым, впрочем, продолжал поддерживать самые почтительные отношения, свои последние заметки, прося его, если он ими воспользуется, поручить их редактирование и подписание одному из своих сотрудников; что было сделано не очень хорошо, и так появилась статья, подписанная *G. M.*, что неизбежно должно

было способствовать усилению путаницы, которую я с удовольствием превратил в мистификацию.

В конце декабря, действительно, произошёл печальный несчастный случай, в котором исчез мой тёзка. По причине сходств, отмеченных г-ном Геноном, возникло несколько недоразумений: одно из них стало источником ложных сведений, дошедших до него. Когда меня об этом известили, я посмеялся и, пользуясь тем, что введённый в заблуждение осведомитель не знал, как выйти из тупика, переслал г-ну Генону газеты, где описывался этот несчастный случай. Впрочем, я ни от кого не делал тайны из этой махинации и не думаю, что следует искать иное происхождение тех *сведений из весьма надёжного источника*, которые в конце концов вывели г-на Генона из заблуждения, чего я, впрочем, всегда и ожидал.

Да и что мне было до того, коль скоро двойная *цель*, которую я преследовал (столь малозначительная, что я не пытался её скрыть) была достигнута. С одной стороны, это ознаменовало конец моего сотрудничества с *R.I.S.S.* (у меня так мало времени на продолжение критики «высоких наук», что я даже перестал читать ваш обзор, что является лучшим показателем). С другой стороны, это был небольшой эксперимент по определению масштаба «способностей», которыми, по вашим собственным словам, обладает господин Генон. Я осведомлён: это «истинный человек», приближённый к доверенным лицам Царя мира, его поверенный в вопросе несчастного Запада, оказался обманут довольно грубой мистификацией. Более того: привыкший, за неимением иной *способности*, грозить своим противникам вульгарной *синей бумажкой*, он уверовал, что этот владыка наконец лично взял его под защиту и чудовищным обратным ударом испепелил наглеца. Если обратный удар и был, то выразился он в улучшении моего материального положения, исцелении от тяжёлой болезни и прибавке в весе на 15 килограммов. С этой оговоркой (повредившей моей фигуре) прошу передать г-ну Генону, насколько я ему признателен. Но скажите

ему также, что эта маленькая шутка, за которую я несу личную ответственность и к которой, в частности, *R.I.S.S.* осталась совершенно непричастна, если и породила во мне некоторый скепсис в отношении его *способностей* и связей на высоком уровне, нисколько не затронула моего глубокого восхищения к учёному философу, каковым он умеет так часто быть.

Что же до моего несчастного однофамильца, которого, мёртвого, я собой подменил, — при жизни он был слишком весёлым малым, чтобы держать на меня зло.

бывш. Г. Мариани.

Париж, 6 декабря 1932 года.

Господин управляющий!

Г-н Рене Генон в журнале «Вуаль Исиды» за ноябрь 1932 года публикует критику нашего расследования, появившегося в феврале-марте текущего года, о подноготной современного оккультизма. Мы рады ответить на различные вопросы, которые г-н Рене Генон столь любезно нам задаёт, и потому просим вас, в силу права на ответ, определённого законом от 29 июля 1881 года, опубликовать это письмо полностью в вашем номере за январь 1933 года.

1. Из нас двоих друг Г. Мариани — это Пьер Мариель.

1. Князь *мира сего*? Князь *сего* Мира? Наше расследование не ставило себе целью разрешать столь тонкие вопросы экзегезы. Оно надеялось лишь показать широкой публике опасности и нелепости современного оккультизма.

1. Да нет же, Мариани опубликовал в Издательстве *R.I.S.S.* брошюру под названием «Царь мира и Христос-Царь». В нейтральной газете, даже при благожелательном нейтралитете, невозможно было говорить о Христа-Царя.

1. «Заблуждение спиритов» некоего Геринона[A]? Простая опечатка. Наборщики часто рассеянны, особенно в еже-

[A] *Guérinon* — намеренно искажённое написание фамилии Рене Генона, вероятно для избежания возможных претензий. — прим. М. Маковчика.

дневной газете, где автор не имеет возможности сам править свои гранки! Ошибка, чисто материальная, будет вскоре исправлена, когда расследование выйдет отдельным изданием.

1. Мариани мёртв или жив? Любопытство к этому со стороны г-на Генона удивляет нас, т.к. он написал в «Вуаль Исиды» № 143, стр. 700: «Впрочем, если нас и далее будут донимать личностью Рене Генона, мы в конце концов в один прекрасный день вовсе её упраздним», — и в том самом номере, где он критикует наше расследование: «только учение имеет значение, а перед ним индивидуальности не существуют».

Установив эти пункты, да будет нам позволено троекратно удивиться. Во-первых, вопреки всем правилам собратского обхождения, г-н Генон цитирует наше расследование, не называя его авторов.

Далее, одной из преследуемых нами целей была борьба, как это делает г-н Генон во всём своём творчестве, с оккультистской ментальностью. Не на пользу нам пошло то, что мы предложили ему поддержку наших слабых средств. Наконец, мы замечаем, извлекая из этого урок, что безмятежность и кротость не входят в число атрибутов Адепта.

Благоволите принять, господин управляющий, выражение нашего глубокого уважения.

Жан д'Агрэв	Пьер Мариель
7, rue des Eaux (16-й)	1, square Charles-Laurent (15-й)

Письмо г-на Б. (бывш. Мариани) — именно то, чего мы добивались: мы видим признание в «мистификации» и «махинации», которые не стоит судить слишком строго; возможно, их автор сам видит в этом лишь мрачную студенческую выходку, но мы, со своей стороны, видим тут нечто совершенно иное — печать *сатанинского* вдохновения, которое, при всей своей неосознанности, не менее отчётливо; и это подтверждает, что г-н Б. (бывш. Мариани), как и многие дру-

гие, послужил «орудием» для *чего-то*, о чём он, без сомнения, совершенно не подозревает.

Установив это, нам надлежит исправить ряд ошибок; и прежде всего, неверно, будто имя г-на Б. стало нам известно из письма, которое он нам направил, по той простой причине, что мы никак не смогли разобрать подпись под этим письмом; на деле о личности этого персонажа мы узнали от одного коллег по журналу «Вуаль Исиды». Также неверно, будто его о мнимой смерти нам сообщил «введённый в заблуждение осведомитель»; это сделал его друг г-н Пьер Мариель, который, очевидно, прекрасно знал что происходит, и которого мы посему должны считать сообщником этой «махинации». Письмо, в котором мы просили у г-на Пьера Мариеля дополнительных объяснений, разминулось с присылкой газет от г-на Б., — присылкой, которая, следовательно, была сделана им прежде, чем он мог узнать, что мы подумаем об этой новости; точнее, всё это относится к апрелю, а заметка, в которой мы задавали вопрос о «несчастном случае», появилась лишь в июне. Наконец, неверно, будто «сведения из весьма надёжного источника», дошедшие до нас впоследствии и о происхождении которых нам нет нужды осведомлять г-на Б., имеют хоть малейшее отношение к его собственной болтовне о его «мистификации»; они лишь превратили в уверенность, с доказательствами в подтверждение, то сомнение, которое мы весьма ясно выразили, написав в июньской заметке: «Мы всё же не хотим предполагать, что речь идёт лишь о притворной смерти… на манер мнимого самоубийства Алистера Кроули!» Умей г-н Б. хоть немного читать между строк, он, конечно, не мог бы поверить в успех своей зловещей шутки!

Что до конца письма, мы могли бы им пренебречь, не будь он весьма поучителен в отношении ментальности г-на Б.: качества, которые он нам приписывает, он почерпнул из своего воображения, если не из отголосков некоторых из тех глупых россказней, против которых нам пришлось предостеречь читателей в июле прошлого года. Уж конечно, мы

никогда не именовали себя «истинным человеком» или похвалялись «личными отношениями» (!) с «Царём Мира» или с его «приближёнными» (?); мы вызываем кого угодно привести хоть единое наше слово, сколько-нибудь указывающее на подобное (равно как мы призываем, в ином роде, указать нам, где мы когда-либо грозили кому-либо «синей бумажкой» или бумажкой иного цвета); и к тому же гротескный характер таких утверждений вполне выдаёт их подлинный источник… Не мы также когда-либо притязали на обладание какими бы то ни было «способностями», и, даже будь правдой, что мы ими отягощены, мы и не подумали бы ими хвалиться, никогда не скрывая нашего совершенного презрения к этим детским игрушкам (мы даже намереваемся особо рассмотреть этот вопрос в одной из ближайших статей, чтобы раз и навсегда покончить с подобными нелепостями); «способности» заботят нас не более, чем «философия», ибо мы заняты только серьёзными вопросами. Всё это показывает, что мы имели более чем достаточно оснований предупредить, «что относительно нас не следует верить ничему, кроме того, что написано нами самими».

Что касается письма г-на Пьера Мариеля (его соавтор нам неизвестен и нисколько нас не интересует), мы должны прежде всего заметить, что вовсе не хотели сделать «критику» его расследования; мы просто упомянули о нём постольку, поскольку оно имело отношение к «делу Мариани», — а это совсем иное. Далее, если г-н Б. (бывш. Мариани) действительно опубликовал в *R.I.S.S.* направленную против нас статью под названием «Христос-Царь и Царь мира» (а не наоборот), и если именно из этой статьи мы с некоторым удивлением узнали, что «Царь мира» возложил на нас некую какую миссию, о которой мы до тех пор и не подозревали, — так или иначе, никакой «брошюры» под этим названием нет в списке трудов, изданных тем же *R.I.S.S.*; впрочем, статья, даже выпущенная отдельным оттиском, не составляет «книги»; и сверх того, когда цитируют сочинение или статью, будь то даже в «нейтральной» или даже враждебной га-

зете, ничто не может оправдать искажения названия, особенно когда заранее известно, что это способно породить путаницу; подобная отговорка поистине несерьёзна… Что же до «Геринона», то, поскольку это нелепое имя повторено дважды, поверить в «простую опечатку» несколько затруднительно; гораздо правдоподобнее предположить, что это искажение имело целью избежать некоторых возможных неприятностей (люди имеют привычку судить о других по себе, но этого труда можно было бы себе не давать, заметив, что мы никогда не посылали ни малейшего исправительного письма ни в одно из изданий, которые клевещут на нас и грубо нас оскорбляют, а их, видит Дьявол, немало!); и если «ошибка исправлена», нас это не удивит, ибо в другом издании подобная предосторожность не имела бы уже никакого смысла; добавим, не настаивая на этом далее, что другие, не менее причудливые «опечатки» скорее подтверждают этого предположение. С другой стороны, если мы не упомянули имени г-на Пьера Мариеля, то единственно из уважения к добрым отношениям, которые прежде нас с ним связывали; тем хуже, если он этого не понял; но что же это за «собратство», к которому он намерен взывать? Мы, насколько нам известно, не являемся ни журналистом, ни даже «литератором»; и, хотя мы, разумеется, можем лишь одобрить намерение «бороться с оккультистской ментальностью», то лишь при условии, что это делается серьёзными средствами, а не шутовством и выдумками уровня бульварного романа: и притом, к слову, отчего тот же г-н Пьер Мариель порой позволяет себе писать в листках, которые как раз и склонны распространять упомянутую ментальность? Наконец, отметим, что он не устоял, как и его друг, перед странной потребностью наделять нас воображаемыми качествами: мы вовсе не притязаем быть «адептом», и даже неопровержимое доказательство того, что мы таковым не являемся, — то, что мы пишем; мы умеем находиться на своём месте, сколь бы скромным оно ни было; но, раз уж зашла речь об «адептах», скажем, что, если им и присуща неизмен-

ная безмятежность, то по меньшей мере верно, что у них нет никакой «кротости» и не должно быть, ибо они не предаются сантиментам и всякий раз, когда это необходимо, являются неумолимыми вершителями правосудия!

Теперь мы оставим г-на Б. (бывш. Мариани) с его кораблями, а г-на Пьера Мариеля — с его романами, прося их, со своей стороны, более нами не заниматься; довольно об этих ничтожных статистах, и мы не думаем, что кто-либо, кроме г-на Пьера Мариеля, мог бы заблуждаться до такой степени, чтобы приписать нам «любопытство» касательно «личности» так называемого «Мариани». Причины наши были совсем иными, и есть по меньшей мере одна, которую мы можем сообщить тотчас же: а именно, что в отношении *R.I.S.S.* напрашивается некий вывод; но этот вывод сделаем не мы — мы попросту заимствуем его у парижской *Semaine Religieuse*, редакция которой в номере от 24 сентября прошлого года сопроводила некрологическую статью, посвящённую монсеньору Жуэну, заметкой, где говорилось, что «монсеньор Жуэн не всегда был в выборе своих сотрудников столь осмотрителен, как того можно было бы пожелать». Не говоря о других сотрудниках, о которых нашлось бы столько сказать… и пересказать, одних признаний г-на Б. (бывш. Мариани) было бы достаточно, чтобы оправдать эту оценку; и в то же время они немало способствуют «прояснению» той заметки, которую мы сами посвятили монсеньору Жуэну в октябрьском номере «Вуаль Исиды».

Итак, мы считаем это скверное дело окончательно улаженным, но не питаем иллюзий: несомненно, будут ещё и другие марионетки, которых предстоит разобрать, другие мистификации, которые предстоит разоблачить, прежде чем удастся вывести наконец на свет то, что скрывается за всем этим. Сколь бы неприятна ни была такая работа, она тем не менее необходима; и мы будем продолжать её столь-

ко, сколько потребуется, и в таких формах, какие окажутся уместны… *доколе не раздавим это змеиное гнездо!*[Б]

[Б] Вероятно это отсылка к новозаветному эпитету «порождения ехидны» («гадючьи отродья», фр. *race de vipères* / *engeance de vipères*), Мф. 3:7, 12:34, 23:33; Лк. 3:7 — прим. М. Маковчика.

Июль 1936 г.

— Журнал «Атлантида» (майский номер) публикует лекцию на тему «Вдохновение и профетизм», автор которой г-н Гастон Люс, судя по всему, полагает, что «ясновидение» и другие психические способности того же порядка «связывают нас с миром духа», и даже что их можно приравнять к «интуиции, рассматриваемой в её духовной и метафизической форме»; не путает ли он досадным образом «метафизику» с «метапсихикой»… и «дух» с «духами» или тем, что так называют?

— В различных заметках г-н Поль Ле Кур снова неоднократно упоминает об Иерон Валь-д'Ор[А], чей директор, по-видимому, «был наделён пророческим даром» (!), и «дело» которого он, по его словам, желает «продолжать»; зафиксируем эти утверждения, не ослабляя их ни малейшим комментарием… и без спешки дождёмся прихода «эры Водолея»[Б]!

[А] Иерон Валь-д'Ор (фр. *Hiéron du Val d'Or*, также известный как Иерон де Паре-ле-Мониаль / *Hiéron de Paray-le-Monial*) — это религиозно-эзотерический исследовательский центр и исследовательский институт-музей, существовавший во Франции в конце XIX — начале XX века.

[Б] Вероятно, впервые об «Эре водолея» в 1890 г. написал Огюст Вандекеркове (писавший под псевдонимом *S. U. Zanne*), спирит, автор конкурирующей с теософизмом «космософии», книг про Атлантиду, древних евреев, «сексуальную магию». Это понятие было синонимом «Новой эры» [*New age*]. Разумеется, подобные измышления не имеют реального доктринального основания и являются просто спекуляциями на неверно понятых традиционных идеях, над чем и иронизирует здесь Генон — прим. М. Маковчика.

Июнь 1937 г.

Мы получили новое издание под названием «Ключ», ежемесячный журнал, издаваемый «Группой приората Базенвиля», как и книга «Ключ», о которой мы ранее писали. Поскольку г-н Ж. Барбарен, очевидно, является одним из главных членов упомянутой группы, мы не удивлены, что здесь снова встречаем истории о «Великой пирамиде» и «коленах Израиля»; есть также ещё одна история о «доисторических табличках», якобы происходящих с исчезнувшего континента Му (также называемого Лемурией), которая также имеет английское происхождение и, похоже, не менее сомнительна… Среди других статей мы отметим ту, в которой хатха-йога определяется как «наука о здоровье тела», как это модно сейчас на Западе, и в которой даже есть рецепт «йогической ванны» (*sic*).

Февраль 1938 г.

Журнал «Действие и мысль» (декабрьский номер) содержит статью г-на Жана Эрбера под названием «Метафизика и психогогия»; последний термин позаимствован из самой программы журнала, где в этой связи обнаруживается поистине невероятная смысловая ошибка: слово *psyche* переведено там как «дух»; можно задаться вопросом, что вообще может означать «руководить духом», тогда как в действительности всё совершенно наоборот: именно дух с необходимостью руководит всеми вещами! На самом деле, разумеется, речь здесь идёт вовсе не о духе, и именно поэтому данная «психогогия» не имеет никакого отношения — ни по своей области применения, ни по своей цели — к индусским методам *йоги* или иным; мы уже достаточно высказывались в другом месте по поводу этой прискорбной путаницы, к которой здесь добавляется ещё и смешение метафизики с философией: подлинная метафизика, несомненно, не имеет ничего общего ни с «гипотезами», ни с какими-либо «верованиями»... Ещё один момент, на котором следует остановиться, касается необходимости *гуру*: г-н Эрбер не ошибается, полагая, что существуют «долгие подготовительные этапы, во время которых можно в очень широкой мере полагаться на письменные наставления подлинных учителей» (со всеми оговорками относительно возможности найти даже такие неискажённые наставления на Западе, и в особенности относительно качества «подлинного учителя», приписываемого Вивекананде); это, по сути, есть этап теоретической подготовки, который действительно может быть осуществлён самостоятельно: но что касается того, что должно последовать за этим, г-н Эрбер, похоже, сводит роль *гуру* исключительно к адаптации «техники» к каждому кон-

кретному случаю, тогда как его настоящая сущностная роль, та, что делает его вмешательство строго необходимым, состоит прежде всего в обеспечении регулярной инициатической передачи, о которой здесь нет ни малейшего упоминания. Наконец, примечание, отсылающее к «Мистической каббале» Дион Форчун, о которой мы недавно говорили, показывает, что г-н Жан Эрбер, к сожалению, недостаточно осведомлён о том, чего на самом деле стоят «западные дисциплины» подобного рода…

— Оставшаяся часть раздела, посвящённая «современной индусской философии», на этот раз содержит главным образом отрывки из различных сочинений Шри Ауробиндо, чьи намерения, безусловно, не имеют ничего общего ни с «психологией», ни с лечением нервных или психических заболеваний, ни даже с «наставлениями о жизни» в сугубо профанном понимании западных психологов.

— Журнал *Le Mercure de France* (номер от 16 ноября) публикует статью под заглавием «Философия и наука Дальнего Востока», написанную г-ном Нёити Сакуразавой (Джорджем Осавой), который несколько лет назад выпустил книгу на ту же тему, где в качестве «ключа» и «единого принципа» этой «философии» и этой «науки» (каковые, впрочем, как он сам признавал, не являются ни «философией», ни «наукой» в западном смысле этих слов) он представил «универсальный закон», являющийся не чем иным, как космологическим учением о двух взаимодополняющих принципах — *инь* и *ян*, чьи колебания и изменения производят все проявленные вещи с неопределённым множеством их модификаций. Это учение действительно находит своё применение в области всех традиционных наук; в данной статье автор ограничивается рассмотрением его применения в медицине; в его изложении есть интересные соображения, но имеется и некоторая путаница, вызванная прежде всего смешением современных западных концепций с традиционными данными; и это вновь подтверждает всё то, что мы так часто говорили

против иллюзорных сближений явлений, производных от радикально отличных точек зрения.

— В том же номере мы должны отметить также статью г-на Поля Вюльо о «Леоне Блуа, пророке и мученике», содержащую любопытные подробности об истоках «миссии», которой, как мнил этот странный персонаж, он был наделён; самое интересное во всей этой истории — то, что имеет прямое отношение к явлению в Ла-Салетте[A], которое представляет собой одно из тех событий с подозрительной «подоплёкой», примеры которых современная эпоха даёт в избытке, и которое, как отмечает автор, обнаруживает поистине странную связь с историей о «выживании» Людовика XVII — связью тем более примечательной, что так неизменно происходит со всеми подобными явлениями, происходившими на всём протяжении XIX века; поиск причин этого факта, несомненно, мог бы завести довольно далеко в область того, что можно назвать тайной историей нашего времени… С другой стороны, пресловутый «Секрет Ла-Салетта», очевидно вдохновивший гневные нападки Леона Блуа на католиков и, в частности, на духовенство, несёт на себе довольно чёткие «отметины» истинной природы «влияний», действовавших здесь; к тому же, наблюдая, как подобные вещи в различных формах имеют «продолжение» и в наши дни, позволительно счесть, что всё это отнюдь не внушает спокойствия; и отсюда становится понятным, отчего, в частности, нынешняя мода на те или иные мнимые «пророчества» должна вызывать некоторое беспокойство у всякого, кто не пребывает в полном неведении относительно «разветвлённых явлений» такого рода.

[A] Как утверждается, 19 сентября 1846 года во французских Альпах, близ деревни Ла-Салетт, двум детям-пастухам явилась плачущая Дева Мария. Явление было признано Католической церковью подлинным в 1851 году. Помимо открытого послания, детям якобы были переданы тайные пророчества — «Секреты». В 1879 году была опубликована «новая версия» такого «Секрета», которая представляет собой «мрачное, обновленное пророчество Апокалипсиса и яростное обвинение духовенства», позже эта версия попала в Индекс запрещённых книг Римско-католической церкви — прим. М. Маковчика.

Апрель 1938 г.

— В определённой среде, где уже какое-то время, как кажется, неким образом собираются разрозненные остатки прежнего оккультистского «движения», развернулась поистине любопытная атака против необходимости действенной и регулярной инициатической передачи — атака, разумеется, весьма удобная для всякого, кто не может сослаться ни на что лучшее, чем на «идеальное» приобщение, столь же непонятное, сколь и бесполезное! Дабы умалить ценность того, обладанием чем они похвастаться не могут, там рассуждают об «экзотерической инициации», что само по себе является противоречием в терминах; всякий инициатический обряд уже по своей природе и по определению есть эзотерический обряд; только для понимания этого следовало бы для начала не смешивать инициатическую передачу с экзотерической, такой, например, как церковные рукоположения; это вещи совершенно различного порядка, хотя каждая в своей собственной области и является в равной степени необходимой. И, чтобы усугубить путаницу, на один уровень ставят подлинные инициатические организации и некоторые из наихудших примеров «псевдоинициации», какие только можно найти… Но самое замечательное то, что эта отрицательская ярость доходит до оспаривания существования самой Примордиальной Традиции, и мы прекрасно догадываемся, почему: в сущности, неудобной для них оказывается сама преемственность ортодоксальных традиций, поскольку именно она сущностно подразумевает, в инициатическом порядке, ту самую «цепь», без которой они так хотят обойтись. Мы можем, без всякого преувеличения, отнестись к таким людям так, как они сами относятся к изучению традиционных учений. Они, несомненно, предпочитают оста-

ваться в своём невежестве, ведь это для них гораздо удобнее и менее утомительно. Всё, что они могут предпринять в поисках мнимой инициации в тумане «незримого» или же в… лунном мире, вне всякой земной «линии передачи», — «есть лишь тщетная потуга, безрезультатный труд, блуждание во мраке и ментальное ребячество»!

Январь 1948 г.

— Поскольку один из сотрудников журнала «Голубой Лотос» (номер за август-сентябрь 1947 г.) воспользовался недавней книгой нашего директора о «Графе Сен-Жермене» как предлогом для довольно неожиданных и весьма неуместных нападок в наш адрес, мы должны со всей определённостью заявить: вокруг нас не существует никаких «кружков», ни больших, ни малых. Признавая исключительно подлинные традиционные организации, мы более решительно, чем кто бы то ни было, выступаем против всяких фантастических групп, к которым как раз и следовало бы применять слово «кружок». Кроме того, если где-либо и встречаются «сектанты», то их следует искать отнюдь не с нашей стороны, и мы с большой охотой оставляем на усмотрение теософистов и оккультистов всех мастей разбираться с их более или менее нелепыми байками о «белых» и «чёрных» магах, тем более что мы, конечно, не столь наивны, чтобы смешивать их разнообразные псевдоинициации с контринициацией!

Сентябрь 1948 г.

— Мы получили первый номер (июнь-июль 1948 г.) журнала «Тетради христианского символизма», выходящего в Брюсселе, намерения которого, безусловно, в высшей степени похвальны, поскольку он ставит целью содействовать восстановлению в Христианстве того знания символизма, которое в настоящее время столь забыто. К сожалению, там встречаются работы весьма разного уровня, некоторые из которых даже более чем спорны и способствуют скорее дискредитации обсуждаемых исследований: таковы, в частности, произведённые над некоторыми именами расчёты с присвоением латинским буквам цифровых значений, попросту соответствующих их порядковому номеру в алфавите, что уж слишком напоминает гадательную «нумерологию» некоторых оккультистов и не имеет вообще ничего общего с серьёзным символизмом. С другой стороны, мы замечаем (и даже задаёмся вопросом, всегда ли она сугубо непроизвольна), некую тенденцию к, если можно так выразиться, «замутнению» идей, путём смешения подлинного эзотеризма с его наиболее сомнительными подделками и искажениями и сведения всего к одному уровню; разве не приводит, например, один из сотрудников без малейших оговорок «изложение индусской космологической теории» мадам Блаватской, — при том, что у нас есть веские основания полагать, что ему прекрасно известно, с чем он имеет дело? Другой же ощутил потребность выступить против нас и, попутно осыпая нас множеством похвал, приписать нам «духовную установку, диаметрально противоположную христианскому духу»; поскольку наша установка в действительности строго и исключительно традиционна, нам следовало бы по логике сделать вывод, что сам христианский дух явля-

ется антитрадиционным; но у нас о нём, к счастью, лучшее мнение, и мы можем заверить автора этого непредвиденного «выпада», что мы «диаметрально противоположны» только современному духу, а это уж точно далеко не одно и то же, и что, напротив, мы осознаём себя пребывающими в совершенном согласии со всеми ортодоксальными традициями без исключения, включая христианство!